

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт Африки
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
Лаборатория мониторинга рисков
социально-политической дестабилизации

Системный мониторинг глобальных и региональных рисков

Ежегодник

Том 8 (2017)

Ответственные редакторы

*Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев,
К. В. Мещерина*

Волгоград: Учитель

Ежегодник «Системный мониторинг глобальных и региональных рисков»

Редакционный совет ежегодника: иностранный член РАН, доктор технических наук А. А. Акаев, доктор философии (*Ph.D.*) Д. Бейкер (Австралия), доктор исторических наук Л. И. Бородкин, доктор философии (*Ph.D.*) Г. Бэрри III (США), академик РАН, доктор исторических наук А. М. Васильев, доктор философских наук Л. Е. Гринин, доктор философии (*Ph.D.*) Т. Девезас (Португалия), доктор философии (*Ph.D.*) Г. Дерлугьян (ОАЭ), доктор философии (*Ph.D.*) А. Зайед (Египет), доктор политических наук М. В. Ильин, кандидат политических наук Л. М. Исаев, доктор философии (*Ph.D.*) Р. Карнейро (США), доктор исторических наук А. В. Коротаев (*председатель*), член-корреспондент РАН, доктор исторических наук Н. Н. Крадин, доктор технических наук С. Ю. Малков, доктор исторических наук, кандидат физико-математических наук С. А. Нефедов, доктор философских наук Н. С. Розов, доктор исторических наук И. В. Следзевский, доктор философии (*Ph.D.*) А. Тауш (Австрия), кандидат философских наук К. М. Труевцев, доктор философии (*Ph.D.*) П. В. Турчин (США), доктор философии (*Ph.D.*) П. Херрман (Ирландия – Венгрия), доктор технических наук С. В. Цирель, кандидат физико-математических наук Д. С. Шмерлинг, доктор философии (*Ph.D.*) Я. Яманучи (Япония).

Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина. – Волгоград: Учитель, 2017. – 344 с.

ISBN 978-5-7057-5281-2

Настоящий ежегодник представляет собой восьмой том «Системного мониторинга глобальных и региональных рисков», подготовленный в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ «Ближний и Средний Восток в контексте глобального фазового перехода» (руководитель – профессор А. В. Коротаев). Мониторинг глобальных и региональных рисков – многоаспектное научное направление, включающее в себя комплексное исследование экономических, политических, социальных, а также культурных особенностей развития того или иного региона.

Мы надеемся, что данный выпуск ежегодника будет полезен как специалистам, так и широкому кругу читателей, интересующихся глобальными процессами, кризисами, прогнозами мирового развития.

Материалы подготовлены в рамках
Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2017 г.

Издательство «Учитель»

400079, Волгоград, ул. Кирова, д. 143.

Формат 60×90/16. Печ. л. 21,5. Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, т. 8(499) 270-73-59.

Оглавление

<i>Акаев А. А., Васькин И. А., Кортаев А. В., Цирель С. В.</i>	Связь экономического роста, количественной экспансии образования и террористической активности: количественное кросс-национальное исследование	5
<i>Хохлова А. А., Кортаев А. В., Цирель С. В.</i>	Безработица и социально-политическая дестабилизация в странах Западной и Восточной Европы: опыт количественного анализа	37
<i>Гринин Л. Е., Малыженков С. В., Билюга С. Э., Кортаев А. В.</i>	О росте числа студентов как возможном факторе социально-политической дестабилизации: количественный анализ	83
<i>Кортаев А. В., Гринин Л. Е.</i>	Некоторые предпосылки генезиса современного исламизма: к сопоставительному анализу Ближнего Востока, Индии и Китая	100
<i>Гринин Л. Е., Билюга С. Э., Кортаев А. В., Гринин А. Л.</i>	Возраст государства и социально-политическая дестабилизация: предварительные результаты количественного анализа	141
<i>Гринберг Р. С., Кортаев А. В., Билюга С. Э., Быканова Д. А.</i>	К количественному анализу коррупции как фактора политической дестабилизации	170
<i>Иванов Е. А., Исаев Л. М., Шишкина А. Р.</i>	Центральная Азия. Риски транзита власти в стареющих режимах	186
<i>Иванов Е. А.</i>	О подходах к прогнозированию социально-политической нестабильности в Иране	203

<i>Замятнина Е. С.</i>	Образование и социально-политическая дестабилизация: систематический обзор	219
<i>Кобзева С. В.</i>	Электронное правительство: новые перспективы и риски демократического развития	233
<i>Ходунов А. С.</i>	Международные отношения и риски дестабилизации в странах бывшей Югославии: история и современность	258
Сведения об авторах	341

СВЯЗЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА, КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ЭКСПАНСИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ: КОЛИЧЕСТВЕННОЕ КРОСС-НАЦИОНАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ*

А. А. Акаев, И. А. Васькин,
А. В. Коротаев, С. В. Цирель

Проведенные количественные кросс-национальные тесты с использованием отрицательной биномиальной регрессии подтверждают наличие криволинейной зависимости между количественным охватом населения образованием и уровнем террористической активности. В наименее модернизированных в образовательном отношении странах рост уровня образования сопровождается значимой тенденцией к росту интенсивности террористической деятельности, и тенденция эта оказывается значимой при контроле на уровень экономического развития, тип политического режима, безработицу, неравенство и урбанизацию. При этом ярко выраженный экстремум приходится на относительно низкий, но не нулевой уровень количественного охвата населения образованием (в среднем 3–6 лет обучения). В более социально-экономически развитых странах дальнейший рост охвата населения образованием сопровождается значимой тенденцией к снижению уровня террористической активности. Эта тенденция также оказывается значимой при контроле на уровень экономического развития, тип политического режима, безработицу, неравенство и урбанизацию. Наиболее резкий спад отвечает среднему сроку обучения 7–8 лет. С одной стороны, проведенный количественный анализ позволяет сделать оптимистический вывод о том, что рост количественного охвата населения образо-

* Исследование выполнено в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Социально-математическое моделирование процессов повышения эффективности научных исследований и качества образования» при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-06-00476).

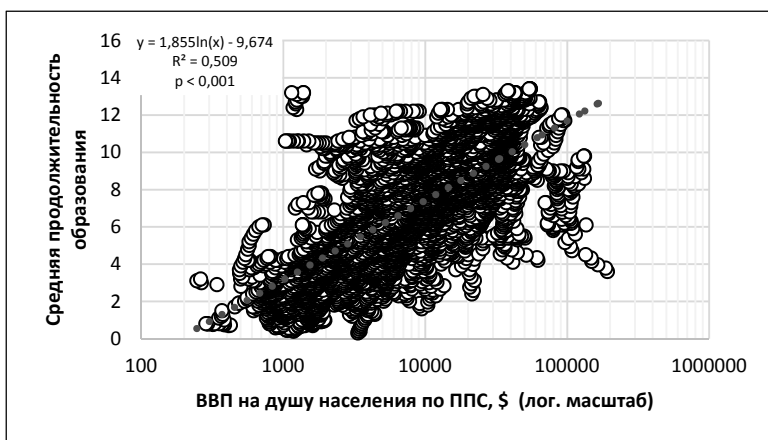
ванием по мере экономического развития средне- и высокоразвитых стран действительно может являться одним из факторов, ведущих к понижению уровня террористической активности в этих странах по мере роста подушевого ВВП. Проведенный анализ также показывает, что для снижения уровня террористической активности помимо роста образовательного уровня также существенны понижение уровня безработицы, экономического неравенства, распространение консолидированных демократических политических режимов и снижение количества факциональных конфликтных частичных демократий. В то же время нарастание экономического неравенства и уровня безработицы, неприятие меняющегося мира со стороны традиционалистских слоев населения, по-видимому, могут стать причинами роста уровня террористического насилия в странах первого мира, на что отчасти указывают Арабская весна, поднявшая протестную (включая террористическую) активность, в том числе в странах первого мира, распространение социального популизма, рост сепаратизма, вспышки немотивированных проявлений массового насилия.

Введение

Факторы терроризма были объектом большого количества исследований. В частности, рассматривались такие факторы, как экономическая депривация, экономическое развитие (Gurr 1970; Santos, Mendes 2006; Gries *et al.* 2011; Meierrieks, Gries 2012). Однако эти исследования не выявили всех факторов, влияющих на террористическую активность. Поэтому появилось другое направление, посвященное конфликтам идентичности как факторам терроризма (Filote *et al.* 2016; Python *et al.* 2017; Soeters 2005). В настоящее время исследования факторов терроризма представлены целым рядом направлений, которые подробно описаны в работе Тима Кригера и Дэниэля Мейерриекса (Krieger, Meierrieks 2011). Как промежуточный итог этих исследований отметим множественность факторов и обстоятельств, ведущих к терроризму, от социальной несправедливости до этнических конфликтов, последствий предшествующих вспышкам терроризма войн, массовых убийств, государственного террора, вызывающего жажду соразмерной мести и т. д. Многообразии и переменчивости мотивов террористической деятельности ставит задачу выявления основных закономерностей, разумеется, не охватывающих все случаи террористической активности, но являющихся основой для анализа и ранжирования факторов и причин терроризма.

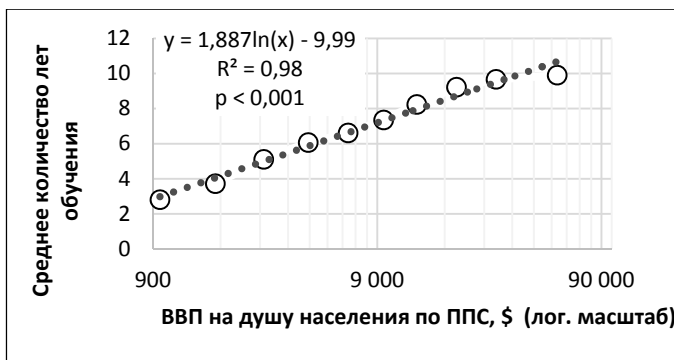
Особого внимания здесь заслуживает показатель «ВВП на душу населения» как наиболее общий (хотя не всегда адекватный) показатель уровня экономического развития стран, бедности и богатства, их места в общих классификациях, используемых в международной статистике и сравнительных исследованиях. В ряде исследований выявлено, что существует криволинейная зависимость между этим показателем и интенсивностью террористической активности (Boehmer, Daube 2013; Enders *et al.* 2016; Коротаев и др. 2017).

В данной статье будет предпринята попытка выяснить, насколько эта закономерность может быть объяснена экспансией образования в процессе модернизации. Между ростом ВВП на душу населения и количественной экспансией образования существует сильная корреляция (см. Рис. 1), хотя представленные на Рис. 1а данные показывают многообразие существующих соотношений между ВВП на душу населения и уровнем образования. Существуют богатые страны с относительно невысоким уровнем образования (например, многие государства, живущие экспортом нефти и других природных ресурсов), и, наоборот, достаточно образованные страны, попавшие в сложное экономическое положение после войн и различных катаклизмов. В то же время усреднение (объединение всей совокупности данных в десять децилей в отношении как образования, так и ВВП на душу населения) показывает почти функциональную линейную зависимость (Рис. 1б).

а) исходные данные¹

¹ Здесь и далее под \$ подразумеваются постоянные международные доллары 2011 г. по паритетам покупательной способности (ППС).

б) подецильный анализ²

Рис. 1. Корреляция между ВВП на душу населения по ППС и средним количеством лет обучения, 1980–2014 гг.

Источники: World Bank 2017a; UNDP 2017.

Объясняется это тем, что на ранних стадиях модернизации существует сильная положительная корреляция между уровнем образованности населения и темпами экономического роста (Barro 1991; Mankiw *et al.* 1992; Krueger, Lindahl 2001; Sala-i-Martin *et al.* 2004; Korotayev 2009; Grinin, Korotaev 2015; Коротаев и др. 2005; 2007; Садовничий и др. 2016). С другой стороны, рост ВВП на душу населения позволяет увеличивать расходы на образование, что способствует его количественной экспансии, притом что на поздних стадиях модернизационного перехода на первый план выходят вопросы качества образования (Sachs, Warner 1997; Hanushek, Kimko 2000; Hanushek, Woessmann 2008; 2009; 2011; 2012; Atherton *et al.* 2013; Садовничий и др. 2016).

При этом целым рядом исследователей было выявлено, что между образованием и уровнем террористической активности наблюдается криволинейная зависимость (Elbakidze, Jih 2015; Brockhoff *et al.* 2015). Это наводит на мысль, что упомянутую выше криволинейную зависимость между подушевым ВВП и интенсивностью террористической активности можно хотя бы частично объяснить через фактор образования.

² Примечание: децили по ВВП на душу населения включают следующие значения: 1-й дециль – до 1371 доллара; 2-й дециль – от 1371 до 2150 долларов; 3-й дециль – от 2150 до 3505 долларов; 4-й дециль – от 3505 до 5410 долларов; 5-й дециль – от 5410 до 7988 долларов; 6-й дециль – от 7988 до 11 270 долларов; 7-й дециль – от 11 270 до 15 950 долларов; 8-й дециль – от 15 950 до 25 100 долларов; 9-й дециль – от 25 100 до 36 750 долларов; 10-й дециль – более 36 750 долларов.

Образование и терроризм

Исследования связи уровня образования и терроризма можно разделить на две большие группы. В одних изучается уровень образования террористов, а другие посвящены связи среднего уровня образования по странам с интенсивностью террористической деятельности.

Один из первых социально-демографических анализов террористов провели Ч. Расселл и Б. Миллер (Russell, Miller 1977), исследовав представителей отдельных террористических организаций. Они обнаружили, что большая часть членов левых террористических группировок в Европе и на Ближнем Востоке имеют университетское образование.

В свою очередь, после анализа учебной литературы и опросов в Палестине было выявлено, что подача материала и его содержание непосредственно связаны с вовлечением молодежи в террористическую деятельность. Специфика некоторых учебных программ может увеличивать радикализацию молодежи и способствовать ее переходу в террористические организации, а значит, вносить свой вклад в рост насилия в соответствующей стране (Burdman 2003). А. Крюгер и Ж. Малечкова тоже отмечают, что члены военного крыла «Хезболлы», а также палестинские террористы-самоубийцы были достаточно высокообразованными. По результатам анализа 350 биографий членов террористических группировок по всему миру в 1966–1976 гг. было выявлено, что террористы, как правило, получали хорошее образование (Kueger, Maleckova 2003). Подобные исследования террористических организаций проводились и в дальнейшем. В частности, Клод Берреби, анализируя личный состав «Хезболлы» с 1980 по 2002 г., выявил, что образование положительно связано с участием в террористических группировках (Berrebi 2007)³. С другой стороны, широкое исследование, проведенное в Индии (Бенгалия) и опирающееся на исторические данные начиная с 1915 г., показало, что каждый полученный год образования уменьшает вероятность совершать действия в рамках политического насилия (Lee 2011). Линн Дэвис аргументирует, что образование является фактором предотвращения терроризма, потому что развивает у людей критическое мышление. Развитое критическое мышление, в свою очередь, препятствует следованию радикальной идеологии и лозунгам (Davies 2009).

³ Впрочем, события последних лет поставили под вопрос характеристику «Хезболлы» как однозначно террористической организации.

Дискуссия об образовании как о факторе терроризма активно продолжилась, когда появилась возможность использовать большую выборку стран в долгосрочной динамике. В частности, Питер Куррильд-Клитгаард и другие исследователи выявили, что образование слабо отрицательно связано с террористической деятельностью (Kurrild-Klitgaard *et al.* 2006).

Проверка гипотезы о связи терроризма и образования была продолжена на примере Турции. Было показано, что в этой стране образование отрицательно связано с терроризмом (Feridun 2016). В некоторых арабских странах были также выявлены схожие результаты (Bhatia, Hafez 2017).

В целом исследования в этой сфере показывают, что образование может быть как отрицательно, так и положительно связано с террористической активностью. Например, Наджиб Шафик и Абдулькадер Синно на примере шести мусульманских стран (Индонезия, Иордания, Ливан, Марокко, Пакистан, Турция) показали это достаточно наглядно. По итогам их исследования, образование отрицательно связано с терроризмом в Индонезии и Пакистане, однако положительно – в Иордании. При этом в остальных случаях сильной связи этих переменных замечено не было (Shafiq, Sinno 2010).

Исследование высшего образования как фактора терроризма на более широкой выборке (56 стран, 1980–2006 гг.), выполненное Клэр Ричардсон, позволило ей сделать вывод, что высшее образование не связано с терроризмом (Richardson 2011). При этом другое подобное исследование – Житки Малечковой и Драганы Станицик – привело к совершенно другим выводам: согласно результатам их работы, высшее образование способствует терроризму, так как увеличивается доля радикально настроенного населения (Maleckova, Stanisic 2013).

Эта дискуссия была продолжена Л. Эльбакидзе и Й. Джи, которые показали, что при малом среднем количестве лет обучения дальнейший рост количественного охвата населения образованием ведет к увеличению интенсивности террористической активности, а при большом – к ее уменьшению (Elbakidze, Jih 2015). К подобным же результатам привело исследование Сары Брокхофф, Тима Кригера и Дэниэля Мейерриекса (Brockhoff *et al.* 2015). Результаты этих работ свидетельствуют о том, что количественная экспансия образования способствует росту террористической активности в бедных и слаборазвитых странах, однако в богатых странах рост

среднего количества лет обучения приводит к обратному результату – интенсивность терроризма уменьшается⁴.

Последние два исследования позволяют предположить, что отмеченная в начале работы криволинейная зависимость между ВВП на душу населения может объясняться фактором образования. Действительно, если рост душевого ВВП на всем своем протяжении в тенденции сопровождается ростом количественного охвата населения образованием, а уровень образования населения криволинейно коррелирует с уровнем террористической активности, то этих двух связей уже может быть достаточно для генерирования криволинейной зависимости уровня террористической активности от уровня ВВП на душу населения. В данном исследовании мы попытаемся выяснить, в какой степени криволинейная зависимость уровня террористической активности от уровня душевого ВВП может объясняться именно фактором образования.

Материалы и методы

Для тестирования гипотезы о количественном охвате населения образованием как статистически значимом факторе терроризма в данном исследовании в качестве независимой переменной была использована средняя продолжительность лет обучения (*mean years of schooling*) по всем странам мира за период с 1980 по 2014 г., в качестве зависимой переменной – количество терактов.

В качестве основного метода тестирования была использована отрицательная биномиальная регрессия. Ее специфика заключается в том, что она позволяет избежать искажений, связанных с распределением зависимой переменной с большим количеством нулевых значений, что препятствует использованию обычной параметрической линейной МНК-регрессии, предполагающей нормальное распределение зависимой переменной (Hilbe 2011). Нами также применялся классический корреляционный анализ. В то же время для анализа использовались агрегированные значения соответствующих показателей за соответствующие годы по децилям – среднее по всем странам дециля значение числа терактов за год X , что позволяло нормализовать распределение.

⁴ Таким образом, в академическом мире существует обширная дискуссия по поводу того, как образование влияет на террористическую активность и влияет ли вообще. Уже проведенные исследования показывают разные результаты, что свидетельствует о необходимости уточнения роли образования как фактора террористической активности.

В качестве источника данных по терактам была использована база данных *Global Terrorism Database* (GTD 2017). В ней террористический акт определяется как угроза или непосредственное применение нелегальной силы или насилия негосударственным актором для достижения политической, экономической, религиозной или социальной цели посредством угроз, принуждения или устрашения (*Ibid.*). Соответственно, как отмечают создатели этой базы данных, теракт должен обладать следующими свойствами:

- 1) быть намеренным волевым актом;
- 2) быть актом несимволического насилия или немедленной угрозы его осуществления;
- 3) террористы должны быть субнациональными акторами (правительственные акции и действия внешних акторов, даже весьма жестокие, не включены в базу данных).

В данной базе инцидент является одним и тем же событием, если происходит в одном и том же месте в одно и то же время. Однако если для двух инцидентов хотя бы один из данных параметров отличается, то это разные события. Подчеркнем, что используемый нами индикатор показывает массовость террористической деятельности, а не количество жертв или материальный ущерб.

В качестве индикатора охвата населения формальным образованием использовалась средняя продолжительность лет обучения (*mean years of schooling*), в качестве источника данных по средней продолжительности образования – агрегированные данные Программы развития ООН (UNDP 2017). В этой базе под вышеуказанным термином подразумевается «среднее количество лет образования, полученного лицами в возрасте 25 лет и старше, пересчитанное из показателя образовательного уровня населения с учетом официальной продолжительности каждого уровня образования» (Джахан 2015: 211).

Фактор типа режима учитывался на основе индекса *Polity* (Marshall *et al.* 2016), переделанного по схеме Джека Голдстоуна и его соавторов (Goldstone *et al.* 2010). С использованием этой схемы исходные данные были переформатированы и разделены на пять типов режимов по принципу рекрутирования во власть и уровню состязательности политического участия: последовательные автократии, частичные автократии, факциональные демократии⁵, ча-

⁵ Напомним, что факциональная демократия – это такая демократия, когда размежевание политических сил идет не по линиям типа «правые – левые» или «либералы – консерваторы», а по таким линиям, как «сунниты – шииты», «последователи клана Салехов – последователи клана Ахмаров» или «дончане – западенцы». Например, Партия регионов бывше-

стичные (неконсолидированные) демократии, последовательные (консолидированные) демократии. В модели, используемые в данном исследовании, включены (в качестве дамми-переменных) только последовательные автократии, факциональные демократии и последовательные (консолидированные) демократии (дихотомизированные по принципу «1 = присутствие соответствующего типа режима; 0 = его отсутствие»), потому что пилотные тесты показали, что именно данные типы режимов дают наиболее сильную корреляцию (но с разными знаками) с количеством терактов.

Источником данных по населению и урбанизации стран послужила база данных Отдела народонаселения ООН (UNPD 2015). В качестве источника данных по ВВП на душу населения и безработице использовались данные Всемирного банка (World Bank 2017a; 2017b).

Тесты

Проведенный подецильный анализ подтвердил наличие криволинейной зависимости между количественным охватом населения образованием и уровнем террористической активности (см. Рис. 2а и 2б).

Рис. 2а. Корреляция между средней продолжительностью образования и средней интенсивностью терактов по децилям, 1980–2014 гг.⁶

го президента Украины В. Ф. Януковича была типичной факциональной партией. Ее невозможно было назвать ни левой, ни правой, ни консервативной, ни либеральной. Реально это была партия восточноукраинских (и в особенности донбасских) элит, противостоявшая элитам западноукраинским (см., например: Исаев, Коротаяев 2015а; 2015б; Коротаяев и др. 2015; Korotayev *et al.* 2015).

⁶ Децили по среднему количеству лет обучения включают следующие значения: 1-й дециль – до 3,26 лет обучения; 2-й дециль – от 3,26 до 4,76 лет обучения; 3-й дециль – от 4,76 до 5,9 лет обучения; 4-й дециль – от 5,9 до 7,14 лет обучения; 5-й дециль – от 7,14 до 8,2 лет обучения; 6-й дециль – от 8,2 до 8,9 лет обучения; 7-й дециль – от 8,9 до 9,7 лет обучения; 8-й дециль – от 9,7 до 10,5 лет обучения; 9-й дециль – от 10,5 до 11,6 лет обучения; 10-й дециль – более 11,6 лет обучения.

Рис. 26. Продолжительность образования и интенсивность терактов по децилям: дисперсионный анализ

Источники: GTD 2017; UNDP 2017.

Примечание: $F = 11,4$; $p < 0,001$. Детали дисперсионного анализа представлены в Приложении 1. Числа в рамках обозначают среднюю интенсивность терактов по децилям.

Как мы видим, для первого дециля стран по продолжительности образования (до 3,26 лет обучения) средняя интенсивность террористической активности составляет около 18 терактов на одну страну в год; для второго дециля (3,26–4,76 лет обучения) – около 30; для третьего (4,76–5,9 лет обучения) – приблизительно 50; для четвертого (5,9–7,14 лет обучения) – около 57. Таким образом, до уровня 6–7 средних лет обучения наблюдается выраженная тенденция к росту террористической активности с повышением образованности населения, после наступает резкий спад, далее выход на плато, где теряется связь террористической активности с количеством лет обучения.

Также криволинейная зависимость наблюдается между ВВП на душу населения и уровнем террористической активности (см. Рис. 3), однако связь имеет гораздо менее определенный характер, на фоне высокого разброса точек резче всего выделяются две тенденции – резкий рост при самых низких значениях подушевого ВВП и резкий спад при самых высоких его уровнях.

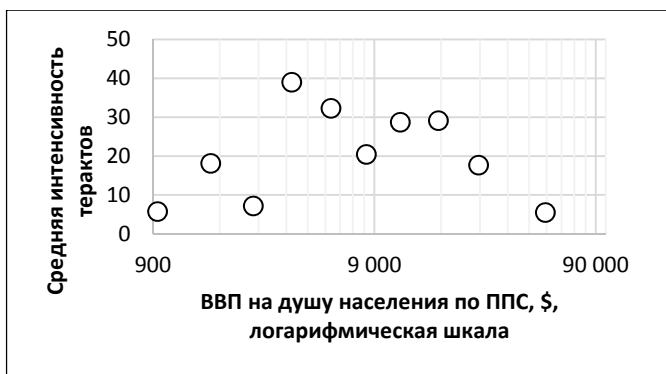

Рис. 3. Корреляция между средним ВВП на душу населения и средней интенсивностью терактов по децилям, 1980–2014 гг.⁷

Источники: GTD 2017; World Bank 2017a.

Таким образом, Рис. 2а, 2б и 3 делают гипотезу о том, что криволинейная зависимость между подушевым ВВП и уровнем террористической активности связана с криволинейной зависимостью между количественным охватом населения образованием и интенсивностью терроризма, еще более правдоподобной. При этом зависимость террористической активности от уровня образования имеет более выраженный и устойчивый характер и, по-видимому, для всех стран, кроме самых обеспеченных, с подушевым ВВП свыше 20 тыс. долларов, является первичной.

Для дальнейшего анализа рассмотрим влияние образовательного уровня населения на интенсивность терроризма отдельно для 1–4-го и 4–10-го децилей по ВВП.

Наши тесты начнем с 4–10-го дециля. В целом для этого интервала значений подушевого ВВП наблюдается следующая связь между подушевым ВВП и интенсивностью террористической активности (см. Табл. 1).

⁷ Децили по ВВП на душу населения включают следующие значения: 1-й дециль – до 1326 долларов; 2-й дециль – от 1326 до 2029 долларов; 3-й дециль – от 2029 до 3110 долларов; 4-й дециль – от 3110 до 4650 долларов; 5-й дециль – от 4650 до 6891 доллара; 6-й дециль – от 6891 до 9878 долларов; 7-й дециль – от 9878 до 14 220 долларов; 8-й дециль – от 14 220 до 21 440 долларов; 9-й дециль – от 21 440 до 33 000 долларов; 10-й дециль – более 33 000 долларов.

Табл. 1. Отрицательная биномиальная регрессия с числом терактов в качестве зависимой переменной для страно-лет с подушевым ВВП > 3110 долларов, 1980–2014 гг.; независимые переменные: 1) ВВП на душу населения по ППС; 2) численность населения⁸

Зависимая переменная: число терактов	Коэффициент	Ст. ошибка	z	Стат. значимость
Численность населения	0,000174	1,44E-06	12,03	< 0,001
ВВП на душу населения по ППС, доллары	-0,0000377	2,53E-06	-14,87	< 0,001
Константа	2,98	0,073	40,76	< 0,001
ln α	2,03	0,023		
α	7,63	0,18		
N	4880			
LR	479,67			
LL	-12802,625			

Как мы видим, для экономически средне- и высокоразвитых стран подушевой ВВП является безусловно статистически значимым отрицательным предиктором интенсивности террористической деятельности – имеются основания предполагать, что рост подушевого ВВП здесь в тенденции сопровождается снижением интенсивности террористической активности.

Добавление в регрессию средней продолжительности лет образования ведет здесь к тем самым результатам, которые можно было бы ожидать, исходя из сформулированной выше гипотезы. Для экономически средне- и высокоразвитых стран количественный охват населения образованием оказывается отрицательным предиктором террористической активности. При этом добавление в одну регрессию подушевого ВВП и среднего количества лет образования приводит к ощутимому понижению силы действия подушевого ВВП (см. Табл. 2).

⁸ Отметим, что мы с самого начала добавили в регрессию численность населения, так как в стране с многочисленным населением в любом случае можно ожидать при прочих равных значимо большего числа терактов, чем в малонаселенной стране.

Табл. 2. Отрицательная биномиальная регрессия с числом терактов в качестве зависимой переменной для страно-лет с подушевым ВВП > 3110 долларов, 1980–2014 гг.; независимые переменные: 1) ВВП на душу населения по ППС; 2) среднее количество лет обучения; 3) численность населения

Зависимая переменная: число терактов	Коэффициент	Ст. ошибка	z	Стат. значимость
Численность населения	0,0000136	1,29E-06	10,51	< 0,001
Средняя продолжительность образования	-0,16	1,70E-02	-9,16	< 0,001
ВВП на душу населения по ППС, доллары	-0,0000329	2,91E-06	-11,31	< 0,001
Константа	4,38	0,14	31,09	< 0,001
ln α	1,95	0,023		
α	6,95	0,18		
N	3808			
LR	492,58			
LL	-10583,19			

Таким образом, рост количественного охвата населения образованием по мере экономического развития средне- и высокоразвитых стран действительно может являться одним из факторов, объясняющих понижение уровня террористической активности в этих странах по мере роста подушевого ВВП. Данный вывод подтверждается и при добавлении в регрессию тех факторов, которые другими исследователями были отмечены как значимо влияющие на интенсивность террористической активности, в том числе – безработица (Goldstein 2005; Piazza 2006), политический режим (Abadie 2006; Li 2005; Shahrouri 2010), урбанизация (Campos, Gassebner 2009; Kis-Katos *et al.* 2011; Tavares 2004), экономическое неравенство (Fish *et al.* 2010; Li, Drew 2004), качество институтов и коррупция (Lai 2007; Simpson 2014)⁹.

⁹ В силу того, что консолидированная демократия, высокое качество институтов и низкий уровень коррупции сильно скоррелированы друг с другом (что порождает серьезные проблемы мультиколлинеарности), в регрессиях в качестве контроля будет применяться только наличие консолидированной демократии (с дихотомизацией по следующей схеме: «1 = присутствует, 0 = отсутствует»).

Табл. 3. Отрицательная биномиальная регрессия с числом терактов в качестве зависимой переменной для страно-лет с подушевым ВВП > 3110 долларов, 1980–2014 гг.; независимые переменные: 1) ВВП на душу населения по ППС; 2) средняя продолжительность образования; 3) доля безработных; 4) доля городского населения; 5) индекс Джини; 6) тип политического режима; 7) численность населения

Зависимая переменная: число терактов	Коэффициент	Ст. ошибка	z	Стат. значимость
Население страны	0,0000174	0,00000216	8,08	< 0,001
ВВП на душу населения по ППС, доллары	0,0000641	0,0000147	4,35	< 0,001
Средняя продолжительность образования	-0,219	0,0405	-5,41	< 0,001
Доля безработных, %	0,531	0,019	2,71	0,007
Доля городского населения, %	-0,021	0,006	-3,44	0,001
Индекс Джини	0,041	0,0129	3,17	0,002
Последовательная автократия	-10,47	15,63	-0,67	0,503
Фракционная демократия	1,217	0,234	5,21	< 0,001
Консолидированная демократия	-1,085	0,316	-3,43	0,001
Константа	1,803	0,761	2,36	0,018
$\ln \alpha$	1,616	0,074		
A	5,036	0,373		

N

889

LR

236,23

LL

-2279,48

Таким образом, отрицательная корреляция между подушевым ВВП и интенсивностью террористической деятельности в экономически средне- и высокоразвитых странах до некоторой степени объясняется тем, что по мере экономического роста увеличивается количественный охват населения формальным образованием; при этом проведенный нами регрессионный анализ показывает, что определенную роль в объяснении данной отрицательной корреляции играет и более низкий уровень безработицы и неравенства в экономически наиболее развитых странах, а также характерная для последних

высокая доля консолидированных демократий и крайне низкая доля демократий факциональных.

Отметим, что урбанизация обычно рассматривается как фактор, способствующий росту террористической активности (Campos, Gassebner 2009; Tavares 2004), однако в нашей регрессии для средне- и высокоразвитых стран при введении всех вышеописанных контролей доля городского населения оказывается отрицательным предиктором террористической активности. Более того, рост уровня урбанизации по мере экономического роста оказывается одним из механизмов отрицательной корреляции между подушевым ВВП и интенсивностью террористической активности.

Особо стоит отметить, что при введении всех контролей знак коэффициента для душевого ВВП меняется с отрицательного на положительный, то есть рост ВВП в средне- и высокоразвитых странах при контроле на неравенство, образование, безработицу, тип режима и т. п. оказывается фактором не снижения, а увеличения интенсивности террористической активности. На первый взгляд, данный результат кажется довольно контринтуитивным, однако при более внимательном анализе он оказывается имеющим достаточно прозрачный социальный смысл. Действительно, с одной стороны, это говорит о том, что отрицательная корреляция между душевым ВВП и уровнем террористической активности и на самом деле в исключительно высокой степени объясняется тем, что рост ВВП на душу населения здесь в тенденции сопровождается ростом образованности населения, снижением безработицы, уменьшением неравенства, сокращением числа факциональных демократий и ростом числа демократий консолидированных. С другой стороны, положительный знак (при статистически значимой корреляции) говорит здесь и о том, что если в средне- и высокоразвитых странах экономический рост не сопровождается ростом экономического равенства и образованности населения, снижением безработицы, уменьшением числа нестабильных факциональных демократий и ростом числа демократий консолидированных (то есть если по сути дела плоды экономического роста достаются только элите, а до рядового населения почти ничего не доходит), то такой экономический рост в тенденции будет вести не к уменьшению, а к увеличению террористической активности. И ничего неправдоподобного, на наш взгляд, в подобном результате нет.

Применительно к экономически слаборазвитым странам ситуация оказалась более сложной. При введении в регрессию для первых четырех децилей душевого ВВП (соответствующих эконо-

мически слаборазвитым странам и нижнему эшелону среднеразвитых стран) одновременно среднего числа лет обучения и ВВП на душу населения среднее число лет обучения оказывается имеющим не положительный, а отрицательный знак (см. Табл. 4).

Табл. 4. Отрицательная биномиальная регрессия с числом терактов в качестве зависимой переменной для страно-лет с подушевым ВВП < 4650 долларов, 1980–2014 гг.; независимые переменные: 1) ВВП на душу населения по ППС; 2) средняя продолжительность образования; 3) численность населения

Зависимая переменная: число терактов	Коэффициент	Ст. ошибка	z	Стат. значимость
Население страны	0,00000327	0,0000007	4,70	< 0,001
ВВП на душу населения по ППС, доллары	0,000574	0,0000570	10,07	< 0,001
Средняя продолжительность образования	-0,17	0,033	-5,18	< 0,001
Константа	2,1	0,1666	12,66	< 0,001
$\ln \alpha$	2,043	0,037		
α	7,71	0,29		
N	1927			
LR	193,62			
LL	-5008,092			

Таким образом, положительная корреляция между подушевым ВВП и уровнем террористической активности в слабомодернизированных странах никак не может быть объяснена увеличением среднего числа лет обучения по мере экономического роста в этих странах (по крайней мере применительно к использованной нами базе данных).

С другой стороны, эти результаты не отрицают наличия положительной корреляции между средним числом лет обучения и интенсивностью террористической деятельности для этой группы стран. Дело в том, что корреляция между децилями по ВВП и по среднему числу лет обучения далека от идеальной (см. Приложение 2). Как видно из этой таблицы, существует очень большое количество стран, принадлежащих к 1–4-му децилям по ВВП и одновременно к более высоким децилям по числу лет обучения. Таким образом, в число экономически слаборазвитых стран попадает заметное число государств с такими показателями средних лет обучения, для которых наблюдается отрицательная корреляция, рассмотренная нами в первой части данной статьи, а результаты, представленные в Табл. 4, при более детальном анализе оказываются

следствием наложения соответствующих тенденций и артефактов. Во-первых, относительно слабая положительная корреляция терроризма с подушевым ВВП, вроде бы характерная для столь бедных стран (см. на точку для третьего дециля на Рис. 3) и слабо связанная с положительной корреляцией между образованием и терроризмом для этих стран, во многом определяется наличием очень бедных бывших советских республик, но с хорошо образованным населением (Таджикистан, Армения и Киргизия) и относительно низким уровнем терроризма в годы отсутствия гражданских войн и революций. Во-вторых, свое влияние оказывают не сверхбедные мусульманские страны, но с низкообразованным населением, втянутые в общее брожение исламского мира («исламская Реформация», Арабская весна). В-третьих, эта тенденция определяется достаточно высоким уровнем терроризма в странах с этническими и идеологическими конфликтами, частичной и факциональной демократией (Индия, Пакистан, Нигерия, Бангладеш, Сальвадор, Никарагуа и т. д.). По-видимому, для дальнейшего изучения этого феномена необходим более детальный анализ уровня образования, в первую очередь количественная оценка доли образованного и настроенного на непримиримую борьбу населения, втягивающего в эту борьбу полуграмотных крестьян.

Вместе с тем если мы отберем группу наименее модернизированных стран именно по числу средних лет обучения, то есть рассмотрим страны, наименее модернизированные в образовательном отношении, то мы будем иметь дело с положительной корреляцией между средним числом лет обучения и уровнем террористической активности и с такой корреляцией, которая оказывается способной выдержать любые контролы.

Действительно, для стран, наименее модернизированных в образовательном отношении, корреляция между уровнем количественного охвата населения образованием и интенсивностью террористической активности (с контролем на численность населения стран и подушевой ВВП) выглядит следующим образом (см. Табл. 5).

Как мы видим, для наименее развитых в образовательном отношении стран положительная корреляция между средним числом лет обучения и уровнем террористической активности прослеживается и при контроле на подушевой ВВП.

Выдерживает эта корреляция и контролы на использованные выше иные социально-экономические факторы терроризма (см. Табл. 6).

Табл. 5. Отрицательная биномиальная регрессия с числом терактов в качестве зависимой переменной для строно-лет со средней продолжительностью образования < 7,14 года, 1980–2014 гг.; независимые переменные: 1) ВВП на душу населения по ППС; 2) средняя продолжительность образования; 3) численность населения

Зависимая переменная: число терактов	Коэффициент	Ст. ошибка	z	Стат. значимость
Население страны	0,00000277	0,0000006	4,85	< 0,001
ВВП на душу населения по ППС, доллары	-0,000444	0,0000444	-5,94	< 0,001
Средняя продолжительность образования	0,393	0,035	10,97	< 0,001
Константа	1,775	0,154	11,52	< 0,001
ln α	2,021	0,029		
α	7,55	0,224		
N	2733			
LR	183,72			
LL	-8066,179			

Табл. 6. Отрицательная биномиальная регрессия с числом терактов в качестве зависимой переменной для строно-лет со средней продолжительностью образования < 7,14 года, 1980–2014 гг.; независимые переменные: 1) ВВП на душу населения по ППС; 2) средняя продолжительность образования; 3) доля городского населения; 4) доля безработных; 5) тип режима; 6) численность населения

Зависимая переменная: число терактов	Коэффициент	Ст. ошибка	z	Стат. значимость
Население страны	0,00000415	0,000000773	5,36	< 0,001
ВВП на душу населения по ППС, доллары	-0,0000326	0,00000972	-3,35	0,001
Средняя продолжительность образования	0,204	0,058	3,53	< 0,001
Доля безработных, %	0,056	0,012	4,42	< 0,001
Доля городского населения, %	0,009	0,006	1,56	0,120
Последовательная автократия	0,354	0,202	1,74	0,081
Фракционная демократия	1,596	0,175	9,11	< 0,001
Консолидированная демократия	-1,749	0,381	-4,59	< 0,001
Константа	-0,853	0,216	3,94	< 0,001
ln α	1,82	0,039		
α	6,176	0,242		
N	1593			
LR	304,13			
LL	-4607,25			

Итак, в наименее модернизированных в образовательном отношении странах рост образования сопровождается значимой тенденцией к *росту* интенсивности террористической деятельности, и тенденция эта оказывается значимой при контроле на уровень экономического развития, тип политического режима, безработицу, неравенство и урбанизацию.

Обсуждение

Таким образом, проведенный анализ подтвердил наличие криволинейной немонотонной зависимости между террористической активностью и уровнем душевого ВВП. Такой же характер, причем более выраженный и контрастный, носит зависимость между количественным охватом населения образованием и уровнем террористической активности.

Более детальный анализ с привлечением множества факторов до некоторой степени подтвердил выдвинутое предположение, что связь уровня террористической активности с уровнем образования в большей части случаев является первичной, и зависимость террористической активности от уровня душевого ВВП в определенной степени обуславливается влиянием уровня образования. Исключения составляют лишь страны с самым низким уровнем ВВП на душу населения, где формальный анализ показывает невозможность (даже частичного) объяснения положительной корреляции между душевым ВВП и уровнем терроризма через рост интенсивности террористической активности с ростом уровня образования (по крайней мере для использованной нами базы данных), что, по-видимому, до некоторой степени вызвано вторичными причинами – наличием очень бедных (в особенности в 1990-е гг.) бывших советских республик, но с хорошо образованным населением – Таджикистана, Армении, Киргизии и т. д. – и относительно низким уровнем терроризма в годы отсутствия гражданских войн и революций, а также высоким уровнем терроризма в не сверхбедных мусульманских странах, но с низкообразованным населением, втянутых в общее брожение исламского мира («исламская Реформация», Арабская весна) и др.¹⁰

¹⁰ Вопрос же о причинах положительной корреляции между ВВП на душу населения и уровнем террористической активности среди наименее экономически развитых государств должен стать предметом особого исследования.

Для понимания природы феномена существования определенного уровня образования, отвечающего пиковому уровню терроризма, проведем смелую аналогию между современным терроризмом и возрастанием уровня насилия на ранней стадии модернизационных процессов в Европе XIV–XVII вв.

На Рис. 4. представлен ход изменения уровня убийств в ряде европейских стран, заимствованный из работы Мануэля Эйснера (Eisner 2003), включая века начала модернизационных процессов. Как легко заметить, именно на тот период, когда резко росли уровни грамотности и конфликтности, связанные с эпохами Возрождения, предреформации и Реформации, приходится пик уровня насилия. При этом пик, отвечающий собственно террористическому, политизированному и демонстративному насилию (соответствующий максимуму на Рис. 2а и 2б), должен был быть острее, чем пик, отвечающий суммарному насилию, включающему также разбой, имущественные споры, пьяные драки и акты личной мести, однако его выделение весьма проблематично или вовсе невозможно по отношению к историческим данным.

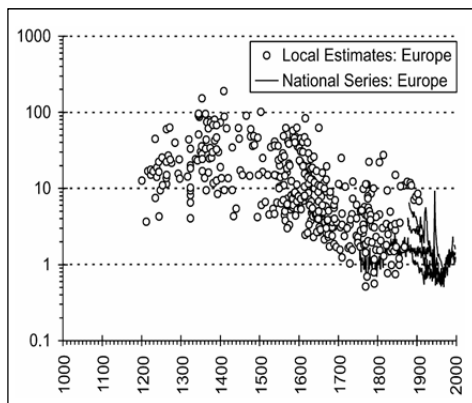

Рис. 4. Уровень убийств в европейских странах (Англия и Уэльс, Швеция, Швейцария, Италия)

Источник: Eisner 2003: 95.

Таким образом, мы полагаем, что пик насилия, отвечающий первичному росту грамотности, обострению идеологических (религиозных, этнических и т. д.) разногласий в эпоху раннего модерна, и является основным фактором терроризма в современном мире. При этом в зависимости от региональных условий и общемировых

тенденций на первый план могут выходить различные противоречия. Если в настоящее время основными факторами терроризма являются исламская Реформация, этнические конфликты в разных странах мира и чувства ресентимента у представителей третьего и четвертого мира по отношению к первому, то еще совсем недавно меньшую роль играли идеологические (классовые) разногласия, протест против колониального угнетения, расовых гонений и апартеида. Другим источником нестабильности служат неустойчивые факциональные частичные демократии и электоральные автократии, где наряду с этническими и религиозными конфликтами ясно вырисовывается конфликт между более образованным населением столиц и больших городов и более традиционалистским населением остальных частей этих стран (см., например: Гринин и др. 2015: 160–179; Коротаев и др. 2015; Korotayev *et al.* 2015).

Однако не только ранняя стадия модернизации порождает всплеск террористической активности. Конфликты, вызывающие насилие и террористические акты, обнаруживаются при разных уровнях модернизации. Например, в Италии 1960–1970-х гг. одновременно на более богатом образованном Севере действовали «Красные бригады», а в бедной и малообразованной Сицилии – мафиозные группировки. Повышенной террористической активностью отличаются зоны этнических конфликтов, государства, пережившие тяжелые внешние и гражданские войны, геноцид и массовые изгнания больших групп населения. По некоторым признакам, в самое ближайшее время возможна новая волна терроризма в развитых странах, вызванная ростом имущественного неравенства, безработицы и неприятием меняющегося мира со стороны традиционалистских слоев населения («синих воротничков» и рядовых работников сферы обслуживания). Предвестником такого протеста послужила Арабская весна, в которой за единой стилистикой протеста и общими приемами сбора единомышленников с помощью современных коммуникационных средств и социальных сетей соединились в единовременном всплеске протестной активности проявления весьма различных конфликтов – мусульманская Реформация, этноконфессиональные разногласия Ближнего Востока, протесты «продвинутых» горожан против частичных имитационных демократий и недовольство жителей западных стран ростом безработицы и имущественного неравенства. Другими грозными признаками возможного приближающегося роста террористической активности являются распространение социального популиз-

ма, рост сепаратизма, вспышки немотивированных проявлений массового насилия. Вместе с этим весьма обнадеживающим обстоятельством является низкий уровень терроризма в наиболее богатых странах (Рис. 3), даже когда дальнейший рост образования уже перестает работать на снижение террористической активности (Рис. 2а и 2б).

Заключение: выводы

Проведенный анализ позволяет сделать следующие предварительные выводы.

1. Наши тесты подтверждают наличие криволинейной зависимости между количественным охватом населения образованием и уровнем террористической активности¹¹.

1.1. В наименее модернизированных в образовательном отношении странах рост количественного охвата населения образованием сопровождается значимой тенденцией к *росту* интенсивности террористической деятельности, и тенденция эта оказывается значимой при контроле на уровень экономического развития, тип политического режима, безработицу, неравенство и урбанизацию. При этом присутствует ярко выраженный экстремум, приходящийся на относительно низкий, но не нулевой уровень количественного охвата населения образованием (в среднем 3–6 лет обучения).

1.2. В более социально-экономически развитых странах дальнейший рост охвата населения образованием сопровождается значимой тенденцией к *уменьшению* уровня террористической активности. Эта тенденция также оказывается значимой при контроле на уровень экономического развития, тип политического режима, безработицу, неравенство и урбанизацию. Наиболее резкий спад отвечает среднему сроку обучения в 7–8 лет.

2. Также количественный анализ подтвердил наличие во многом схожей, но менее устойчивой и выраженной зависимости между уровнем террористической активности и подушевым ВВП с размытым экстремумом в диапазоне от 4 тыс. до 14 тыс. долларов 2011 г. по ППС.

3. Объяснить криволинейную зависимость между подушевым ВВП и уровнем террористической активности через криволиней-

¹¹ Отметим, что в целом наши результаты не противоречат выводам, полученным авторами исследований, обзор которых был приведен нами в начале данной статьи. Действительно, в определенных условиях зависимость между образованием и терроризмом может быть положительной, в других условиях – отрицательной, а в целом она характеризуется зависимостью криволинейного типа.

ную зависимость интенсивности терроризма от количественного охвата населения образованием можно лишь частично.

3.1. Проведенный нами специальный регрессионный анализ позволяет сделать вывод о том, что рост количественного охвата населения образованием по мере экономического развития средне- и высокоразвитых стран действительно может являться одним из факторов, объясняющих понижение уровня террористической активности в этих странах по мере роста подушевого ВВП.

3.2. При этом проведенный нами регрессионный анализ показывает, что определенную роль в объяснении отрицательной корреляции между подушевым ВВП и уровнем террористической активности для экономически средне- и высокоразвитых стран играет также более низкий уровень безработицы и неравенства в экономически наиболее развитых странах, а также характерная для экономически наиболее развитых стран высокая доля консолидированных демократий и крайне низкая доля демократий факциональных.

3.3. Особо стоит отметить, что при введении всех контролей знак коэффициента для подушевого ВВП меняется с отрицательного на положительный, то есть рост ВВП в средне- и высокоразвитых странах при контроле на неравенство, образование, безработицу, тип режима и т. п. оказывается фактором не снижения, а увеличения интенсивности террористической активности. С одной стороны, это говорит о том, что отрицательная корреляция между подушевым ВВП и уровнем террористической активности в этих странах действительно в исключительно высокой степени объясняется тем, что рост ВВП на душу населения здесь в тенденции сопровождается ростом образованности населения, снижением безработицы, уменьшением неравенства, сокращением числа факциональных демократий и ростом числа демократий консолидированных. С другой стороны, положительный знак (при статистически значимой корреляции) свидетельствует здесь и о том, что если в средне- и высокоразвитых странах экономический рост не сопровождается ростом экономического равенства и образованности населения, снижением безработицы, уменьшением числа нестабильных факциональных демократий и ростом числа демократий консолидированных (то есть если по сути дела плоды экономического роста достаются только элите, а до рядового населения почти ничего не доходит), то такой экономический рост в тенденции будет вести не к уменьшению, а к увеличению террористической активности.

3.4. Вместе с тем проведенный нами регрессионный анализ показал, что положительная корреляция между подушевым ВВП и

уровнем террористической активности в слабомодернизированных странах никак не может объясняться увеличением среднего числа лет обучения по мере экономического роста в этих странах (по крайней мере применительно к использованной нами базе данных). Здесь, по-видимому, сказываются наличие очень бедных бывших советских республик, но с хорошо образованным населением и относительно низким уровнем терроризма, высокий уровень терроризма в не сверхбедных мусульманских странах с относительно низкообразованным населением, втянутых в общее брожение исламского мира, и др. Вопрос же о причинах положительной корреляции между ВВП на душу населения и уровнем террористической активности среди наименее экономически развитых стран должен стать предметом особого исследования.

4. Сопоставление полученных данных с данными по уровню насилия в Европе XIV–XVII вв. показывает аналогию между ростом насилия на ранних стадиях модернизационных процессов в Европе в период, когда резко росли уровни грамотности и конфликтности, связанные с эпохами Возрождения, предреформации и Реформации. При этом современный пик, отвечающий собственно террористическому, политизированному и демонстративному насилию, при низких уровнях образованности населения более выражен, чем пик исторической кривой, включающей, кроме терроризма, другие формы насилия (разбой, силовое разрешение имущественных споров, пьяные драки и акты личной мести и т. д.). При этом наблюдаемый пик насилия при определенном уровне образованности не замыкается одним мусульманским миром, а охватывает страны третьего мира всех континентов с различными причинами террористической активности (религиозные, этнические, клановые, идеологические и другие конфликты). Таким образом, пик насилия, отвечающий первичному росту грамотности, обострению идеологических (религиозных, этнических и т. д.) разногласий в эпоху раннего модерна, является важным фактором терроризма в современном мире.

5. Проведенный количественный анализ позволяет сделать оптимистический вывод о том, что рост количественного охвата населения образованием по мере экономического развития средне- и высокоразвитых стран действительно может являться одним из факторов, ведущих к понижению уровня террористической активности в этих странах по мере роста душевого ВВП. Проведенный анализ также показывает, что для снижения уровня террористической активности помимо роста образовательного уровня также существенно понижение уровня безработицы, экономического нера-

венства, распространение консолидированных демократических политических режимов и снижение количества факциональных конфликтных частичных демократий.

6. В то же время нарастание экономического неравенства и уровня безработицы, неприятие меняющегося мира со стороны традиционалистских слоев населения, по-видимому, могут стать причинами роста уровня террористического насилия в странах первого мира, на что отчасти указывают Арабская весна, поднявшая протестную (включая террористическую) активность, в том числе в странах первого мира (см., например: Гринин и др. 2016: 22–126), распространение социального популизма, рост сепаратизма, вспышки немотивированных проявлений массового насилия.

Приложение 1. Дисперсионный анализ зависимости интенсивности террористических актов от средней продолжительности образования

Средняя продолжительность образования		Разница средних	Ст. ошибка	Значимость
Первый дециль	Второй дециль	-11,810	5,425	,742
	Третий дециль	-32,847*	8,540	,006
	Четвертый дециль	-39,260*	10,678	,011
	Пятый дециль	-3,039	3,441	1,000
	Шестой дециль	10,998*	2,593	,001
	Седьмой дециль	6,183	3,666	,987
	Восьмой дециль	12,065*	2,429	,000
	Девятый дециль	8,123	3,440	,566
	Десятый дециль	5,451	2,789	,904
	Второй дециль	Первый дециль	11,810	5,425
Третий дециль		-21,037	9,593	,728
Четвертый дециль		-27,450	11,537	,549
Пятый дециль		8,771	5,561	,996
Шестой дециль		22,808*	5,080	,000
Седьмой дециль		17,993	5,703	,071
Восьмой дециль		23,876*	4,998	,000
Девятый дециль		19,933*	5,561	,016
Десятый дециль		17,261*	5,183	,040
Третий дециль		Первый дециль	32,847*	8,540
	Второй дециль	21,037	9,593	,728
	Четвертый дециль	-6,413	13,290	1,000
	Пятый дециль	29,808*	8,628	,026
	Шестой дециль	43,845*	8,326	,000
	Седьмой дециль	39,030*	8,720	,000
	Восьмой дециль	44,913*	8,276	,000
	Девятый дециль	40,970*	8,627	,000
	Десятый дециль	38,298*	8,389	,000

Средняя продолжительность образования		Разница средних	Ст. ошибка	Значимость
Четвертый дециль	Первый дециль	39,260*	10,678	,011
	Второй дециль	27,450	11,537	,549
	Третий дециль	6,413	13,290	1,000
	Пятый дециль	36,221*	10,748	,035
	Шестой дециль	50,258*	10,508	,000
	Седьмой дециль	45,443*	10,823	,001
	Восьмой дециль	51,326*	10,468	,000
	Девятый дециль	47,383*	10,748	,001
	Десятый дециль	44,711*	10,558	,001
	Пятый дециль	Первый дециль	3,039	3,441
Второй дециль		-8,771	5,561	,996
Третий дециль		-29,808*	8,628	,026
Четвертый дециль		-36,221*	10,748	,035
Шестой дециль		14,037*	2,869	,000
Седьмой дециль		9,222	3,866	,543
Восьмой дециль		15,105*	2,721	,000
Девятый дециль		11,162	3,652	,098
Десятый дециль		8,490	3,046	,217
Шестой дециль		Первый дециль	-10,998*	2,593
	Второй дециль	-22,808*	5,080	,000
	Третий дециль	-43,845*	8,326	,000
	Четвертый дециль	-50,258*	10,508	,000
	Пятый дециль	-14,037*	2,869	,000
	Седьмой дециль	-4,815	3,135	,998
	Восьмой дециль	1,068	1,512	1,000
	Девятый дециль	-2,875	2,868	1,000
	Десятый дециль	-5,547	2,040	,261
	Седьмой дециль	Первый дециль	-6,183	3,666
Второй дециль		-17,993	5,703	,071
Третий дециль		-39,030*	8,720	,000
Четвертый дециль		-45,443*	10,823	,001
Пятый дециль		-9,222	3,866	,543
Шестой дециль		4,815	3,135	,998
Восьмой дециль		5,883	3,000	,903
Девятый дециль		1,940	3,865	1,000
Десятый дециль		-,732	3,298	1,000
Восьмой дециль		Первый дециль	-12,065*	2,429
	Второй дециль	-23,876*	4,998	,000
	Третий дециль	-44,913*	8,276	,000
	Четвертый дециль	-51,326*	10,468	,000
	Пятый дециль	-15,105*	2,721	,000
	Шестой дециль	-1,068	1,512	1,000
	Седьмой дециль	-5,883	3,000	,903
	Девятый дециль	-3,943	2,720	,999
	Десятый дециль	-6,615*	1,827	,014

Средняя продолжительность образования		Разница средних	Ст. ошибка	Значимость
Девятый дециль	Первый дециль	-8,123	3,440	,566
	Второй дециль	-19,933*	5,561	,016
	Третий дециль	-40,970*	8,627	,000
	Четвертый дециль	-47,383*	10,748	,001
	Пятый дециль	-11,162	3,652	,098
	Шестой дециль	2,875	2,868	1,000
	Седьмой дециль	-1,940	3,865	1,000
	Восьмой дециль	3,943	2,720	,999
	Десятый дециль	-2,672	3,045	1,000
Десятый дециль	Первый дециль	-5,451	2,789	,904
	Второй дециль	-17,261*	5,183	,040
	Третий дециль	-38,298*	8,389	,000
	Четвертый дециль	-44,711*	10,558	,001
	Пятый дециль	-8,490	3,046	,217
	Шестой дециль	5,547	2,040	,261
	Седьмой дециль	,732	3,298	1,000
	Восьмой дециль	6,615*	1,827	,014
	Десятый дециль	2,672	3,045	1,000

Приложение 2. Корреляция между распределением стран по децилям по ВВП на душу населения и по децилям по средней продолжительности образования

Децили стран-лет по ВВП на душу населения по ППС, доллары	Децили стран-лет по средней продолжительности образования										Итого
	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й	7-й	8-й	9-й	10-й	
1-й	383	118	8	5	1	0	0	0	7	8	530
%	72,3	22,3	1,5	0,9	0,2	0,0	0,0	0,0	1,3	1,5	100,0
2-й	251	151	72	14	17	0	5	15	2	3	530
%	47,4	28,5	13,6	2,6	3,2	0,0	0,9	2,8	0,4	0,6	100,0
3-й	126	158	78	73	20	13	22	27	11	2	530
%	23,8	29,8	14,7	13,8	3,8	2,5	4,2	5,1	2,1	0,4	100,0
4-й	76	116	76	75	83	28	27	17	23	9	530
%	14,3	21,9	14,3	14,2	15,7	5,3	5,1	3,2	4,3	1,7	100,0
5-й	27	93	122	110	40	33	38	36	23	8	530
%	5,1	17,5	23,0	20,8	7,5	6,2	7,2	6,8	4,3	1,5	100,0
6-й	21	52	47	105	106	64	74	44	14	3	530
%	4,0	9,8	8,9	19,8	20,0	12,1	14,0	8,3	2,6	0,6	100,0
7-й	7	15	45	82	123	65	57	50	73	13	530
%	1,3	2,8	8,5	15,5	23,2	12,3	10,8	9,4	13,8	2,5	100,0
8-й	5	15	25	44	93	50	48	62	108	80	530
%	0,9	2,8	4,7	8,3	17,5	9,4	9,1	11,7	20,4	15,1	100,0
9-й	0	2	21	37	62	68	67	80	88	105	530
%	0,0	0,4	4,0	7,0	11,7	12,8	12,6	15,1	16,6	19,8	100,0
10-й	0	14	23	40	44	56	58	49	88	157	529
%	0,0	2,6	4,3	7,6	8,3	10,6	11,0	9,3	16,6	29,7	100,0
Итого	896	734	517	585	589	377	396	380	437	388	5299
%	16,9	13,9	9,8	11,0	11,1	7,1	7,5	7,2	8,2	7,3	100,0

Библиография

- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2015. *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Исаев Л. М., Мещерина К. В. (Ред.). 2016. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Арабская весна в глобальном контексте*. Волгоград: Учитель.
- Джахан С. (ред.). 2015. *Доклад о человеческом развитии 2015: Труд во имя человеческого развития*. Нью-Йорк; М.: Программа развития ООН.
- Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2015а. Революционная волна 2013–2014 гг.: количественный анализ. Или – что общего между президентом Мурси и президентом Януковичем? *Соціальні та політичні конфігурації модерну: політична влада в Україні та світі* / Укладачі: Г. Дерлуг'ян, А. А. Мельниченко, П. В. Кутуев, А. О. Мігалуш. Київ: Талком. С. 30–33.
- Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2015б. Украинская мозаика (Опыт количественного анализа украинской избирательной статистики). *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* 3: 91–101.
- Коротаев А. В., Васькин И. А., Билюга С. Э. 2017. Гипотеза Олсона – Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа. *Социологическое обозрение* 16(1): 9–47.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Васильев А. М. 2015. Количественный анализ революционной волны 2013–2014 гг. *Социологические исследования* 8(376): 119–127.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2005. *Законы истории: Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны*. М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2007. *Законы истории: Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура*. М.: КомКнига/URSS.
- Садовничий В. А., Акаев А. А., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2016. *Качество образования, эффективность НИОКР и экономический рост: Количественный анализ и математическое моделирование*. М.: Ленанд/URSS.
- Abadie A. 2006. Poverty, Political Freedom, and the Roots of Terrorism. *American Economic Review* 96(2): 50–56.
- Atherton P., Appleton S., Bleaney M. 2013. International School Test Scores and Economic Growth. *Bulletin of Economic Research* 65(1): 82–90.

- Barro R. J. 1991.** Economic Growth in a Cross Section of Countries. *Journal of Economics* 109(2): 407–443.
- Berrebi C. 2007.** Evidence about the Link Between Education, Poverty and Terrorism among Palestinians. *Peace Economics, Peace Science and Public Policy* 13(1): 1–36.
- Bhatia K., Hafez G. 2017.** *How do Education and Unemployment Affect Support for Violent Extremism? Evidence from Eight Arab Countries.* Brookings World Economy and Development Working Paper. No. 102. Washington, DC: The Brookings Institution.
- Boehmer C., Daube M. 2013.** The Curvilinear Effects of Economic Development on Domestic Terrorism. *Peace Economics, Peace Science, and Public Policy* 19(3): 359–368.
- Brockhoff S., Krieger T., Meierrieks D. 2015.** Great Expectations and Hard Times: The (Nontrivial) Impact of Education on Domestic Terrorism. *Journal of Conflict Resolution* 59(7): 1186–1215.
- Burdman D. 2003.** Education, Indoctrination and Incitement: Palestinian Children on Their Way to Martyrdom. *Terrorism and Political Violence* 15(1): 96–123.
- Campos N. F., Gassebner M. 2009.** *International Terrorism, Political Instability and the Escalation Effect.* Bonn: Institute for the Study of Labor.
- Davies L. 2009.** Educating Against Extremism: Towards a Critical Politicisation of Young People. *International Review of Education* 55: 183–203.
- Eisner M. 2003.** Long-Term Historical Trends in Violent Crime. *Crime and Justice* 30: 83–142.
- Elbakidze L., Jih Y. H. 2015.** Are Economic Development and Education Improvement Associated with Participation in Transnational Terrorism? *Risk Analysis* 35(8): 1520–1535.
- Enders W., Hoover G. A., Sandler T. 2016.** The Changing Nonlinear Relationship between Income and Terrorism. *Journal of Conflict Resolution* 60(2): 195–225.
- Feridun M. 2016.** Impact of Education and Poverty on Terrorism in Turkey: An Empirical Investigation. *Applied Research Quality Life* 11: 41–48.
- Filote A., Potrafke N., Ursprung H. 2016.** Suicide Attacks and Religious Cleveages. *Public Choice* 166: 3–28.
- Fish M. S., Jensenius F. R., Michel K. E. 2010.** Islam and Large-Scale Political Violence: Is There a Connection? *Comparative Political Studies* 43(11): 1327–1362.

- GDT. 2017.** *Global Terrorism Database: Codebook, Inclusion Criteria and Variables*. URL: <http://www.start.umd.edu/gtd/downloads/Codebook.pdf>.
- Goldstein K. B. 2005.** Unemployment, Inequality, and Terrorism: Another Look at the Relationship between Economics and Terrorism. *Underground Economic Review* 1(6): 1–21.
- Goldstone J., Bates R., Epstein D., Gurr T., Lustic M., Marshall M., Ufelder J., Woodward M. 2010.** A Global Model for Forecasting Political Instability. *American Journal of Political Science* 54(1): 190–208.
- Gries T., Krieger T., Meierrieks D. 2011.** Causal Linkages between Domestic Terrorism and Economic Growth. *Defense and Peace Economics* 22(5): 493–508.
- Grinin L., Korotayev A. 2015.** *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective*. New York: Springer.
- Gurr T. 1970.** *Why Men Rebel*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Hanushek E. A., Kimko D. D. 2000.** Schooling, Labor-Force Quality and the Growth of Nations. *The American Economic Review* 90(5): 1184–1208.
- Hanushek E. A., Woessmann L. 2008.** The Role of Cognitive Skills in Economic Development. *Journal of Economics Literature* 46(3): 607–668.
- Hanushek E. A., Woessmann L. 2009.** *Do Better Schools Lead to more Growth? Cognitive Skills, Economic Outcomes, and Causation*. NBER Working Paper (No. 14633). Cambridge, MA.
- Hanushek E. A., Woessmann L. 2011.** How Much do Educational Outcomes Matter in OECD Countries? *Economic Policy* 67(26): 427–491.
- Hanushek E. A., Woessmann L. 2012.** Schooling, Educational Achievement, and the Latin American Growth Puzzle. *Journal of Development Economics* 99(2): 497–512.
- Hilbe J. 2011.** *Negative Binomial Regression*. New York: Cambridge University Press.
- Kis-Katos K., Liebert H., Schulze G. 2011.** On the Origin of Domestic and International Terrorism. *European Journal of Political Economy* 27(1): 17–36.
- Korotayev A. 2009.** Compact Mathematical Model of the World System Development and their Applicability to the Development of Local Solution in Third World Countries. *Systemic Development: Local Solutions in a Global Environment* / Ed. by J. Sheffield. Litchfield Park, AZ: ISCE Publishing. Pp. 103–116.
- Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. 2015.** Center – Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013–2014: A Cross-National Analysis. *Cross-Cultural Research* 49(5): 461–488.

- Krieger T., Meierrieks D. 2011.** What Causes Terrorism? *Public Choice* 147: 3–27.
- Krueger A., Lindahl M. 2001.** Education for Growth: Why and for Whom? *Journal of Economics Literature* 39: 1101–1136.
- Krueger A. B., Maleckova J. 2003.** Education, Poverty and Terrorism: Is there a Casual Connection? *Journal of Economic Perspectives* 17(4): 119–144.
- Kurrild-Klitgaard P., Justesen M. K., Klemmensen R. 2006.** The Political Economy of Freedom, Democracy and Transnational Terrorism. *Public Choice* 128: 289–315.
- Lai B. 2007.** “Draining the Swamp”: an Empirical Examination of the Production of International Terrorism, 1968–1998. *Conflict Management and Peace Science* 24(4): 297–310.
- Lee A. 2011.** Who Becomes a Terrorist? Poverty, Education, and the Origins of Political Violence. *World Politics* 63(2): 203–245.
- Li Q. 2005.** Does Democracy Promote or Reduce Transnational Terrorist Incidents? *Journal of Conflict Resolution* 49(2): 278–297.
- Li Q., Drew S. 2004.** Economic Globalization and Transnational Terrorism: A Pooled Time-Series Analysis. *The Journal of Conflict Resolution* 48(2): 230–258.
- Maleckova J., Stanisic D. 2013.** Does Higher Education Decrease Support for Terrorism? *Peace Economics, Peace Science and Public Policy* 19(3): 343–358.
- Mankiw N., Romer D., Weil D. 1992.** A Contribution to the Empirics of Economic Development. *The Quarterly Journal of Economics* 107(2): 407–437.
- Marshall M. G., Gurr T. R., Jagers K. 2016.** *Polity IV Project: Political Regime Characteristics and Transitions, 1800–2016*. Dataset Users’ Manual. URL: <http://www.systemicpeace.org/inscr/p4manualv2016.pdf>.
- Meierrieks D., Gries T. 2012.** Causality between Terrorism and Economic Growth. *Journal of Peace Research* 50(1): 91–104.
- Piazza J. 2006.** A. Rooted in Poverty? Terrorism, Poor Economic Development, and Social Cleavages. *Terrorism and Political Violence* 18(1): 159–177.
- Python A., Brandsch J., Tskhay A. 2017.** Provoking Local Ethnic Violence – a Global Study on Ethnic Polarization and Terrorist Targeting. *Political Geography* 58: 77–89.
- Russel C. A., Miller B. H. 1977.** Profile of a Terrorist. *Terrorism* 1(1): 17–34.
- Richardson C. 2011.** *Relative Deprivation Theory in Terrorism: A Study of Higher Education and Unemployment Rate as Predictors of Terrorism*. Senior Honors Thesis. New York: Politics Department.

- Sachs J. D., Warner A. 1997.** Sources of Slow Growth in African Economies. *Journal of African Economies* 6(3): 335–376.
- Sala-i-Martin X., Doppelhofer G., Miller Ronald I. 2004.** Determinants of Long-Term Growth: A Bayesian Averaging of Classical Estimates (BACE) Approach. *American Economics Review* 94(4): 813–835.
- Santos A. B., Mendes C. M. 2006.** An Empirical Analysis of Terrorism: Deprivation, Islamism and Geopolitical Factors. *Defense and Peace Economics* 17(4): 329–341.
- Shahrouri N. 2010.** Does a Link Exist between Democracy and Terrorism? *International Journal of World Peace* 27(4): 41–77.
- Shafiq M. N., Sinno A. H. 2010.** Education, Income and Support for Suicide Bombings: Evidence from Six Muslim Countries. *Journal of Conflict Resolution* 51(1): 146–178.
- Simpson M. 2014.** Terrorism and Corruption: Alternatives for Goal Attainment within Political Opportunity Structure. *International Journal of Sociology* 44(2): 87–104.
- Soeters J. 2005.** *Ethnic Conflict and Terrorism*. London; New York: Routledge.
- Tavares J. 2004.** The Open Society Assesses its Enemies: Shocks, Disasters and Terrorist Attacks *Journal of Monetary Economics* 51(5): 1039–1070.
- UNDP. 2017.** *United Nations Development Program. Human Development Data*. New York: UN Development Program. URL: <http://hdr.undp.org/en/data>.
- UNPD. 2015.** *United Nations Population Division. The 2015 Revision of World Population Prospects*. URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/> (дата обращения: 20.07.2017).
- World Bank. 2017a.** GDP per capita, PPP (Constant 2011 International \$). *World Development Indicators Online*. Washington, DC: World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD> (дата обращения: 02.09.2017).
- World Bank. 2017b.** Unemployment, Total (% of Total Labor Force) (Modeled ILO Estimate). *World Development Indicators Online*. Washington, DC: World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS> (дата обращения: 02.09.2017).

БЕЗРАБОТИЦА И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ОПЫТ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА*

А. А. Хохлова, А. В. Коротаев, С. В. Цирель

Показано, что корреляция между безработицей и социально-политической дестабилизацией в посткоммунистической (Западной) Европе радикально отличается от этой корреляции в посткоммунистической (Восточной) Европе. Уровень безработицы является мощным статистически значимым предиктором социально-политической дестабилизации в странах посткоммунистической (Западной) Европы, в то время как для стран посткоммунистической (Восточной) Европы не прослеживается ни одной положительной статистически значимой корреляции уровня безработицы ни с одним из индикаторов социально-политической дестабилизации (более того, для антиправительственных демонстраций в Восточной Европе прослеживается статистически значимая отрицательная корреляция с безработицей). Рассмотрены причины столь разительных отличий между двумя макрогруппами европейских стран.

Некоторые экономические показатели рассматриваются многими исследователями в качестве важных факторов социально-политической дестабилизации (Hirshleifer 1985; 2001; Elbadawi, Sambanis 2000; Collier, Hoeffler 2004). Одним из таких показателей является безработица.

Мы принимаем определение безработных Международной организации труда и Всемирного банка: это та часть населения, «ко-

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-06-00476).

торая не имеет работы, но способна трудиться и ищет работу»¹ (World Bank 2017: SL.UEM.TOTL.NE.ZS; см. также: Матвеева 2007: 243). Источники существования и образ жизни безработных очень сильно зависят от существующего экономического и политического порядка в государстве и от его экономического развития, взятого за определенный период времени (Sengenberger 2011: 11). К примеру, у европейца способы поиска работы (социальные сети, учебные заведения), социальное страхование в период незанятости (пособия по безработице, льготы) и условия в период отсутствия работы не сравнятся с условиями гражданина страны Южной Азии, к примеру Индии, чья ситуация усложняется не только экономическими и политическими, но и культурными особенностями государства-цивилизации. Из этого следует, что при оценке влияния безработицы на политическую стабильность государств важно делить выборку как минимум на развитые и развивающиеся страны.

В развитом мире представление о роли безработицы в экономической системе менялось с течением времени. Экономисты-классики отстаивали мнение, что на рынке возможна полная занятость, потому что спрос и предложение всегда сбалансированы (хотя они обычно и принимали понятие фрикционной безработицы и ее аналогов). Так, например, А. Смит отмечал: «Очевидно, что спрос на лиц, живущих заработной платой, может возрасть лишь пропорционально увеличению фондов, предназначенных для выплаты заработной платы» (Смит 1993). С другой стороны, Дж. М. Кейнс, в отличие от классиков, считал, что государство должно выступать регулятором на рынке труда (Кейнс 1936: 5). Позже монетаристы признавали вслед за Кейнсом возможность краткосрочной естественной безработицы, которую они называли «добровольной». При такой безработице рынок труда находится в равновесном состоянии (см., например: Блауг 1994: 631–634). Добровольная безработица может быть связана как с особенностями трудового законодательства, так и с человеческим фактором. Сегодня частным случаем человеческого фактора может быть, к примеру, предпочтение людей в странах развитого мира не работать и жить на социальные пособия по безработице, если они счи-

¹ Unemployment refers to the share of the labor force that is without work but available for and seeking employment.

тают, что, учитывая их квалификацию и опыт, их труд должен быть оценен выше (что должно выражаться в более высоком уровне заработной платы). По мнению некоторых экономистов, величина естественного уровня безработицы в настоящее время составляет 4–5 %, но она меняется с течением времени (Матвеева 2007: 247–248).

С точки зрения этих экономистов, в период экономической рецессии рост безработицы в развитых странах обусловлен этим поиском или неверным представлением работников о сложившейся экономической ситуации, а не тем, что люди вообще не могут найти работу. Рост безработицы может иметь как экономические (снижение доходов граждан и уровня обеспеченности домохозяйств, потеря их трудовой квалификации и времени, что приводит к маргинализации трудоспособной части населения), так и неэкономические последствия (недовольство жизнью, депрессии и фрустрация, потеря интереса к жизни и отсутствие способов самореализации человека). Они снижают уровень благосостояния членов развитого общества, не готовых жить хуже, чем прежде, вызывают у них недовольство и, возможно, стимулируют к протестной активности ради изменений (Матвеева 2007: 253).

Во многих существующих работах авторы на примерах разных стран и регионов приходят к выводу, что безработица является фактором социально-политической дестабилизации (Obeyesekere 1974; Braungart 1984; Alanana 2003; Wood 2006; Venugopal 2011; Jones, Rodgers 2011; Falk *et al.* 2011; Beissinger *et al.* 2012; Nwogwugwu, Irechukwu 2015)². Вместе с тем широко распространено мнение, что сама по себе безработица не может служить фактором политической нестабильности. Сторонники такой точки зрения склоняются к рассмотрению безработицы наряду с другими экономическими и социальными переменными, которые вкупе с безра-

² Отдельный блок работ посвящен исследованию зависимости политической нестабильности от высокого уровня безработицы среди молодежи, в частности так называемого феномена безработного «молодежного бугра» (Булдаков 1997; Гринин и др. 2009; Коротаев, Зинькина 2011; Коротаев и др. 2012; Долгов 2011; Нефедов 2015; Goldstone 2001; 2002; Cincotta *et al.* 2003; Korenman, Neumark 1997; Cincotta 2005; UNOWA 2005; Huntington 1996; Idris 2016; Humphreys, Weinstein 2004; Guichaoua 2007; 2012; Walton 2010; Kahl 1998; Honwana 2011; Urdal 2011; Assaad, Levison 2013; Stewart 2015), где авторы приходят к выводу, что молодежная безработица является особенно сильным предиктором социально-политической дестабилизации. Специальный обзор по безработице среди молодежи как факторе нестабильности см. в работе К. Доуда (Dowd 2017).

ботицей ведут к политической дестабилизации (Grossman 1991; Collier 1999; 2000; Kahl 1998; Levitt, Venkatesh 2000; Collier, Hoefler 2001; Urdal 2004; 2011; Honwana 2011). Например, П. Колльер заключает, что безработица в сочетании с другими экономическими и демографическими факторами может играть определенную роль в процессах дестабилизации, способствуя формированию повстанческих армий (Collier 2000: 4). Г. Урдал говорит о безработном «молодежном бугре» как факторе дестабилизации лишь в сочетании со слабой экономикой (Urdal 2004). В более поздней работе исследователь повторяется, что безработица среди молодежи приводит к дестабилизации вместе с экономическим спадом. Это позволяет ему прийти к следующему выводу: «Чтобы избежать, в частности, нестабильности и насилия, основное внимание должно быть сосредоточено на улучшении экономических возможностей для молодежи, в частности путем предоставления молодым людям возможностей трудоустройства или получения образования в период экономического спада» (*Idem* 2011: 9).

В работе А. Вуда на примере 63 стран по данным за 2002–2003 гг. рассматриваются корреляции между (1) общей безработицей и (2) безработицей среди мужского населения и негосударственным насилием – убийствами (1) в целом и (2) с помощью огнестрельного оружия. В его исследовании были получены достаточно сильные коэффициенты корреляции между (1) безработицей среди мужского населения и убийствами ($r = 0,41$) и особенно (2) между безработицей среди мужского населения и убийствами с помощью огнестрельного оружия ($r = 0,46$). Между общей безработицей и убийствами коэффициент корреляции меньше ($r = 0,33$), но также статистически значим. Стоит отметить, что все корреляции получились в положительном направлении. Обобщив полученные результаты, автор констатирует, что между безработицей и нестабильностью существует сильная положительная зависимость (Wood 2006).

В работе К. Хьюитта (Hewitt 1991) рассматриваются причины политического насилия, которое наблюдалось в Северной Ирландии с 1968 по начало 1971 г. В регрессионном анализе автор использует три независимые переменные – национализм, безработицу среди мужского католического населения и неравенство. Результаты показывают, что коэффициент корреляции (r) между

безработицей среди мужчин-католиков и интенсивностью беспорядков составляет 0,87, а между безработицей среди мужчин-католиков и терроризмом – 0,82 при статистической значимости (p) < 0,001. Автор приходит к выводу, что между безработицей и нестабильностью в Северной Ирландии существует сильная положительная зависимость: все коэффициенты корреляции имеют положительный знак (Hewitt 1981).

С другой стороны, Э. Берман и соавторы (Bergman *et al.* 2011) обнаружили отрицательную корреляцию между безработицей и нестабильностью в Афганистане, Ираке и на Филиппинах. Объясняют они это в рамках теории альтернативных издержек следующим образом: высокий уровень безработицы характерен для экономически слабо развитых районов, поэтому государственным службам там легче (или дешевле) получать (или выкупать) информацию у населения по готовящимся террористическим или партизанским действиям или же о повстанческих группировках, а также намного дешевле обходится создание укрепленных контрольно-пропускных пунктов, строительство стен и прочих мер против оппозиционной активности. Исследователи используют данные по безработице в качестве независимых переменных и показатели по партизанским действиям и формированию бандитских групп в качестве зависимых. К зависимым переменным относятся: 1) интенсивность нападений на правительство и союзные им силы; 2) уровень насилия со стороны повстанцев, приводящего к убийствам гражданских лиц. Во всех трех странах авторы собрали данные по безработице для наименьших административных единиц в упомянутых государствах, для которых имеются относительно достоверные данные о населении и безработице (авторы предупреждают, что количественные данные по этим странам имеются в ограниченном количестве). Результаты исследования интересны тем, что, как отмечают сами авторы, эти страны сильно различаются и по географии, и по характеру и интенсивности действий повстанцев, которые в них наблюдаются. Тем не менее результаты по странам схожи в том, что коэффициенты при переменных по безработице во всех трех случаях имеют отрицательный знак (*Ibid.*).

Другие проведенные исследования на национальном или более узком уровнях говорят о слабой либо даже статистически не-

значимой зависимости политической нестабильности от уровня безработицы (Benmelech *et al.* 2010; Izzi 2013; Миронов 2013). К. Крамер приходит к выводу, что безработица может быть фактором социально-политической дестабилизации, при этом оговаривая, что сильная причинно-следственная связь между безработицей, частичной занятостью или непродуктивной занятостью и насилием либо войной в развивающихся странах отсутствует (Cramer 2010: 2).

В работе С. Олзака и С. Шэнахана (Olzak, Shanahan 1996) безработица как фактор политической нестабильности оказывается незначимой. Коэффициент корреляции между безработицей и участием в расовых беспорядках на примере США в период 1964–1992 гг. оказывается слабым, сама корреляция – статистически незначимой. Коэффициент корреляции между процентом небелых безработных мужчин и нестабильностью статистически незначим, но все-таки имеет положительное направление ($r = 0,054$), незначим этот же показатель при использовании в качестве независимой переменной уровня безработицы среди афроамериканского населения по отношению к белому, но он при этом имеет отрицательное направление ($r = -0,020$) (*Ibid.*).

В своей работе Р. В. Вайт (White 1993) получил схожие с предыдущим исследованием результаты. Безработица оказалась незначимым фактором в трех тестах из пяти, а в двух тестах значимой, но с отрицательным знаком (чем выше безработица, тем ниже уровень политического насилия).

В работе Дж. Л. Томпсона (Thompson 1989), посвященной нестабильности в Ирландии за достаточно широкий (более чем полувековой) период 1923–1985 гг., во всех моделях множественной регрессии независимая переменная безработица оказалась статистически незначимой; при этом коэффициент при переменной имеет как положительный, так и отрицательный знак.

Ниже приведена таблица с результатами рассмотренных шести работ, упорядоченных по дате исследования (Табл. 1).

Табл. 1. Результаты эмпирических исследований влияния безработицы на социально-политическую дестабилизацию

Исследователь, год публикации	Метод	Исследовательский период	Размер выборки	Категоризация результатов
Hewitt, 1981	Парная линейная регрессия	1968–1971	Северная Ирландия	Сильная статистически значимая положительная корреляция между безработицей среди мужчин-католиков и интенсивностью беспорядков/терактов (между безработицей и беспорядками (<i>riots</i>) $r = 0,87^*$, между безработицей и терроризмом $r = 0,82^*$, где $^* - p < 0,001$)
Thompson, 1989	Множественная регрессия	1923–1985	Северная Ирландия	Во всех моделях множественной регрессии независимая переменная безработица статистически незначима, знаки корреляции – как положительные, так и отрицательные
White, 1993	Множественная линейная регрессионная модель	1969–1980	Северная Ирландия	Безработица оказалась статистически незначимым регрессором в трех тестах из пяти, а в двух тестах значимой, но с отрицательным знаком (чем выше безработица, тем ниже уровень политического насилия)
Olzak, Shanahan, 1996	Множественная регрессия	1954–1992	США	Процент небелых безработных мужчин оказался статистически незначимым регрессором интенсивности расовых беспорядков в трех множественных регрессионных тестах из трех
Wood, 2006	Линейная регрессия	2002–2003	63 страны	Безработица, особенно среди мужской половины населения, является значимым предиктором социально-политической дестабилизации
Berman, Callen, Felter, Shapiro, 2011	Множественная регрессия, логарифмическая – с целью проверки	1997–2009	Афганистан, Ирак, Филиппины	Безработица во всех трех странах отрицательно коррелирует с нестабильностью, коэффициенты при переменной имеют обратный знак при статистической значимости

Предлагаемое исследование имеет своей целью изучить, как безработица влияет на политическую стабильность в Западной и Восточной Европе.

Начнем нашу серию тестов со стран Западной Европы за период 1991–2015 гг.

Уровень безработицы как предиктор социально-политической дестабилизации в странах Западной Европы

Корреляционный анализ зависимости между уровнем безработицы по исходным данным Всемирного банка (World Bank 2017: NY.GDP.PCAP.PP.KD) и показателями социально-политической дестабилизации *CNTS* за 1991–2015 гг. в странах непосткоммунистической (Западной) Европы демонстрирует, что применительно к этим странам и для данного периода уровень безработицы является статистически значимым предиктором социально-политической дестабилизации (см. Табл. 2).

Табл. 2. Корреляции между уровнем безработицы (исходные данные) и показателями социально-политической дестабилизации *CNTS* за 1991–2015 гг. для стран Западной Европы

Индикаторы социально-политической дестабилизации	Коэффициент корреляции Пирсона (r)	Статистическая значимость (p)
1. Политические убийства (<i>Assassinations</i>)	0,171**	< 0,001
2. Политические забастовки (<i>General Strikes</i>)	0,436**	< 0,001
3. Крупные террористические акты/«партизанские действия» (<i>Guerrilla Warfare</i>)	0,207**	< 0,001
4. Правительственные кризисы (<i>Government Crises</i>)	0,168**	< 0,001
5. Политические репрессии (<i>Purges</i>)	-0,02	0,967
6. Массовые беспорядки (<i>Riots</i>)	0,345**	< 0,001
7. Перевороты и попытки переворотов (<i>Revolutions</i>)	0,101*	0,028

Окончание Табл. 2

Индикаторы социально-политической дестабилизации	Коэффициент корреляции Пирсона (r)	Статистическая значимость (p)
8. Антиправительственные демонстрации (<i>Anti-Government Demonstrations</i>)	0,517**	< 0,001
9. Агрегированный индекс социально-политической дестабилизации	0,478**	< 0,001

* – корреляция значима на уровне $0,01 < p < 0,05$.** – корреляция значима на уровне $< 0,01$.

Как мы видим, в восьми из девяти проведенных тестов корреляция оказалась в предсказанном направлении (чем выше безработица, тем выше уровень социально-политической дестабилизации) и вполне статистически значимой. При этом в семи из восьми значимых корреляций статистическая значимость откровенно высока ($p < 0,001$). Относительно невысока значимость для такого специфического индикатора социально-политической дестабилизации, как перевороты и попытки переворотов, практически нехарактерного для современных стран Западной Европы. Это исключение, которое лишь подтверждает правило. Лишь одна корреляция оказалась в направлении, отличном от предсказанного, при этом совершенно статистически незначимой. Здесь мы снова имеем дело именно с таким исключением, которое только подтверждает правило; речь идет о политических репрессиях, то есть о форме социально-политической дестабилизации, абсолютно нехарактерной для современной Западной Европы.

Среди корреляций с очень высокой значимостью ($p < 0,001$) по своей силе выделяются массовые беспорядки ($r = 0,345$), агрегированный индекс социально-политической дестабилизации ($r = 0,478$) и особенно антиправительственные демонстрации ($r = 0,517$). Отметим, что во всех случаях речь идет о массовой социально-политической дестабилизации, то есть о таких типах дестабилизации, для которых характерно участие широких слоев населения. Подобные результаты достаточно логичны, ибо безработица имеет тенденцию порождать именно массовое недовольство, затрагивая социальные элиты в несравненно меньшей степени, чем широкие народные массы. Заметно меньшую корреляцию демонстрируют такие формы социально-политической дестабилизации, как поли-

тические убийства и крупные террористические акты, что также представляется неслучайным, поскольку речь здесь идет о таких формах социально-политической дестабилизации, которые никак нельзя назвать массовыми (вместе с тем высокая безработица, по всей видимости, облегчает поиск исполнителей терактов и политических убийств, поэтому статистически значимая корреляция здесь все-таки прослеживается).

Таким образом, для стран современной Западной Европы безработица является статистически значимым предиктором абсолютного большинства индикаторов социально-политической дестабилизации и в особенности таких форм массовой дестабилизации, как беспорядки, забастовки и демонстрации протеста. Достаточно сильная статистически значимая корреляция здесь прослеживается и для агрегированного индекса социально-политической дестабилизации *CNTS*.

Особенно сильная корреляция здесь наблюдается, если мы в качестве единицы наблюдения начинаем рассматривать не отдельные страны, а группы стран, выделяемые по уровню безработицы. Ниже европейские страны анализируются после их подразделения на десять подгрупп (децилей), при этом в нижнюю подгруппу (нижний дециль) входят 10 % страно-лет с наиболее низким уровнем безработицы, в верхнюю подгруппу (верхний дециль) входят 10 % страно-лет с самым высоким уровнем безработицы, в восемь промежуточных децилей – страно-годы с промежуточными значениями.

Применительно к странам непосткоммунистической (Западной) Европы подецильный анализ дает следующие результаты (см. Табл. 3).

Табл. 3. Корреляции между уровнем безработицы (по децилям) и показателями социально-политической дестабилизации *CNTS* за 1991–2015 гг. в странах Западной Европы

Индикаторы социально-политической дестабилизации	Коэффициент корреляции Пирсона (<i>r</i>)	Статистическая значимость (<i>p</i>)
1. Политические убийства (<i>Assassinations</i>)	0,719*	0,019
2. Политические забастовки (<i>General Strikes</i>)	0,911**	< 0,001

Окончание Табл. 3

Индикаторы социально-политической дестабилизации	Коэффициент корреляции Пирсона (r)	Статистическая значимость (p)
3. Крупные террористические акты/«партизанские действия» (<i>Guerrilla Warfare</i>)	0,819**	0,002
4. Правительственные кризисы (<i>Government Crises</i>)	0,846**	0,002
5. Политические репрессии (<i>Purges</i>)	-0,020	0,955
6. Массовые беспорядки (<i>Riots</i>)	0,962**	< 0,001
7. Перевороты и попытки переворотов (<i>Revolutions</i>)	0,465	0,176
8. Антиправительственные демонстрации (<i>Anti-Government Demonstrations</i>)	0,933**	< 0,001
9. Агрегированный индекс социально-политической дестабилизации	0,980**	< 0,001

* – корреляция значима на уровне $0,01 < p < 0,05$.

** – корреляция значима на уровне $< 0,01$.

При подецильном тестировании все корреляции оказались с тем же знаком, что и при первом тестировании, однако сила корреляций во всех случаях, кроме одного, оказалась намного выше. При этом в семи случаях из девяти речь идет об откровенно сильных корреляциях ($r > 0,7$), а в четырех случаях мы имеем дело с очень сильными корреляциями ($r > 0,9$). Предсказуемым образом в странах Западной Европы безработица особо сильно коррелирует с массовыми формами дестабилизации: политическими забастовками, демонстрациями и особенно с массовыми беспорядками. При этом достаточно сильная корреляция прослеживается и с политическими убийствами, а также с террористическими актами/«партизанскими действиями».

Рассмотрим несколько подробнее подецильные корреляции между безработицей и интенсивностью массовых беспорядков, антиправительственных демонстраций и общим индексом социально-политической дестабилизации.

Подецильная корреляция между уровнем безработицы и интенсивностью беспорядков для стран непосткоммунистической (Западной) Европы выглядит следующим образом (Рис. 1).

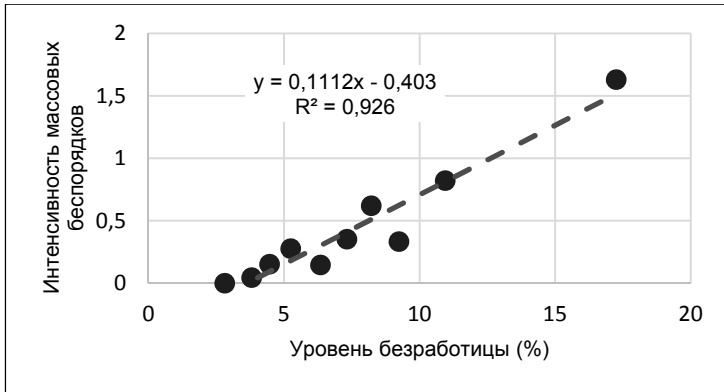

Рис. 1. Подецильная корреляция между уровнем безработицы и интенсивностью массовых беспорядков в странах Западной Европы, 1991–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)³

Источники данных: Banks, Wilson 2017; World Bank 2017: NY.GDP.PCAP.PP.KD.

Примечание: $r = 0,962$; $p < 0,001$.

Как мы видим, для 10 % страно-лет с минимальными значениями безработицы (менее 3,5 %, в среднем 2,8 %) мы имеем дело с абсолютно минимальным (нулевым) уровнем массовых беспорядков. Другими словами, в западноевропейских странах с уровнем безработицы менее 3,5 % массовых беспорядков совсем не зафиксировано. С другой стороны, в 10 % стран с максимальным уровнем безработицы (более 12,1 %, в среднем 17,3 %) интенсивность массовых беспорядков достигает уровня 1,63 в год, то есть в такого рода странах в среднем практически не проходит года без массовых беспорядков. Для остальных групп стран наблюдается достаточно выраженная линейная зависимость между средним уровнем безработицы и средней интенсивностью массовых беспорядков. В целом для стран непосткоммунистической (Западной) Европы среднее

³ В этом и следующих случаях использовались данные границы децилей: 1-й дециль: < 3,5 %; 2-й дециль: 3,5–4,1 %; 3-й дециль: 4,1–4,9 %; 4-й дециль: 4,9–5,9 %; 5-й дециль: 5,9–6,9 %; 6-й дециль: 6,9–7,8 %; 7-й дециль: 7,8–8,7 %; 8-й дециль: 8,7–9,9 %; 9-й дециль: 9,9–12,1 %; 10-й дециль: > 12,1 %. Важно также добавить, что единицей наблюдения в наших расчетах является даже не страна, а, строго говоря, страно-год, то есть страна X по состоянию на год Y.

значение безработицы для децилей объясняет более 92 % дисперсии средних значений интенсивности массовых беспорядков по децилям.

Теперь перейдем к более детальному рассмотрению подецильной корреляции между безработицей и интенсивностью антиправительственных демонстраций в странах непосткоммунистической (Западной) Европы (см. Рис. 2).

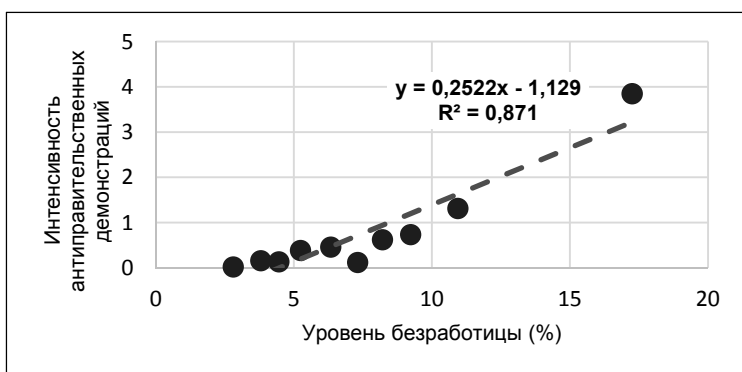

Рис. 2. Подецильная корреляция между уровнем безработицы и интенсивностью антиправительственных демонстраций в странах Западной Европы, 1991–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

Источники данных: Banks, Wilson 2017; World Bank 2017: SL.UEM.TOTL.NE.ZS.

Примечание: $r = 0,933$, $p < 0,001$.

Как мы видим, для 10 % страно-лет с минимальными значениями безработицы (менее 3,5 %, в среднем 2,8 %) мы имеем дело с предельно низкой интенсивностью антиправительственных демонстраций (0,02). Другими словами, в западноевропейских странах с уровнем безработицы менее 3,5 % одна антиправительственная демонстрация в среднем фиксируется раз в пятьдесят лет. С другой стороны, в 10 % стран с максимальным уровнем безработицы (более 12,1 %, в среднем 17,3 %) интенсивность антиправительственных демонстраций достигает уровня 3,85 в год, то есть в такого рода странах в среднем фиксируется около четырех антиправительственных демонстраций каждый год. Для остальных групп стран

наблюдается достаточно выраженная линейная зависимость между средним уровнем безработицы и средней интенсивностью антиправительственных демонстраций. В целом для стран непосткоммунистической (Западной) Европы среднее значение безработицы для децилей объясняет более 87 % дисперсии средних значений интенсивности антиправительственных демонстраций по децилям.

Особо сильная подецильная корреляция для стран непосткоммунистической (Западной) Европы наблюдается между уровнем безработицы и агрегированным индексом социально-политической дестабилизации (см. Рис. 3).

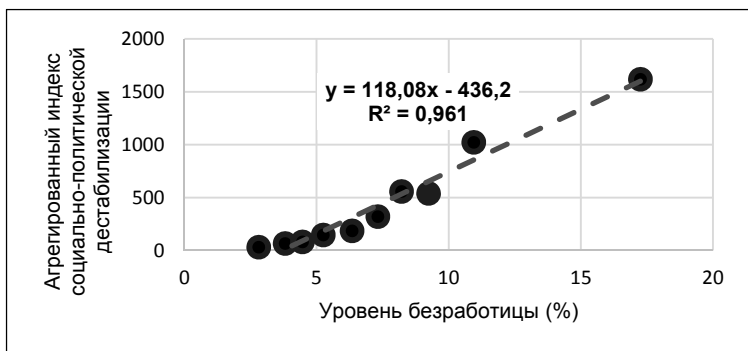

Рис. 3. Подецильная корреляция между уровнем безработицы и агрегированным индексом социально-политической дестабилизации в странах Западной Европы, 1991–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

Источники данных: Banks, Wilson 2017; World Bank 2017.

Примечание: $r = 0,980$, $p < 0,001$.

Как мы видим, для стран непосткоммунистической (Западной) Европы среднее значение безработицы для децилей объясняет более 96 % дисперсии средних значений агрегированного индекса социально-политической дестабилизации по децилям; то есть безработица здесь выступает в качестве очень сильного предиктора социально-политической дестабилизации.

Страны посткоммунистической (Восточной) Европы находятся здесь в разительном контрасте со странами непосткоммунистической (Западной) Европы.

Безработица и социально-политическая нестабильность в странах посткоммунистической (Восточной) Европы

Как мы могли видеть выше, для непосткоммунистической (Западной) Европы безработица является мощным предиктором социально-политической дестабилизации как в целом, так и для большинства ее значимых индикаторов. В ярком контрасте с ними для стран посткоммунистической (Восточной) Европы для того же периода (после 1990 г.) и с использованием тех же самых источников данных безработица не показывает абсолютно никакой положительной статистически значимой корреляции ни с интегральным индексом социально-политической дестабилизации, ни с каким-либо отдельным индикатором дестабилизации (см. Табл. 4).

Табл. 4. Корреляции между уровнем безработицы (исходные данные) и показателями социально-политической дестабилизации *CNTS* за 1991–2015 гг. в странах Восточной Европы

Индикаторы социально-политической дестабилизации	Коэффициент корреляции Пирсона (<i>r</i>)	Статистическая значимость (<i>p</i>)
1. Политические убийства (<i>Assassinations</i>)	-0,054	0,249
2. Политические забастовки (<i>General Strikes</i>)	0,033	0,481
3. Крупные террористические акты/«партизанские действия» (<i>Guerrilla Warfare</i>)	-0,044	0,349
4. Правительственные кризисы (<i>Government Crises</i>)	-0,101*	0,033
5. Политические репрессии (<i>Purges</i>)	-0,102*	0,031
6. Массовые беспорядки (<i>Riots</i>)	-0,023	0,632
7. Перевоороты и попытки переворотов (<i>Revolutions</i>)	0,035	0,461
8. Антиправительственные демонстрации (<i>Anti-Government Demonstrations</i>)	-0,111*	0,018
9. Агрегированный индекс социально-политической дестабилизации	-0,047	0,323

* – корреляция значима на уровне $0,01 < p < 0,05$.

** – корреляция значима на уровне $< 0,01$.

Как мы помним, уже при использовании исходных (непреобразованных) данных статистически значимые корреляции с безработицей в предсказанном (положительном) направлении для стран непосткоммунистической (Западной) Европы были получены как для общего индекса социально-политической дестабилизации, так и для семи из восьми отдельных индексов (при этом особо сильными они оказались для протестных демонстраций, политических забастовок и массовых беспорядков). **В полном контрасте с этим для стран посткоммунистической (Восточной) Европы не прослеживается ни одной положительной статистически значимой корреляции ни с одним из девяти вышеупомянутых индексов социально-политической дестабилизации.** Три статистически значимые корреляции здесь все-таки обнаруживаются, но все они (включая интенсивность антиправительственных демонстраций) показывают не положительную, а отрицательную корреляцию с безработицей; получается, что если в непосткоммунистической (Западной) Европе чем выше безработица, тем чаще – и при этом заметно чаще – люди выходят на улицу с протестами, то в Восточной Европе чем выше безработица, тем реже люди протестуют (последняя отрицательная корреляция не столь сильна, как противоположная западноевропейская корреляция, но все равно она статистически значима).

Результаты остаются качественно теми же самыми и при поделительном анализе восточноевропейских стран (см. Табл. 5).

Табл. 5. Корреляции между уровнем безработицы (по децилям) и показателями социально-политической дестабилизации *CNTS* за 1991–2015 гг. в странах Восточной Европы

Индикаторы социально-политической дестабилизации	Коэффициент корреляции Пирсона (r)	Статистическая значимость (p)
1. Политические убийства (<i>Assassinations</i>)	-0,398	0,254
2. Политические забастовки (<i>General Strikes</i>)	0,273	0,446
3. Крупные террористические акты/«партизанские действия» (<i>Guerrilla Warfare</i>)	-0,302	0,397
4. Правительственные кризисы (<i>Government Crises</i>)	-0,562	0,091

Окончание Табл. 5

Индикаторы социально-политической дестабилизации	Коэффициент корреляции Пирсона (r)	Статистическая значимость (p)
5. Политические репрессии (<i>Purges</i>)	-0,538	0,108
6. Массовые беспорядки (<i>Riots</i>)	-0,240	0,504
7. Перевоороты и попытки переворотов (<i>Revolutions</i>)	0,263	0,464
8. Антиправительственные демонстрации (<i>Anti-Government Demonstrations</i>)	-0,724*	0,018
9. Агрегированный индекс социально-политической дестабилизации	-0,313	0,379

* – корреляция значима на уровне $0,01 < p < 0,05$.** – корреляция значима на уровне $< 0,01$.

Как мы видим, если для Западной Европы при подецильном тестировании все основные показатели социально-политической дестабилизации демонстрировали очень сильную статистически значимую корреляцию с уровнем безработицы, то для Восточной Европы в восьми из девяти случаев мы имеем дело со статистически незначимыми корреляциями. Одна статистически значимая (и при этом откровенно сильная) корреляция, впрочем, прослеживается и здесь (применительно к антиправительственным демонстрациям); но снова речь идет не о положительной, а об отрицательной корреляции. Отметим, что для Восточной Европы переход от постранового к подецильному анализу (страно-годовому) в отличие от Западной Европы не повысил, а даже несколько снизил значимость корреляций, что указывает на происходившие в эти годы изменения, то есть на некоторую статистическую неоднородность данных разных лет.

Рассмотрим несколько подецильных корреляций применительно к Восточной Европе подробнее.

Подецильная корреляция между уровнем безработицы и интенсивностью беспорядков для стран посткоммунистической (Восточной) Европы выглядит следующим образом (Рис. 4).

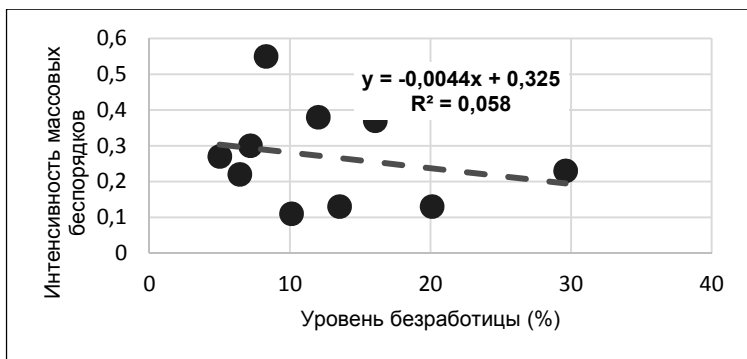

Рис. 4. Подецильная корреляция между уровнем безработицы и интенсивностью массовых беспорядков в странах Восточной Европы, 1991–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)⁴

Источники данных: Banks, Wilson 2017; World Bank 2017.

Примечание: $r = -0,240$, $p = 0,504$.

Как мы видим, для 10 % страно-лет с минимальными значениями безработицы (менее 6,1 %, в среднем 5 %) мы имеем дело с далеко не минимальным значением интенсивности массовых беспорядков (0,27). Более того, он даже выше, чем для 10 % страно-лет с максимальным средним значением по безработице (0,23). Другими словами, в 10 % стран с максимальным уровнем безработицы (более 23,8 %, в среднем 29,6 %) интенсивность массовых беспорядков достигает уровня 0,23 в год, то есть в такого рода странах интенсивность массовых беспорядков в год даже меньше, чем в странах с минимальным значением безработицы. Близкое к хаотическому распределение в диаграмме рассеивания по отношению к линии регрессии обуславливает статистическую незначимость уровня безработицы как предиктора интенсивности массовых беспорядков в странах посткоммунистической (Восточной) Европы. При этом

⁴ В этом и следующих случаях использовались данные границы децилей: 1-й дециль: < 6,1 %; 2-й дециль: 6,1–6,8 %; 3-й дециль: 6,8–7,7 %; 4-й дециль: 7,7–9,2 %; 5-й дециль: 9,2–11,1 %; 6-й дециль: 11,1–13 %; 7-й дециль: 13–14,1 %; 8-й дециль: 14,1–18,2 %; 9-й дециль: 18,2–23,8 %; 10-й дециль: > 23,8 %. Стоит напомнить, что единицей наблюдения в наших расчетах является даже не страна, а, строго говоря, страно-год, то есть страна X по состоянию на год Y.

если какая-то корреляция здесь все-таки и прослеживается, то корреляция эта отрицательная.

Рассмотрим теперь более детально подецильную корреляцию в странах посткоммунистической (Восточной) Европы между безработицей и интенсивностью антиправительственных демонстраций. Диаграмма рассеивания в этом случае выглядит следующим образом (Рис. 5).

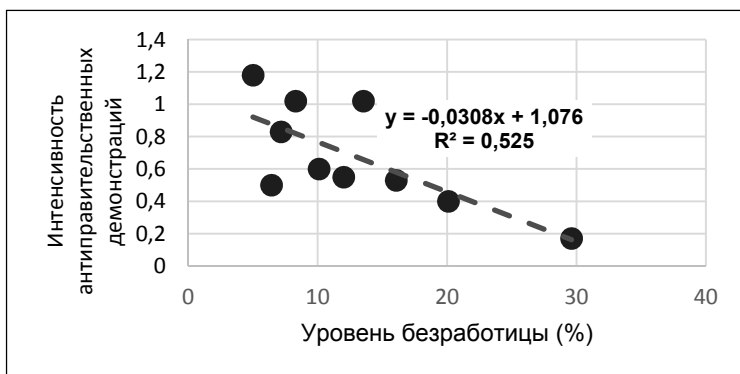

Рис. 5. Подецильная корреляция между уровнем безработицы и интенсивностью антиправительственных демонстраций в странах Восточной Европы, 1991–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

Источники данных: Banks, Wilson 2017; World Bank 2017.

Примечание: $r = -0,724$, $p = 0,018$.

Как мы видим, применительно к антиправительственным демонстрациям для стран посткоммунистической (Восточной) Европы мы парадоксальным образом обнаруживаем вполне статистически значимую и сильную *отрицательную* (!) корреляцию с уровнем безработицы. Для 10 % стран с минимальными значениями безработицы (менее 6,1 %, в среднем 5 %) мы имеем дело с максимальным значением интенсивности антиправительственных демонстраций (1,18). Другими словами, в восточноевропейских странах с минимальным уровнем безработицы фиксируется более одной массовой антиправительственной демонстрации на страну в год. С другой стороны, в 10 % стран с максимальным уровнем безработицы (более 23,8 %, в среднем 29,6 %) интенсивность массовых

беспорядков достигает минимального уровня в год (0,17; другими словами, менее одной демонстрации каждые пять лет). Да и в целом мы имеем дело с достаточно выраженной *отрицательной* линейной зависимостью между средним уровнем безработицы и средней интенсивностью антиправительственных демонстраций по децилям. То есть в данном случае для стран посткоммунистической (Восточной) Европы наблюдается обратная зависимость между переменными: для самого высокого уровня безработицы характерна самая низкая интенсивность антиправительственных демонстраций и наоборот. Итак, предварительно сделанный выше вывод подтверждается: если в непосткоммунистической (Западной) Европе чем выше безработица, тем чаще – и при этом заметно чаще – люди выходят на улицу с протестами, то в Восточной Европе чем выше безработица, тем реже люди выходят на антиправительственные демонстрации (при этом при подецильном анализе эта отрицательная корреляция оказывается не только статистически значимой, но и достаточно сильной).

Наконец, рассмотрим для стран посткоммунистической (Восточной) Европы подецильную корреляцию между уровнем безработицы и агрегированным индексом социально-политической дестабилизации (см. Рис. 6).

Если для стран непосткоммунистической (Западной) Европы наш подецильный анализ выявил исключительно сильную ($r = +0,980$; $R^2 = 0,961$) статистически значимую ($p < 0,001$) положительную корреляцию между уровнем безработицы и интегральным индексом социально-политической дестабилизации, то для стран посткоммунистической (Восточной) Европы аналогичный анализ фиксирует крайне слабую ($R^2 < 0,1$) совершенно статистически незначимую ($p = 0,379$) корреляцию, да к тому же еще и в отрицательном направлении.

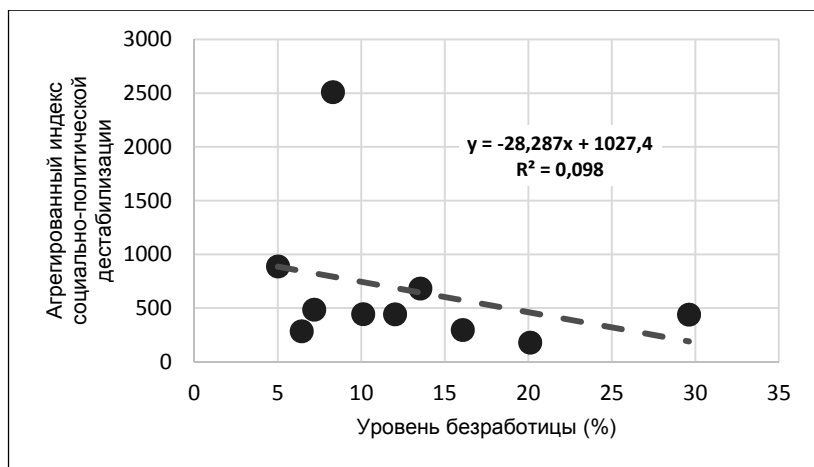

Рис. 6. Подецильная корреляция между уровнем безработицы и агрегированным индексом социально-политической дестабилизации в странах Восточной Европы, 1991–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

Источники данных: Banks, Wilson 2017; World Bank 2017.

Примечание: $r = -0,313$, $p = 0,379$.

Безработица как фактор социально-политической дестабилизации в Западной и Восточной Европе: опыт сопоставительного анализа

Итак, корреляция между безработицей и социально-политической дестабилизацией в непосткоммунистической (Западной) Европе радикально отличается от этой корреляции в посткоммунистической (Восточной) Европе. Уровень безработицы является мощным статистически значимым предиктором социально-политической дестабилизации в странах непосткоммунистической (Западной) Европы, в то время как для стран посткоммунистической (Восточной) Европы не прослеживается ни одной положительной статистически значимой корреляции уровня безработицы ни с одним из индикаторов социально-политической дестабилизации (более того, в Восточной Европе для антиправительственных демонстраций прослеживается статистически значимая *отрицательная* корреляция с безработицей).

Чем может объясняться столь яркий контраст между Восточной и Западной Европой?

Наиболее очевидное объяснение заключается в том, что М. Бейссинджером и Г. Сассе было названо «эффектом терпения» (Beissinger, Sasse 2014). В 1990-е гг. мир стал свидетелем очень сильного экономического спада в Восточной Европе, так как восточноевропейские общества переживали переход от командной к рыночной экономике. Например, за три года после 1991 г. уровень ВВП упал на 23 % в Эстонии и на 18 % в Латвии (World Bank 2017). И при этом данные две страны смогли встать на капиталистические рельсы с меньшими экономическими потерями, чем многие другие страны региона; подобное падение ВВП было еще более сильным в России (37 %), Украине (55 %) и Молдове (59 %). Однако в большинстве случаев перехода от командной к рыночной экономике в странах Восточной Европы в 1990-е гг. не было зафиксировано сильной протестной активности – население демонстрировало чрезвычайно высокий уровень «терпения» посреди экономической рецессии, ожидая, что рыночные реформы приведут к новому росту уровня жизни (см., например: Beissinger, Sasse 2014).

В результате хотя в Восточной Европе мощный экономический спад 1990-х гг. сопровождался в том числе и резким ростом безработицы, он в подавляющем большинстве стран посткоммунистической Европы не сопровождался сколько-нибудь сопоставимой по силе социально-политической дестабилизацией. В большинстве из этих стран к власти пришли новые руководители, обещавшие путем болезненных реформ обеспечить улучшение уровня жизни большинства населения в обозримом будущем; население большинства этих стран было готово перетерпеть трудности 1990-х гг. Однако в 2000-е гг. ситуация изменилась, и во время финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. наблюдалось то, что М. Бейссинджером и Г. Сассе было названо «концом терпения»: экономические трудности во многих восточноевропейских странах были уже встречены достаточно сильными протестами (*Ibid.*).

Для того чтобы проверить гипотезу о том, что отсутствие положительной корреляции между безработицей и социально-политической дестабилизацией в странах посткоммунистической Европы связано с «эффектом терпения» 1990-х гг. и «концом терпения»

в последующие годы, удалим из выборки все данные за 1990-е гг. Если данная гипотеза верна, то следует ожидать, что для оставшейся выборки должны проследиваться те же статистически значимые положительные корреляции между безработицей и различными показателями социально-политической дестабилизации, что были выше обнаружены нами применительно к Западной Европе.

Результаты соответствующего теста выглядят следующим образом (см. Табл. 6).

Табл. 6. Корреляции между уровнем безработицы (исходные данные) и показателями социально-политической дестабилизации *CNTS* за 2000–2015 гг. в странах Восточной Европы

Индикаторы социально-политической дестабилизации	Коэффициент корреляции Пирсона r	Статистическая значимость (p)
1. Политические убийства (<i>Assassinations</i>)	-0,077	0,191
2. Политические забастовки (<i>General Strikes</i>)	0,042	0,470
3. Крупные террористические акты/«партизанские действия» (<i>Guerrilla Warfare</i>)	-0,056	0,342
4. Правительственные кризисы (<i>Government Crises</i>)	-0,088	0,131
5. Политические репрессии (<i>Purges</i>)	-0,122*	0,036
6. Массовые беспорядки (<i>Riots</i>)	-0,037	0,524
7. Перевоороты и попытки переворотов (<i>Revolutions</i>)	-0,001	0,980
8. Антиправительственные демонстрации (<i>Anti-Government Demonstrations</i>)	-0,149*	0,010
9. Агрегированный индекс социально-политической дестабилизации	-0,062	0,290

* – корреляция значима на уровне $0,01 < p < 0,05$.

** – корреляция значима на уровне $< 0,01$.

Как видим, проведенный нами тест не подтверждает высказанную выше гипотезу: отсутствие статистически значимых положительных корреляций между безработицей и основными индикаторами социально-политической дестабилизации в странах посткоммунистической Европы *нельзя* объяснить «эффектом терпения» 1990-х гг. и «концом терпения» в последующие годы. Удаление из

выборки данных за 1990-е гг. не привело к появлению хотя бы одной статистически значимой положительной корреляции. Общая картина осталась удивительно сходной: и после удаления из выборки данных за 1990-е гг. большинство корреляций оказываются статистически незначимыми, а все статистически значимые корреляции оказываются отрицательными. Число статистически значимых отрицательных корреляций, впрочем, уменьшается с трех до двух, но при этом сохраняется (и даже немного усиливается) отрицательная корреляция между безработицей и интенсивностью антиправительственных демонстраций.

Рассмотрим теперь еще одно из возможных объяснений интересующего нас радикального отличия Западной Европы от Восточной.

Как известно, еще в 1960-е гг. М. Олсон (Olson 1963) и С. Хантингтон (Huntington 1968; Хантингтон 2004) выдвинули гипотезу о наличии криволинейной перевернутой U-образной зависимости между уровнем экономического развития и уровнем социально-политической нестабильности. Согласно этой гипотезе, вплоть до определенного значения величины средних подушевых доходов экономический рост в тенденции ведет к усилению рисков социально-политической дестабилизации, и лишь при его относительно высоких значениях дальнейший рост этого показателя ведет к уменьшению данных рисков. Таким образом, для более высоких значений душевого дохода характерна отрицательная корреляция между доходами на душу населения и рисками социально-политической дестабилизации, а для более низких – положительная.

Наши эмпирические тесты (Коротаев и др. 2015; Коротаев, Билюга, Шишкина 2016; 2017а; 2017б; Коротаев, Васькин, Билюга 2017; Коротаев и др. 2017: 16–33; Korotayev *et al.* 2015; 2017) подтвердили обоснованность данной гипотезы: действительно, отрицательная корреляция между уровнем экономического развития и социально-политической нестабильностью наблюдается только для экономически высокоразвитых стран, в то время как для слабо- и среднеразвитых стран наблюдается положительная корреляция между ВВП на душу населения и большинством индикаторов социально-политической дестабилизации. При этом особенно выражена положительная корреляция между душевым ВВП и интенсивностью антиправительственных демонстраций (см. Рис. 7).

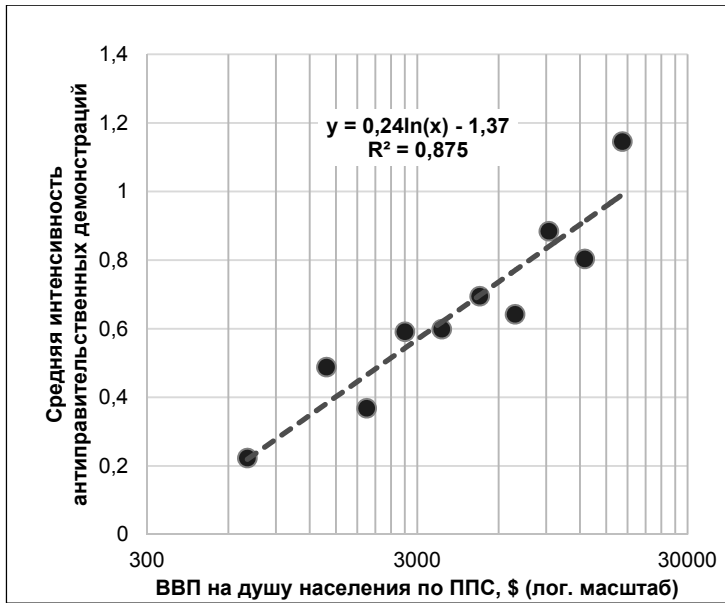

Рис. 7. Корреляция между ВВП на душу населения для стран с доходом 20 тыс. долларов США по ППС и интенсивностью антиправительственных демонстраций на соответствующий год, 1960–2014 гг. (диаграмма рассеивания с логарифмической шкалой по оси абсцисс и наложенным контуром логарифмической регрессии)

Источники данных: Banks, Wilson 2017; World Bank 2017; Коротаев, Васькин, Билуга 2017: 25.

Примечание: $r = 0,935, p < 0,001$.

Аналогичные зависимости наблюдаются и для европейских стран рассматриваемого периода (см. Рис. 8).

На данной гистограмме европейские страны-годы за период 1991–2015 гг. разбиты на три равные группы (тертили) по ВВП на душу населения. Нижний тертиль соответствует самым бедным европейским странам, верхний – самым богатым странам, а средний – странам со средними по европейским меркам доходами⁵.

⁵ Необходимо отметить, что, конечно, бедные по европейским меркам страны не всегда будут рассматриваться как таковые при глобальных сопоставлениях. При глобальном анализе

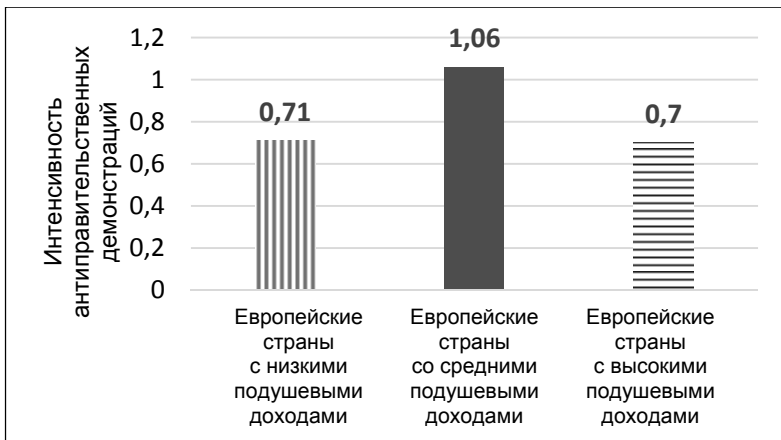

Рис. 8. Среднее значение интенсивности антиправительственных демонстраций по тертилям по ВВП на душу населения в международных долларах по ППС за период 1991–2015 гг.⁶

Проведенные нами *t*-тесты показали, что различие между первым и вторым и вторым и третьим тертилями являются статистически значимыми. Как мы видим, вполне в соответствии с гипотезой Олсона – Хантингтона максимальный уровень интенсивности антиправительственных демонстраций в Европе (как и в мире) наблюдается у стран со средними подушевыми доходами.

Стоит отметить, что при разбивке на три тертиля все богатые европейские страны оказываются в Западной Европе, практически все бедные страны – в Восточной Европе, страны со средними доходами практически поровну делятся между Западной и Восточной Европой (см. Табл. 7).

границы между первым и вторым тертилями будет проходить на уровне 3 250 долларов, а между вторым и третьим – 11 600 долларов. Таким образом, заметная часть европейских стран с низкими доходами на мировом уровне была бы отнесена к странам со средними доходами.

⁶ Примечание: тертиль европейских стран с низкими подушевыми доходами включает в себя страны с ВВП на душу населения в международных долларах менее 17 370 долларов по ППС; тертиль стран со средними доходами – с подушевым ВВП в интервале между 17 370 и 32 814 долларов по ППС; тертиль стран с высокими доходами – с подушевым ВВП выше 32 814 долларов.

Табл. 7. Тертили стран непосткоммунистической (Западной) и посткоммунистической (Восточной) Европы по ВВП на душу населения по ППС, %

	Тертили европейских стран по ВВП на душу населения			Итого
	Страны с низкими подушевыми доходами	Страны со средними подушевыми доходами	Страны с высокими подушевыми доходами	
Западная Европа	1 (0,3 %)	173 (53,1 %)	326 (100 %)	500 (51,1 %)
Восточная Европа	325 (99,7 %)	153 (46,9 %)	0 (0 %)	478 (48,9 %)

В соответствии с законом Олсона – Хантингтона уже из этого можно предполагать, что в странах Восточной Европы мы должны наблюдать положительную корреляцию между ВВП на душу населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций, а в странах Западной Европы – отрицательную. Эмпирические тесты в общем и целом подтверждают это предположение. Для стран Западной Европы наблюдается вполне выраженная отрицательная корреляция между подушевым ВВП и интенсивностью антиправительственных демонстраций (см. Рис. 9).

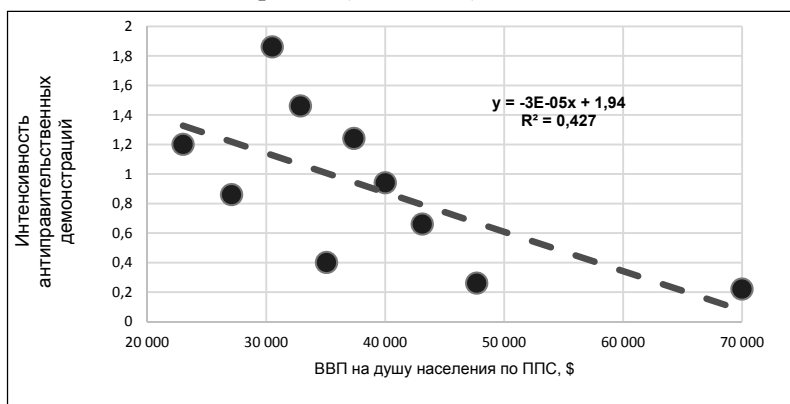

Рис. 9. Подецильная корреляция между ВВП на душу населения по ППС и интенсивностью антиправительственных демонстраций в странах Западной Европы, 1991–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

Источники данных: Banks, Wilson 2017; World Bank 2017.

Примечание: $r = -0,653$, $p = 0,040$.

Для стран Восточной Европы выраженная положительная корреляция с интенсивностью антиправительственных демонстраций наблюдается для большей части спектра значений подушевого ВВП (см. Рис. 10).

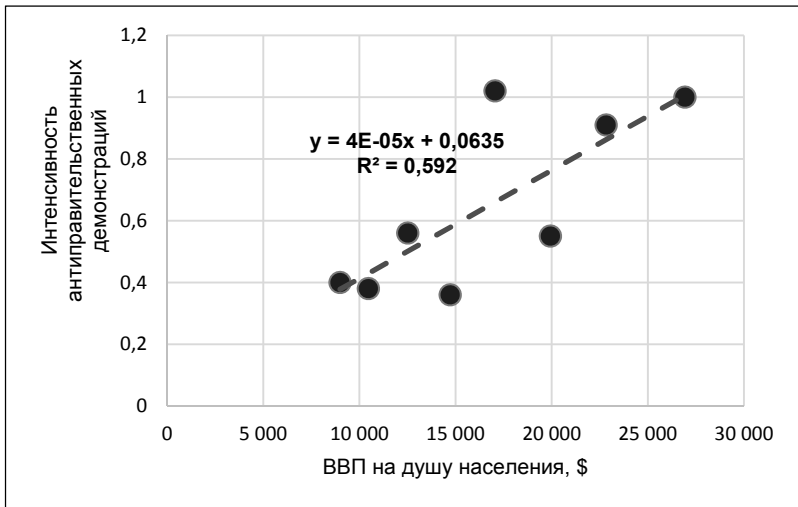

Рис. 10. Подецильная корреляция между ВВП на душу населения по ППС и интенсивностью антиправительственных демонстраций в странах Восточной Европы, децили 3–10-й, 1991–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

Источники данных: Banks, Wilson 2017; World Bank 2017.

Примечание: $r = 0,769$, $p = 0,026$.

С другой стороны, для стран Западной Европы наблюдается сильно выраженная отрицательная корреляция между подушевым ВВП и уровнем безработицы (см. Рис. 11).

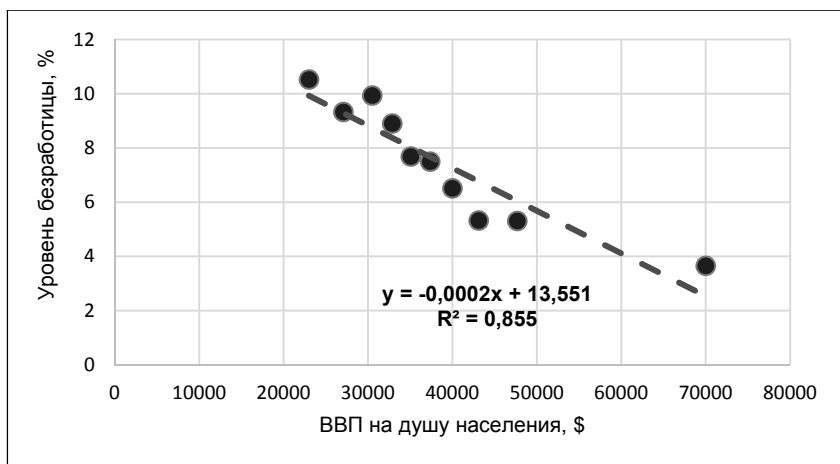

Рис. 11. Подецильная корреляция между ВВП на душу населения по ППС и уровнем безработицы в странах Западной Европы, 1991–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

Источники данных: Banks, Wilson 2017; World Bank 2017.

Примечание: $r = -0,925$, $p < 0,001$.

Для стран Восточной Европы также наблюдается вполне выраженная отрицательная корреляция между подушевым ВВП и уровнем безработицы (см. Рис. 12).

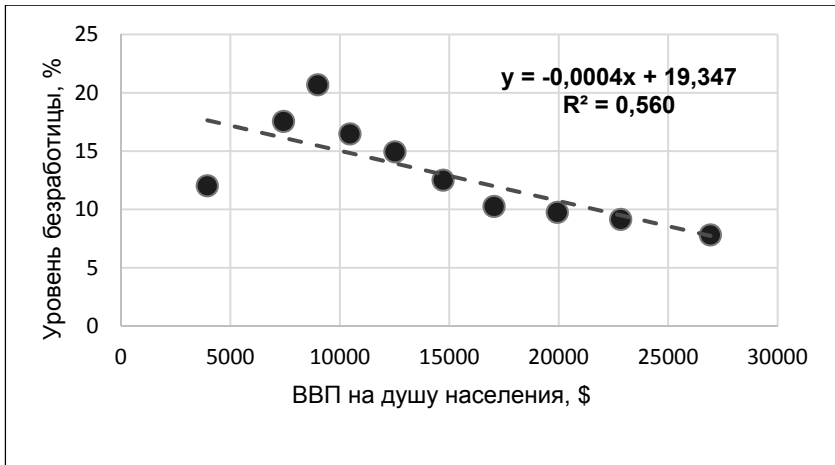

Рис. 12. Подецильная корреляция между ВВП на душу населения по ППС и уровнем безработицы в странах Восточной Европы, 1991–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

Источники данных: Banks, Wilson 2017; World Bank 2017.

Примечание: $r = -0,749$, $p = 0,013$.

Таким образом, по крайней мере обнаруженный нами разительный контраст между Западной и Восточной Европой может быть обусловлен действием закона Олсона – Хантингтона. Однако вполне очевидно, что данный закон может объяснить его лишь частично.

Поэтому рассмотрим другие объяснения того, почему в Западной Европе уровень безработицы является мощным статистически значимым предиктором социально-политической дестабилизации, в то время как для стран посткоммунистической (Восточной) Европы не прослеживается ни одной положительной статистически значимой корреляции уровня безработицы ни с одним из индикаторов социально-политической дестабилизации (и более того, как мы помним, в Восточной Европе для антиправительственных демонстраций прослеживается статистически значимая отрицательная корреляция с безработицей).

Для более детального анализа наблюдаемых различий рассмотрим мотивы участия и неучастия в протестной деятельности людей, потерявших и/или не нашедших работу.

С одной стороны, безработный:

– чувствует себя маленьким отверженным человеком, боящимся выступить против власти и общества;

– должен посвящать время поиску работы и добыванию sporadических заработков для собственного существования и содержания своих близких (жены/мужа, детей, родителей и т. д.);

– боится попасть в черные списки полиции и особенно в черные списки работодателей как бунтовщик и плохой кандидат на получение работы;

– боится потерять расположение благотворителей (включая родственников⁷, лидеров кланов и общин), предоставляющих материальную помощь, займы и временные заработки.

С другой стороны, безработный:

– негодует против своих бывших работодателей, уволивших его, и потенциальных работодателей, отвергнувших его как работника или предложивших ему работу и зарплату, недостойные его квалификации и притязаний;

– негодует против власти, проводящей такую экономическую политику, которая довела его до безработного состояния;

– негодует против власти, установившей слишком малые пособия по безработице, слишком жесткие правила их получения и слишком короткие сроки выплаты;

– получает свободное время для участия в политической деятельности и акциях протестных сообществ.

Участниками протестных акций, естественно, могут стать и становятся не только сами безработные, но также люди, боящиеся потерять работу или просто возмущенные действиями властей и работодателей. Не перечисляя столь подробно их мотивы, укажем, что у них тоже есть основания как для участия, так и для неучастия в протестных акциях, в первом приближении укладываемые в

⁷ Сюда можно добавить еще страх перед недовольством жены (мужа) и ее (его) родителей, не одобряющих протестное поведение и контакты с различными бунтовщиками, препятствующие получению рабочего места и способствующие выпадению их семьи из «приличного общества».

формулу «страх потери работы и заработка vs возмущение и требования поменять правила и законы или даже само правительство».

Прежде чем обсуждать поведение людей внутри своих стран, необходимо указать, что кроме поиска работы дома существует еще поиск работы в других странах, чем активно пользуются нетрудоустроенные жители восточноевропейских стран. Немалая часть безработных из Восточной Европы перемещается в поисках работы на Запад, и так как их собственные страны являются членами ЕС, то они (собираательно – «польские сантехники») обладают законными правами устройства на работу в западноевропейских странах. Но даже восточноевропейские страны, не входящие в Евросоюз, связаны с ним многочисленными соглашениями, в том числе обеспечивающими безвизовый обмен и относительную простоту получения работы в Западной Европе. Поэтому некоторая доля отрицательной корреляции на Востоке Европы и положительной на Западе объясняется тем, что многие активные люди из Восточной Европы, особенно молодые потенциальные участники протестных акций, при ухудшении ситуации с занятостью перемещаются в Западную Европу, отнимая при этом рабочие места у самих западноевропейцев и повышая их желание протестовать.

Естественно, можно указать немало причин и обстоятельств, которые направят безработного или кандидата в безработные в ту или иную сторону. Однако если ситуация в стране далека от революционной, а правящий строй – от обрушения в результате народного возмущения и/или внутриэлитных раздоров, то решающим фактором оказывается наличие или отсутствие источников существования. Поэтому в основе столь контрастной реакции западных и восточных европейцев на рост безработицы лежат различные уровни пособий по безработице.

Например, во Франции средний размер пособия составляет около 60 % средней заработной платы. Максимальная сумма выплат достигает более 6000 евро в месяц. Пособия начисляются на сроки от 4 месяцев до 2 лет, а если на момент увольнения работнику было 50 и более лет, то пособие выдается в течение 3 лет. Безработные в Германии получают пособие в размере также 60 % от средней заработной платы и 67 % для граждан с детьми. Максимальная сумма выплат составляет более 2000 евро в месяц, а продолжительность безработицы от 6 до 24 месяцев. Схожие условия

получения пособий характерны и для других западноевропейских стран (Stovicek, Turrini 2012). Фактически получается, что доходы безработных немногим ниже доходов работающих. К этому следует добавить, что во многих странах Западной Европы, прежде всего в Финляндии, проводятся эксперименты по введению всеобщего социального пособия, более известного как «безусловный доход» (или «базовый доход»), что полностью освобождает безработных от страха оказаться без каких-либо источников существования.

В отличие от этого в странах Восточной Европы условия получения пособий жестче, пособия выплачиваются в течение коротких сроков (от 4–5 до 11 месяцев) и имеют существенно меньшие размеры. Например, в Польше среднее пособие по безработице составляет всего 200 долларов в месяц (*Ibid.*).

Следует отметить, что низкие пособия по безработице и относительно короткие сроки их выплаты характерны не только для Восточной Европы, но также для англосаксонских стран (*Ibid.*). Это порождает некоторые аналогии влияния безработицы на протестные действия между англосаксонскими странами и Восточной Европой. Например, во время Великой депрессии в Германии (Веймарской республике), где выплачивались пособия по безработице (правда, несколько сократившиеся в период кризиса), имел место существенно больший подъем забастовочного и другого протестного движения (включая коммунистическое и нацистское), чем в США, где в начале 30-х гг. никаких официальных пособий по безработице не было.

Особую силу контрасту между странами со щедрым обеспечением своих безработных и странами, где безработные должны в прямом смысле слова заботиться о пропитании собственном и своей семье, придают достаточно очевидные положительные обратные связи.

В тех странах, где пособия по безработице низкие (жесткие условия получения, короткие сроки выплаты и т. д.), протестующих мало, и это малое количество попадает в черные списки работодателей, соответственно, их становится еще меньше. При этом в годы циклического подъема, когда рабочей силы не хватает, те, кто не смели заявлять о своих претензиях в годы спада, нередко выходят протестовать – все равно с работы не выгонят, а в черные списки всех не занесут. Наоборот, в тех странах, где пособия велики и

длительны, ничем не занятые безработные могут протестовать разнообразными методами, добиваясь увеличения пособий, прихода к власти левых сил и т. д.

Хотя близость тенденций в более бедных восточноевропейских странах с тенденциями в англосаксонских странах, прежде всего в США (особенно дорозвельтовских времен), делает этот эффект непохожим на закономерность Олсона – Хантингтона, на самом деле он по существу является одной из ее составляющих. В бедных странах малообеспеченные, тем более потерявшие работу люди прежде всего заботятся о своем пропитании и вместо участия в протестах ищут возможности прокормить себя и свою семью. Переход к протестным действиям, причем в основном самого радикального толка (массовые беспорядки, политическое насилие, попытки переворота и др.), происходит главным образом в революционных ситуациях, когда у безработных появляется надежда получить все и сразу. В обеспеченных странах преобладают менее разрушительные формы протеста (демонстрации, митинги, другие различные формы ненасильственного протеста), включающие не только прямые финансовые требования, но также требования изменений социальной политики и поддержку на выборах более левых партий. В странах с переходными экономическими и политическими условиями возможны протестные проявления обоих типов.

В настоящее время опасность роста безработицы в близком будущем является одной из основных угроз для развитых стран, как из-за перевода производств торгуемых товаров в более бедные страны с меньшей заработной платой и меньшими социальными гарантиями, так и из-за быстро развивающейся автоматизации и роботизации не только в производственной сфере, но и в сфере обслуживания. Зависимость влияния безработицы на протестные действия от величины и характера социальных пособий дает возможность высказать некоторые предположения о будущих тенденциях протестной активности.

В странах, где не ожидается ни существенного роста заработной платы, ни существенного роста социальных пособий, несмотря на увеличение имущественного расслоения, по-видимому, и в дальнейшем не последует мощных протестных акций. Напротив, введение базового дохода, который, разумеется, не сможет полностью заменить социальные расходы на помощь и медицинское об-

служивание пожилых и больных людей, инвалидов, детей из многодетных семей и т. д., приведет к фактическому росту социальных затрат и все менее сбалансированным бюджетам. Сытое существование незанятых людей обеспечит им возможность дальнейшего усиления протестных действий, как направленных на увеличение базового дохода, введение антииммигрантских законов и др., так и не направленных ни на что, а являющихся проявлениями общего недовольства складывающимися порядками, оставляющими их на самых нижних ступеньках общественной лестницы без ясных перспектив продвижения наверх, а также просто формами интересного и яркого времяпрепровождения, придания смысла их тусклой и бесцельной жизни.

Заключение

Практически все исследователи сходятся в том, что безработица является важным фактором социально-политической дестабилизации, причем особое значение имеет безработица среди молодежи, наиболее склонной к уличной активности, включая участие в радикальных и насильственных формах протеста. Тем не менее различные исследования показывают не только разную силу влияния уровня безработицы на протестную активность, но и разное направление этого влияния. Так, например, П. Кольер, Г. Урдал, А. Вуд и другие исследователи указывают, что рост безработицы ведет к росту протестной активности, увеличению уличного насилия и дестабилизации политической ситуации в целом. Напротив, Э. Берман и Р. Вайт указывают, что высокая безработица понижает уровень политического насилия. По данным С. Олзака и С. Шэнахана, Р. Вайта, Дж. Томпсона и ряда других исследователей, влияние безработицы на протестную активность проявляется лишь в совокупности с другими факторами, при этом сама корреляция между уровнем безработицы и участием в протестных акциях оказывается статистически незначимой.

В данной работе проведен корреляционный анализ зависимости между уровнем безработицы по исходным данным Всемирного банка (World Bank 2017) и показателями социально-политической дестабилизации *CNTS* за 1991–2015 гг. в странах непосткоммунистической (Западной) Европы и посткоммунистической (Восточной) Европы. Результаты исследования показали, что тенденции в

двух разных частях Европы существенно расходятся. В Западной Европе уровень безработицы является статистически значимым предиктором социально-политической дестабилизации. Особенно сильно эти зависимости проявляются при переходе от «постранового» сравнения к сравнениям состояний групп стран в различные годы (вся выборка данных по странам и годам была разделена на 10 групп страно-лет, различающихся уровнем безработицы). При этом методе анализа зависимости количества политических забастовок, массовых беспорядков, антиправительственных демонстраций и прочего коэффициенты корреляции Пирсона достигали значений 0,8–0,95 при значимости корреляций $< 0,001$.

Совсем иную картину показывают данные по странам посткоммунистической (Восточной) Европы. В отличие от Западной Европы большая часть корреляций носит незначимый характер, и при этом все как незначимые, так и значимые корреляции (прежде всего речь идет о правительственных кризисах и антиправительственных демонстрациях) имеют отрицательный характер, то есть рост безработицы ведет скорее к политической стабилизации, чем наоборот.

Также в отличие от Западной Европы переход от постранового сравнения к сравнениям состояний групп стран в различные годы привел не к усилению, а к ослаблению корреляций, хотя и не изменил их отрицательного характера. Это указывает на неоднородность выборки. Действительно, исключение из выборки 1990-х гг., когда новая социально-политическая система только формировалась и народ «с терпением и пониманием» переносил трудности роста, уменьшило отрицательные корреляции, но не устранило их.

Таким образом, контрастное различие между Западной и Восточной Европой лишь в малой степени связано с переходным характером политических и экономических систем восточноевропейских стран.

Анализ поведения людей, потерявших работу или рискующих ее потерять, показывает, что у них имеются мотивы как в пользу, так и против участия в протестах против своих бывших и новых потенциальных работодателей, а также властей страны. С одной стороны, они возмущены действиями работодателей и властей страны, но с другой – им нужно искать новую работу, добывать средства для пропитания себя и своей семьи, они боятся попасть в

черные списки плохих кандидатов на получение работы и вызвать неодобрение тех, кто их поддерживает в трудные времена.

Решающим фактором, склоняющим их поведение в ту или иную сторону, оказываются размеры, сроки и условия выплат социальных пособий. Там, где размеры пособий и сроков их выплат велики (Западная Европа), преобладают протестные настроения, участие в антиправительственных акциях и т. д. Там, где пособия малы и выплачиваются в течение короткого времени (Восточная Европа), люди преимущественно занимаются своими личными проблемами и менее склонны к участию в протестной деятельности при потере работы или высоком риске ее потерять. Особую убедительность этому объяснению придает сходство поведения жителей восточноевропейских и англосаксонских стран, ибо в последних, несмотря на высокий уровень жизни, действуют более мягкие законы о защите труда, а размеры пособий по безработице и сроки их выплат значительно меньше, чем в западноевропейских странах.

Дополнительным фактором, способствующим различию реакции жителей Западной и Восточной Европы на потерю работы, является трудовая миграция из Восточной Европы в Западную, вымывающая «горючий материал» для протестных акций с Востока, но зато вызывающая протестные действия западноевропейских безработных в пользу введения антииммигрантских законов.

Как известно, в настоящее время существует достаточно серьезная опасность роста безработицы в развитых странах, вызванная как переводом производств торгуемых товаров в более бедные страны с меньшей заработной платой и меньшими социальными гарантиями, так и быстро развивающейся автоматизацией и роботизацией не в только в производственной сфере, но и в сфере обслуживания. При этом ряд западных стран планирует ввести «базовый доход» для жителей стран, независимый от занятости. Проведенные исследования указывают, что весьма вероятным результатом таких действий, несмотря на возможность некоторого снижения неравенства доходов, будет рост протестной активности. И наоборот, если в странах Восточной Европы не произойдет существенного роста заработной платы, социальных пособий, то, несмотря на некоторое увеличение имущественного расслоения, по видимому, и в дальнейшем не следует ожидать мощной протестной активности.

Общие примечания

В качестве стран посткоммунистической (Восточной) Европы в данной работе рассматриваются Албания, Белоруссия, Босния и Герцеговина, Болгария, Венгрия, Косово, Латвия, Литва, Македония, Молдова, Черногория, Польша, Румыния, Россия, Сербия, Словакия, Словения, Украина, Хорватия, Чехия, Эстония.

В качестве стран непосткоммунистической (Западной) Европы в данной работе рассматриваются Андорра, Австрия, Бельгия, Великобритания, Дания, Германия, Греция, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Кипр, Лихтенштейн, Люксембург, Мальта, Монако, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Сан-Марино, Финляндия, Франция, Швеция, Швейцария.

Описание и методология *Cross National Time Series (CNTS)*

База данных *The Cross National Time Series (CNTS)* является результатом работы по сбору и систематизации данных, начатой Артуром Банксом (Banks, Wilson 2017) в 1968 г. в Университете штата Нью-Йорк в Бингемтоне на основе обобщения архива данных *The Statesman's Yearbook*, публикуемого с 1864 г. В базе данных содержится около 200 переменных для более чем 200 стран, в том числе годовые значения переменных начиная с 1815 г. В ней исключены периоды двух мировых войн 1914–1918 и 1939–1945 гг.

База данных *CNTS* структурирована по разделам и содержит статистические данные по территории и населению страны, информацию по использованию технологий, экономические и электоральные данные, информацию по внутренним конфликтам, использованию энергии, промышленной статистике, военным расходам, международной торговле, урбанизации, образованию, занятости, деятельности законодательных органов и т. п.

В данной работе мы подробно рассматриваем раздел данных, описывающих внутренние конфликты (раздел *domestic*), которые основаны на анализе событий по 8 различным подкатегориям:

1. Политические убийства (*Assassinations, domestic1*).
2. Политические забастовки (*General Strikes, domestic2*).
3. Крупные террористические акты/«партизанские действия» (*Guerrilla Warfare, domestic3*).
4. Правительственные кризисы (*Government Crises, domestic4*).

5. Политические репрессии (*Purges, domestic5*).
6. Массовые беспорядки (*Riots, domestic6*).
7. «Революции⁸» (*Revolutions, domestic7*).
8. Антиправительственные демонстрации (*Anti-Government Demonstrations, domestic8*).

В этом разделе представлены данные начиная с 1919 г.

К «Политическим убийствам» (*Assassinations, domestic1*) относятся любые политически мотивированные убийства или покушения на убийства высших правительственных чиновников или политиков.

К «Политическим забастовкам» (*General Strikes, domestic2*) относятся забастовки, в которых участвовало 1000 или более работников, занятых у более чем одного работодателя, при этом выдвигавших требования, направленные против государственной политики, правительства или органов власти.

К «Крупным террористическим актам/«партизанским действиям»» (*Guerrilla Warfare, domestic3*) относятся любая вооруженная деятельность, диверсии или теракты, совершаемые группами граждан или нерегулярными вооруженными силами, которые направлены на свержение или подрыв существующего режима. Речь, таким образом, идет прежде всего о крупных террористических актах (в особенности когда мы имеем дело со странами современной Европы).

К «Правительственным кризисам» (*Government Crises, domestic4*) относятся любые ситуации, которые грозят привести к падению текущего режима, за исключением вооруженных переворотов, напрямую направленных на это.

К «Политическим репрессиям» (*Purges, domestic5*) относится любое систематическое устранение оппозиционных деятелей (путем лишения свободы или казней) среди действующих членов режима или оппозиционных группировок.

К «Массовым беспорядкам» (*Riots, domestic6*) относятся любые выступления или столкновения, связанные с применением насилия, в которых принимали участие более 100 граждан.

К «Революциям» (*Revolutions, domestic7*) относятся любые незаконные или связанные с принуждением изменения в правящей элите, а также любые попытки таких изменений, любые перевороты или попытки переворотов. Переменная «Революции» также учитывает все удачные и неудачные вооруженные восстания, целью которых является обретение независимости от центрального

⁸ В реальности скорее перевороты и попытки переворотов.

правительства. Отметим, что название этой переменной («Революции») в очень заметной степени вводит пользователя в заблуждение, так как в реальности здесь в большинстве случаев речь идет не о революциях в обычном понимании (нашу сводку определений революции см., например: Гринин, Исаев, Коротаев 2016), а скорее о переворотах и попытках переворотов. Именно таким образом мы и будем обозначать данную переменную ниже.

К «Антиправительственным демонстрациям» (*Anti-Government Demonstrations, domestic8*) относятся любые мирные публичные собрания, в которых принимает участие 100 человек и более, а в качестве основной цели проведения выступает выражение несогласия с политикой правительства или власти за исключением демонстраций с выраженной направленностью против иностранных государств.

Все перечисленные 8 подкатегорий используются при построении общего индекса социально-политической дестабилизации (*domestic9*). Для этого составители базы данных *CNTS* присвоили каждой подкатегории определенный вес (см. Табл. 8).

Табл. 8. Веса подкатегорий, используемых при построении индекса социально-политической дестабилизации *CNTS*

Подкатегория	Название переменной	Вес в индексе социально-политической дестабилизации (<i>domestic9</i>)
Политические убийства (<i>Assassinations</i>)	<i>domestic1</i>	25
Политические забастовки (<i>General Strikes</i>)	<i>domestic2</i>	20
Партизанские действия (<i>Guerrilla Warfare</i>)	<i>domestic3</i>	100
Правительственные кризисы (<i>Government Crises</i>)	<i>domestic4</i>	20
Политические репрессии (<i>Purges</i>)	<i>domestic5</i>	20
Массовые беспорядки (<i>Riots</i>)	<i>domestic6</i>	25
Перевороты и попытки переворотов (<i>Revolutions</i>)	<i>domestic7</i>	150
Антиправительственные демонстрации (<i>Anti-Government Demonstrations</i>)	<i>domestic8</i>	10

Индекс социально-политической дестабилизации (*Weighted Conflict Measure*, domestic9) рассчитывается как сумма произведений численных значений подкатегорий и соответствующих им весов, умножается на 100 и делится на 8 (см. формулу).

$$\text{domestic9} = \frac{25 \text{ domestic1} + 20 \text{ domestic2} + 100 \text{ domestic3} + 20 \text{ domestic4} + 20 \text{ domestic5} + 25 \text{ domestic6} + 150 \text{ domestic7} + 10 \text{ domestic8}}{8} * 100.$$

Библиография

- Блауг М. 1994. *Экономическая мысль в ретроспективе*. М.: Дело Лтд.
- Булдаков В. П. 1997. *Красная Смута: природа и последствия природного насилия*. М.: РОССПЭН.
- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2016. *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2009. История, математика и некоторые итоги дискуссии о причинах Русской революции. *О причинах Русской революции* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. М.: ЛКИ. С. 368–427.
- Долгов Б. В. 2011. «Взрыв» в арабском мире: внутренний и внешний контекст. *Перспективы* 15 апреля.
- Кейнс Д. М. 1936. *Общая теория занятости, процента и денег*. М.
- Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. 2016. ВВП на душу населения, уровень протестной активности и тип режима: опыт количественного анализа. *Сравнительная политика* 4(26): 72–94.
- Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. 2017а. ВВП на душу населения, интенсивность антиправительственных демонстраций и уровень образования. Кросс-национальный анализ. *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз* 1(84): 127–143.
- Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. 2017б. Экономический рост и социально-политическая дестабилизация: опыт глобального анализа. *Полис* 2: 155–169.
- Коротаев А. В., Васькин И. А., Билюга С. Э. 2017. Гипотеза Олсона – Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа. *Социологическое обозрение* 16(1): 9–49.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Билюга С. Э., Васькин И. А., Слинько Е. В., Мещерина К. В. 2017. *Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы*. М.: Учитель.

- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011.** Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ. *Историческая психология и социология истории* 4(2): 5–29.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Васильев А. М. 2015.** Количественный анализ революционной волны 2013–2014 гг. *Социологические исследования* 8: 119–127.
- Коротаев А. В., Ходунов А. С., Бурова А. Н., Малков С. Ю., Халтурина Д. А., Зинькина Ю. В. 2012.** Социально-демографический анализ Арабской весны. *Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Отв. ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 28–76.
- Матвеева Т. Ю. 2007.** *Введение в макроэкономику*: учеб. пособие. 5-е изд., испр. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ.
- Мионов Б. Н. 2013.** *Страсти по революции*. М.: Весь мир.
- Нефедов С. А. 2015.** «Молодежный бугор» и первая русская революция. *Социологические исследования* 7: 140–147.
- Смит А. 1993.** *Исследование о природе и причинах богатства народов*: в 2 т. Т. 1. М.: Наука.
- Хантингтон С. 2004.** *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс-Традиция.
- Alanana O. O. 2003.** Youth Unemployment in Nigeria: Some Implications for the Third Millenium. *Global Journal of Social Sciences* 2(1): 21–26.
- Assaad R., Levison D. 2013.** *Employment for Youth: A Growing Challenge for the Global Community*. Background Research Paper for United Nations High Level Panel on the Post-2015 Development Agenda.
- Banks A., Wilson K. A. 2017.** *Cross-National Time-Series Data Archive*. Jerusalem: Databanks International.
- Beissinger M. R., Jamal A., Mazur K. 2012.** *Who Participated in the Arab Spring? A Comparison of Egyptian and Tunisian Revolutions*. New Orleans: American Political Science Association.
- Beissinger M., Sasse G. 2014.** An End to Patience? The 2008 Global Financial Crisis and Political Protest in Eastern Europe. *Mass Politics in Tough Times: Opinions, Votes and Protest in the Great Recession* / Ed. by N. Bermeo, L. M. Bartels. Oxford: Oxford University Press. Pp. 334–370.
- Benmelech E., Berrebi C., Klor E. 2010.** *Counter-Suicide-Terrorism: Evidence from House Demolitions* (No. w16493). National Bureau of Economic Research.
- Berman E., Callen M., Felter, J. H., Shapiro J. N. 2011.** Do Working Men Rebel? Insurgency and Unemployment in Afghanistan, Iraq, and the Philipines. *Journal of Conflict Resolution* 55(4): 496–528.

- Braungart R. G. 1984.** Historical and Generational Patterns of Youth Movements: a Global Perspective. *Comparative Social Research* 7(1): 3–62.
- Chiricos T. G. 1987.** Rates of Crime and Unemployment: An Analysis of Aggregate Research Evidence. *Social Problems* 34(2): 187–212.
- Cincotta R. P., Engelman R., Anastasion D. 2003.** *The Security Demographic*. Washington, DC: Population Action International. Pp. 42–49.
- Cincotta R. 2005.** Youth Bulge, Underemployment Raise Risks of Civil Conflict. *Global Security Brief*. No. 2. Washington, DC: Worldwatch Institute.
- Collier P. 1999.** Doing Well out of War. In *Conference on Economic Agendas in Civil Wars, London*. Vol. 26. P. 27.
- Collier P. 2000.** *Economic Causes of Civil Conflict and their Implications for Policy*. Washington, DC: World Bank. Pp. 1–23.
- Collier P., Hoeffler A. 2001.** *On the Duration of Civil War*. Vol. 2681. N. p.: World Bank Publications.
- Collier P., Hoeffler A. 2004.** Greed and Grievance in Civil War. *Oxford Economic Papers* 56(4): 563–595.
- Cramer C. 2010.** *Unemployment and Participation in Violence*. Washington, DC: World Bank.
- Dowd C. 2017.** *How Does Work Feature in Literature on Youth Participation in Violence?* IDS Working Paper.
- Elbadawi I., Sambanis N. 2000.** Why are there So Many Civil Wars in Africa? Understanding and Preventing Violent Conflict. *Journal of African Economies* 9: 244–269.
- Falk A., Kuhn A., Zweimüller J. 2011.** Unemployment and Right-wing Extremist Crime. *The Scandinavian Journal of Economics* 113(2): 260–285.
- Goldstone J. A. 2001.** Demography, Environment and Security: an Overview. *Demography and Security* / Ed. by M. Weiner, S. S. Russell. Oxford: Berghahn. Pp. 38–61.
- Goldstone J. A. 2002.** Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. *Columbia Journal of International Affairs* 56: 245–263.
- Grossman H. I. 1991.** A General Equilibrium Model of Insurrections. *The American Economic Review* 81: 912–921.
- Guichaoua Y. 2007.** *Who Joins Ethnic Militias?: A Survey of the Oodua People's Congress in Southwestern Nigeria*. University of Oxford. Centre for Research on Inequality, Human Security and Ethnicity (CRISE).
- Guichaoua Y. 2012.** Circumstantial Alliances and Loose Loyalties in Rebellion Making: The Case of Tuareg Insurgency in Northern Niger (2007–

- 2009). *Understanding Collective Political Violence*. N. p.: Palgrave Macmillan UK. Pp. 246–266.
- Hewitt C. 1981.** Catholic Grievances, Catholic Nationalism and Violence in Northern Ireland during the Civil Rights Period: a Reconsideration. *British Journal of Sociology* 32(3): 362–380.
- Hirshleifer J. 1985.** The Expanding Domain of Economics. *The American Economic Review* 75(6): 53–68.
- Hirshleifer J. 2001.** *The Dark Side of the Force: Economic Foundations of Conflict Theory*. Cambridge University Press.
- Honwana A. 2011.** Youth and the Tunisian Revolution. *Conflict Prevention and Peace Forum Policy Paper* September.
- Humphreys M., Weinstein J. 2004.** *What the Fighters Say: a Survey of Ex-combatants in Sierra Leone, June – August 2003*. Unpublished Interim Report.
- Huntington S. 1968.** *Political Order in Changing Societies*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Huntington S. P. 1996.** *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon Schuster.
- Idris I. 2016.** *Youth Unemployment and Violence: Rapid Literature Review*. Birmingham, UK: GSDRC, University of Birmingham.
- Izzi V. 2013.** Just Keeping Them Busy? Youth Employment Projects as a Peacebuilding Tool. *International Development Planning Review* 35(2): 103–117.
- Jones G. A., Rodgers D. 2011.** The World Bank's World Development Report 2011 on Conflict, Security and Development: a Critique through Five Vignettes. *Journal of International Development* 23(7): 980–995.
- Kahl C. H. 1998.** Population Growth, Environmental Degradation, and State-sponsored Violence: The Case of Kenya, 1991–1993. *International Security* 23(2): 80–119.
- Korenman S., Neumark D. 1997.** *Cohort Crowding and Youth Labor Markets: a Cross-national Analysis* (No. w6031). National Bureau of Economic Research.
- Korotayev A., Grinin L., Bilyuga S., Meshcherina K., Shishkina A. 2017.** Economic Development, Sociopolitical Destabilization and Inequality. *Russian Sociological Review* 16(3): 9–35.
- Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. 2015.** Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013–2014: A Cross-national Analysis. *Cross-Cultural Research* 49(5): 461–488.

- Levitt S. D., Venkatesh S. A. 2000.** An Economic Analysis of a Drug-selling Gang's Finances. *The Quarterly Journal of Economics* 115(3): 755–789.
- Nwogwugwu N., Irechukwu G. N. 2015.** Socio-Political Implications of Youth Unemployment on Nigeria's Economic Development. *Journal of Economics and Finance* 6(4): 27–34.
- Obeyesekere G. 1974.** Some Comments on the Social Backgrounds of the April 1971 Insurgency in Sri Lanka (Ceylon). *The Journal of Asian Studies* 33(03): 367–384.
- Olson M. 1963.** Rapid Growth as a Destabilizing Force. *The Journal of Economic History* 23(4): 529–552.
- Olzak S., Shanahan S. 1996.** Deprivation and Race Riots: An Extension of Spilerman's Analysis. *Social Forces* 74(3): 931–961.
- Sengenberger W. 2011.** *Beyond the Measurement of Unemployment and Underemployment*. ILO Working Paper. Geneva: International Labour Organization.
- Stewart F. 2015.** *Employment in Conflict and Post-Conflict Situations*. Background Think Piece for Human Development Report. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/stewart_hdr_2015_final.pdf
- Stovicek K., Turrini A. 2012.** Benchmarking Unemployment Benefit Systems. European Commission. *Directorate-General for Economic and Financial Affairs. Publications*. B-1049. Brussels. Economic Papers 454 / May 2012. URL: http://ec.europa.eu/economy_finance/publications/economic_paper/2012/pdf/ecb454_en.pdf (дата обращения: 16.10.2017).
- Thompson J. L. 1989.** Deprivation and Political Violence in Northern Ireland, 1922–1985 A Time-Series Analysis. *Journal of Conflict Resolution* 33(4): 676–699.
- UN Office for West Africa (UNOWA). 2005.** Youth Unemployment and Regional Insecurity in West Africa. URL: <http://allafrica.com/download/resource/main/main/idatcs/00010742:8de28423f6ac2b75b046035fbd5f643f.pdf> (дата обращения: 12.05.2017).
- Urdal H. 2004.** *The Devil in the Demographics: the Effect of Youth Bulges on Domestic Armed Conflict, 1950–2000*. Social Development Papers: Conflict and Reconstruction Paper. No. 14.
- Urdal H. 2011.** *Demography and Armed Conflict: Assessing the Role of Population Growth and Youth Bulges*. Centre for Research on Peace and Development (CRPD). CRPD Working Paper. No. 2.
- Urdal H., Hoelscher K. 2012.** Explaining Urban Social Disorder and Violence: An Empirical Study of Event Data from Asian and Sub-Saharan African Cities. *International Interactions* 38(4): 512–528.

- Venugopal R. 2011.** The Politics of Market Reform at a Time of Civil War: Military Fiscalism in Sri Lanka. *Economic and Political Weekly* 46(49): 67–75.
- Walton O. 2010.** Youth, Armed Violence and Job Creation Programmes: A Rapid Mapping Study. URL: <http://www.gsdrc.org/docs/open/eirs11.pdf>.
- White R. W. 1993.** On Measuring Political Violence: Northern Ireland, 1969 to 1980. *American Sociological Review* 58: 575–585.
- Wood A. 2006.** Correlating Violence and Socio-economic Inequality: an Empirical Analysis. *Attacking the root causes of torture, poverty, inequality and violence* / Ed. by T. E. McCarthy. Geneva: World Organisation Against Torture. URL: <http://www.omct.org/escr/interdisciplinary-study/ref-docs/>.
- World Bank. 2017.** World Development Indicators Online. Washington, DC: World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator> (дата обращения: 02.09.2017).

О РОСТЕ ЧИСЛА СТУДЕНТОВ КАК ВОЗМОЖНОМ ФАКТОРЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ*

Л. Е. Гринин, С. В. Малыженков,
С. Э. Билюга, А. В. Коротаев

Имеются достаточные основания ожидать, что увеличение доли студентов в общей численности населения может сопровождаться определенной социально-политической дестабилизацией. Однако эмпирической проверки данного теоретического допущения вплоть до настоящего времени, насколько нам известно, не проводилось. Такая эмпирическая проверка приведена в этой статье. И данное теоретическое ожидание совсем неплохо подтвердилось. Наше исследование доказало, что студентов как социально-возрастную группу можно рассматривать в некоторых отношениях как важный фактор дестабилизации. Продемонстрировано наличие статистически значимых положительных корреляций между долей студентов в общей численности населения страны и такими важными индикаторами социально-политической дестабилизации, как интенсивность политических забастовок, массовых беспорядков и особенно антиправительственных демонстраций. При этом особенно сильная положительная корреляция наблюдается при подецильном анализе между долей студентов в населении и интенсивностью антиправительственных демонстраций. Существенная разница в корреляции между долей студентов и интенсивностью массовых беспорядков, с одной сторо-

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-06-00464).

ны, и долей студентов в населении и интенсивностью антиправительственных демонстраций – с другой (с преимуществом в силе корреляции в сторону антиправительственных демонстраций), объясняется в определенной степени гендерным фактором. Дело в том, что рост числа студенток, который начинается на определенном этапе развития страны и системы образования в ней, не способствует росту интенсивности массовых беспорядков, но зато способствует росту интенсивности антиправительственных демонстраций. Вместе с тем не менее важным представляется отсутствие статистически значимой корреляции между долей студентов в общей численности населения и такими индикаторами социально-политической дестабилизации, как интенсивность политических убийств и крупных терактов/«партизанских действий». Таким образом, высокая доля студентов в населении коррелирует с повышенным уровнем именно массовой дестабилизации (и при этом особенно с повышенным уровнем массовой ненасильственной дестабилизации). В то же время выяснилось, что рост числа студентов может быть не только дестабилизирующим, но и в некоторых отношениях стабилизирующим фактором. Выяснилось, что между долей студентов в населении наблюдается не положительная, а отрицательная корреляция с интенсивностью переворотов и попыток переворотов, так как наличие большого числа студентов в стране будет не способствовать проведению государственных переворотов, а осложнять их. Таким образом, если высокая доля студентов в населении содействует развитию массовой социально-политической дестабилизации, то возможность реализации такой классической элитарной формы смены власти, как государственный переворот, она скорее затрудняет.

Многие исследователи уже обращали внимание на то, что студенты могут выступать в качестве мощной социально-политической дестабилизирующей силы.

Ряд исследователей отмечает, что студенты являются уникальной социальной группой, чье мировоззрение формируется двумя основными совокупностями факторов: во-первых, психофизиологическими особенностями молодого индивида, находящегося в пе-

реходном периоде (Altbach 1970), во-вторых, качествами, которые индивид приобретает в университете: критическое мышление, широкий кругозор и т. п. (Fields 1969). Немаловажным является то, что в студенческой среде существуют некоторые тенденции, определяющие предрасположенность к участию в протестах. В первую очередь наиболее предрасположенными к участию в протестных акциях являются студенты, обучающиеся гуманитарным наукам (Пустошинская 2010). Кроме того, наиболее подверженными радикальным идеям являются студенты начальных курсов, а также иногородние студенты (Altbach 1970)¹.

С точки зрения социального положения студентов как особой социальной группы важно отметить, что в студенчестве особым образом соединяются качества, присущие разным социальным классам и группам, которые являются достаточно активными в плане социальных протестов. Во-первых, студентов можно рассматривать как особый отряд интеллигенции. Интеллигенция, как известно, это социальная группа, склонная к более критическому взгляду на действия правительства и социальные язвы и пороки в обществе. Это особенно относится к гуманитарной интеллигенции (см. выше). Интеллигенция имеет широкий кругозор, базовые знания и навыки анализа, рассматривает себя как слой, выполняющий в обществе интеллектуальные функции, и считает себя нередко «совестью нации». Интеллигенция, особенно в развивающихся странах и в обществах, где население малограмотно, также нередко присваивает себе мессианские функции. Специфика студенчества в том, что оно выступает как своего рода ударный отряд интеллигенции, как неопиты, иногда прямо подстегиваемые преподавателями. Во-вторых, у студенчества есть качество, кото-

¹ Классифицируя требования, выдвигаемые студенческими организациями, можно выделить «образовательные» – требования обеспечить более качественные условия обучения, «национальные» – требования решить различные внутригосударственные проблемы (такие как коррупция, безработица, расовая дискриминация и т. д.) и «международные» (пацифизм, вопросы холодной войны и т. п.). Иногда бывают и материальные требования, связанные с уменьшением платы за обучение или увеличением стипендий. Стоит отметить, что ряд исследователей обращали свое внимание на некоторую «нелогичность» в выдвигаемых требованиях. Например, британские студенты выступали против войны во Вьетнаме, хотя сама Великобритания в ней не участвовала (Thomas 2002), а африканские студенты выдвигали «международные требования» тем чаще, чем социально-экономическая ситуация внутри стран становилась хуже (Nkinyangi 1991).

рое роднит его с пролетариатом, а именно – концентрация. В университетах и высших учебных заведениях вместе собираются тысячи и десятки тысяч учащихся, которые также нередко живут в кампусах. Соответственно, организация всякого рода протестов существенно облегчается. Сказанное может усилиться, если возникает объединение студентов по этноязыковым, религиозным или расовым признакам, в случае если протесты идут именно по линии этих признаков.

Наконец, отметим, что студенты в качестве молодой и образованной части населения склонны к использованию новых форм агитации, пропаганды, коммуникации и организации, что нередко дополнительно усиливает протесты и их влияние. В какой-то мере у студенчества есть и другое качество, присущее пролетариату и даже люмпен-пролетариату (последний в революционной теории и практике порой обозначался как наиболее радикальный элемент). Речь идет не только о молодом (возрастном) бунтарстве (см. выше), но и о готовности к самопожертвованию ради идеи, а также о том, что, подобно пролетариям и люмпен-пролетариям, студентам часто нечего терять – они не обременены семьей (обычно), собственностью, должностями и т. п. Словом, им легче рисковать. Наконец, большое, если не основное, число студентов – это мигранты. А мигранты обладают достаточно большими дестабилизирующими потенциями (Пустошинская 2010).

Суммируя все это, можно сделать вывод, что по своим возрастным и социальным характеристикам студенты объективно являются весьма горючим материалом, способным стать запалом для всякого рода протестных и дестабилизационных акций, а также одним из активных отрядов революции.

При этом обращалось внимание на то, что небольшое, но сплоченное ядро радикалов из студенческой среды способно привлечь к протестным акциям большое количество демонстрантов. Зачастую это удается сделать путем проникновения в различные студенческие организации (Там же). Так, в 1967 г. в ходе протестов в Лондонской школе экономики (LSE) 50 студентов-активистов левого толка смогли привлечь на свою сторону около 35 тысяч участников (Levin 1970).

Особое значение для развития протестного потенциала в студенческой среде имеют последствия произошедших в обществе крупных социальных сдвигов (Рожков 1999). Так, для студенческого движения в России 1887–1891 гг. подобным социальным сдвигом послужили реформы Александра II (Ротмистров 2009), для европейских студентов 1960–1970-х гг. – Вторая мировая война (Thomas 2002), а для студентов Субсахарского региона 1970–1980-х гг. – национально-освободительное движение африканских стран (Nkinyangi 1991). Данные события способствовали переосмыслению устоявшихся нравов, изменению концепции детского воспитания на более «дозволительную» (Parkin 1968), а также притоку в университетские круги более широких слоев населения, в частности представителей семей рабочего класса (Rooke 1971).

Отмечается, что студенческие протесты могут возникать и при благоприятной обстановке в стране под влиянием тех или иных событий: протестные движения студентов в других странах вызывают цепную реакцию, что побуждает местное студенчество искать повод для протестов (см.: Thomas 2002)².

Таким образом, имеются достаточные основания ожидать, что увеличение доли студентов в общей численности населения может сопровождаться определенной социально-политической дестабилизацией. Однако эмпирической проверки данного теоретического допущения вплоть до настоящего времени, насколько нам известно, не проводилось. Такая эмпирическая проверка будет приведена в данной статье.

Тесты

Проведенный нами корреляционный анализ дал следующие результаты (см. Таблицу на с. 88).

² Несмотря на наличие некоторого деструктивного элемента в студенческих протестах, необходимо отметить и созидательную сторону данного процесса: для ряда стран Африканского континента постколониального периода студенческие движения стали одним из ключевых факторов в формировании национальной политики (Gellar 1982). Кроме того, многие государственные лидеры (Кения, Мали, Малави, ЮАР, Гана) и руководители партий (европейские зеленые) были интегрированными в легальное политическое пространство выходцами из студенческих протестных движений (Nkinyangi 1991; Слинко и др. 2009).

Корреляции между долей студентов в населении (исходные данные) и показателями социально-политической дестабилизации *CNTS* за 1970–2015 гг.

Индикаторы социально-политической дестабилизации	Коэффициент корреляции Пирсона (r)	Статистическая значимость (p)
1. Политические убийства (<i>Assassinations</i>)	-0,008	0,583
2. Политические забастовки (<i>General Strikes</i>)	0,064***	<< 0,001
3. Крупные террористические акты/«партизанские действия» (<i>Guerrilla Warfare</i>)	0,004	0,764
4. Правительственные кризисы (<i>Government Crises</i>)	0,035*	0,015
5. Политические репрессии (<i>Purges</i>)	-0,049***	0,001
6. Массовые беспорядки (<i>Riots</i>)	0,056***	<< 0,001
7. перевороты и попытки переворотов (<i>Revolutions</i>)	-0,101***	<< 0,001
8. Антиправительственные демонстрации (<i>Anti-Government Demonstrations</i>)	0,142***	<< 0,001
9. Агрегированный индекс социально-политической дестабилизации	0,004	0,785

* корреляция значима на уровне $0,01 < p < 0,05$.

** корреляция значима на уровне $< 0,01$.

*** корреляция значима на уровне $< 0,001$.

Как мы видим, в шести из девяти проведенных тестов корреляция оказалась значима: в двух случаях – в отрицательном направлении, в четырех – в предсказанном направлении (чем выше доля студентов в населении, тем выше уровень социально-политической дестабилизации). При этом в пяти из шести значимых корреляций статистическая значимость исключительно высока ($p < 0,001$). Для политических убийств, «партизанских действий» и агрегированного индекса социально-политической дестабилизации статистически значимой корреляции не наблюдается.

Отметим, что положительные корреляции с очень высокой значимостью ($p < 0,001$) наблюдаются применительно к политическим забастовкам, массовым беспорядкам и антиправительственным демонстрациям. Примечательно, что во всех этих случаях речь идет о

массовой социально-политической дестабилизации, то есть таких типах дестабилизации, для которых характерно участие широких слоев населения. Такие результаты достаточно логичны, ибо повышенная доля студентов в населении имеет тенденцию влиять именно на массовое недовольство, затрагивая социальные элиты в несравненно меньшей степени, чем широкие народные массы. Заметно меньшую корреляцию демонстрирует такая форма социально-политической дестабилизации, как правительственные кризисы, однако стоит учитывать неочевидную природу получения данного показателя (см. *Приложение*).

Таким образом, доля студентов в населении является статистически значимым предиктором всех индикаторов массовой социально-политической дестабилизации – массовых беспорядков, политических забастовок и антиправительственных демонстраций протеста.

Не представляется случайным, что между долей студентов в населении наблюдается не положительная, а отрицательная корреляция с интенсивностью переворотов и попыток переворотов, так как наличие большого числа студентов в стране будет не облегчать, а осложнять проведение государственных переворотов. Таким образом, если высокая доля студентов в населении способствует развитию массовой социально-политической дестабилизации, то возможность реализации такой классической элитарной формы смены власти, как государственный переворот, она скорее затрудняет.

Особенно сильная корреляция здесь отмечается, если мы в качестве единицы наблюдения начинаем рассматривать не отдельные страны, а группы стран, выделяемые по доле студентов в населении. Ниже все страны мира анализируются после их подразделения на десять подгрупп (децилей), при этом в нижнюю подгруппу (нижний дециль) входят 10 % страно-лет с наиболее низкой долей студентов в населении, в верхнюю подгруппу (верхний дециль) – 10 % страно-лет с самой высокой долей студентов в населении, в восемь промежуточных децилей – страно-годы с промежуточными значениями. Подецильная корреляция между долей студентов

в населении и интенсивностью массовых беспорядков дает при этом следующие результаты (см. Рис. 1).

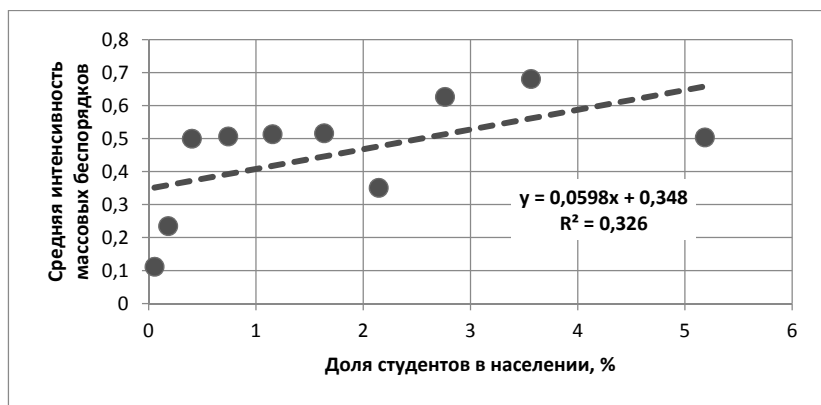

Рис. 1. Подецильная корреляция между долей студентов в населении и интенсивностью массовых беспорядков, 1970–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)³

Источники данных: Banks, Wilson 2017; UNESCO 2017.

Примечание: $r = 0,571$, $R^2 = 0,326$, $p = 0,043$ (односторонний тест значимости).

Отметим, что при подецильном анализе корреляция между долей студентов в населении и интенсивностью массовых беспорядков оказывается достаточно сильной. Если в 10 % стран-лет с самой низкой долей студентов массовые беспорядки фиксируются в среднем раз в 10 лет, то в 10 % стран-лет с самой высокой долей студентов они уже в среднем наблюдаются раз в 2 года. В целом же доля студентов в населении объясняет почти треть дисперсии интенсивности массовых беспорядков по децилям.

Особенно же сильная положительная корреляция наблюдается при подецильном анализе между долей студентов в населении

³ В этом и следующих (Рис. 2–3) случаях использовались данные границы децилей: 1-й дециль: < 0,107 %; 2-й дециль: 0,107–0,273 %; 3-й дециль: 0,273–0,54 %; 4-й дециль: 0,54–0,945 %; 5-й дециль: 0,945–1,4 %; 6-й дециль: 1,4–1,89 %; 7-й дециль: 1,89–2,42 %; 8-й дециль: 2,42–3,13 %; 9-й дециль: 3,13–4,14 %; 10-й дециль: > 4,14 %. Важно также добавить, что единицей наблюдения в наших расчетах является даже не страна, а, строго говоря, страна-год, то есть страна X по состоянию на год Y.

и интенсивностью антиправительственных демонстраций (см. Рис. 2).

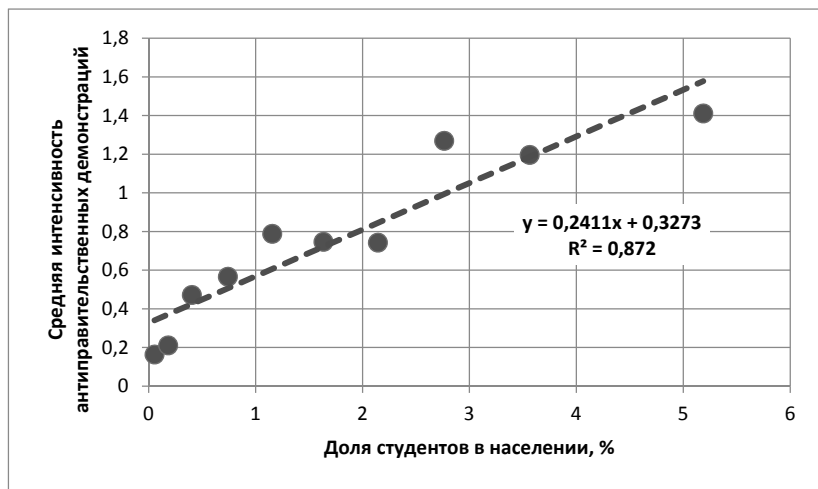

Рис. 2. Подецильная корреляция между долей студентов в населении и интенсивностью антиправительственных демонстраций, 1970–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

Источники данных: Banks, Wilson 2017; UNESCO 2017.

Примечание: $r = 0,934$, $R^2 = 0,872$, $p \ll 0,001$ (односторонний тест значимости).

Как мы видим, при подецильном анализе корреляция между долей студентов в населении и интенсивностью антиправительственных демонстраций оказывается откровенно сильной ($r = 0,934$). Если в 10 % строно-лет с самой низкой долей студентов массовые беспорядки фиксируются в среднем менее чем раз в 5 лет, то в 10 % строно-лет с самой высокой долей студентов в среднем наблюдается заметно более одной демонстрации каждый год. В целом же доля студентов в населении объясняет почти 90 % дисперсии интенсивности антиправительственных демонстраций по децилям.

Значительно усиливается при подецильном анализе и отрицательная корреляция между долей студентов в населении и интенсивностью государственных переворотов и их попыток (см. Рис. 3).

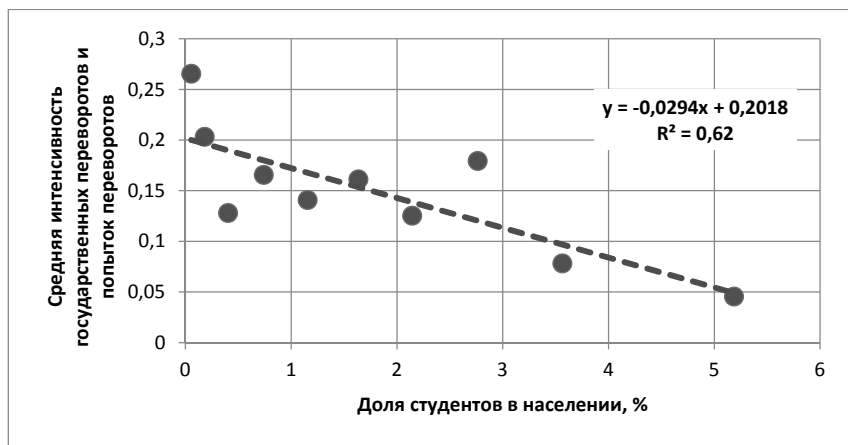

Рис. 3. Подецильная корреляция между долей студентов в населении и интенсивностью переворотов и попыток переворотов, 1970–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

Источники данных: Banks, Wilson 2017; UNESCO 2017.

Примечание: $r = 0,787$, $R^2 = 0,62$, $p = 0,0035$ (односторонний тест значимости).

Таким образом, при подецильном анализе корреляция между долей студентов в населении и интенсивностью государственных переворотов и попыток переворотов оказывается откровенно сильной ($r = 0,787$). Если в 10 % стран-лет с самым низким значением доли студентов в населении государственные перевороты и попытки переворотов фиксируются в среднем каждые четыре года, то в 10 % стран-лет с самым высоким значением доли студентов в населении в среднем наблюдается не более одного переворота (или его попытки) каждые 20 лет. В целом же доля студентов в населении объясняет более 60 % дисперсии интенсивности государственных переворотов и попыток переворотов по децилям.

Примечательно, что достаточно разные корреляции наблюдаются при разделении студентов по половому признаку: доля студентов-мужчин в населении коррелирует с различными индексами социально-политической дестабилизации совсем не так, как доля студентов-женщин.

Так, доля студентов-мужчин в общей численности населения почти в два раза сильнее коррелирует⁴ с интенсивностью массовых беспорядков, чем доля студентов вообще (см. Рис. 4).

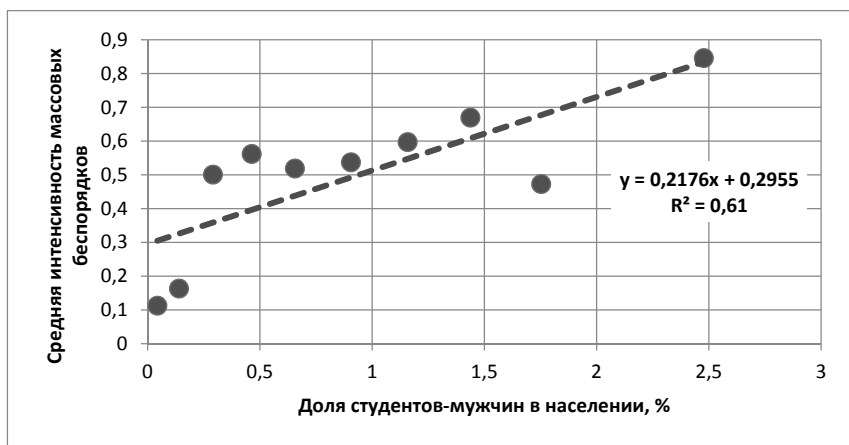

Рис. 4. Подецильная корреляция между долей студентов-мужчин в населении и интенсивностью массовых беспорядков, 1970–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)⁵

Источники данных: Banks, Wilson 2017; UNESCO 2017.

Примечание: $r = 0,781$, $R^2 = 0,61$, $p = 0,004$ (односторонний тест значимости).

Нельзя не увидеть, что при подецильном анализе корреляция между долей студентов мужского пола в населении и интенсивностью мас-

⁴ При измерении силы корреляции через коэффициент детерминации.

⁵ В этом случае использовались следующие границы децилей: 1-й дециль: < 0,0816 %; 2-й дециль: 0,0816–0,204 %; 3-й дециль: 0,204–0,376 %; 4-й дециль: 0,376–0,555 %; 5-й дециль: 0,555–0,778 %; 6-й дециль: 0,778–1,03 %; 7-й дециль: 1,03–1,31 %; 8-й дециль: 1,31–1,58 %; 9-й дециль: 1,58–1,98 %; 10-й дециль: > 1,98 %. Важно также добавить, что единицей наблюдения в наших расчетах является даже не страна, а, строго говоря, страна-год, то есть страна X по состоянию на год Y.

совых беспорядков оказывается откровенно сильной ($r = 0,781$) в отличие от того, что наблюдалось для доли студентов обоих полов, где корреляция была скорее средней по силе (см. выше Рис. 1). Если в 10 % страно-лет с самым низким значением доли студентов-мужчин в населении массовые беспорядки фиксируются в среднем примерно один раз в 10 лет, то в 10 % страно-лет с самым высоким значением доли студентов-мужчин в населении беспорядки в среднем наблюдаются практически каждый год. В целом же доля студентов-мужчин в населении объясняет более 60 % дисперсии интенсивности массовых беспорядков по децилям (доля же студентов обоих полов объясняла только около 30 %).

Корреляция же между долей студентов женского пола и интенсивностью массовых беспорядков оказывается предсказуемым образом заметно более слабой и при этом статистически незначимой (см. Рис. 5).

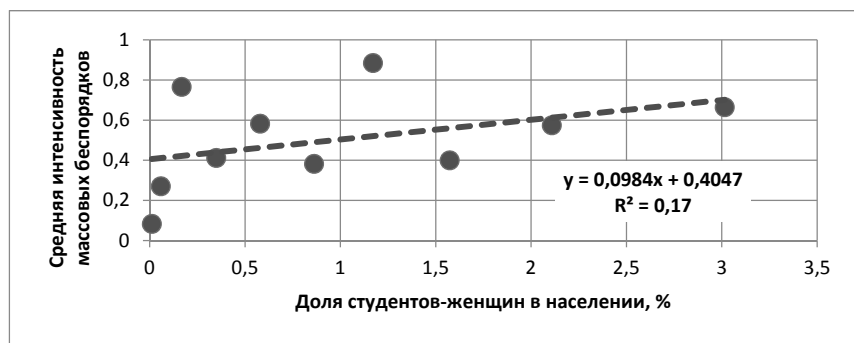

Рис. 5. Подецильная корреляция между долей студентов-женщин в населении и интенсивностью массовых беспорядков, 1970–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)⁶

Источники данных: Banks, Wilson 2017; UNESCO 2017.

Примечание: $r = 0,412$, $R^2 = 0,17$, $p = 0,122$ (односторонний тест значимости).

⁶ В этом случае использовались следующие границы децилей: 1-й дециль: $< 0,0265\%$; 2-й дециль: $0,0265-0,102\%$; 3-й дециль: $0,102-0,252\%$; 4-й дециль: $0,252-0,45\%$; 5-й дециль: $0,45-0,719\%$; 6-й дециль: $0,719-1,01\%$; 7-й дециль: $1,01-1,35\%$; 8-й дециль: $1,35-1,81\%$; 9-й дециль: $1,81-2,47\%$; 10-й дециль: $> 2,47\%$. Важно также добавить, что единицей наблюдения в наших расчетах является даже не страна, а, строго говоря, страно-год, то есть страна X по состоянию на год Y.

Как мы видим, при подецильном анализе корреляция между долей студентов женского пола в населении и интенсивностью массовых беспорядков оказывается слабой ($r = 0,412$) и статистически незначимой ($p > 0,12$).

Зато доля студентов-женщин демонстрирует вполне статистически значимую и сильную корреляцию с интенсивностью антиправительственных демонстраций (см. Рис. 6).

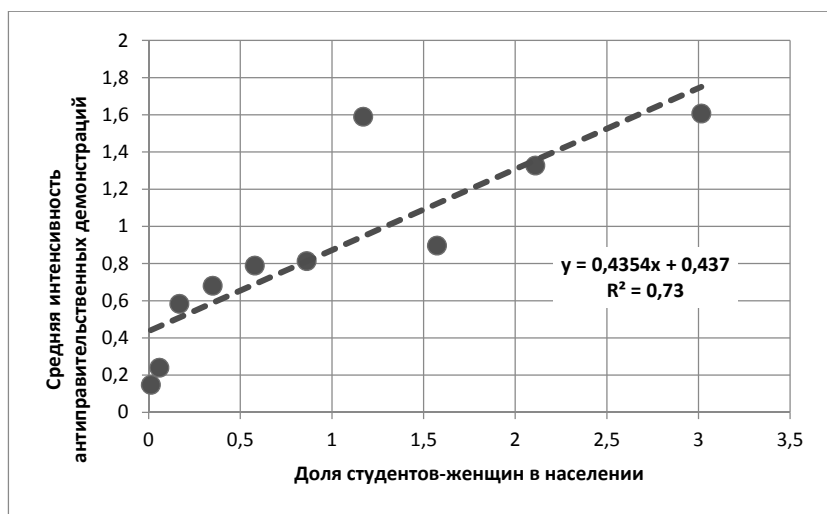

Рис. 6. Подецильная корреляция между долей студентов-женщин в населении и интенсивностью антиправительственных демонстраций, 1970–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)⁷

Источники данных: Banks, Wilson 2017; UNESCO 2017.

Примечание: $r = 0,854$, $R^2 = 0,73$, $p \ll 0,001$ (односторонний тест значимости).

⁷ В этом и следующих случаях использовались данные границы децилей: 1-й дециль: $< 0,0265$ %; 2-й дециль: $0,0265-0,102$ %; 3-й дециль: $0,102-0,252$ %; 4-й дециль: $0,252-0,45$ %; 5-й дециль: $0,45-0,719$ %; 6-й дециль: $0,719-1,01$ %; 7-й дециль: $1,01-1,35$ %; 8-й дециль: $1,35-1,81$ %; 9-й дециль: $1,81-2,47$ %; 10-й дециль: $> 2,47$ %. Важно также добавить, что единицей наблюдения в наших расчетах является даже не страна, а, строго говоря, страна-год, то есть страна X по состоянию на год Y.

Выводы

Многие исследователи отмечали: имеются достаточные основания ожидать, что увеличение доли студентов в общей численности населения может сопровождаться определенной социально-политической дестабилизацией. Однако эмпирической проверки данного теоретического допущения вплоть до настоящего времени, насколько нам известно, не проводилось. Такая эмпирическая проверка была приведена в настоящей статье. И данное теоретическое ожидание совсем неплохо подтвердилось. Наше исследование доказало, что студентов как социально-возрастную группу можно считать в некоторых отношениях важным фактором дестабилизации. Было продемонстрировано наличие статистически значимых положительных корреляций между долей студентов в общей численности населения страны и такими важными индикаторами социально-политической дестабилизации, как интенсивность политических забастовок, массовых беспорядков и особенно антиправительственных демонстраций. Наиболее сильными эти корреляции оказываются при подецильном анализе. Так, интенсивность массовых беспорядков возрастает от первого до последнего дециля в пять раз (если в 10 % страно-лет с самой низкой долей студентов массовые беспорядки фиксируются в среднем раз в 10 лет, то в 10 % страно-лет с самой высокой долей студентов они уже в среднем наблюдаются раз в 2 года) при коэффициенте детерминации, превышающем 30 %. Но особенно сильная положительная корреляция наблюдается при подецильном анализе между долей студентов в населении и интенсивностью антиправительственных демонстраций.

Существенная разница в корреляции между долей студентов и интенсивностью массовых беспорядков, с одной стороны, и долей студентов в населении и интенсивностью антиправительственных демонстраций – с другой (с преимуществом в силе корреляции в сторону антиправительственных демонстраций), объясняется в определенной степени гендерным фактором. Дело в том, что рост числа студенток, который начинается на определенном этапе развития страны и системы образования в ней, не способствует росту ин-

тенсивности массовых беспорядков, но зато способствует росту интенсивности антиправительственных демонстраций.

Вместе с тем не менее важным представляется отсутствие статистически значимой корреляции между долей студентов в общей численности населения и такими индикаторами социально-политической дестабилизации, как интенсивность политических убийств и крупных терактов/«партизанских действий». Таким образом, высокая доля студентов в населении коррелирует с повышенным уровнем именно массовой дестабилизации (и при этом особенно с повышенным уровнем массовой ненасильственной дестабилизации).

В то же время выяснилось, что рост числа студентов может быть не только дестабилизирующим, но и в некоторых отношениях стабилизирующим фактором. Обнаружилось, что между долей студентов в населении наблюдается не положительная, а отрицательная корреляция с интенсивностью переворотов и попыток переворотов, так как наличие большого числа студентов в стране будет не облегчать, а осложнять проведение государственных переворотов. Таким образом, если высокая доля студентов в населении способствует развитию массовой социально-политической дестабилизации, то возможность реализации такой классической элитарной формы смены власти, как государственный переворот, она скорее затрудняет. Особенно сильная корреляция здесь наблюдается, если мы в качестве единицы наблюдения начинаем рассматривать не отдельные страны, а группы стран, выделяемые по доле студентов в населении.

Приложение. Использованные материалы

Для тестирования гипотезы о доле студентов в населении как статистически значимом факторе социально-политической дестабилизации в качестве независимой переменной нами был выбран показатель UNESCO «количество студентов» (UNESCO 2017), деленный на численность населения в той или иной стране с 1970 по 2014 г. (The 2015 Revision... 2016). В качестве зависимой переменной была взята система показателей социально-политической де-

стабилизации базы данных *CNTS* (описание и методологию *Cross National Time Series [CNTS]* см. выше: Хохлова, Коротаев, Цирель 2017: 37–82).

Библиография

- Пустошинская О. С. 2010.** Социально-демографические основы студенческого политического протеста. *Альманах современной науки и образования* 5: 124–127.
- Рожков А. Ю. 1999.** Молодой человек 20-х годов: протест и девиантное поведение. *Социологические исследования* 7: 107–114.
- Ротмистров А. Н. 2009.** Сравнительный анализ факторов студенческого протестного движения в России на рубеже XIX–XX веков и в начале XXI века. *Высшее образование сегодня* 1: 36–41.
- Слинько А. А., Сальников В. И., Дмитриева С. И. 2009.** Студенчество в Европе: между реформой и протестом. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Проблемы высшего образования»* 2: 127–132.
- Хохлова А. А., Коротаев А. В., Цирель С. В. 2017.** Безработица и социально-политическая дестабилизация в странах Западной и Восточной Европы: опыт количественного анализа. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, Л. М. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 37–82.
- Altbach P. G. 1970.** Students and Politics. *Protest, Reform, and Revolt: A Reader in Social Movements*. New York. Pp. 225–244.
- Banks A. S., Wilson K. A. 2017.** *Cross-National Time-Series Data Archive*. Databanks International. Jerusalem, Israel. URL: <https://www.cntsdata.com>.
- Fields A. B. 1969.** *The Revolution Betrayed: the French Student Revolt of May – June 1968, Students in Revolt*. Boston: Houghton Mifflin.
- Gellar S. 1982.** *Senegal: an African Nation between Islam and the West*. Boulder: Westview Press.
- Levin B. 1970.** *The Pendulum Years: Britain and the 60s*. London: Jonathan Cape.
- Nkinyangi J. A. 1991.** Student Protests in Sub-Saharan Africa. *Higher Education* 22(2): 157–173.

-
- Parkin F. 1968.** *Middle Class Radicalism: The Social Bases of the British Campaign for Nuclear Disarmament*. Manchester: Manchester University Press.
- Rooke M. A. 1971.** *Anarchy and Apathy: Student Unrest: 1968–70*. London: Hamish Hamilton.
- The 2015 Revision of World Population Prospects. 2016.** *United Nations Population Division*. URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/>.
- Thomas N. 2002.** Challenging Myths of the 1960s: the Case of Student Protest in Britain. *Twentieth Century British History* 13(3): 277–297.
- UNESCO. 2017.** *UNESCO Institute for Statistics. Enrolment in Tertiary Education, All Programmes, Both Sexes (Numbers)*. URL: <http://www.data.uis.unesco.org/>.

НЕКОТОРЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ГЕНЕЗИСА СОВРЕМЕННОГО ИСЛАМИЗМА: К СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ АНАЛИЗУ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА, ИНДИИ И КИТАЯ*

А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин

Данная статья мониторинга посвящена систематическому рассмотрению предпосылок становления современного исламизма на Ближнем и Среднем Востоке через сравнительный анализ некоторых тенденций развития данного макрорегиона, Китая и Индии. Этот анализ представляется исключительно актуальным в рамках данного мониторинга, так как радикальный исламизм является в настоящее время мощной дестабилизирующей силой как на глобальном, так и на региональном уровне. Вместе с тем обращается внимание на необходимость различения исламизма радикального и исламизма умеренного, так как во многих исламских обществах последний выступает скорее в качестве стабилизирующей, а не дестабилизирующей силы.

Данную статью имеет смысл начать с **определения исламизма**. Исследователи единодушны в том, что нельзя ставить знак равенства между исламом и исламизмом, то есть между религиозной верой и созданной на ее базе политической идеологией. Современный исламизм – это производное от ислама, сравнительно молодая политическая идеология (но с очень древними корнями), связанная с осознанием лидерства Запада и поставленным им перед мусульманскими обществами вызовом. А в последние десятилетия она связана с исламским возрождением, особого рода модернизацией исламских обществ.

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-06-00476).

Кратко исламизм нередко определяют как «политизированный ислам» или «политический ислам» (см., например: Левин 2014: 4; Игнатенко 2004: 40; Achilov 2016: 252; Achilov, Sen 2017: 608), что удобно, но из-за краткости не полностью верно, так как исламизм – это не только политическая, но и социальная идеология, образ жизни и действия.

Рассмотрим несколько более подробных определений исламизма. Начнем с определения Г. И. Мирского:

Исламизм – это политическое движение, базирующееся на радикальной идеологии, суть которой – фундаментализм, убежденность в том, что все беды мусульманского мира происходят от забвения основ «чистого, праведного, истинного ислама предков», от попыток воспринять чуждые ценности и не подходящее для мусульман светское устройство общества (Мирский 2015: 4).

Обратим внимание: здесь сделан упор на то, что исламизм – радикальная идеология. Во многом это верно, но лишь применительно к радикальному исламизму; действительно, самые крайние течения исламизма ставят целью преобразовать жизнь всего мира на лад истинного ислама (хотя понимание последнего очень сильно различается среди множества исламистских направлений). Вот почему до некоторой степени правомерно и такое определение исламизма (хотя и оно подходит скорее к радикальному исламизму):

Исламизм – это глобальный проект переустройства мира на началах учения пророка Мухаммада, план воплощения идеи провиденциальной избранности мусульман как спасителей человечества от разрушительных последствий секуляризма, национализма, глобализации (Левин 2014: 2).

Тем не менее нельзя упускать из вида, что исламизм неоднороден, раздираем противоречиями, что едва ли не главными врагами радикальных исламистов являются не секуляристы, а умеренные исламисты (Osman 2016: 260). Поэтому не всегда имеет смысл делать упор именно на фундаменталистском характере исламизма, а в случае умеренного исламизма, стремящегося вписаться в общество, где многие институты носят светский характер, фундаментализм отходит на задний план. И нельзя не согласиться с С. Хантингтоном (2003: 163), что «исламский “фундаментализм”, который часто воспринимается как политический ислам, является всего

лишь одной из составляющих в намного более всестороннем процессе возрождения исламских идей, обычаев и риторики, а также возвращения мусульманского населения к исламу. Исламское возрождение – это основное направление, а не только лишь экстремизм, всеобъемлющий, а не изолированный процесс».

Важно подчеркнуть, что выше приведены определения все-таки скорее радикального исламизма, а не исламизма в целом, в них не учитывается существование такого исключительно важного явления, как умеренный исламизм (строго говоря, давать такие дефиниции – это в принципе то же, что и, скажем, подменять определение социализма определением ленинизма или сталинизма).

В этом плане нам представляются более удачными следующие формулировки:

Политическое движение, которое выступает за реорганизацию политической и социальной системы в соответствии с законами, установленными исламом (Hooper 2015).

Или:

Термин «исламизм»... обозначает форму социального и политического активизма, основанную на идее, что общественная и политическая жизнь должна руководствоваться рядом исламских принципов. Иными словами, исламисты – это те, кто считает, что ислам должен играть важную роль в организации общества с мусульманским большинством, и которые стремятся реализовать это убеждение (Poljarevic 2015).

В отношении приведенных определений очень важно иметь в виду, что самими же мусульманами такие понятия, как «установленные исламом законы» или «исламские принципы», могут пониматься весьма по-разному – и здесь возможны не только радикалистские, но и вполне умеренные интерпретации. Кроме того, реальные исламисты редко фактически стремятся к перестройке в соответствии с некими исламскими принципами всего мира. Значительно чаще речь идет о перестройке в соответствии с этими принципами тех или иных мусульманских стран.

Приведем и некоторые другие определения исламизма/политического ислама:

Форма инструментализации ислама отдельными лицами, группами и организациями, которые преследуют политические цели, форма, которая «обеспечивает политические ре-

акции на сегодняшние общественные вызовы, представляя образ будущего, основы для которого опираются на реинтерпретацию концепций, позаимствованных из исламских традиций (Denoeux 2002: 61; см. также: Achilov 2016: 253; Achilov, Sen 2017: 608–609).

«Идеологический комплекс убеждений», носители которого полагают, что «у них есть что-то важное, что они должны сказать о том, как политика и общество должны быть упорядочены в современном мусульманском мире» (Fuller 2004: xi).

Необходимо отметить у некоторых исследователей склонность к тому, чтобы называть исламистами только радикалов, а умеренный исламизм именовать иначе, скажем, «исламским активизмом» (см., например: Царегородцева 2017). Имеется тенденция сомневаться в существовании умеренных исламистов или даже просто отрицать его:

Дискуссия о том, существуют ли «умеренные исламисты», сложна, потому что для того, чтобы найти ответ, нужно было бы заглянуть внутрь головы предполагаемого «умеренного исламиста». Если он (или она) участвует в парламентских выборах, его можно назвать «умеренным исламистом», и, таким образом, он был «приручен»? Я утверждаю, что эти «исламисты», которые действительно приняли правила системы, в которой они участвуют, не должны называться исламистами, потому что у них больше нет желания свергнуть эту систему (Woltering 2002: 1134)¹.

Приведем и еще более сильную формулировку:

Выражение «умеренный исламизм» представляет собой оксюморон [сочетание несочетаемого]. Могут быть умеренные мусульмане, но определенно нет умеренных исламистов. Между различными исламистскими группами нет ни малейшего идеологического разрыва. Существуют богословские различия, политические различия и различные стратегии и тактика (некоторые действительно более умеренные, чем другие), но идеологически все направлены на подчинение других религий и мировоззрений и создание исламистского халифата (Bisk 2015: 132–133).

¹ Интересно, что такого подхода придерживаются не только некоторые исламоведы, но и некоторые либеральные мусульмане (см., например: Tibi 2012; 2013).

Разумеется, в науке могут присутствовать различные мнения, но, по нашему рассуждению, такой подход непродуктивен в двух планах: научном и практическом. Во-первых, исламизм по самому смыслу слова связан с выдвиганием на первый план значимости ислама и распространением его принципов на разные сферы жизни, но никак не должен обязательно требовать насильственного свержения правящего режима. Во-вторых, есть много случаев перехода умеренных исламистов в радикальные (скажем, часть «Братьев-мусульман»² в Египте после июля 2013 г. [см., например: Ketchley 2017]), и наоборот, скажем, радикальные исламисты в Иране ныне стали достаточно умеренными, чтобы, например, соблюдать правила демократических выборов (Rajaei 2007). А такая, казалось бы, без всяких сомнений радикальная исламистская организация, как «Хезболла», в Ливане участвует в выборах, имеет свое представительство в парламенте и, более того, входит в правительственный блок с христианскими и секулярными партиями (о других случаях перехода радикальных исламистов на умеренные позиции см., например: Bayat 2013; Hossain 2016; Amin 2017). На наш взгляд, необходим общий термин, обозначающий исламистов до и после их радикализации или дерадикализации, и лучший термин, чем «исламисты», здесь, кажется, сложно предложить. Иначе в случае таких трансформаций нам придется определять принадлежность одной и той же силы к исламизму ситуативно.

Кроме того, несмотря на колоссальные различия в отношении к террору, участию в политической жизни и т. п., исламистов объединяют некие общие идеологические подходы. Но, с другой стороны, не только эти подходы так же размыты, но и исламисты значительно различаются по тому, какой реализации этих подходов они ожидают, относясь к ним как к некоей атрибутике или более серьезно (Kelsay 2007: 166). Многие умеренные исламисты, в том числе среди мусульманской интеллигенции, по сути, разделяют идею, выраженную марокканским социологом Абдаллой Ларуи. Современный исламизм в глазах арабского интеллигента, как он считает, не предполагает возврата в прошлое как таковое, а обращение к традиции – это лишь маска, которую надевает на себя современность в условиях кризиса глобальных идеологий, это универ-

² Деятельность данной террористической организации запрещена на территории РФ. – *Прим. ред.*

сальная идеология преобразования действительности (цит. по: Левин 2014: 18).

Вот почему неправильно и пытаться считать умеренных исламистов не исламистами, а кем-то другим, и смешивать радикалов и умеренных (см. анализ таких попыток редуцировать понятия исламизма и исламистов только до крайне радикальных течений или вовсе отказаться от термина в книге Бассама Тибби «Исламизм и ислам» [Tibi 2012; см. также: *Idem* 2013]). Более продуктивным представляется признать наличие наряду с радикальным исламизмом исламизма умеренного³ (подробное обоснование этого подхода см. в следующих работах: Kurzman 1998; Denoex 2002; Ayoo 2009; Schwedler 2011; March 2015; Achilov 2015; 2016; Achilov, Sen 2017).

В заключение проведенного нами рассмотрения разных подходов к определению исламизма приведем следующие слова Д. Ачилова и С. Сена. Они отмечают, что эмпирические данные ставят под сомнение широко распространенные представления о том, что «отношение мусульман к политическому исламу единообразно. В сущности, умеренные взгляды на роль ислама в политике связаны с поддержкой политического плюрализма, верой в важность гражданских свобод и необходимость сосуществования как шариатских норм, так и светских законов. Напротив, политически радикальные исламистские взгляды ставят целью полное господство шариата, нетерпимы к демократическому плюрализму и исходят из представления о том, что исламские религиозные деятели могут принимать политические решения лучше, чем кто-то другой. Эмпирические данные также показывают, что поддержка политически умеренного (а не радикального) ислама коррелирует с более высоким уровнем образования и социального капитала... В то же время мы предполагаем необходимость дальнейшего будущего эмпирического изучения возможного скрытого варианта, который может нахо-

³ Кстати говоря, многие из самих умеренных исламистов предпочитают называть свою версию исламизма не «умеренным исламизмом», а «постисламизмом» (см., например: Bayat 2007; 2013; Hossain 2016; Amin 2017). Отметим, что мы сами все-таки склонны рассматривать постисламизм в качестве разновидности умеренного исламизма, а не как нечто, качественно отличное от умеренного исламизма. Здесь примечательно, что и такой видный представитель постисламизма, как бангладешец Аханд Ахтар Хоссайн, склонен рассматривать постисламизм как понятие, омонимичное понятию «мягкая версия исламизма» (*a softer version of Islamism*) (Hossain 2016: 214).

даться между политически радикальным и политически умеренным исламизмом» (Achilov, Sen 2017: 621).

В целом, если суммировать разные подходы к определению исламизма, пытаться учесть разные течения в исламизме, можно было бы сказать, что **исламизм** – это политическое направление и идеология, широко распространенные в мусульманских, особенно арабских, странах. Исламизм основывается на идеях превосходства (или просто высокой ценности) ислама и его правил и традиций, на необходимости строить жизнь на исполнении (в том или ином объеме) тем или иным образом понимаемых принципов ислама, на том, чтобы, сообразуясь с современными реалиями, политически объединяться вокруг людей, ставящих те или иные исламские (или рассматриваемые в качестве исламских) идеи и принципы во главу угла в политической жизни.

Исламизм многогранен, охватывает множество сфер жизни, в этом плане он тотален (и даже «тоталитарен» в плане жесткости некоторых предписаний), а также многолик. Поскольку исламизм распространен практически во всех странах Ближнего и Среднего Востока (БСВ), хотя играет в них по своему влиянию различную роль, имеет смысл сформулировать идеи, которые лучше объяснят его распространенность и влияние. В некоторых случаях для того, чтобы оттенить особенности Ближнего и Среднего Востока, мы сравниваем его с Индией и Китаем. В целом в данной статье мы остановимся на историко-региональном и мир-системном контексте возникновения современного исламизма.

Государственность и исторические традиции. Ближний и Средний Восток (равно как и Китай с Индией) представляет собой очень сложную и неоднородную в разных смыслах систему, самостоятельный мир (по выражению Ф. Броделя), в меньшем объеме показывающий исключительно сложную палитру взаимоотношений своих субъектов и единиц. На первый взгляд, это особенно касается именно Ближнего и Среднего Востока, где сосуществуют множество государств и обществ с очень разной культурой и разными конфессиями, находящихся между собой порой в крайне напряженных и откровенно враждебных отношениях⁴. Однако в некоторых отношениях, например в плане языка, этничности и ре-

⁴ Подробнее о разных странах и регионах Ближнего Востока см.: Гринин, Исаев, Коротаев 2016.

лигии, Ближний и Средний Восток, пожалуй, выглядит куда более гомогеннее, чем, скажем, Индия, которая является одним из самых многонациональных государств мира⁵. И эта гомогенность явилась важнейшей основой для интернационализации исламизма, для того, чтобы это течение и идеология легко пересекали границы государств, делая их прозрачными.

Успехам исламизма способствует и традиционная слабость государственности на БСВ. Слабыми традициями государственности на Ближнем и Среднем Востоке (за исключением Египта, Турции и в определенной мере Ирана) объясняют и неустойчивость многих режимов, и недостаточный уровень модернизации. Тогда как в Индии вследствие успешного государственного строительства, состоявшегося не в последнюю очередь благодаря длительному внутреннему миру при колониальной администрации и заложенных ею административных традициях (Кей 2011), удалось успешнее и с меньшими затратами решить многие проблемы. Таким образом, в настоящий момент уровень развития государственности в Китае и Индии в целом существенно выше, чем в большинстве ближневосточных стран, хотя вновь подчеркнем, что среди последних разброс в этом плане колоссальный. Таким образом, разница в уровне государственности во многом определяет и пути в глобализацию, и уровень успехов БСВ и стран других регионов, а также большей частью объясняет их внутренние и внешние проблемы (об особенностях политических систем и политической культуры стран Востока см.: Воскресенский 2007; см. также: Гринин, Коротаев 2007; Гринин 2010).

Одна из главных идей исламизма состоит в противопоставлении правильного, высокодуховного, высокоморального исламского общества и меркантильного, бездуховного, аморального Запада. Надо сказать, что для нелюбви к Западу у населения БСВ есть прочные исторические основания (хотя мы, в отличие от С. Хантингтона, не считаем, что эти исторические корни размежевывают цивилизации непреодолимо).

⁵ Ее населяют несколько сотен этнических групп различного расового происхождения, говорящих на языках, относящихся к нескольким лингвистическим семьям (современная индийская статистика выделяет 1562 языка). Кроме того, население, насчитывающее более 1 млрд 200 млн человек, исповедующих различные религии, раздроблено на десятки тысяч каст и подкаст (Горохов 2011).

Тем не менее, разумеется, несмотря на происходящую модернизацию (а в некоторых аспектах – благодаря ей), культурно-религиозное (идеологическое) наследие и традиции, насчитывающие от полутора до двух с половиной тысяч лет, не могут не оказывать огромное влияние на все текущие процессы и явления, тем более в странах, где большая часть населения по-прежнему малообразованна, а религия является важнейшей скрепой для формирующихся наций (как в Саудовской Аравии, странах Залива и Магриба, а также в Индии). В этом плане представляется обоснованной мысль, что верность восточного общества своей традиции вновь объединяет его в стремлении сохранить свою самостоятельность в условиях глобализации (Яковлев 2015: 6).

Если сравнивать Китай, Индию и Ближний Восток (БВ) в аспекте цивилизационном, то из трех цивилизаций ближневосточная сохраняет цивилизационные черты в наибольшей степени (возможно, это также говорит и о том, что она в культурно-модернизационном плане пока является наиболее отстающей).

Ближний Восток благодаря раннему созреванию там цивилизации, урбанизации и формированию бюрократии, относительно слабой этничности, высокой корпоративности служителей культов, влиянию кочевников и ряду других исторических особенностей создал много крупных государственных образований, но тем не менее, за исключением территорий собственно Персии и Египта (и в какой-то мере еврейских и армянских государств), прочные этногосударственные образования там не сложились. Не сложились также прочные развитые государства, которые, временно утратив централизацию, стремились бы к своему воссозданию, как это наблюдалось в Китае (см. подробнее: Коротаев, Комарова, Халтурина 2007; Гринин 2010). Напротив, после распада империй они уже не воссоздавались, а вместо них формировались иные с другой по этничности и культуре элитой, либо эти территории и вовсе становились частью иноэтничных империй.

Эта непрочность внутреннего единства территорий, входящих в государственные образования, имела место и после формирования исламских халифатов и эмиратов, бесконечно меняющих свои границы. Она не исчезла ни в результате турецкого владычества, ни во время колониального и квазиколониального господства Франции и Англии и сохранилась, по сути, до наших дней на многих террито-

риях Ближнего и Среднего Востока. Сегодня там, не считая Израиля, реально существует три государства, границы которых поддерживаются национальным самосознанием и единством населения: Турция, Иран и Египет⁶. Что касается остальных, то в некоторых странах этот процесс внутреннего укрепления идет достаточно успешно, но в других целостность границ поддерживается главным образом в результате того, что мировое сообщество не склонно менять эти границы, хотя те или иные влияния могут изменить ситуацию. И сегодня она довольно шаткая в Ливии, Йемене, Афганистане, Ираке, Сирии и других местах.

Таким образом, некоторые исторические традиции продолжают оказывать воздействие на мировосприятие и влияние рассматриваемых регионов на мир. Обобщая вышесказанное, очень условно можно было бы сказать, что *Ближний и Средний Восток вовлекает мир в собственные проблемы, одновременно генерируя свое резкое неприятие другого образа жизни, продолжая борьбу за сохранение и победу ислама. Индия сосуществует с миром, адаптируя современные влияния и трансформируя их в рамках своей мир-системы. Китай стремится создать собственную китаецентричную мир-систему, пока экономическую, концентрируя экономическую мощь за счет государственной политики и, по сути, государственной экспансии в другие регионы.*

Ближний и Средний Восток в отличие от Индии и Китая всегда имел тесные связи с Европой (Западом). При этом взаимоотношения носили комплексный характер, контакты в конечном счете послужили для взаимного обогащения технологий и культур. Однако баланс сил менялся. Близость к Европе послужила причиной, по которой именно в ближневосточных странах (прежде всего в Турции и Египте) модернизация, особенно военная, началась раньше, чем в других восточных обществах. Однако в настоящее время это преимущество БСВ по сравнению с Индией и Китаем в основном потерял, хотя по некоторым показателям Индия все еще от него отстает (например, по грамотности населения, см. Рис. 1). Тем не менее отметим, что БСВ лидирует по такому важному показателю, как урбанизация (см. Рис. 2).

⁶ При этом у Турции имеются проблемы с курдскими окраинами, которые стремятся к отделению.

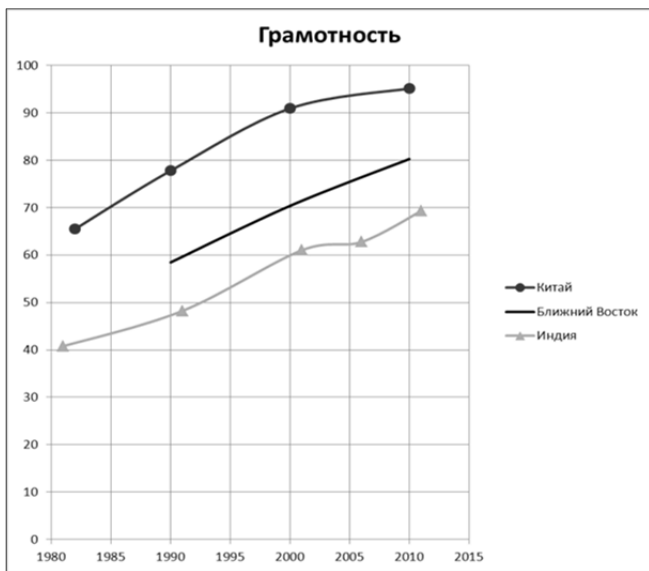

Рис. 1. Динамика грамотности, % взрослого населения

Источник данных: World Bank 2017.

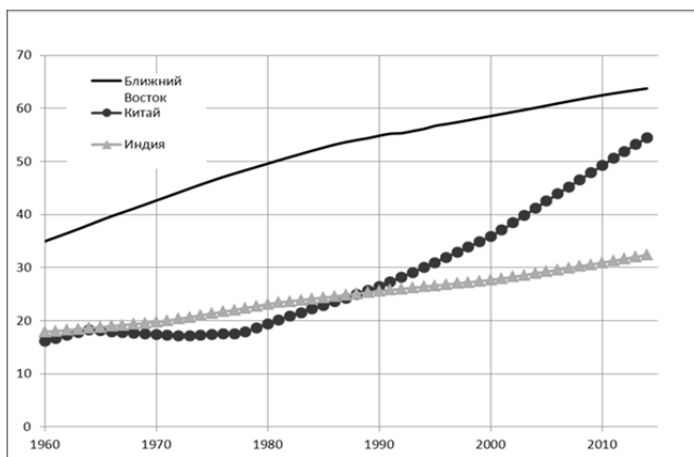

Рис. 2. Динамика доли городского населения в Китае, Индии и на БВ, %, 1960–2014 гг.

Источник данных: World Bank 2017.

Между тем, как справедливо отмечается, исламизм – это идеология урбанизирующегося общества (см., например: Кепель 2004).

Надо отметить, что Ближний Восток уже в Средние века и раннее Новое время имел очень высокий для той эпохи уровень урбанизации, являясь едва ли не лидером Мир-Системы в этом отношении (см., например: Гринин, Коротаев 2009; Grinin, Korotayev 2015).

Если сравнивать БСВ с Индией и Китаем в плане особенностей политических режимов, то мы видим, что относительно устойчивая демократическая система качественно отличает Индию от ближневосточных обществ (анализ особенностей индийской демократии см.: Алаев 2007). А твердый авторитарный режим Китая отличается своей крепостью от ряда ближневосточных неконсолидированных демократий. В этом одна из главных проблем, а возможно, и ловушек ближневосточных обществ, в которых значительная часть населения как будто уже готова к демократии, но в целом общество – еще нет (см., например: Гринин, Исаев, Коротаев 2016).

Несмотря на различия в режимах рассматриваемых регионов, все они имеют определенные важные черты сходства в том, что называется политической культурой (см. о ней: Воскресенский 2007; Стрежнева 2007; Мельвиль 2002; Коктыш 2002). В их числе – высокая роль бюрократии в обществе, по сути, ее всевластие, связанная с этим коррупция, большое влияние бюрократической верхушки на бизнес, в частности попытки установить личный контроль (через членов семьи, клана или подконтрольных людей) над наиболее важными и/или выгодными сферами бизнеса, nepotизм, стремление встать над законом и т. п. (см., например: Ефимова 2007; Сапронова 2007; Алаев 2007: 499 и др. главы коллективных монографий под редакцией А. Д. Воскресенского [2007; 2011]). Конечно, в монархических странах Арабского мира ситуация несколько иная, поскольку члены королевских семей и кланов имеют более легитимные права на контроль над бизнесом и обществом. По сути, монархические кланы составляют верхнюю страту в обществе⁷ в плане занятия высших постов, но тем не менее сходств много (см., например: Сапронова 2007; Донцов, Чурилина 2007).

⁷ В Катаре, например, правящее семейство Аль Тани вместе с родственными и союзными племенами насчитывает до 20 тыс. человек, то есть около 10 % всего коренного населения страны (Сапронова 2007: 152).

Таким образом, причин для недовольства правительством и политическими кланами у населения стран БСВ много, что также усиливает позиции исламистов, находящихся в оппозиции, и привлекательность их внешне убедительного и понятного для населения лозунга о том, что главная беда – в забвении исламских принципов «зарвавшейся» верхушкой общества.

В то же время позиции исламизма усиливаются тем, что роль государства в регулировании экономики и социальной жизни растет. Будучи слишком слабыми, чтобы противопоставить исламизму националистические идеи, многие государства БВ достаточно сильны, чтобы население возлагало на них ответственность за поддержание уровня их жизни. Отсюда политическая власть становится легкой мишенью для критики со стороны исламистов.

Почти во всех странах можно увидеть те или иные черты социального государства, хотя основания для проведения социальной политики весьма различны. Нефтедобывающие страны Ближнего Востока используют нефтяные доходы для разнообразной поддержки населения, включая льготы, которые выглядят экзотически, тем самым создавая высокий уровень потребления и иждивенчества у коренных жителей региона, на которых в это время трудятся миллионы мигрантов из более бедных стран. Египет также довольно давно проводит социальную политику по ряду направлений, в частности существуют дотации на хлеб, рис, сахар, растительное масло (см., например: Коротаев, Зинькина 2011а; 2011б; 2011в; 2011г).

Место в Мир-Системе и формирующемся мировом порядке.

Ближний Восток, по нашему мнению, изначально был ведущим центром формирующейся Мир-Системы (см., например: Коротаев, Малков, Халтурина 2005а; 2005б; 2007; 2008; Гринин, Коротаев 2009; Гринин 2012; Grinin, Korotayev 2012; 2013а; 2013б; 2014а). Формирование китайского и индийского центров Мир-Системы и затем объединение этих центров с ближневосточным сделало Мир-Систему афроевразийской, но главным центром ее все равно длительное время оставался Ближний Восток, пока в 1-м тыс. до н. э. ее центр не начал смещаться в сторону, с одной стороны, Европы, а с другой – Китая. С Великими географическими открытиями центр Мир-Системы, теперь уже глобальной, переместился в Европу. Но если Ближний Восток продолжал играть в мир-системных

связях достаточно важную роль, то Индия и Китай оставались далекими окраинами европоцентрической Мир-Системы, при этом не особо заинтересованными (в особенности это относится к Китаю) в развитии связей с Европой (Алаев и др. 2010; Кей 2011; Голдстоун 2014). В конце XIX – первой половине XX в. все три общества продолжали оставаться явной периферией Мир-Системы (за исключением, пожалуй, Турции), при этом в Китае и на некоторых территориях Ближнего Востока наблюдался глубокий кризис (хотя в Османской империи в этот период ситуация в целом улучшалась [см., например: Gelvin 2008; Maddison 2010]).

Ближний Восток, Индия и Китай вступали в мировые процессы в результате краха колониальных империй и роста политического значения развивающихся стран. К сожалению, это вступление повсюду было связано с военными конфликтами, в какой-то мере неизбежными, поскольку формирование новых государств всегда вызывает сложности при разделении народов и проведении границ, тем более когда такие разделы усложнены наследием колониализма, Второй мировой войны и послевоенным противостоянием социализма и капитализма.

Образование после Второй мировой войны индийского и возрождение китайского государств означало очень серьезное изменение в Мир-Системе, влияние которого постоянно нарастало и, пожалуй, будет еще увеличиваться в течение ближайших десятилетий. К этим изменениям добавилось появление целого ряда новых государств на Ближнем Востоке. Все это существенно ослабило ядро Мир-Системы, особенно бывших ее лидеров (Англию, Францию и побежденную Германию вкупе с Японией). Мир (мировой порядок) стал двуполярным, формируясь по линии «социализм – капитализм». Сформировавшийся третий мир хотя и оставался периферией, в то же время стал полем битвы двух блоков. В результате и Индия, и Китай, и государства Ближнего Востока стали активно разыгрывать карту глобального противостояния США и СССР, пытаясь получить наибольшие выгоды и приобрести лучшие шансы для геополитических маневров (Лунев 2010). Китай с конца 1960-х гг. стал сближаться с США, чтобы противостоять СССР (Киссинджер 1997). Индия во времена Дж. Неру (и после него) играла ведущую роль в Движении неприсоединения, будучи в 1983–1986 гг. даже его формальным лидером (Лунев 2010), одно-

временно балансируя между СССР и США. Активное балансирование между двумя блоками наблюдалось и на Ближнем Востоке, особенно ярко – в Египте. В связи с арабо-израильским конфликтом Ближний Восток стал сдвигаться с периферии на место полупериферии. То же можно сказать об Индии и Китае. При этом у последних в связи с активным экономическим развитием данный тренд в последние десятилетия XX в. явно усилился, что (особенно успехи Китая) послужило основой для возникновения теории возвращения центра развития на Восток (см., например: Frank 1997; 1998; Arrighi 2007; Франк 2002; Арриги 2009).

Таким образом, если в Индии и Китае, равно как и ряде других стран, в результате мир-системных изменений стали усиливаться национализм и другие идеологии, так или иначе опирающиеся на национальные традиции, то на БВ (в связи с противостоянием Израилю и рядом других моментов, о которых мы еще скажем) на ведущее место в идеологии стал претендовать исламизм (после относительно непродолжительного периода доминирования на арабском Востоке идеологии арабского национализма [см., например: Хайруллин, Коротаев 2016; 2017а; 2017б; 2017в]).

Отметим, что все три сообщества с самого начала своей послевоенной активности оказались вовлечены в глубокие конфликты. При этом, несмотря на разную историю и причины возникновения, эти конфликты до сих пор сохраняют свою остроту и актуальность. Рождение независимых Индии и Пакистана сразу же ознаменовалось войной между государствами, которая стала продолжением столкновений мусульман и индуистов, происходивших до этого в течение двух десятилетий. Впрочем, это было вызвано не только религиозно-политическим соперничеством, но и значительными различиями в политической культуре двух частей прежде единого общества. «История последующего развития Индии с устойчивыми традициями парламентаризма и Пакистана с частыми переменами власти и склонностью к военно-диктаторским режимам позволяет говорить о различии двух политических культур: преимущественно секулярной индийской и исламизированной пакистанской» (Алаев и др. 2010: 422)⁸. Напряженность отношений с Пакистаном была

⁸ Приведенная цитата, впрочем, подтверждает сказанное выше о том, что слабость государственности на Ближнем Востоке, во многом связанная с особенностями ислама (см., например: Коротаев 1996; 2003; 2005; 2006; Коротаев, Клименко, Прусаков 2007; Коротаев,

и остается сегодня (несмотря на некоторое ослабление) важнейшей характеристикой внешней политики Индии, являющейся крупнейшим импортером оружия в мире (но, впрочем, стремящейся стать и его экспортером; см., например: Арманьян 2015). Китай также начал новый этап своей истории с конфликтов (особенно горячим из них была война в Корее), среди которых неурегулированность отношений с Тайванем остается миной замедленного действия. Что же касается Ближнего и Среднего Востока, то с момента образования там государства Израиль он остается одним из самых конфликтных регионов мира. Мало того, это регион, откуда терроризм распространяется по всему миру. В целом неудивительно, что почти все государства Ближневосточного региона очень большое внимание уделяют развитию армий, вооружения и военной стратегии, хотя каждое – по-разному.

В 1970–1990-е гг. рассматриваемые общества стали получать все больше выгод от глобализации (см.: Гринин, Коротаев 2016: Гл. 5). Первыми это ощутили нефтедобывающие страны Ближнего Востока, полностью преобразившиеся в некоторых смыслах в результате золотого нефтедолларового дождя. Их роль в мире также резко повысилась. Прежде внешняя торговля в этих странах не была существенной отраслью экономики, по крайней мере не отражалась на жизни основной части населения⁹. В настоящее же время по доле внешней торговли в ВВП Ближний Восток далеко обгоняет и экспортно ориентированную экономику Китая, и активно наращивающую экспорт Индию (см. Рис. 3).

Однако в целом быстрый рост экспорта и импорта в рассматриваемых странах очень хорошо показывает, насколько активно они интегрируются в глобализационные процессы (кстати сказать, все три региона активно развивают туризм).

Еще один важный показатель развития и интеграции – рост иностранных инвестиций, по которым Китай и Индия существенно

Исаев 2014; Коротаев, Исаев, Руденко 2014; 2015; Korotayev, Klimenko, Proussakov 1999; 2003; Korotayev 2000; 2003; 2004; Korotayev, Issaev, Shishkina 2013; 2015; Korotayev *et al.* 2016), является важнейшей причиной испытываемых там трудностей.

⁹ Например, объем сделки по первой концессии на добычу нефти в Саудовской Аравии (1933 г.) между компанией «Сокол» и саудовским королем при сроке концессии в 60 лет и на территории 360 кв. миль составлял 625 тыс. долларов (55 тыс. английских фунтов), то есть на современные деньги не более 25–30 млн долларов. Но это были очень большие деньги для саудовской династии в то время (Ергин 1999: 227), не говоря уже о бедуйском населении.

опережают Ближний Восток. Впрочем, и по общим инвестициям они также явно его обгоняют (см. Рис. 4).

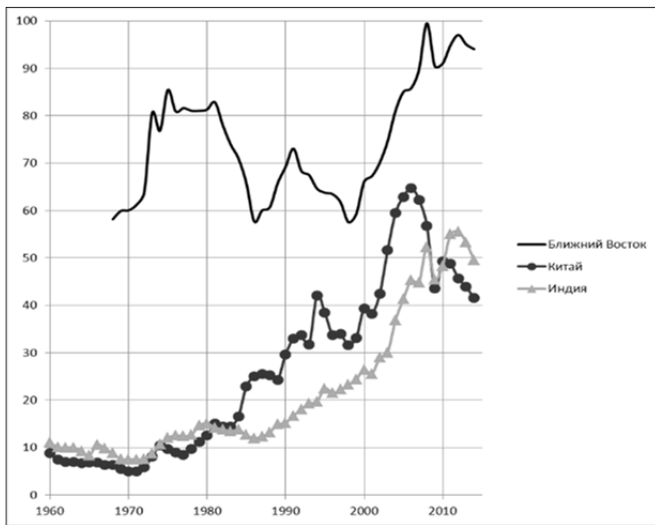

Рис. 3. Внешняя торговля, % от ВВП

Источник данных: World Bank 2017.

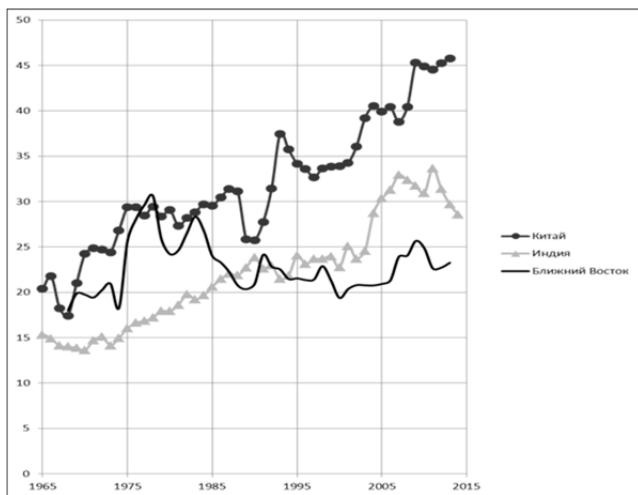

Рис. 4. Доля инвестиций в ВВП, %

Источник данных: World Bank 2017.

Несомненно, что дождь нефтедолларов оплодотворил почву, на которой уже и так активно расцветал исламизм. Имея теперь мощные финансовые официальные и неофициальные источники, это движение могло стать гораздо более сильным и массовым, используя (как это часто и бывает у склонных к радикализму движений) западные деньги против Запада и собственных правительств. Особенно же приток нефтедолларов способствовал усилению официального консервативного исламизма ближневосточных нефтяных монархий, прежде всего Саудовской Аравии.

Таким образом, мир-системная роль Китая, Индии и Ближнего Востока за последние несколько десятилетий существенно возросла. Однако если Ближний Восток пока в лучшем случае может претендовать на роль полупериферии, то Китай, а в более отдаленной перспективе и Индия уже начинают претендовать на роль альтернативных центров (или даже противочентров) в Мир-Системе.

Но эта периферийная и полупериферийная роль БВ в Мир-Системе как раз и является важным источником силы исламизма. Ведь, с одной стороны, экономической мощи Запада они не могут противопоставить растущую экономическую мощь не только ни одной из стран БВ, но и в целом этого региона. А с другой стороны, мусульмане традиционно не готовы признавать превосходство Запада (и христианства как его религии, поскольку многие из них все еще отождествляют Запад и христианство). Вот почему они могут противопоставить мощи Запада лишь правильность, истинность и веру в конечную победу ислама как ведущей религии мира. А основой в таком противопоставлении естественным образом является исламизм. С одной стороны, конечно, многие мусульмане завидуют богатству и успеху западных стран, а с другой – имея нефть, они не чувствуют себя бедными (не говоря уже о мироощущении жителей стран Залива) и обиженными. И именно нефть подпитывает многие тенденции БВ, включая исламизм. Ведь нефть поставила БВ в особое положение и в мире, и в отношении с Западом, придав ему огромное значение, соответственно повысив его самооценку.

О роли нефти. Если в XIX в. из всех видов сырья особенно важным для европейской промышленности был хлопок, несколько позже незаменимым стал натуральный каучук, то затем сырьевым товаром номер один стала нефть. Если углем европейские страны были богаты, то запасы нефти в них оказались ограниченными, причем зависимость от нефтяных поставок только росла. Борьба за нефть в рамках подъема национальных экономик и началась уже

в 1920–1930-х гг., наиболее известный ее эпизод – Мексика, национализировавшая нефтяные компании; после Второй мировой войны акты национализации были важными событиями, которые, однако, постоянно перемежались свержением правительств, стремящихся к национализации (наиболее ярким примером является история Ирана 1950-х гг.). При этом росло и значение, и самосознание стран, обладавших нефтью или другим стратегическим сырьем. Вторая мировая война показала, насколько важным является обладание нефтяными ресурсами. Поэтому уже в скором времени после войны Ближний Восток становится стратегически важным регионом. Саудовская Аравия стала ключевым фокусом для США и рассматривается как ценнейшее приобретение в области иностранных инвестиций. Неудивительно, что уже в 1950 г. президент Г. Трумэн написал письмо королю Саудовской Аравии, в котором заверял, что любая угроза королевству будет немедленно воспринята как требующая внимания и заботы США (Ергин 1999: 329). Таким образом, стратегическое партнерство Саудовской Аравии (и позже – стран Залива) и США начало формироваться довольно давно. 1960 год стал важной вехой в развитии нефтедобывающих стран, так как в Багдаде была образована Организация стран – экспортеров нефти (ОПЕК). Ее основателями стали Иран, Ирак, Кувейт, Саудовская Аравия и Венесуэла. ОПЕК стала самой влиятельной наднациональной организацией развивающихся стран после революционного повышения цен на нефть в 1970-х и 1980-х гг., что ознаменовало начало перелома в отношениях между развитыми и развивающимися государствами. В итоге именно в области поставок нефти впервые в истории развивающиеся страны одержали решительную победу над Западом, и впервые экономические действия стран третьего мира вызвали мировой экономический кризис.

Рост нефтедобычи впоследствии стал для целого ряда стран дорогой к росту благосостояния, импорту капитала и даже конвергенции. И в целом нефть превратилась в 1970-е гг. в своеобразный символ роста возможностей третьего мира в отношении Запада. Разумеется, нефтяные доходы довольно длительное время тратились не особенно рационально (и во многом такая ситуация сохраняется до сих пор), но в целом они стали важнейшим источником накоплений развивающихся стран и дали возможность проводить важные реформы в некоторых государствах, связанные с подъемом сельского хозяйства, ростом образования, развитием систем здравоохранения и т. п.

Экономическая роль Индии и Китая в мире длительное время была не слишком значительной. Зато роль Ближнего Востока стала весьма значимой уже с 1950-х гг., что привело к вмешательству западных стран в дела ряда ближневосточных государств и несколькими военными переворотам (например, в Иране в 1953 г.). Но особенно возросла роль стран Ближнего Востока с начала 1970-х гг. Пожалуй, этот регион первым среди развивающихся стран стал оказывать серьезное влияние на мировые экономические процессы. Создание ОПЕК и затем резкое повышение цен на нефть в 1973 г. (формально как реакция на наступление Израиля в Октябрьской войне 1973 г.) способствовали довольно затяжному и весьма сильному экономическому кризису в западном мире.

Окончание эры дешевой нефти положило конец тому, что называлось немецким и японским «экономическим чудом», то есть очень высоким темпам экономического роста в этих странах, а также повлекло целый ряд серьезных и разнонаправленных последствий для экономик разных стран. Так, оно не только вызвало довольно чувствительный кризис в западном мире, но и одновременно заставило западную экономику искать технологические формы экономии энергии, что способствовало многим важным инновациям, а также развитию добычи нефти в более сложных условиях.

Напомним также, что рост цен на нефть серьезно повлиял на экономику СССР и ее импортозависимость, а понижение цен во второй половине 1980-х гг. способствовало в итоге усугублению экономических проблем и распаду СССР.

В то же время приток нефтедолларов начал резко менять жизнь в нефтедобывающих странах, часть из которых не представляла, как использовать такой объем валюты. В результате произошла дальнейшая интеграция ближневосточной и мировой экономики. Во-первых, полученные нефтедоллары стали вкладываться в западную (особенно американскую) финансовую систему, что, кстати, позволило США в дальнейшем замораживать счета тех или иных неугодных стран или персон. Во-вторых, активизировались инвестиции в развитие инфраструктуры и других объектов в этих странах, что принесло крупные заказы западным фирмам. В-третьих, усилилась роль государств и государственных компаний в нефтедобывающих странах (в некоторых случаях это сопровождалось национализацией имущества западных корпораций, как в Ираке в 1972 г.). В-четвертых, открылся важный путь к подъему

и новых развивающихся стран, в которых стали находить и разрабатывать нефть, – в Южной Америке, Африке, Азии (одновременно усилились поиски нефти на различных территориях). Бесспорно, подъем цен на энергоносители внес существенный вклад в начало Великой конвергенции (Коротаев 2013; 2014; 2015а; 2015б; 2015в; 2016; Коротаев и др. 2014; Гринин, Коротаев 2016: Гл. 5; Коротаев, Гринин 2017; Korotayev *et al.* 2011а; 2011б; 2012; Korotayev, Zinkina 2014; Korotayev, Goldstone, Zinkina 2015; Grinin, Korotayev 2014а; 2014б; 2015). В-пятых, конечно, надо отметить резкий рост импорта оружия в страны Ближнего Востока, усилившийся после войны в Заливе 1991 г.

Государства Персидского залива, а также некоторые другие нефтедобывающие страны в этом и других регионах (такие как Ливия или Бруней) из бедных стали превращаться в богатые, в страны-рантье, а поскольку исламская идеология требовала делиться с бедными и не позволяла игнорировать мнение коренных жителей, то и население некоторых прежде бедуинских стран стало жить на правах рантье. Это был один из немногих пока случаев в новейшей истории, когда бедные развивающиеся страны стали иметь ВВП, сравнимый с развитыми государствами. В частности, сегодня пять из шести стран Персидского залива входят в число 30 государств мира с самым высоким ВВП на душу населения (Вишневыский, Денисенко 2016). Это не могло не укрепить позиции монархических режимов и диктаторов¹⁰. ОПЕК стала одной из важнейших экономических организаций в мире.

Изменение уровня жизни в нефтедобывающих странах Ближнего Востока существенно повлияло на их демографию, но также и создало (возможно, впервые в отношении развивающихся стран) довольно большой миграционный поток из соседних бедных мусульманских стран в государства Залива и некоторые другие нефтедобывающие страны.

Хотя исламский фундаментализм и терроризм существовали и до взрывного роста цен на нефть, нет никакого сомнения, что избыток нефтяных средств создал для него весьма питательную почву. Сначала терроризм носил в основном антиизраильский характер (но не забудем о покушении на Г. А. Насера в 1954 г. и убийстве А. Садата в Египте в 1981 г., о курдских террористах), затем его масшта-

¹⁰ Но отметим, что события Арабской весны показали: монархические режимы все-таки являются более легитимными и потому более прочными, чем квазидемократические непоследовательно авторитарные режимы, хотя, бесспорно, изменение ситуации с нефтью может повлиять и на прочность монархий (Коротаев, Зинькина, Ходунов 2012).

бы выросли, захватив Россию, США, потом сами страны Ближнего Востока, а в настоящее время и Европу. Светские правители не в состоянии сдерживать терроризм, но в то же время часто тайно или явно поддерживают соответствующие организации.

Агрессивный исламизм и терроризм, безусловно, будут сдерживать развитие стран Ближнего Востока в течение еще длительного времени, тем более что рождаемость в ряде стран по-прежнему достаточно высокая, а доля молодежи в населении («молодежный бугор») также весьма высока (хотя и идет на спад). Но можно надеяться, что постепенное снижение рождаемости, рост образованности населения и показателей культурно-гуманитарного развития будут способствовать снижению агрессивности в обществе.

Модернизация и религия. Несомненно, что основная масса населения сохраняет верность привычным идеологическим конструкциям, роль которых, если учесть слабость национализма на БВ (в особенности после упадка влияния идеологии арабского национализма [см., например: Хайруллин, Коротаев 2016; 2017а; 2017б; 2017в]), выполняет религия или политизированная религиозная идеология – исламизм. Стоит уточнить, что даже на Ближнем Востоке роль нерелигиозной идеологии временами может быть заметной. Так, в начальный период Арабской весны впереди была именно идеология – секуляристского меньшинства. А. И. Яковлев также верно характеризует некоторый дуализм восточных обществ, связанных с модернизацией, указывая, что в современных восточных обществах есть два течения: современное модернизированное, к которому относятся вестернизированная интеллигенция и средние городские слои, и модернизированное традиционное, социальной опорой которого являются те же слои образованных людей, а также полуобразованная масса населения. Для последней характерна верность общинному сознанию, когда политическое поведение и отношение людей к государству определяется не идеями, а их традиционной идентификацией (национальной, религиозной, а также стремлением к спокойной жизни [Яковлев 2015: 326–327]). Действительно, это верное наблюдение, и оно объясняет ситуацию раздвоенности (вообще свойственную модернизирующимся обществам) во многих странах Ближнего Востока (в том числе проявившуюся в результатах выборов периода Арабской весны)¹¹.

¹¹ Это сложное взаимоотношение между городским средним классом и сельскими жителями в модернизирующихся обществах на разных этапах модернизации хорошо анализирует С. Хантингтон (2004).

В существенной мере это относится и к Индии, но все-таки там в связи с достаточно длительными традициями выборов и демократии участие масс в выборах приучает их к следованию за определенными партиями и лидерами, а не только к их идентификации (точнее, идентификация сливается с партийной привязанностью). Это в существенно меньшей степени верно для Китая, где нация более сплочена, а роль государства традиционно очень велика.

Попробуем сформулировать тезис в отношении роли религии и идеологии в рассматриваемых обществах, а затем проиллюстрируем его.

Роль религии на Ближнем Востоке колоссальна, она – ведущая парадигма во всех сферах жизни. Роль религии в Индии меньше, чем на Ближнем Востоке, но она очень велика, причем не только в частной жизни, но и в политике, становлении идеологии национализма, истории формирования современной Индии. Роль идеологии в Китае велика, но это не постоянная идеология. Она существенно или радикально меняется в результате изменения государства, оставляя, правда, незначительно меняющийся архетип: идеология империи и императора, всемогущества и правоты государства, основ конфуцианства в отношении к старшим, властям, приказам и к трудовой этике.

И. М. Дьяконов отмечал, что для древних обществ была характерна идеология ритуально-магического типа, не требующая догматической исключительности, а для средневековых обществ – религиозная идеология ритуально-этического типа, не допускающая отклонений от догмы (Дьяконов 1971: 144). Однако в результате Реформации ситуация в Европе изменилась. Как недвусмысленно сформулировал это Т. Гоббс, «в христианском государстве никто, кроме суверена, не может знать, что есть и что не есть слово Божие» (Гоббс 1965: 464). Недаром же в период Реформации XVI в. в Германии родился знаменитый принцип «Чья земля – того и вера», то есть население княжества должно либо исповедовать ту религию, какой придерживается князь, либо мириться с ограничениями прав.

Однако в Арабском мире на протяжении заметной части его истории политическая система включала в себя принцип теократии, то есть халиф считался наместником посланника Бога (или даже просто Бога) на земле, хотя, конечно, реально он вмешивался в религиозные дела нечасто и при таком вмешательстве мог порой получить отпор со стороны духовенства. При этом большую часть Средневековья (особенно в мамлюкском Египте) халифы имели

в значительной мере ограниченный объем политической власти либо их политическая власть распространялась на крайне ограниченную территорию (как при поздних Аббасидах). Фактически религия, а вместе с ней в значительной мере и общество получили большую автономию от политической власти, поскольку та обычно не могла вторгаться в целый ряд областей жизни, включая многие отрасли права (см., например: Большаков 1984; Hodgson 2009). Только в некоторых случаях верховная власть претендовала на реальное первенство над религией¹². Фактически такая религиозно-гражданская автономия сохраняется и сегодня во многих арабских (и некоторых других исламских) странах, особенно в государствах Залива, что существенно затрудняет проведение объективно давно назревших реформ в правовой сфере, в области положения женщин и т. д., а также способствует интернационализации исламского фундаментализма и терроризма. При этом фундаментализм и терроризм являются одними из самых заметных глобальных влияний Ближнего Востока на остальной мир.

Таким образом, в отношении Ближнего и Среднего Востока функции религии исключительно велики и разнообразны, пожалуй, нигде они не были столь широки, как в исламе. Религия заменяла политические скрепы и право и до сих пор в некоторых отношениях продолжает их заменять (особенно это относится к некоторым отраслям права во многих ближневосточных странах). Как справедливо отмечал Е. М. Примаков (2006: 16), ни один арабский лидер не мог игнорировать традиционную глубокую религиозность населения, и даже Арабская весна вновь это подтвердила (Гринин, Исаев, Коротаев 2016).

Религия сильна именно на низовом уровне, поскольку особой церковной организации не существует. В этом плане ислам, с одной стороны, объединяет Ближний Восток, а с другой – отража-

¹² Так было, в частности, в Турецкой империи (и то не всегда). Османская империя была первым в истории государством, в котором мусульманское духовенство получило официальный статус и образовало иерархическую организацию профессиональных служителей религии с четким обозначением функций и должностей (см.: Иванов, Орешкова 2000: 77; Мейер 1986; Ацамба 1987: 210–211). Также в Турции (и в некоторых провинциях этой империи, например в Египте), в отличие от арабских халифатов, формируется духовное сословие улемов, которое в основной своей части тем или иным способом (официально или фактически) включается в состав государственного аппарата. Такая ситуация способствовала проведению светских реформ в Турции в XX в., хотя и в этой стране влияние ислама очень велико.

вает его в плане внешнего воздействия. Ислам в отличие от индуизма гораздо сложнее адаптирует внешние влияния¹³.

Роль религии в Индии сильна традиционно, достаточно там и религиозного фанатизма (тем не менее изменения есть и в этом плане)¹⁴. Индуизм был одним из важнейших стержней национально-освободительного движения (см., например: Юрлов, Юрлова 2010; Горохов 2011; Станкевич 2011), идеологом которого выступал Махатма Ганди, создавший на базе индуизма этико-политическую философию. Махатма заслуженно считался святым. Но стремление к тому, чтобы сделать из правителя святого или божество, долго сохранялось среди значительной части простого народа Индии. Социальная сила религии в этой стране велика и потому, что освящает традиционное социальное деление на касты (Клюев 2002).

Китай, как уже было сказано, всегда развивался, имея ту или иную государственную идеологию (религия играла подчиненную роль и потому была неразвита). При этом наблюдаются периодические перемены в отношении к разным религиям и идеологиям, особенно при смене тех или иных династий или режимов. Тем не менее наибольшее влияние на традиции, менталитет и политическую идеологию оказало конфуцианство, которое было тесно связано с политическим устройством Китайской империи (Эйзенштадт 1999: 179).

Таким образом, особая и сохраняющаяся роль религии на БСВ является важнейшей основой для роста исламизма, который может быть рассмотрен не только как политизированный ислам, но и как идеология реформированного (на особый лад) ислама.

Геополитика. Ближний Восток, Китай и Индия с послевоенного времени играли немалую роль в глобальной геополитике. Одна

¹³ Стремление равняться на Запад и одновременно бороться с ним в исламе чувствуется, возможно, как ни в какой другой идеологии. Но эта двойственность была заметна довольно давно. Вот что писали по этому поводу французские историки 90 лет назад: «...при всяком умственном движении в мусульманском мире приходится считаться с двумя факторами, приводящими к одному и тому же результату: с бессознательным подражанием Европе, с одной стороны, и с желанием бороться против Европы – с другой, вооружить исламизм, чтобы дать ему возможность бороться равными силами. В конце концов, исламизм стремится стать либеральным, чтобы защищаться от либерализма, и преобразуется из чувства самосохранения; этим объясняется, почему в этом обновлении мусульманских доктрин главными деятелями являются ученые мусульманской церкви, очень привязанные к своей религии и имеющие большую склонность отождествлять с нею свою национальность» (Каэн, Метен 1939: 12–13). Указанная двойственность весьма наглядно проявилась в Иране.

¹⁴ Согласно изысканиям, проведенным сетью «Всемирное исследование ценностей» в 2005–2008 гг., 44 % индийцев посещают богослужения хотя бы раз в неделю. Уровень религиозности в целом в Индии существенно выше, чем в Китае, Европе и даже США, но меньше, чем в мусульманских странах на Ближнем Востоке (Коротаев, Халтурина 2009; Коротаев, Столярова, Халтурина 2012; Фергюсон 2014: 356–357).

из главных осей проходила в рамках соперничества сверхдержав США и СССР, капитализма и социализма, которое продолжалось на фоне внутрорегиональной борьбы (о внутрорегиональной борьбе на Ближнем и Среднем Востоке см., например: Гринин, Исаев, Коротаев 2016)¹⁵. Естественно, нефть также играла важнейшую роль, о чем свидетельствует ряд переворотов в Иране, Ираке и других странах Ближнего Востока. США в рамках своей общей стратегии активно превращали страны этого региона в плацдарм для окружения СССР и создания военных баз, военных блоков. С Саудовской Аравией они установили довольно тесное стратегическое партнерство еще в годы Второй мировой войны (Ергин 1999), которое после нее еще более укрепилось. Однако начиная с революции в Египте 1952 г. и в связи с арабо-израильской конфронтацией (где США и Запад поддерживали Израиль) страны Ближнего Востока стали лавировать между США и СССР, переходя из одного лагеря в другой (ярким примером является Египет [см., например: Flower 1972; Vatikiotis 1992; Daly 1998; Marsot 2004]). Этому также в немалой степени способствовали нефтяные шоки, устроенные странами ОПЕК в 1970-е гг. В период 1950–1970-х гг. в жизни арабских стран (особенно Египта) огромную роль стала играть идеология панарабизма (Яковлев 2015: 325), своеобразного арабского национализма (объединяющего большинство арабских стран), чему благоприятствовал арабо-израильский конфликт (см., например: Khalidi 1991; Tibi 1997; Dawisha 2016). Огромную роль в развитии и популяризации этой идеологии сыграл президент Египта Г. А. Насер. Позже в связи с поражением арабских националистов в 1967 г. в войне с Израилем, переориентацией Египта при А. Садате на США и рядом других обстоятельств эта идеология ослабела (см., например: Хайруллин, Коротаев 2016; 2017а; 2017б; 2017в). В 1980-е гг. позиции СССР на Ближнем Востоке пошатнулись, а в связи с распадом Советского Союза стали и вовсе слабыми. Это сделало возможным резкое усиление присутствия США в регионе (особенно после первой войны против Ирака в 1990–1991 гг.), однако не принесло странам какой-либо заметной пользы (за исключением, на какое-то время, арабской Палестины), вызвало много

¹⁵ Для Ближнего Востока важнейшей осью оставался арабо-израильский конфликт, который длительное время был в значительной степени также частью глобального столкновения социализма и капитализма, но позже (после распада СССР и начала поддержки палестинцев Западом) этот аспект в нем исчез. Тем не менее арабо-израильский конфликт сохранял свое центральное значение в Ближневосточном регионе вплоть до Арабской весны, в результате которой он утратил прежнее значение.

кризисов, в том числе в связи с вторжением в Афганистан и Ирак, ростом напряженности в отношениях с Пакистаном и экспансией «Аль-Каиды»¹⁶.

Однако с 2009 г. США, следуя концепции Б. Обамы на сворачивание присутствия в Ираке и на Ближнем Востоке (в том числе для усиления их присутствия в Азиатско-Тихоокеанском регионе), пытались уменьшить свою активность в регионе (и соответственно свои затраты) (см., например: Phillips 2016). Идея оказалась явно несвоевременной и контрпродуктивной в связи с начавшейся вскоре Арабской весной, в ходе которой США отказались хоть как-то помочь своим союзникам (режимам в Египте и Тунисе), по сути, предав их, так как поддались гипнозу важности распространения демократии во что бы то ни стало. Кроме того, они поддержали идею свержения крепких и стабильных режимов в таких странах, как Ливия и Сирия. Идея исходила от Саудовской Аравии, в которой, по-видимому, считали (и не без некоторых оснований), что чем меньше стабильных режимов останется в регионе, тем сильнее будут ее собственные геополитические позиции (*Ibid.*). В итоге США абсолютно не справились со своими задачами в регионе, превратив его в зону с конфликтностью в несколько раз большей, чем до Арабской весны (Гринин, Исаев, Коротаев 2016).

В результате попыток свести концы с концами и решить внутривнутриполитические задачи повышения рейтинга Обамы и Демократической партии Соединенные Штаты повели себя неадекватно и в отношении наиболее стратегических и давних своих союзников – Израиля и Саудовской Аравии, начав (и успешно завершив) переговоры с Ираном по его ядерной программе. Ослабление присутствия США позволило России вновь вернуться на Ближний Восток в качестве важнейшей силы.

В настоящее время Ближний Восток превратился в арену соперничества, включая и военное, помимо местных сил (таких как курды или хуситы в Йемене), Турции, Ирана, Саудовской Аравии, России, Евросоюза, США, Китая, Катара и др. По сути, в этом регионе завязался тугой узел мировых противоречий (и мирового терроризма новой генерации), где все действуют в собственных интересах (часто далеких от интересов стран Ближнего Востока) и где не видно приемлемого выхода из сформировавшегося тупика.

¹⁶ Деятельность данной террористической организации запрещена на территории РФ. – *Прим. ред.*

Ближний Восток окончательно превратился в наиболее конфликтный регион мира (Коротаев и др. 2016). По-видимому, он будет таким еще довольно длительное время. Но возможно, что именно это и даст ему впоследствии импульс для изменений, а позже – для постепенного размежевания между политикой и религией, а также трансформации ислама в более способствующее эффективной модернизации русло.

Бесконечные изменения внешней политики США значительно усугубляют нестабильность на Ближнем Востоке и могут привести к хаотизации в еще большей степени. Так или иначе, в конце 2015 г. соглашения по иранской ядерной программе были подписаны, Иран принял ограничения, а санкции с него начали постепенно сниматься. Но этот процесс, видимо, будет непростым (существенно зависящим и от позиции США в определенный момент, и от позиции Ирана, а равно от обстановки на Ближнем Востоке и в мире). Последние события, связанные с продлением иранских санкций Конгрессом США и позицией Д. Трампа по Ирану, подтверждают сказанное.

Таким образом, вся геополитическая история БВ после Второй мировой войны способствовала исламскому возрождению, подъему исламизма, который одержал серьезные победы на идеологическом фронте. Также постоянный интерес США к противостоянию с Ираном, поддержка террористических групп и моджахедов, вмешательство их во внутренние дела многих стран, поддержка ими как Израиля, так и режимов Залива, их интервенции в ближневосточные страны и многое другое – все эти метания и колебания политики США по поводу БСВ сделали Соединенные Штаты мишенью для постоянной критики, идеологическим жупелом для верующих, тем самым усилив антизападничество как краеугольный камень радикального исламизма (Гринин, Исаев, Коротаев 2016).

Миграции как социальный источник радикальной исламистской идеологии играют важную роль на Ближнем Востоке. Так, почти 40 % населения всех шести стран Персидского залива (а в Катаре и Объединенных Арабских Эмиратах соответственно 75 % и 95 %) составляют трудовые мигранты (их более 23 миллионов). В подавляющем большинстве мигранты, преимущественно из стран Южной Азии, выполняют тяжелые и малооплачиваемые работы невысокой квалификации в строительстве, промышленности и домашних хозяйствах коренных жителей. Труд их охраняется недостаточно, относительно часты несчастные случаи и случаи со

смертельным исходом. Мигранты занимают нижние этажи социальной иерархии и подчинены коренному населению. Они не включены в систему социального страхования, полностью зависят от работодателя, у которого, как правило, хранятся их паспорта (см., например: Вишневский, Денисенко 2016).

Другая волна миграции направлена в США и страны Европы, она тоже весьма немалая (если учитывать достаточно длительную турецкую эмиграцию в Германию) и гораздо более «громкая». В 2015 г. она превратилась в общеевропейскую и даже мировую проблему, когда нелегальные мигранты с Ближнего Востока (особенно из Сирии, Ирака и Афганистана) буквально хлынули в Европу. Но и в целом арабская диаспора в странах Европы (особенно во Франции, Испании, Бельгии) оказывает ныне очень существенное влияние на всю социальную и экономическую жизнь этих стран (вкуче с эмигрантами из других стран Юга тем более заметное). Это также усиливает угрозу терроризма и конфликтность в обществе.

В целом в настоящее время доля мигрантов-мусульман в общей численности международных мигрантов составляет 27 %, это означает, что около 60 млн мусульман (4 % глобальной мусульманской популяции) в мире живут за пределами стран своего происхождения (для сравнения, показатели миграционной активности христианского населения мира составляют соответственно 49 % и 106 млн [Горохов 2015: 21]). Таким образом, доля мигрантов-мусульман примерно соответствует доле адептов ислама в населении мира. Больше всего мусульман-эмигрантов происходит из Палестины (5 млн), далее следуют Пакистан, Индия и Бангладеш – примерно по 3 млн человек. По численности мусульманского населения, родившегося за границей, лидируют Саудовская Аравия (5,6 млн), Россия (4 млн), Германия, Франция и Иордания (по 3 млн каждая). В нефтяных арабских монархиях Персидского залива проживают около 11 млн мусульман, родившихся за пределами этого региона. Таким образом, большая часть родившихся за границей мусульман живет сейчас в Европе и на Ближнем Востоке (Pew Research Center 2012).

Исламизм умеренный – скорее социальный феномен внутренней жизни, радикальный исламизм – скорее феномен нарушенной жизни общества, результат интервенций, борьбы с интервентами, а равно миграций и т. п. Недаром наибольший процент терроризма приходится на общества, испытавшие войны и лишения, оккупацию (как Палестина), противостоящие оккупантам, враждебным

странам (как Израиль) или создавшиеся на территориях, так или иначе получивших импульс к этому в результате оккупации (как «Талибан», «Аль-Каида», ИГИЛ¹⁷).

Международное влияние и исламизм. Если не рассматривать конфликты с соседями, то до последних десятилетий XX в. влияние Индии было связано с ее ролью в Движении неприсоединения и попытками лавировать между США и СССР (в какой-то мере здесь угадывалось традиционное восприятие Индией внешних влияний как таких, которые надо адаптировать и синтезировать в русле своего менталитета). А роль Китая была вызвана его нежеланием долго существовать в орбите чужого влияния и началом его противостояния с СССР, в то же время оставаясь закрытым для мира (здесь также можно увидеть отголоски традиционного китаецентричного видения внешнего мира). Роль Ближнего Востока оказалась связана с нефтью, антисионизмом, исламским фундаментализмом и терроризмом. Попытки заигрывания с социализмом были прекращены, а вот идеология борьбы с Западом, антиамериканизм, несмотря на активное влияние США и их сотрудничество со многими ближневосточными режимами, в целом сохраняется и периодами резко обостряется, поскольку является очень благодатной идеологической подпиткой для фундаментализма и терроризма (особенно после того, как распался СССР). Впрочем, США и сами во многом взращивали этот терроризм.

В результате повышения цен на нефть и возникшего экономического кризиса Соединенные Штаты (после того, как ими были отброшены идеи насильственного вмешательства в политику нефтедобывающих стран) стали активизировать сотрудничество с этими государствами. В итоге возникло стратегическое партнерство США и стран Залива, особенно укрепившееся в результате войны 1991 г., когда Ирак попытался захватить Кувейт. Были также созданы договоренности о повсеместной торговле нефтью только за доллары, что укрепило позиции доллара, пошатнувшиеся в результате девальвации начала 1970-х гг. и отказа от золотого стандарта. И в целом США стали активно укреплять свои позиции на Ближнем Востоке, в частности организовав Кэмп-Дэвидские соглашения между Египтом и Израилем в 1979 г. Позиции Соединенных Штатов еще более укрепились в результате ухода с Ближнего Востока СССР. Однако

¹⁷ Деятельность данных террористических организаций запрещена на территории РФ. — *Прим. ред.*

в последние годы США сами попытались уйти с Ближнего Востока (в результате неудач в Ираке и Афганистане и попыток переориентации в сторону АТР). Однако их курс, направленный на свержение политически крепких режимов, как и попытки ухода, только усугубили хаос (Гринин, Исаев, Коротаев 2016).

В настоящее время на Ближнем Востоке происходит усиление соперничества региональных держав (Турции, Ирана, Саудовской Аравии); это может привести к тому, что военно-политический хаос станет долговременным.

Таким образом, быстрый рост нефтедобычи и цен на нефть на Ближнем Востоке оказал очень существенное влияние на многие страны мира, их экономику и политику. Однако, несмотря на продолжающуюся модернизацию стран Ближнего Востока, в целом они не смогли перерасти уровень провинциальных стран, продолжая влиять на мир (и потрясать его) в основном по-прежнему скачками цен на нефть, конфликтами и терроризмом, опирающимся на исламский фундаментализм. Только в результате Арабской весны уровень конфликтности, как и нестабильности, в регионе принял небывалые масштабы (см.: Там же; Коротаев и др. 2016). Имеет значение и финансовая составляющая влияния на мир Ближнего Востока, хотя до сих пор она и не проявляла себя достаточно сильно (но, возможно, проявит в будущем, см. ниже).

Итак, Ближний Восток, несмотря на модернизацию, не особенно заметно изменил свое место в мировом экономическом разделении труда, в чем-то энергетический сектор даже усилился. Увеличивается добыча нефти, в том числе в странах, где ее ранее добывали меньше, расширяется газодобыча, созданы предприятия по переработке нефти, а также развиваются технологии по сжижению газа. В числе реальных изменений следует отметить быстрый рост туристического бизнеса, который стал очень важным для Турции, Египта, Туниса, ОАЭ, частично для Израиля и Марокко, но не для всех стран региона. Правда, в последние годы в связи с Арабской весной, ростом терроризма и другими проблемами эта отрасль столкнулась с трудностями. В рамках самого Ближнего Востока существует определенное разделение труда (так, Египет был центром образования и туризма для стран Залива, хотя рост образования наблюдается и в них [Коротаев, Юрьев 2018]). Государства Залива пытаются диверсифицировать свою экономику, но до этого еще далеко. Наиболее развитая экономика у Израиля, за ним следуют Турция, Иран, Египет, Алжир, Тунис, Марокко. Существен-

ных успехов удалось добиться в сельском хозяйстве многих стран региона (в том числе за счет ирригации и использования более продуктивных сортов растений). Сельское хозяйство в заметной степени удовлетворяет потребности растущего населения, однако в отношении зерна и ряда других продуктов импортозависимость (с учетом туристического сектора) Египта, Туниса и некоторых других стран растет. И эта зависимость в 2010–2011 гг. сыграла важную роль в распространении социальных протестов, поскольку именно в данный период имел место рост цен на продовольствие (так называемая вторая волна агфляции), что вызвало сильное социальное недовольство (Коротаев и др. 2012; Коротаев, Ходунов 2012; Ходунов, Коротаев 2012; Акаев *et al.* 2012).

Но в целом Ближний Восток, как уже было сказано, остается прежде всего регионом, который занимает важнейшее место в производстве и экспорте энергоносителей. И это несомненно подпитывает исламизм и его радикальное крыло, поскольку более тесная и гармоничная интеграция в мировое разделение труда способствовала бы развитию других идеологий и смягчению радикализма.

Библиография

- Алаев Л. Б. 2007. Политическая система и политическая культура Индии. *Политические системы и политические культуры Востока* / Ред. А. Д. Воскресенский. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ: Восток – Запад. С. 484–507.
- Алаев Л. Б., Вигасин А. А., Сафронова А. Л. 2010. *История Индии*. М.: Дрофа.
- Арманьян Н. 2015. Роль Индии в противостоянии США, России и Китая. *ИноСМИ* 9 февраля. URL: <http://inosmi.ru/world/20150209/226149901.html>.
- Арриги Дж. 2009. *Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI век*. М.: Ин-т Гайдара.
- Ацамба Ф. М. 1987. Господствующий класс в социальной структуре египетского города (конец XVIII – начало XIX в.). *Государство в докапиталистических обществах Азии* / Ред. Г. Ф. Ким, К. З. Ашрафян. М.: Главная ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука». С. 203–219.
- Большаков О. Г. 1984. *Средневековый город Ближнего Востока. VII – середина XIII в.* М.: Наука.
- Вишневецкий А., Денисенко М. 2016. *Миграции в глобальном контексте*. Пленарный доклад на XVII апрельской конференции ВШЭ. URL: <https://conf.hse.ru/2016/reports>.

- Воскресенский А. Д. (Ред.) 2007.** *Политические системы и политические культуры Востока*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ: Восток – Запад.
- Воскресенский А. Д. (Ред.) 2011.** *Восток и политика. Политические системы. Политические культуры. Политические процессы*. М.: Аспект Пресс.
- Гоббс Т. 1965.** *Левиафан. Избранные произведения*: в 2 т. Т. 2. М.: Наука.
- Голдстоун Д. 2014.** *Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Горохов С. А. 2011.** Религиозный фактор в политической жизни современной Индии. *Вестник Адыгейского гос. ун-та* 2: 104–110.
- Горохов С. А. 2015.** География ислама в современном мире. *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира*. Т. I / Отв. ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев. М.: Ин-т Африки РАН.
- Гринин Л. Е. 2010.** *Государство и исторический процесс: Эволюция государственности: От раннего государства к зрелому*. 2-е изд., испр. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е. 2012.** Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 188–223.
- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2016.** *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. 2-е изд. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2007.** Политическое развитие Мир-Системы: формальный и количественный анализ. *История и Математика: Макроисторическая динамика общества и государства* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. М.: КомКнига/URSS. С. 49–101.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009.** *Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы*. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2016.** *Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Донцов В. Е., Чурилина Т. А. 2007.** Политические системы монархий Аравийского полуострова. *Политические системы и политические культуры Востока* / Ред. А. Д. Воскресенский. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ: Восток – Запад. С. 185–231.
- Дьяконов И. М. 1971.** Основные черты древнего общества (реферат на материале Западной Азии). *Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока* / Ред. Г. Ф. Ким. М.: Наука, Главная ред. вост. лит-ры. С. 127–146.
- Ергин Д. 1999.** *Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть*. М.: ДеНово.
- Ефимова Л. М. 2007.** Особенности политической культуры современного Востока. *Политические системы и политические культуры Востока* /

Ред. А. Д. Воскресенский. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ: Восток – Запад. С. 118–136.

Иванов Н. А., Орешкова С. Ф. 2000. Османская империя в XVI–XVII вв. *История Востока*. Т. III. *Восток на рубеже средневековья и Нового времени. XVI–XVIII вв.* / Ред. Л. Б. Алаев, К. З. Ашрафян, Н. И. Иванов. М.: Вост. лит.-ра. С. 67–98.

Игнатенко А. 2004. *Ислам и политика*. М.: Ин-т религии и политики.

Каэн Л., Меген А. 1939. Турция. *История XIX века*: в 8 т. Т. 8 / Ред. Э. Лависс, А. Рамбо. М.: ОГИЗ, Гос. соц.-эконом. изд-во. С. 5–13.

Кей Д. 2011. *История Индии*. М.: АСТ: Астрель.

Кепель Ж. 2004. *Джихад. Экспансия и закат исламизма*. М.: Ладомир.

Киссинджер Г. 1997. *Дипломатия*. М.: Ладомир.

Клюев Б. И. 2002. *Религия и конфликт в Индии*. М.: ИВ РАН.

Коктыш К. Е. 2002. Социокультурные рамки институционализации политических практик и типы общественного развития. *Полис* 4: 6–17; 5: 20–33.

Коротаев А. В. 1996. Возникновение ислама: социально-экологический и социально-политический контекст. *Человек и природа: проблемы социоестественной истории* 8: 48–50.

Коротаев А. В. 2003. Возникновение ислама: политико-антропологический контекст. *Сборник Русского исторического общества* 7(155): 14–24.

Коротаев А. В. 2005. Мировые религии как фактор социальной эволюции цивилизаций Старого Света. *История и синергетика: Методология исследования* / Ред. С. Ю. Малков, А. В. Коротаев. М.: КомКнига/URSS. С. 119–138.

Коротаев А. В. 2006. *Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта: циклы и тенденции*. М.: Вост. лит.-ра.

Коротаев А. В. 2013. Структура современной глобальной конвергенции: количественный анализ. *Эконометрические методы в исследовании глобальных процессов* / Ред. А. А. Петров. М.: Анкил. С. 101–111.

Коротаев А. В. 2014. Великая дивергенция, Великая конвергенция и глобальный демографический переход. *Мировая экономика ближайшего будущего: откуда ждать инновационного рывка?* / Ред. В. М. Бондаренко. М.; Волгоград: Международный фонд Н. Д. Кондратьева – Учитель, 2014. С. 39–51.

Коротаев А. В. 2015а. Глобальный демографический переход и фазы дивергенции – конвергенции центра и периферии Мир-Системы. *Вестник Института экономики Российской академии наук* 1: 149–162.

Коротаев А. В. 2015б. Математическое моделирование процессов Великой дивергенции и Великой конвергенции. *Социофизика и социоинженерия* / Ред. Ю. Л. Словохотов. М.: МГУ. С. 16–17.

- Коротаев А. В. 2015в.** Математическое моделирование процессов Великой дивергенции и Великой конвергенции. *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»* 44: 97–102.
- Коротаев А. В. 2016.** Великая дивергенция и великая конвергенция как фазы процесса модернизации. *География мирового развития*. Вып. 3: сб. науч. тр. / Ред. Л. М. Синцеров. М.: Товарищество научных изданий КМК. С. 49–60.
- Коротаев А. В., Андреев А. И., Зинькина Ю. В., Фоломеева Д. А. 2014.** О структуре глобальной конвергенции. *Вестник Московского университета*. Серия 27: *Глобалистика и геополитика* 3–4: 74–82.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е. 2017.** Дивергенция и конвергенция в мировой экономике. *Н. Д. Кондратьев: кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из современности* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, В. М. Бондаренко. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 252–308.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011а.** Демографические корни Египетской революции. *Демоскоп* 459–460. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0459/tema01.php>.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011б.** Египетская революция 2011 г. *Азия и Африка сегодня* 6(647): 10–16.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011в.** Египетская революция 2011 г. Структурно-демографический анализ. *Азия и Африка сегодня* 7(648): 15–21.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011г.** Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ. *Историческая психология и социология истории* 4(2): 5–29.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. (Ред.) 2012.** *Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. М.: URSS.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М. 2014.** Формирование «афразийской» зоны нестабильности. *Арабский кризис и его международные последствия* / Ред. А. М. Васильев, А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев. М.: Ленанд/URSS. С. 206–227.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Руденко М. А. 2014.** Ортокузенный брак, женская занятость и «афразийская» зона нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Отв. ред. А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина, Л. Е. Гринин. Волгоград: Учитель. С. 180–207.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Руденко М. А. 2015.** Формирование афразийской зоны нестабильности. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность* 2: 88–99.

- Коротаев А. В., Клименко В. В., Прусаков Д. Б. 2007.** *Возникновение ислама: Социально-экологический и политико-антропологический контекст*. М.: ОГИ.
- Коротаев А. В., Комарова Н. Л., Халтурина Д. А. 2007.** *Законы истории: Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны*. М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2005а.** *Законы истории: Математическое моделирование исторических макропроцессов (Демография. Экономика. Войны)*. М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2005б.** Компактная математическая макромоделю техно-экономического и демографического развития Мир-Системы (1–1973 г.). *История и синергетика: Математическое моделирование социальной динамики* / Ред. С. Ю. Малков, А. В. Коротаев. М.: КомКнига/URSS. С. 6–48.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2007.** *Законы истории: Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура*. М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2008.** Компактная математическая модель экономического и демографического развития Мир-Системы (1–1973 г.). *Экономика и математические методы* 44(4): 90–101.
- Коротаев А. В., Малков С. Ю., Бурова А. Н., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. 2012.** Ловушка на выходе из ловушки. Математическое моделирование социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии и события Арабской весны 2011 г. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 210–276.
- Коротаев А. В., Мещерина К. В., Исаев Л. М., Искосков А. С., Херн У. Д., Куликова Е. Д. 2016.** Арабская весна как триггер глобальной социально-политической дестабилизации: опыт систематического анализа. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Арабская весна в глобальном контексте* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 22–126.
- Коротаев А. В., Столярова Т. И., Халтурина Д. А. 2012.** Религиозность в странах современного мира: сравнительный анализ. *Историческая психология и социология истории* 5(2): 18–27.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А. 2009.** *Современные тенденции мирового развития*. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Коротаев А. В., Ходунов А. С. 2012.** К прогнозированию динамики социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии: Ближний Восток *versus* Латинская Америка. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* /

- Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 337–386.
- Коротаев А. В., Юрьев С. Е. 2018.** К системному анализу количественных показателей развития образовательных систем арабских стран. *Восток* 1 (в печати).
- Левин З. И. 2014.** *Очерки природы исламизма*. М.: ИВ РАН.
- Лунев С. И. 2010.** Внешняя политика Индии и воздействие на нее внутренних факторов. *Вестник МГИМО-Университета* 1: 189–201.
- Мейер М. С. 1986.** Новые явления в социально-политической жизни Османской империи во второй половине XVII – XVIII в. *Османская империя: система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы* / Ред. С. Ф. Орешкова. М.: Наука. С. 155–185.
- Мельвиль А. Ю. (Ред.) 2002.** *Категории политической науки*. М.: МГИМО.
- Мирский Г. И. 2015.** Радикальный исламизм: идейно-политическая мотивация и влияние на мировое мусульманское сообщество. *Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай», Москва, июль 2015*. URL: <https://ru.valdaiclub.com>.
- Примаков Е. М. 2006.** Конфиденциально: *Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века)*. М.: Российская газета.
- Сапронова М. А. 2007.** Основные черты и особенности функционирования политических систем арабских стран. *Политические системы и политические культуры Востока* / Ред. А. Д. Воскресенский. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ: Восток – Запад. С. 138–184.
- Станкевич Г. В. 2011.** Религия как актор политического процесса традиционного востока (на примере Индии и Шри-Ланки). *Власть* 10: 160–163.
- Стрежнева М. В. 2007.** Политическая культура: абстрактное представление о неявной реальности. *Политические системы и политические культуры Востока* / Ред. А. Д. Воскресенский. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ: Восток – Запад. С. 45–54.
- Фергюсон Н. 2014.** *Цивилизация. Чем Запад отличается от остального мира*. М.: АСТ: CORPUS.
- Франк А. Г. 2002.** Азия проходит полный круг – с Китаем как «Срединным государством». *Цивилизации. Вып. 5. Проблемы глобалистики и глобальной истории* / Ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука. С. 192–203.
- Хайруллин Т. Р., Коротаев А. В. 2016.** Ислам, Партия арабского социалистического возрождения и сирийские конституции 1973 и 2012 гг. *Право и управление. XXI век* 2(39): 40–46.
- Хайруллин Т. Р., Коротаев А. В. 2017а.** Ислам и йеменские конституции: опыт сопоставительного анализа. *Азия и Африка сегодня* 5: 43–48.
- Хайруллин Т. Р., Коротаев А. В. 2017б.** К периодизации политических процессов интеграции на арабском Востоке во второй половине XX в. *Общество: политика, экономика, право* 11: 32–36.

- Хайруллин Т. Р., Коротаев А. В. 2017в. Конституция Ирака 2005 года и принципы ислама. *Ислам в современном мире* 13(2): 139–152.
- Хантингтон С. 2003. *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ.
- Хантингтон С. 2004. *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс-Традиция.
- Ходунов А. С., Коротаев А. В. 2012. Почему вторая волна агфляции привела к волне социально-политической дестабилизации на Ближнем Востоке, а не в Латинской Америке? *Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: URSS. С. 463–507.
- Царегородцева И. А. 2017. Исламский активизм: основные этапы развития идеологии. *Исламские радикальные движения на политической карте мира*. Вып. 2. *Северный и Южный Кавказ* / Ред. А. Д. Саватеев, Н. А. Нефляшева, Э. Ф. Кисриев. М.: Ин-т Африки РАН. С. 93–111.
- Эйзенштадт Ш. 1999. *Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций*. М.: Аспект Пресс.
- Юрлов Ф. Н., Юрлова Е. С. 2010. *История Индии. XX век*. М.: Ин-т востоковедения РАН.
- Яковлев А. И. 2015. *Страны Востока в эпоху глобализации: синтез традиционного и современного*. М.: Ин-т стран Востока.
- Achilov D. 2015. When Actions Speak Louder Than Words: Examining Collective Political Protests in Central Asia. *Democratization* 23(4): 699–722.
- Achilov D. 2016. Revisiting Political Islam: Explaining the Nexus between Political Islam and Contentious Politics in the Arab World. *Social Science Quarterly* 97(2): 252–270.
- Achilov D., Sen S. 2017. Got Political Islam? Are Politically Moderate Muslims Really Different from Radicals? *International Political Science Review* 38(5): 608–624.
- Akaev A., Sadovnichy V., Korotayev A. 2012. On the Dynamics of the World Demographic Transition and Financial-economic Crises Forecasts. *The European Physical Journal* 205: 355–373.
- Amin H. 2017. *Post Islamism: Pakistan in the Era of Neoliberal Globalization*. Lahore: International Islamic University.
- Arrighi G. 2007. *Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-First Century*. London: Verso.
- Ayoob M. 2009. *The Many Faces of Political Islam: Religion and Politics in the Muslim World*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
- Bayat A. 2007. *Islam and Democracy: what is the Real Question?* ISIM Paper 8. Leiden: Amsterdam University Press.
- Bayat A. 2013. *Post-Islamism: the Changing Face of Political Islam*. New York, NY: Oxford University Press.

- Bisk T. 2015.** The War on Islamism. *Lone Actors – An Emerging Security Threat* / Ed. by A. Richman, Y. Sharan. Amsterdam: IOS Press. Pp. 132–145.
- Daly M. W. (Ed.) 1998.** *The Cambridge History of Egypt. Vol. 2. Modern Egypt from 1517 to the End of the Twentieth Century.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Dawisha A. 2016.** *Arab Nationalism in the Twentieth Century: from Triumph to Despair.* Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Denoeux G. 2002.** The Forgotten Swamp: Navigating Political Islam. *Middle East Policy* 9(2): 56–81.
- Flower R. 1972.** *Napoleon to Nasser. The Story of Modern Egypt.* London: Tom Stacey.
- Frank A. G. 1997.** Asia Comes Full Circle – with China as the ‘Middle Kingdom’. *Humboldt Journal of Social Relations* 76(2): 7–20.
- Frank A. G. 1998.** *ReORIENT: Global Economy in the Asian Age.* Berkeley, CA: University of California Press.
- Fuller G. E. 2004.** *The Future of Political Islam.* New York, NY: Macmillan.
- Gelvin J. L. 2008.** *The Modern Middle East: A History.* Oxford: Oxford University Press.
- Grinin L., Korotayev A. 2012.** The Afroeurasian World-System: Genesis, Transformations, Characteristics *Routledge Handbook of World-Systems Analysis* / Ed. by S. J. Babones, Ch. Chase-Dunn. London; New York, NY: Routledge. Pp. 30–41.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2013a.** Globalization and the World System Evolution. *Evolution: Development within Big History, Evolutionary and World-System Paradigms* / Ed. by L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Volgograd: ‘Uchitel’ Publishing House. Pp. 30–68.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2013b.** The Origins of Globalization. *Globalization. Yesterday, Today, and Tomorrow* / Ed. by J. Sheffield, A. Korotayev, L. Grinin. Litchfield Park, AZ: Emergent Publications. Pp. 1–29.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2014a.** Globalization and the Shifting of Global Economic-Political Balance. *The Dialectics of Modernity – Recognizing Globalization. Studies on the Theoretical Perspectives of Globalization* / Ed. by E. Kiss, A. Kiadó. Budapest: Publisherhouse Arostotelész. Pp. 184–207.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2014b.** Globalization Shuffles Cards of the World Pack: In Which Direction is the Global Economic-Political Balance Shifting? *World Futures* 70(8): 515–545.
- Grinin L., Korotayev A. 2015.** *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective.* New York, NY: Springer.
- Hodgson M. G. S. 2009.** *The Venture of Islam.* Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Hooper I. 2015.** *CAIR Welcomes AP Stylebook Revision of ‘Islamist’.* Council on American-Islamic Relations Press Release (March 11). Washington, DC:

CAIR. URL: <https://www.cair.com/press-center/press-releases/11808-cair-welcomes-ap-stylebook-revision-of-islamist.html>.

- Hossain A. A. 2016.** Islamism, Secularism and Post-Islamism: the Muslim World and the Case of Bangladesh. *Asian Journal of Political Science* 24(2): 214–236.
- Kelsay J. 2007.** *Arguing the Just War in Islam*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Ketchley N. 2017.** *Egypt in a Time of Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Khalidi R. (Ed.). 1991.** *The Origins of Arab Nationalism*. New York, NY: Columbia University Press.
- Korotayev A. 2000.** Parallel Cousin (FBD) Marriage, Islamization, and Arabization. *Ethnology* 39(4): 395–407.
- Korotayev A. 2003.** Religion and Society in Southern Arabia and among the Arabs. *Arabia* 1: 65–76.
- Korotayev A. 2004.** *World Religions and Social Evolution of the Old World Oikumene Civilizations: A Cross-cultural Perspective*. Lewiston, NY: The Edwin Mellen Press.
- Korotayev A., Goldstone J., Zinkina J. 2015.** Phases of Global Demographic Transition Correlate with Phases of the Great Divergence and Great Convergence. *Technological Forecasting and Social Change* 95: 163–169.
- Korotayev A. V., Issaev L. M., Shishkina A. R. 2013.** Women in the Islamic Economy: a Cross-Cultural Perspective. *St. Petersburg Annual of Asian and African Studies* 2: 105–116.
- Korotayev A. V., Issaev L. M., Shishkina A. R. 2015.** Female Labor Force Participation Rate, Islam, and Arab Culture in Cross-Cultural Perspective. *Cross-Cultural Research* 49(1): 3–19.
- Korotayev A., Issaev L., Shishkina A., Rudenko M. A., Ivanov E. A. 2016.** Afrasian Instability Zone and its Historical Background. *Social Evolution and History* 15(2): 120–140.
- Korotayev A., Klimenko V., Proussakov D. 1999.** Origins of Islam: Political-Anthropological and Environmental Context. *Acta Orientalia Hung* 53(3–4): 243–276.
- Korotayev A., Klimenko V., Proussakov D. 2003.** Globalizing Trends in the Pre-Modern Islamic World and Modern Globalization. *Globalization and the Dialogue of Civilizations* / Ed. by M. `Ouda et. al. Cairo: Ain Shams University. Pp. 41–70.
- Korotayev A., Zinkina J. 2014.** On the Structure of the Present-day Convergence. *Campus-Wide Information Systems* 31(2): 41–57.
- Korotayev A., Zinkina J., Bogevoľnov J., Malkov A. 2011a.** Global Unconditional Convergence among Larger Economies after 1998? *Journal of Globalization Studies* 2(2): 25–62.

- Korotayev A., Zinkina J., Bogevolnov J., Malkov A. 2011b.** Unconditional Convergence among Larger Economies. *Great Powers, World Order and International Society: History and Future* / Ed. by D. Liu. Changchun: The Institute of International Studies – Jilin University. Pp. 70–107.
- Korotayev A., Zinkina J., Bogevolnov J., Malkov A. 2012.** Unconditional Convergence among Larger Economies after 1998? *Globalistics and Globalization Studies* 1: 246–280.
- Kurzman C. 1998.** *Liberal Islam: A Source Book*. New York, NY: Oxford University Press.
- Maddison A. 2010.** *World Population, GDP and Per Capita GDP, A.D. 1–2008*. URL: www.gdpc.net/maddison.
- March A. F. 2015.** Political Islam: Theory. *Annual Review of Political Science* 18: 17.1–17.21.
- Marsot A. 2004.** *A Short History of Modern Egypt*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Osman T. 2016.** *Islamism: What it Means for the Middle East and the World*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Phillips C. 2016.** *The Battle for Syria: International Rivalry in the New Middle East*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Pew Research Center. 2012.** *Faith on the Move. The Religious Affiliation of International Migrants. Pew Research Center's Forum on Religion & Public Life*. Washington, D.C.: Pew Research Center.
- Poljarevic E. 2015.** Islamism. *The Oxford Encyclopedia of Islam and Politics* / Ed. by E. El-Din Shahin. Oxford: Oxford Islamic Studies. URL: <http://0-www.oxfordislamicstudies.com.mylibrary.qu.edu.qa/article/opr/t342/e0252>.
- Rajaei F. 2007.** *Islamism and Modernism: the Changing Discourse in Iran*. Austin: University of Texas Press.
- Schwedler J. 2011.** Can Islamists Become Moderates? Rethinking the Inclusion-moderation Hypothesis. *World Politics* 63(2): 347–376.
- Vatikiotis P. J. 1992.** *The History of Modern Egypt*. 4th ed. Baltimore: Johns Hopkins University.
- Tibi B. 1997.** *Arab Nationalism: between Islam and the Nation-state*. New York, NY: Springer.
- Tibi B. 2012.** *Islamism and Islam*. New Haven & London: Yale University Press.
- Tibi B. 2013.** The Islamist Venture of the Politicization of Islam to an Ideology of Islamism: A Critique of the Dominating Narrative in Western Islamic Studies. *Soundings: An Interdisciplinary Journal* 96(4): 431–449.
- Woltering R. A. F. L. 2002.** The Roots of Islamist Popularity. *Third World Quarterly* 23(6): 1133–1143.
- World Bank. 2017.** *World Development Indicators Online*. Washington, DC: World Bank, Electronic version. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/>.

ВОЗРАСТ ГОСУДАРСТВА И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА*

Л. Е. Гринин, С. Э. Билюга,
А. В. Кортаев, А. Л. Гринин

В статье проведен качественный и количественный анализ корреляции между длительностью возраста государственности и опасностью дестабилизации государства. В целом выявлена обратно пропорциональная зависимость. При прочих равных условиях чем дольше существует государство, тем меньше опасность его дестабилизации. Представлен количественный анализ корреляции между логарифмом возраста существования государств и интегральным индексом социально-политической дестабилизации системы CNTS. В качестве основного метода был использован подецильный корреляционный анализ, так как простая параметрическая линейная регрессия в данном случае сильно занижает реальную силу зависимости. В целом при подецильном анализе корреляция между логарифмом возраста государственности и средним значением агрегированного индекса социально-политической дестабилизации оказывается сильной ($r = 0,81$) и безусловно статистически значимой ($p = 0,004$). В целом же логарифм возраста государственности объясняет порядка 66 % дисперсии агрегированного индекса социально-политической дестабилизации по децилям. Представлено объяснение данной корреляции. Показано, что особенно высокий уровень социально-политической нестабильности характерен для совсем молодых государств с возрастом существования менее 9 лет. Уже переход в следующий интервал (9–25 лет) приводит

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-06-00464).

к заметному уменьшению среднего уровня социально-политической нестабильности. Особенно заметное увеличение уровня стабильности государств происходит при переходе в интервал 25–35 лет. В целом же средний уровень социально-политической нестабильности для самых старых государств (с возрастом существования более 200 лет) оказывается в 30 с лишним раз меньше, чем для самых молодых государств. Проведенный анализ показывает мощный потенциал социально-политической дестабилизации, заложенный в любого рода сепаратизме/борьбе за независимость. Даже если борьба за независимость ведется под совершенно справедливыми лозунгами, она все равно связана с мощными долгосрочными рисками социально-политической дестабилизации уже потому, что создание любого нового государства весьма значительно повышает риски социально-политической дестабилизации на соответствующей территории на долгие годы вперед.

Введение

Хотя связь между устроенностью государства, его способностью противостоять дестабилизационным воздействиям, с одной стороны, и возрастом государственности – с другой, кажется очевидной, тем не менее анализу такой связи в литературе уделено явно недостаточно внимания, а в работах, которые так или иначе затрагивают данные вопросы, анализ проводится несистематично, иногда между делом. Собственно, так обстоят дела в теории национально-государственного строительства (*Nation Building*); данная теория также связана с исследованиями в рамках теории социальной интеграции (*Social Integration Theory*). Это направление обозначилось в 1950-х гг., испытало подъёмы в 1970-х и 1990–2000-х гг. Поскольку национальное строительство не могло игнорировать этнические аспекты, некоторые исследователи отмечали, что «все современные государства построены из древнего этнического материала» (Smith 1986: 147). Соответственно, более зрелому этносу легче создать государство.

В рамках этого и других направлений исследовалось само понятие национального государства. Высказывались идеи о том, что нации есть продукт индустриализации и модернизации и что вместе с формированием нации появляется и стремление иметь свое собственное государство (см., например: Gellner 1983; Геллнер 1991; см. также: Гринин 2010; Grinin 2008; 2011; 2012a). Соответ-

ственно, чем дольше опыт национального строительства, тем успешнее будет создание собственного государства. Но прямые выводы в отношении того, как влияет возраст государства на его устойчивость, эти авторы не делали.

В рамках анализа темы о недееспособных государствах, а также об успехах и неудачах США в национально-государственном строительстве некоторые исследователи также косвенно связывали возраст государственности и успешность такого строительства. Здесь можно отметить книгу под редакцией Ф. Фукуямы «Национально-государственное строительство: по ту сторону Афганистана и Ирака» (Fukuyama 2006). Сам Фукуяма пишет, что США имели значительно больший успех в помощи реконструкции разрушенных войной обществ, таких как послевоенные Япония и Германия, чем в строительстве государств «с чистого листа». Естественно, что это не случайно, а связано именно с тем, что государства с большим «стажем» государственности способны к успешному реформированию и перестройке значительно больше, чем новые государства (*Ibid.*). В любом случае национально-государственное строительство занимает много времени. Отмечая это в своей рецензии на вышеупомянутую книгу под редакцией Фукуямы, Г. Дж. Икенберри (Ikenberry 2006a) также установил важный и сам по себе, и в рамках нашего исследования факт, что успешные случаи спонсированного США национально-государственного строительства, «по всей видимости, связаны с американским военным присутствием в соответствующих странах. Усилия на Кубе продолжались короткое время, менее десятилетия, и в конечном счете закончились провалом. Строительство демократического государства на Филиппинах было успешным, хотя прошло 50 лет, прежде чем США предоставили Филиппинам независимость, а потом еще почти 50 лет, прежде чем США окончательно вывели оттуда свои вооруженные силы» (*Ibid.*: 153; см. также: *Idem* 2006b). Таким образом, представители данного направления приходят к выводу, что для успешного национально-государственного строительства необходим твердый порядок в течение длительного времени.

Стоит также отметить исследование С. Хантингтона, сделанное им еще в 1968 г., *Политический порядок в меняющихся обществах* (Huntington 1968; Хантингтон 2004). Хотя он также прямо не анализирует зависимость между возрастом государственности и стабиль-

ностью, однако недвусмысленно подразумевает это, уже начиная свое исследование следующим утверждением: «Самым важным, что отличает одну страну от другой в политическом отношении, является не форма управления, а степень управляемости. Демократические страны и диктатуры отличаются друг от друга меньше, чем отличаются те страны, политическая жизнь которых характеризуется согласием, прочностью общественных связей, легитимностью, организованностью, эффективностью, стабильностью, от тех, где этого всего недостает. И коммунистические тоталитарные государства, и либеральные страны Запада принадлежат к политическим системам высокой эффективности... Во всех этих отношениях [их] политические системы существенно отличаются от систем управления многих модернизирующихся стран Азии, Африки и Латинской Америки... [в которых присутствует] недостаточно эффективная, авторитетная, легитимная государственная власть» (Хантингтон 2004: 21–22). В качестве важного фактора, способствующего появлению эффективной государственной власти, Хантингтон (Там же: 21) выделяет сильные, гибкие и прочные социальные институты, признание гражданами легитимности власти и эффективные бюрократии (а также и некоторые другие характеристики), что очевидно требует длительного существования государственности и восприятия жителями своего государства как единственно возможного вида политической организации на соответствующей территории (об этом см. ниже), что также может быть достигнуто только в результате длительности истории государственности.

Тем не менее, несмотря на такого рода косвенные заключения о прямой положительной связи между длительностью существования государства и его прочностью (и обратной отрицательной связью между возрастом государства и силой дестабилизационных процессов), практически нет исследований, в которых данная связь являлась бы главной темой.

И хотя данная тема проработана в научной литературе неожиданно слабо, работы, посвященные исследованию влияния возраста существования государства на некоторые связанные с его стабильностью факторы, все-таки имеются.

Особое внимание уделяется государственному опыту. Так, отмечается, что молодые государства обычно имеют меньшие фискальные возможности, чем государства более старые (Tilly 1992;

Collier 2009). Вместе с тем указывается, что с увеличением возраста государства могут увеличиваться и размеры ренты, которую правящий аппарат государства получает с населения, что может вести к некоторому экономическому застою (Olson 1982). К тому же, по мнению некоторых авторов, несмотря на устоявшуюся бюрократическую инфраструктуру, более старые государства склонны быть более автократичными в условиях нестабильности и чрезмерного извлечения налогов (*Idem* 1993).

В процессе проверки связи между временем существования государства и уровнем подушевого дохода С. П. Хариш и С. Пэйк обнаружили обратную U-образную зависимость между временем существования государства и ВВП на душу населения (Harish, Paik 2016). В свете наличия сильной корреляции между уровнем ВВП на душу населения и интенсивностью переворотов (Belkin, Schofer 2003; Bouzid 2011; Коротаев, Васькин, Билюга 2017; Коротаев и др. 2017: 59–63) это, казалось бы, позволяет предположить возможность наличия перевернутой U-образной зависимости между временем существования государства и интенсивностью переворотов и попыток переворотов¹.

С другой стороны, Ч. Кенни для выявления факторов, влияющих на уровень подушевого дохода для стран ОЭСР, использовал в качестве одной из независимых регрессионных переменных возраст независимого существования государства; данная переменная оказалась статистически значимо положительно связанной с подушевым доходом (Kenny 1999), что в свете высказанных выше соображений заставляет ожидать существование статистически значимой отрицательной корреляции между возрастом существования государства и как минимум интенсивностью государственных переворотов.

Как легко заметить, проведенные исследования совершенно недостаточны и к тому же противоречивы, что заставляет считать целесообразным проведение специального количественного исследования общего соотношения между возрастом государства и характерным для него уровнем социально-политической нестабильности.

Материалы и методы

Для эмпирической оценки степени социально-политически стабилизирующего влияния возраста государственности в качестве неза-

¹ Отметим сразу, что наши тесты эту гипотезу не подтвердили.

висимой переменной нами был рассчитан показатель времени существования государства.

За основу расчета была взята дата обретения независимости для каждого государства (см. *Приложение*) по историческому словарю “A Dictionary of World History” (3rd ed.), опубликованному издательством Оксфордского университета в 2015 г. Также для уточнения датировок привлекались «Советская историческая энциклопедия» (в 16 т., 1961–1976), справочники «Страны мира» за разные годы (см., например: Страны... 1986; 2005; 2017 и др.).

В качестве зависимой переменной был взят интегральный индекс социально-политической дестабилизации *CNTS* (база данных *Cross National Time Series* [Banks, Wilson 2017], переменная *domestic9*)².

В качестве основного метода нами был использован подецильный корреляционный анализ, так как простая параметрическая линейная регрессия в данном случае значительно занижает реальную силу зависимости. Дело в том, что простая параметрическая линейная МНК-регрессия исходит из допущения о нормальном распределении зависимой переменной (см., например: Hilbe 2011). Между тем для переменных, описывающих интенсивность социально-политической дестабилизации, характерно распределение, вызывающее отличное от нормального, с диспропорционально большим количеством нулевых значений. Поэтому в данном случае имеет смысл использовать для анализа агрегированные значения соответствующего показателя за соответствующие годы по децилям – среднее по всем строно-годам дециля значение агрегированного индекса социально-политической дестабилизации *CNTS*, что позволяет нормализовать распределение. Для нормализации распределения по возрасту государства нами использовался логарифм этого возраста.

Тест

Подецильный корреляционный анализ зависимости между логарифмом возраста государственности и агрегированным показателем социально-политической дестабилизации *CNTS* за период 1919–2015 гг. дает следующие результаты (см. Рис. 1).

² Описание и методологию *Cross National Time Series (CNTS)* см. в настоящем мониторинге: Хохлова, Коротаев, Цирель 2017: 37–82.

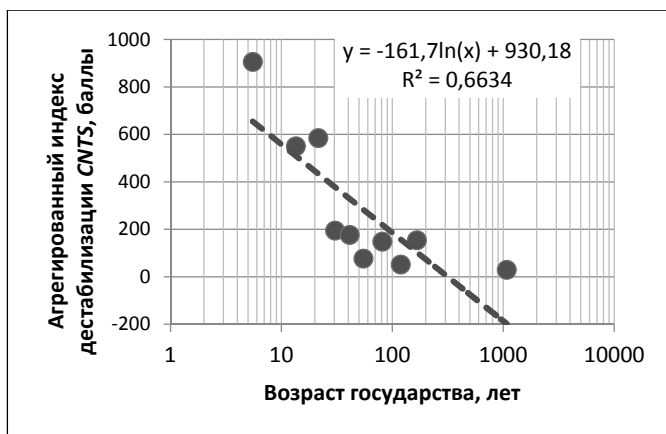

Рис. 1. Корреляция между логарифмом возраста государственности и средним значением агрегированного индекса социально-политической дестабилизации *CNTS*, нормализованного на миллион человек, на соответствующий год, 1919–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром логарифмической регрессии)³

Источники: Banks, Wilson 2017; A Dictionary... 2017.

Примечание: $R^2 = 0,66$, $r = 0,814$, $p = 0,004$.

Как мы видим, наиболее высокое среднее значение интегрального индекса социально-политической дестабилизации *CNTS* (более 900) характерно для 10 % самых молодых государств (то есть государств первого дециля, возраст существования менее 9 лет). Уже для государств второго и третьего децилей (возраст существования 9–25 лет) среднее значение индекса дестабилизации в среднем на треть с лишним меньше. Среднее же значение индекса социально-политической дестабилизации для государств четвертого дециля (25–35 лет) меньше, чем для самых молодых государств первого дециля, почти в 5 раз. Особо же низкие значения индекса социально-политической дестабилизации наблюдаются для самых старых государств (с возрастом существования более 200 лет) – среднее значение индекса

³ Децили по возрасту государственности включают следующие значения: 1-й дециль – до 9 лет; 2-й дециль – от 9 до 17 лет; 3-й дециль – от 17 до 25 лет; 4-й дециль – от 25 до 35 лет; 5-й дециль – от 35 до 47 лет; 6-й дециль – от 47 до 64 лет; 7-й дециль – от 64 до 99 лет; 8-й дециль – от 99 до 140 лет; 9-й дециль – от 140 до 205 лет; 10-й дециль – более 205 лет.

нестабильности для них меньше, чем для самых молодых государств, более чем в 30 раз!

В целом при подецильном анализе корреляция между логарифмом возраста государственности и средним значением агрегированного индекса социально-политической дестабилизации оказывается сильной ($r = 0,81$) и безусловно статистически значимой ($p = 0,004$). В целом же логарифм возраста государственности объясняет порядка 66 % дисперсии агрегированного индекса социально-политической дестабилизации по децилям.

Отметим, что выраженным отклонением является девятый дециль стран с возрастом от 140 лет до 205 лет, среди которых мы наблюдаем заметно более высокий средний уровень интенсивности социально-политической дестабилизации, чем можно было бы ожидать, исходя из регрессионного уравнения. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что очень высокую долю в этой группе стран составляют государства Латинской Америки. А как известно, государственность в этих странах складывалась с рядом трудностей из-за отсутствия сложившихся наций и повсеместного распространения испанского языка, что делало границы между странами достаточно условными. Отметим, что в период колониализма Испании границы между будущими странами не устанавливались как государственные. А после войны за независимость они очень часто менялись в результате непрекращающихся войн. Кроме того, государственность в этих странах долгое время (вплоть до настоящего) складывалась с непропорционально высокой ролью военных слоев, что приводило к постоянным военным переворотам⁴. Развитию государственности также препятствовала слабая интеграция наций в странах этого континента с учетом пестрого расового и этнического состава населения, антагонизма между высшими креольскими слоями и большинством индейского населения; другой важной особенностью стал перманентный конфликт между пытавшимися установить демократический строй и военными, постоянно совершавшими перевороты. В отличие от стран Европы и Азии, где государственность сложилась на основе прочной легитимности монархического строя и признанности правящих династий, в Латин-

⁴ Так, за два десятилетия, прошедшие с окончания Второй мировой войны, успешные перевороты произошли в 17 из 20 латиноамериканских стран (конституционный строй сохранился только в Мексике, Чили и Уругвае) (Хантингтон 2004: 23).

ской Америке легитимизация государственного строя проходила слабо, результатом чего стал разгул беззакония, коррупции и прерывание традиций. Таким образом, несмотря на формально достаточно длительную историю государственности в странах Латинской Америки, фактически государственность там в современном смысле слова сложилась относительно недавно.

Обсуждение

В целом полученный результат неплохо коррелирует с некоторыми результатами наших предыдущих исследований. В своих работах (см.: Гринин 2009; 2010; 2013а; 2013б; 2015а; 2015б; Grinin 2012b; 2013; Гринин, Коротаев 2016: гл. 2, 3) мы уже неоднократно касались важного обстоятельства, что для создания более или менее прочного государства необходим длительный опыт государственности и государственного строительства.

Мы рассматривали это в нескольких аспектах, используя различные общества в качестве примеров.

Во-первых, мы исследовали типологию государственности, придя к выводу, что наиболее прочная государственность представляет так называемое зрелое государство, соответствующее периоду индустриализации и модернизации (Гринин 2010). Однако молодые государства, тем более без истории государственности и населенные незрелыми этническими образованиями (это коррелирует с тем, что называется трайбализмом), не могут сразу создать такой тип государственности. Во многих отношениях эта государственность еще напоминает самый архаичный тип – раннее государство (см.: Он же 2011; Grinin 2008).

Соответственно, не все из этих государств обладают суверенитетом в общепризнанном плане. При этом существует целый ряд теорий, в которых различается «качество» суверенитета разных по уровню и степени самостоятельности стран, например так называемых квазигосударств (Jackson 1990), слабых (*fragile states*, см.: Hagesteijn 2008), недееспособных (*failed states*, см.: Rotberg 2004), «дефектных», «неполных» государств и т. д. Мы показывали, что *failed states* – это либо страны молодой государственности, не имевшие традиций государственности, либо те, в которых она имела спорадически или не проникала глубоко в жизнь, образуя более или менее непрочную надстройку, а основная часть населения

управлялась иными (негосударственными) формами. Таков, например, Афганистан. Можно согласиться с Р. Хагештейн (Hageteijn 2008), что имеет смысл делать сравнения между *fragile states* и ранним государством, которое обычно есть только надстройка над обществом (см. подробнее: Grinin 2003; 2011; 2012a). Там, где традиции государственности сильнее, больше шансов преодолеть тяжелый кризис (такowymi оказались Эфиопия, Кампучия, Лаос). Также при анализе тех или иных обществ, сталкиваясь с их достаточной успешностью наряду с неудачами у соседей в плане прочности режима, нередко можно обнаружить, что эта прочность не случайна, а связана с более устойчивыми традициями государственности, чем у соседей. Возьмем, например, Марокко, которому удалось пройти период Арабской весны без потрясений. Можно выяснить, что, во-первых, этому способствовал режим конституционной монархии, так как в Марокко по конституции (2011 г.) король является духовным главой марокканских мусульман, а также символом единства нации, что укрепляет легитимность его власти в отношении мусульман. А во-вторых, государственность в Марокко имеет более глубокие корни, чем, скажем, в Тунисе или Алжире, да и в целом традиции государственности и монархизма в Марокко сильнее, чем во многих других странах Ближнего Востока. Королевская власть наследуется по прямой мужской линии в роду Алауитов (правят с 30-х гг. XVII в.), являющихся потомками пророка Мухаммада. Все это служит дополнительными скрепами, удерживающими общество от дестабилизации (Ланда, Саватеев 2015: 162).

Проблемы молодых государств нередко связаны с недостаточной «пригнанностью» между обществом и государством. Это особенно характерно для молодых, недавно образовавшихся государств в районах, где и в целом государственность не была развита (например, в Африке южнее Сахары), в которых население мыслит себя в ином социальном пространстве (деревни, племена, небольшой этнической группы и т. п.). Мы пришли к выводу, что потребность в государственности (причем в определенной форме политического режима) должна стать имманентной общественному сознанию, стать частью ментальности, культуры и даже быта населения, что требует столетий государственных традиций (кстати, в Латинской Америке значительная часть населения, особенно индейского,

2012b). В частности, нами было установлено, что кризисы в государстве связаны с ускоренным развитием в разных сферах в результате модернизации (Гринин 2013a; 2013б; Grinin 2013; см. также: Хантингтон 2004 и др.). На связь революций и модернизации указывал целый ряд исследователей (см., например: Lipset 1959; Cutright 1963; Moore 1966; Dahl 1971; Brunk *et al.* 1987; Rueschemeyer *et al.* 1992; Burkhart, Lewis-Beck 1994; Londregan, Poole 1996; Epstein *et al.* 2006; Voix 2011; Хантингтон 2004; Хобсбаум 1999; Стародубровская, Мау 2004; Голдстоун 2015).

Учет этого аспекта важен уже потому, что в качестве рекомендаций для государственного строительства формулируется необходимость *economic reconstruction and development* (см., например: Dobbins *et al.* 2007), то есть фактически быстрого экономического развития (иначе экономику не реконструируешь и не разовьешь). В целом это совершенно правильно. Создать современное государство без современной экономики невозможно. Однако нельзя игнорировать то, что именно перед быстроразвивающимися обществами возникает опасность попасть в ловушку быстрой трансформации. Нельзя забывать, что в мире еще очень много государств, которые находятся в процессе модернизации или только приступают к ней. Следовательно, в процессе государственного строительства особое внимание должно быть уделено предотвращению таких диспропорций в социально-политической системе, которые способны ее взорвать, а значит, возникает необходимость поиска внутреннего консенсуса при сохранении вектора развития.

В-третьих, нами были исследованы в разной степени подробности связи между отсутствием (недостатком) традиций государственности и кризисами, в частности, на Ближнем Востоке (в Йемене, Ливии, Сирии [Гринин, Исаев, Коротаев 2016; Гринин, Коротаев 2016]), в некоторых других странах (Гринин и др. 2015), а также на Украине (Гринин 2014; 2015a; 2015б). Что касается Украины, то очевидно, что для складывания государственности требуется время, двадцати лет самостоятельности для этого явно мало. Элите и нации нужны опыт, ясное осознание, что надо жить вместе, либо убеждение, что лучше разойтись. Наше исследование показало (Там же), что многие на первый взгляд странные, труднообъяснимые и откровенно негативные особенности внешней и внутренней политики современной независимой Украины в значительной степени обусловлены геополитическими и историческими

особенностями формирования государства, менталитета и сложившимися традициями социально-политической психологии (Барабаш 2012). Очевидно также, что многие отрицательно воздействующие на стабильность государства геополитические и иные факторы прошлого нисколько не потеряли своего значения сегодня. Их современное влияние важно для объяснения событий на Украине и прогнозирования.

При этом необходимо отметить, что, с одной стороны, украинское население, находясь в течение 250 лет под управлением России (и Австрии), приобрело устойчивые навыки жизни в рамках устроенного государства и выработало менталитет подчинения государственной дисциплине, а также сформировало многочисленные кадры чиновничества. Это определяет фундаментальные отличия украинской нации от множества молодых государств (и некоторых бывших территорий СССР, таких как Чечня, а также от молодых африканских и некоторых ближневосточных государств), население которых не имело ни опыта жизни в зрелом государстве, ни устойчивого понимания условий этой жизни. Однако, с другой стороны, Украина не имела сколько-нибудь длительного опыта самостоятельной государственности, что серьезно сказывается на поведении элиты (которая предпочитает опираться не на собственные силы, а на иностранные государства), особенно в отсутствие ясного внутри- и внешнеполитического курса.

В-четвертых, нельзя не обратить внимание на связь исследуемого вопроса с проблемами неустойчивости молодых демократических режимов (о слабостях молодых демократий см.: Арон 1993; Гринин, Коротаев 2014; Гринин, Исаев, Коротаев 2016; Коротаев, Слинко, Билюга 2016; Коротаев и др. 2016; 2017: 156–184; Slinko *et al.* 2017). Переход к демократии от монархии, автократии или другого режима всегда чреват серьезными социально-политическими потрясениями (см.: Арон 1993). Однако если переход к демократии осуществляется одновременно с созданием нового государства (как это было на Украине и во многих бывших колониях, а до этого в странах Латинской Америки), то риски неустойчивости удваиваются. Тем более что, говоря объективно, современный стандарт государственного режима (а именно демократического, со всеми свободами и всеобщим голосованием) фактически превышает достигнутый уровень экономического развития многих модернизи-

рующихся стран. Стоит вспомнить, что западная демократия преодолела довольно длительный путь ограниченной демократии с жесткими избирательными цензами, пока не пришла (уже после процесса экономической модернизации и в основном по завершении демографического перехода) к режиму полной демократии. Но и при такой ситуации многие страны не избежали революций.

Заключение

Проведенный нами количественный анализ показал наличие достаточно сильной и статистически значимой корреляции между возрастом государства и уровнем социально-политической дестабилизации. Особенно высокий уровень социально-политической нестабильности характерен для совсем молодых государств с возрастом существования менее 9 лет. Уже переход в следующий интервал (9–25 лет) приводит к заметному уменьшению среднего уровня социально-политической нестабильности. Особенно заметное увеличение уровня стабильности государств происходит при переходе в интервал 25–35 лет. В целом же средний уровень социально-политической нестабильности для самых старых государств (с возрастом существования более 200 лет) оказывается в 30 с лишним раз меньше, чем для самых молодых государств (с возрастом существования менее 9 лет).

В заключение отметим, что, конечно же, возраст существования государства является очень специфическим модифицируемым параметром. Практически по определению его нельзя быстро увеличить. Для того чтобы государство вышло в относительно стабильную зону «более 200 лет», нужно именно более 200 лет. А вот уменьшить его можно очень быстро – для этого достаточно организовать успешное отделение территории от старого государства и создать на ней государство новое.

Таким образом, проведенный анализ показывает мощный потенциал социально-политической дестабилизации, заложенный в любого рода сепаратизме/борьбе за независимость. Даже если борьба за независимость ведется под совершенно справедливыми лозунгами, она все равно связана с мощными долгосрочными рисками социально-политической дестабилизации уже потому, что создание любого нового государства весьма значительно повышает риски социально-политической дестабилизации на соответствующей территории на долгие годы вперед.

Приложение. База данных по возрасту государственности

Страна	Дата обретения независимости	Статус страны	Источник данных
Австралия	1901	Независимость от Великобритании	Australia. A Dictionary... 2015
Австрия	1918	Первая республика	Austria. A Dictionary... 2015
Азербайджан	1991	Независимость от СССР	Azerbaijan. A Dictionary... 2015
Албания	1913	Независимость от Османской империи	Albania. A Dictionary... 2015
Алжир	1962	Независимость от Франции	Algeria. A Dictionary... 2015
Ангола	1975	Независимость от Португалии	Angola. A Dictionary... 2015
Андорра	803	Независимость от Арагонской короны	Andorra. A Dictionary... 2015
Антигуа и Барбуда	1981	Независимость от Великобритании	Antigua and Barbuda. A Dictionary... 2015
Аргентина	1816	Декларированная независимость от Испании	Argentina. A Dictionary... 2015
Армения	1990	Независимость от СССР	Armenia. A Dictionary... 2015
Аруба	1996	Автономия от Нидерландов	Aruba. A Dictionary... 2016
Афганистан	1919	Независимость от Великобритании	Afghanistan. A Dictionary... 2015
Багамские острова	1973	Независимость от Великобритании	Bahamas. A Dictionary... 2015
Бангладеш	1971	Независимость от Пакистана	Bangladesh. A Dictionary... 2015
Барбадос	1966	Независимость от Великобритании	Barbados. A Dictionary... 2015
Бахрейн	1971	Независимость от Великобритании	Bahrain. A Dictionary... 2015
Беларусь	1991	Независимость от СССР	Belarus. A Dictionary... 2015
Белиз	1981	Независимость от Великобритании	Belize. A Dictionary... 2015
Бельгия	1839	Признанная независимость от Нидерландов	Belgium. A Dictionary... 2015
Бенин	1960	Независимость от Франции	Benin. A Dictionary... 2015
Болгария	1908	Независимость от Османской империи	Bulgaria. A Dictionary... 2015

Страна	Дата обретения независимости	Статус страны	Источник данных
Боливия	1824	Признанная независимость от Испании	Bolivia, Plurinational State of. A Dictionary... 2015
Босния	1992	Независимость от Югославии	Bosnia and Herzegovina. A Dictionary... 2015
Ботсвана	1966	Независимость от Великобритании	Botswana. A Dictionary... 2015
Бразилия	1822	Признанная независимость от Португалии	Brazil. A Dictionary... 2015
Бруней-Даруссалам	1984	Независимость от Великобритании	Brunei Darussalam. A Dictionary... 2015
Буркина-Фасо	1960	Независимость от Франции	Burkina Faso. A Dictionary... 2015
Бурунди	1962	Независимость от Бельгии	Burundi. A Dictionary... 2015
Бутан	1907	Монархия под династией Вангчук	Bhutan. A Dictionary... 2015
Вануату	1980	Независимость от Франции и Великобритании	Vanuatu. A Dictionary... 2015
Ватикан	1929	Первое употребление в литературе	Holy See (Vatican City State). A Dictionary... 2015
Великобритания	1921	Создание государства	United Kingdom. A Dictionary... 2015
Венгрия	1867	Появление Венгерского княжества	Hungary. A Dictionary... 2015
Венда	1979	Номинальное независимое государство	Venda. A Dictionary... 2015
Венесуэла	1830	Признанная независимость от Колумбии	Venezuela, Bolivarian Republic of. A Dictionary... 2015
Восточный Тимор	2002	Восстановление независимости	Timor-Leste. A Dictionary... 2015
Вьетнам	1954	Женевские соглашения	Viet Nam. A Dictionary... 2015
Габон	1960	Независимость от Франции	Gabon. A Dictionary... 2015
Гаити	1820	Признанная независимость от Франции	Haiti. A Dictionary... 2015
Гайана	1966	Независимость от Великобритании	Guyana. A Dictionary... 2015
Гамбия	1965	Независимость от Великобритании	Gambia. A Dictionary... 2015
Гана	1957	Объявленная независимость от Великобритании	Ghana. A Dictionary... 2015

Страна	Дата обретения независимости	Статус страны	Источник данных
Гватемала	1821	Объявленная независимость от Испании	Guatemala. A Dictionary... 2015
Гвинея	1958	Независимость от Франции	Guinea. A Dictionary... 2015
Гвинея-Бисау	1974	Признанная независимость от Португалии	Guinea-Bissau. A Dictionary... 2015
Германия	1867	Объединение Германии	Germany. A Dictionary... 2015
Германская Демократическая Республика	1949	Разделение Германии	German Democratic Republic. A Dictionary... 2015
Гондурас	1838	Независимость от Первой Мексиканской империи	Honduras. A Dictionary... 2015
Гренада	1974	Независимость от Великобритании	Grenada. A Dictionary... 2015
Греция	1833	Признанная независимость от Османской империи	Greece. A Dictionary... 2015
Грузия	1991	Признанная независимость от СССР	Georgia. A Dictionary... 2015
Дания	1320	Объединение	Denmark. A Dictionary... 2015
Джибути	1977	Независимость от Франции	Djibouti. A Dictionary... 2015
Доминика	1978	Независимость от Великобритании	Dominica. A Dictionary... 2015
Доминиканская Республика	1924	Независимость от США	Dominican Republic. A Dictionary... 2015
Демократическая Республика Конго	1960	Независимость от Бельгии	Congo, the Democratic Republic of the. A Dictionary... 2015
Египет	1922	Независимость от Великобритании	Egypt. A Dictionary... 2015
Замбия	1964	Признанная независимость от Великобритании	Zambia. A Dictionary... 2015
Зимбабве	1980	Признанная независимость от Великобритании	Zimbabwe. A Dictionary... 2015
Израиль	1948	Признанная независимость	Israel. A Dictionary... 2015
Индия	1947	Независимость от Великобритании	India. A Dictionary... 2015
Индонезия	1945	Объявленная независимость от Нидерландов	Indonesia. A Dictionary... 2015

Страна	Дата обретения независимости	Статус страны	Источник данных
Иордания	1946	Мандатная территория	Jordan. A Dictionary... 2015
Ирак	1932	Независимость от Великобритании	Iraq. A Dictionary... 2015
Иран	550	Держава Ахеменидов	Iran, Islamic Republic of. A Dictionary... 2015
Ирландия	1921	Независимость от Великобритании	Ireland. A Dictionary... 2015
Исландия	1944	Выход из Датской монархии	Iceland. A Dictionary... 2015
Испания	1492	Создание государства	Spain. A Dictionary... 2015
Италия	1861	Объединение Италии	Italy. A Dictionary... 2015
Йемен	1967	Создание независимого государства	Yemen. A Dictionary... 2015
Кабо-Верде	1975	Независимость от Португалии	Cabo Verde. A Dictionary... 2015
Казахстан	1991	Признанная независимость от СССР	Kazakhstan. A Dictionary... 2015
Камбоджа	1953	Независимость от Франции	Cambodia. A Dictionary... 2015
Камерун	1960	Независимость от Франции	Cameroon. A Dictionary... 2015
Канада	1867	Канадская конфедерация	Canada. A Dictionary... 2015
Катар	1971	Независимость от Великобритании	Qatar. A Dictionary... 2015
Кения	1963	Независимость от Великобритании	Kenya. A Dictionary... 2015
Кипр	1959	Независимость от Великобритании	Cyprus. A Dictionary... 2015
Кипр: турецкий сектор	1983	Объявленная независимость от Кипра	Cyprus: Turkish Sector. A Dictionary... 2015
Киргизия	1991	Признанная независимость от СССР	Kyrgyzstan. A Dictionary... 2015
Кирибати	1979	Независимость от Великобритании	Kiribati. A Dictionary... 2015
Китай	2070 до н. э.	Первая доимператорская династия	China. A Dictionary... 2015
Колумбия	1819	Признанная независимость от Испании	Colombia. A Dictionary... 2015
Коморские острова	1975	Независимость от Франции	Comoros. A Dictionary... 2015
Конго	1960	Независимость от Франции	Congo. A Dictionary... 2015
Коста-Рика	1838	Признанная независимость от Испании	Costa Rica. A Dictionary... 2015

Страна	Дата обретения независимости	Статус страны	Источник данных
Кот-д'Ивуар	1960	Независимость от Франции	Cote d'Ivoire. A Dictionary... 2015
Корейская Народно-Демократическая Республика	1948	Создание государства	Korea, Democratic People's Republic of. A Dictionary... 2015
Корея, Республика	1948	Независимость от Японии	Korea, Republic of. A Dictionary... 2015
Косово	2008	Объявление независимости	Kosovo. A Dictionary... 2015
Куба	1902	Признанная независимость от Испании	Cuba. A Dictionary... 2015
Кувейт	1961	Независимость от Великобритании	Kuwait. A Dictionary... 2015
Лаосская Народно-Демократическая Республика	1953	Независимость от Франции	Lao People's Democratic Republic. A Dictionary... 2015
Латвия	1991	Признанная независимость от СССР	Latvia. A Dictionary... 2015
Лесото	1966	Независимость от Великобритании	Lesotho. A Dictionary... 2015
Либерия	1847	Признанная независимость	Liberia. A Dictionary... 2015
Ливан	1945	Независимость от Франции	Lebanon. A Dictionary... 2015
Ливия	1951	Освобождение от Британии и Франции	Libya. A Dictionary... 2015
Литва	1918	Объявление независимости от Германии	Lithuania. A Dictionary... 2015
Лихтенштейн	1866	Освобождение от Германии	Liechtenstein. A Dictionary... 2015
Люксембург	1815	Независимость от Нидерландов	Luxembourg. A Dictionary... 2015
Маврикий	1968	Независимость от Великобритании	Mauritius. A Dictionary... 2015
Мавритания	1960	Независимость от Франции	Mauritania. A Dictionary... 2015
Мадагаскар	1960	Независимость от Франции	Madagascar. A Dictionary... 2015
Македония	1993	Признанная независимость от Югославии	Macedonia, the former Yugoslav Republic of. A Dictionary... 2015
Малави	1964	Независимость от Великобритании	Malawi. A Dictionary... 2015
Малайзия	1963	Независимость государства	Malaysia. A Dictionary... 2015

Страна	Дата обретения независимости	Статус страны	Источник данных
Мали	1960	Независимость от Франции	Mali. A Dictionary... 2015
Мальдивы	1965	Независимость от Великобритании	Maldives. A Dictionary... 2015
Мальта	1964	Независимость от Великобритании	Malta. A Dictionary... 2015
Марокко	1956	Независимость государства	Morocco. A Dictionary... 2015
Маршалловы острова	1991	Независимость государства	Marshall Islands. A Dictionary... 2015
Мексика	1836	Признанная независимость от Испании	Mexico. A Dictionary... 2015
Микронезия	1986	Создание государства	Micronesia, Federated States of. A Dictionary... 2015
Мозамбик	1975	Независимость от Португалии	Mozambique. A Dictionary... 2015
Молдова	1991	Признанная независимость от СССР	Moldova, Republic of. A Dictionary... 2015
Монако	1861	Создание государства	Monaco. A Dictionary... 2015
Монголия	1911	Независимость от империи Цин	Mongolia. A Dictionary... 2015
Мьянма	1948	Независимость от Великобритании	Myanmar. A Dictionary... 2015
Намибия	1990	Независимость от Южной Африки	Namibia. A Dictionary... 2015
Народная Демократическая Республика Йемен	1967	Получение независимости	Yemen People's Republic of. A Dictionary... 2015
Науру	1968	Независимость от Великобритании	Nauru. A Dictionary... 2015
Непал	1769	Создание государства	Nepal. A Dictionary... 2015
Нидерландские Антильские острова	1954	Создание государства	Netherlands Antilles. A Dictionary... 2015
Нидерланды	1648	Создание государства	Netherlands. A Dictionary... 2015
Никарагуа	1838	Признанная независимость от Испании	Nicaragua. A Dictionary... 2015
Нигер	1960	Независимость от Франции	Niger. A Dictionary... 2015
Нигерия	1960	Признанная независимость от Великобритании	Nigeria. A Dictionary... 2015
Новая Зеландия	1907	Доминион Великобритании	New Zealand. A Dictionary... 2015

Страна	Дата обретения независимости	Статус страны	Источник данных
Норвегия	1807	Создание государства	Norway. A Dictionary... 2015
Объединенные Арабские Эмираты	1971	Независимость от Великобритании	United Arab Emirates. A Dictionary... 2015
Оман	130	Создание государства	Oman. A Dictionary... 2015
Пакистан	1947	Доминион Великобритании	Pakistan. A Dictionary... 2015
Палау	1994	Договор о свободной ассоциации с США	Palau. A Dictionary... 2015
Палестина, штат	1988	Объявление независимости	Palestine, State of. A Dictionary... 2015
Панама	1903	Независимость от Колумбии	Panama. A Dictionary... 2015
Папуа – Новая Гвинея	1975	Признанная независимость от Австралии	Papua New Guinea. A Dictionary... 2015
Парагвай	1811	Признанная независимость от Испании	Paraguay. A Dictionary... 2015
Перу	1821	Признанная независимость от Испании	Peru. A Dictionary... 2015
Польша	1987	Создание государства	Poland. A Dictionary... 2015
Португалия	1179	Признание государства	Portugal. A Dictionary... 2015
Российская Федерация	1991	Создание государства	Russian Federation. A Dictionary... 2015
Руанда	1962	Независимость от Бельгии	Rwanda. A Dictionary... 2015
Румыния	1878	Независимость от Османской империи	Romania. A Dictionary... 2015
Сальвадор	1903	Независимое государство	El Salvador. A Dictionary... 2015
Самоа	1962	Независимость от Новой Зеландии	Samoa. A Dictionary... 2015
Сан-Марино	1291	Независимость от Римской империи	San Marino. A Dictionary... 2015
Сан-Томе и Принсипи	1975	Независимость от Португалии	Sao Tome and Principe. A Dictionary... 2015
Саудовская Аравия	1932	Создание государства	Saudi Arabia. A Dictionary... 2015
Свазиленд	1968	Независимость от Великобритании	Swaziland. A Dictionary... 2015
Сенегал	1960	Независимость от Франции	Senegal. A Dictionary... 2015
Сент-Винсент и Гренадины	1979	Независимость от Великобритании	Saint Vincent and the Grenadines. A Dictionary... 2015

Страна	Дата обретения независимости	Статус страны	Источник данных
Сент-Китс и Невис	1983	Независимость от Великобритании	Saint Kitts and Nevis. A Dictionary... 2015
Сент-Люсия	1979	Независимость от Великобритании	Saint Lucia. A Dictionary... 2015
Сербия	1878	Создание княжества Сербского	Serbia. A Dictionary... 2015
Сейшельские острова	1976	Независимость от Великобритании	Seychelles. A Dictionary... 2015
Сингапур	1965	Независимость от Великобритании	Singapore. A Dictionary... 2015
Сирийская Арабская Республика	1941	Независимость от Франции	Syrian Arab Republic. A Dictionary... 2015
Сискей	1981	Номинальное национальное государство	Ciskei. A Dictionary... 2015
Словакия	1993	Независимость от Чехословакии	Slovakia. A Dictionary... 2015
Словения	1991	Независимость от Чехословакии	Slovenia. A Dictionary... 2015
Советский Союз	1922	Договор о создании СССР	Soviet Union. A Dictionary... 2015
Соединенные Штаты	1783	Завершение отделения США от Великобритании	United States. A Dictionary... 2015
Соломоновы острова	1978	Независимость от Великобритании	Solomon Islands. A Dictionary... 2015
Сомали	1960	Независимость	Somalia. A Dictionary... 2015
Судан	1956	Независимость от Великобритании	Sudan. A Dictionary... 2015
Суринам	1975	Независимость от Нидерландов	Suriname. A Dictionary... 2015
Сьерра-Леоне	1961	Независимость от Великобритании	Sierra Leone. A Dictionary... 2015
Тайвань	1949	Непризнанная независимость от КНР	Taiwan, Province of China. A Dictionary... 2015
Таджикистан	1991	Признанная независимость от СССР	Tajikistan. A Dictionary... 2015
Таиланд	1238	Создание государства	Thailand. A Dictionary... 2015
Танзания	1967	Независимость от Великобритании	Tanzania, United Republic of. A Dictionary... 2015
Того	1960	Независимость от Франции	Togo. A Dictionary... 2015

Страна	Дата обретения независимости	Статус страны	Источник данных
Тонга	1970	Независимость от Великобритании	Tonga. A Dictionary... 2015
Транскей	1976	Создание государства	Transkei. A Dictionary... 2015
Тринидад и Тобаго	1962	Независимость от Великобритании	Trinidad and Tobago. A Dictionary... 2015
Тувалу	1978	Независимость от Великобритании	Tuvalu. A Dictionary... 2015
Тунис	1955	Независимость от Франции	Tunisia. A Dictionary... 2015
Туркменистан	1991	Признанная независимость от СССР	Turkmenistan. A Dictionary... 2015
Турция	1923	Наследие Османской империи	Turkey. A Dictionary... 2015
Уганда	1962	Независимость от Великобритании	Uganda. A Dictionary... 2015
Узбекистан	1991	Признанная независимость от СССР	Uzbekistan. A Dictionary... 2015
Украина	1991	Признанная независимость от СССР	Ukraine. A Dictionary... 2015
Уругвай	1828	Независимость от Бразилии	Uruguay. A Dictionary... 2015
Фиджи	1970	Независимость от Великобритании	Fiji. A Dictionary... 2015
Филиппины	1946	Независимость от США	Philippines. A Dictionary... 2015
Финляндия	1919	Признанная независимость от Российской империи	Finland. A Dictionary... 2015
Франция	1066	Объединение Франции	France. A Dictionary... 2015
Хорватия	1992	Независимость от Югославии	Croatia. A Dictionary... 2015
Хуситский Северный Йемен	2015	Взятие власти хуситами на Севере Йемена	Yemen North. A Dictionary... 2015
Центрально-Африканская Республика	1960	Независимость от Франции	Central African Republic. A Dictionary... 2015
Черногория	2006	Восстановление независимости от Югославии	Montenegro. A Dictionary... 2015
Швейцария	1848	Объединение государства	Switzerland. A Dictionary... 2015
Швеция	1523	Создание государства	Sweden. A Dictionary... 2015

Страна	Дата обретения независимости	Статус страны	Источник данных
Шри-Ланка	1948	Доминион Великобритании	Sri Lanka. A Dictionary... 2015
Чад	1960	Независимость от Франции	Chad. A Dictionary... 2015
Чили	1810	Признанная независимость от Испании	Chile. A Dictionary... 2015
Чешская Республика	1993	Независимость от Чехословакии	Czech Republic. A Dictionary... 2015
Чехословакия	1918	Независимость	Czechoslovakia. A Dictionary... 2015
Эквадор	1822	Признанная независимость от Испании	Ecuador. A Dictionary... 2015
Экваториальная Гвинея	1968	Независимость от Испании	Equatorial Guinea. A Dictionary... 2015
Эритрея	1993	Юридический статус государства	Eritrea. A Dictionary... 2015
Эстония	1918	Признанная независимость	Estonia. A Dictionary... 2015
Эфиопия	1941	Создание государства	Ethiopia. A Dictionary... 2015
Югославия	1929	Образование государства	Yugoslavia. A Dictionary... 2015
Южная Африка	1961	Независимость от Великобритании	South Africa. A Dictionary... 2015
Южный Судан	2011	Независимость от Судана	South Sudan. A Dictionary... 2015
Ямайка	1962	Независимость от Великобритании	Jamaica. A Dictionary... 2015
Япония	660	Создание государства	Japan. A Dictionary... 2015

Библиография

- Арон Р. 1993. *Демократия и тоталитаризм*. М.: Текст.
- Барабаш Б. 2012. Федерализация Украины: панацея или тупик? («Зеркало Недели», Украина). *ИноСМИ* 27 ноября. URL: http://inosmi.ru/sngbaltia/20121127/20_2678003.html.
- Геллнер Э. 1991. *Нации и национализм*. М.: Прогресс.
- Голдстоун Дж. 2015. *Революции. Очень краткое введение*. М.: Изд-во Инта Гайдара.
- Гринин Л. Е. 2009. *Государство и исторический процесс: Политический срез исторического процесса*. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.

- Гринин Л. Е. 2010.** *Государство и исторический процесс: Эволюция государственности: От раннего государства к зрелому.* 2-е изд., испр. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е. 2011.** *Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства. Общий контекст социальной эволюции при образовании государства.* 2-е изд. М.: ЛКИ.
- Гринин Л. Е. 2013а.** Государство и кризисы в процессе модернизации. *Философия и общество* 3: 29–59.
- Гринин Л. Е. 2013б.** Государство и его кризис в прошлом и настоящем. *Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий* 3(7): 26–30.
- Гринин Л. Е. 2014.** Украинское государство как незавершенный политический проект: фрагментарное прошлое, кризисное настоящее, неясное будущее. *Историческая психология и социология истории* 7(1): 5–37.
- Гринин Л. Е. 2015а.** Исторические и геополитические причины социально-политического кризиса на Украине. *Соціальні та політичні конфігурації модерну: політична влада в Україні та світі: матеріали ІV міжнар. наук.-практ. конф. М. Київ, 3–4 червня 2015 р.* / Сост. Г. Дерлугьян, А. А. Мельниченко, П. В. Кутуев, А. О. Мігалуш. Київ: Талком. С. 34–35.
- Гринин Л. Е. 2015б.** Украинское государство как незавершенный политический проект: фрагментарное прошлое, кризисное настоящее, неясное будущее. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Украинский разлом* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина. Волгоград: Учитель. С. 84–126.
- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2016.** *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке.* 2-е изд., испр. и доп. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2014.** Революция vs демократия (революция и контрреволюция в Египте). *Полис* 3: 139–158.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2016.** *Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах.* М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2015.** Введение. Реконфигурация Мир-Системы и усиление рисков политической нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Украинский разлом. Ежегодник* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина. Волгоград: Учитель. С. 4–19.

- Коротаев А. В., Васькин И. А., Билюга С. Э. 2017.** Гипотеза Олсона – Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа. *Социологическое обозрение* 16(1): 9–49.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Билюга С. Э., Васькин И. А., Слинько Е. В., Шишкина А. Р., Мещерина К. В. 2017.** *Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы.* М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Коротаев А. В., Слинько Е. В., Билюга С. Э. 2016.** Тип режима и социально-политическая нестабильность. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* 7: 282–325.
- Коротаев А. В., Слинько Е. В., Шульгин С. Г., Билюга С. Э. 2016.** Промежуточные типы социально-политических режимов и социально-политическая нестабильность: опыт количественного кросс-национального анализа. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* 3: 31–51.
- Ланда Р. Г., Саватеев А. Д. 2015.** Политический ислам в странах Северной Африки. *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира.* Т. 1 / Отв. ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев. М.: Ленанд. С. 126–180.
- Советская историческая энциклопедия:** в 16 т. / Гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Сов. энциклопедия, 1961–1976.
- Стародубровская И., Мау В. 2004.** *Великие революции. От Кромвеля до Путина.* М.: Вагриус.
- Страны мира: современный справочник /** Сост. Т. Горячкина, И. Ярич. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Славянский дом книги, 2017.
- Страны мира: справочник.** М.: Политиздат, 1986.
- Страны мира: справочник для эрудитов и путешественников /** Сост. С. Романцова. Харьков, 2005.
- Хантингтон С. 2004.** *Политический порядок в меняющихся обществах.* М.: Прогресс-Традиция.
- Хобсбаум Э. 1999.** *Век революции. Европа 1778–1848.* Ростов н/Д.: Феникс.
- Хохлова А. А., Коротаев А. В., Цирель С. В. 2017.** Безработица и социально-политическая дестабилизация в странах Западной и Восточной Европы: опыт количественного анализа. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков /* Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 37–82.

- A Dictionary of Contemporary World History.** 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 2016. URL: <http://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780191802997.001.0001/acref-9780191802997>.
- A Dictionary of World History.** 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2015. URL: <http://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199685691.001.0001/acref-9780199685691>.
- Banks A. S., Wilson K. A. 2017.** *Cross-National Time-Series Data Archive*. Databanks International. Jerusalem, Israel. URL: <https://www.cntsdata.com>.
- Belkin A., Schofer E. 2003.** Toward a Structural Understanding of Coup Risk. *Journal of Conflict Resolution* 47(5): 594–620.
- Boix C. 2011.** Democracy, Development, and the International System. *American Political Science Review* 105(04): 809–828.
- Bouid B. 2011.** Using a Semi-Parametric Analysis to Understand the Occurrence of Coups d'état in Developing Countries. *International Journal of Peace Studies*: 53–79.
- Brunk G. G., Caldeira G. A., Lewis-Beck M. S. 1987.** Capitalism, Socialism, and Democracy: an Empirical Inquiry. *European Journal of Political Research* 15(4): 459–470.
- Burkhart R. E., Lewis-Beck M. S. 1994.** Comparative Democracy: the Economic Development Thesis. *American Political Science Review* 88(04): 903–910.
- Collier P. 2009.** The Political Economy of State Failure. *Oxford Review of Economic Policy* 25(2): 219–240.
- Cutright P. 1963.** National Political Development: Social and Economic Correlates. *Politics and Social Life: An Introduction to Political Behavior* / Ed. by N. W. Polsby, R. A. Dentler, P. A. Smith. Boston: Houghton Mifflin. Pp. 569–582.
- Dahl R. A. 1971.** *Polyarchy: Participation and Opposition*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Dobbins J., Jones S. G., Crane K., DeGrasse B. C. 2007.** *The Beginner's Guide to Nation-building*. Santa Monica, CA: RAND Corporation.
- Epstein D. L., Bates R., Goldstone J., Kristensen I., O'Halloran S. 2006.** Democratic Transitions. *American Journal of Political Science* 50(3): 551–569.
- Fragile States Index. 2015.** *The Fund for Peace. Report* / Ed. by J. J. Messner. URL: <http://library.fundforpeace.org/library/fragilestatesindex-2015.pdf>.
- Fukuyama F. (ed.) 2006.** *Nation-Building: Beyond Afghanistan and Iraq*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Gellner E. 1983.** *Nations and Nationalism*. Ithaca: Cornell University Press.

- Grinin L. 2003.** The Early State and its Analogues. *Social Evolution & History* 1(1): 131–176.
- Grinin L. 2008.** Early State, Developed State, Mature State: The Statehood Evolutionary Sequence. *Social Evolution & History* 7(1): 67–81.
- Grinin L. 2011.** *The Evolution of Statehood. From Early State to Global Society*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.
- Grinin L. 2012a.** *Macrohistory and Globalization*. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. 2012b.** State and Socio-Political Crises in the Process of Modernization. *Cliodynamics* 3: 124–157.
- Grinin L. 2013.** State and Socio-Political Crises in the Process of Modernization. *Social Evolution & History* 12(2): 35–76.
- Hagesteijn R. R. 2008.** Early States and “Fragile States”: Opportunities for Conceptual Synergy. *Social Evolution & History* 7(1): 82–106.
- Harish S. P., Paik C. 2016.** *State and Development: A Historical Study of Europe from 0 AD to 2000 AD* (No. 219). Households in Conflict Network.
- Hilbe J. 2011.** *Negative Binomial Regression*. New York: Cambridge University Press.
- Huntington S. P. 1968.** *Political Order in Changing Societies*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Ikenberry G. J. 2006a.** Nation-building: Beyond Afghanistan and Iraq by Francis Fukuyama. *Foreign Affairs* 85(3): 152–153.
- Ikenberry G. J. 2006b.** *Liberal Order and Imperial Ambition: Essays on American Power and International Order*. Cambridge: Polity.
- Jackson R. H. 1990.** *Quasi-States: Sovereignty, International Relations and the Third World*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kenny C. 1999.** Why aren't Countries Rich? Weak States and Bad Neighbourhoods. *The Journal of Development Studies* 35(5): 26–47.
- Lipset S. M. 1959.** Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy. *American Political Science Review* 53(1): 69–105.
- Londregan J. B., Poole K. T. 1996.** Does High Income Promote Democracy? *World Politics* 49: 1–30.
- Moore B. 1966.** *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston: Beacon Press.
- Olson M. 1982.** *The Rise and Decline of Nations*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Olson M. 1993.** Dictatorship, Democracy, and Development. *American Political Science Review* 87(3): 567–576.

- Rotberg R. (ed.) 2004.** *When States Fail: Causes and Consequences*. Harvard, NJ: Princeton University Press.
- Rueschemeyer D., Stephens E. H., Stephens J. D. 1992.** *Capitalist Development and Democracy*. Chicago: University of Chicago Press.
- Slinko E., Bilyuga S., Zinkina J., Korotayev A. 2017.** Regime Type and Political Destabilization in Cross-National Perspective: A Re-Analysis. *Cross-Cultural Research* 51(1): 26–50.
- Smith A. D. 1986.** *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford: Blackwell.
- Tilly C. 1992.** *Coercion, Capital and European States: AD 990–1992*. Wiley-Blackwell.

К КОЛИЧЕСТВЕННОМУ АНАЛИЗУ КОРРУПЦИИ КАК ФАКТОРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ*

Р. С. Гринберг, А. В. Коротаев,
С. Э. Билюга, Д. А. Быканова

Проведенные нами эмпирические тесты показали, что уровень коррумпированности оказывается неожиданно сильным статистически значимым предиктором вероятности попыток насильственной смены руководства страны (учитывались как успешные, так и неудачные попытки смены, совершенные как революционным путем, так и с помощью заговоров и переворотов). Рассмотрена и отвергнута гипотеза о том, что первопричиной здесь является рост подушевого ВВП (для которого также наблюдается очень сильная отрицательная корреляция с интенсивностью попыток насильственной смены руководства страны). Проведенный анализ заставляет предполагать, что мы имеем дело скорее с противоположной направленностью – рост ВВП отрицательно коррелирует с вероятностью попыток насильственной смены руководства страны в очень высокой степени из-за того, что он в долгосрочной тенденции сопровождается снижением коррумпированности. Наш анализ также позволяет предполагать, что снижение коррупции может быть достаточно мощным средством укрепления политической стабильности. Действительно, повышение позиции страны в рейтинге Transparency International на один пункт десятибалльной шкалы (при контроле на подушевой ВВП) сопровождается снижением вероятности попыток насильственной смены руководства страны почти на 40 %, что имеет эффект заметно более высокий, чем повышение подушевого ВВП на один порядок.

Коррупция уже давно стала объектом пристального внимания исследователей. Например, активно изучается негативное влияние коррупции на инвестиции и экономический рост (Мауго 1995; Ваг-

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-02-00521).

го 1996; Bardhan 1997; Kaufmann *et al.* 1999; Acemoglu, Robinson 2010; Julio, Yook 2012; Bazzi, Clemens 2013); на распределение государственных расходов на образование и здравоохранение (Mauro 1995; 1998a; 1998b; Méon, Weill 2010; Arin *et al.* 2011; Dzhumashev 2014) и в более общем плане – на эффективное распределение ресурсов (Krueger 1974; Hessami 2014; Aidt 2016).

Значительное внимание также уделяется изучению влияния коррупции на благосостояние граждан (Bertrand *et al.* 2000), образовательные процессы (Sacerdote 2001), социальную мобильность (Borjas 1992; Granovetter 2007; Bisin, Verdier 2010; Ariu, Squicciarini 2013; Dimant *et al.* 2013; Schneider 2015), безработицу (Тора 2001; Mocan 2008; Buehn, Schneider 2009; Goldstone 2011; Ionescu 2012; Umaru *et al.* 2013; Asaju *et al.* 2014; Casal 2015), а также на уровень преступности (Case, Katz 1991; Travis 2005; Buonanno *et al.* 2009; Akçomak, ter Weel 2012) и т. д.

Многие исследователи также уже обращали внимание на то обстоятельство, что уровень коррупции может выступать в качестве мощной социально-политической дестабилизирующей силы (Bicchieri, Rovelli 1995; Mauro 1995; Gould, Amaro-Reyes 1983; Della Porta, Vannucci 1997; Scott 2007; Янковая 2011; Египетские... 2011; Stangler, Litan 2011; Асанбеков 2012; Khestanov 2017; Kupatadze 2012; Goldstone 2014 и др.)¹.

Так, Дж. Голдстоун рассматривает коррупцию в качестве важного фактора дестабилизационной волны 2014 г. в Таиланде, на Украине, в Венесуэле и Боснии. «Не должно вызывать удивления, что эти четыре страны характеризуются как высококоррупцированные: согласно Transparency International, Таиланд занимает 102-е, Украина – 144-е, а Венесуэла – 160-е место по уровню восприятия коррупции. В 2012 г. Transparency International охарактеризовал Боснию как несколько менее коррупцированную страну, поставив ее на 72-е место; но в прошлом году уровень воспринимаемой коррупции для этой страны резко вырос, и одной из основных претензий протестующих в ней было то, что проведенная боснийским правительством в прошлом году приватизация государственного имущества представляла собой спектакль самой откровенной коррупции» (Goldstone 2014).

Действительно, наш собственный анализ дестабилизационной волны 2013–2014 гг. показал, что высокий уровень коррупции яв-

¹ Некоторые исследователи полагают, что высокий уровень коррупции характерен в особенности для молодых государств, с чем, возможно, связан свойственный им повышенный уровень социально-политической нестабильности (см., например: Tiihonen 2003).

лялся в этот период времени статистически значимым предиктором дестабилизации по модели «центрального коллапса» (Коротаев и др. 2015; Korotayev *et al.* 2015).

Однако систематической эмпирической оценки степени социально-политически дестабилизирующего влияния коррупции вплоть до настоящего времени, насколько нам известно, не проводилось. Такая эмпирическая оценка будет приведена в данной статье.

Материалы и методы

Для эмпирической оценки степени социально-политически дестабилизирующего влияния коррупции в качестве независимой переменной был выбран индекс коррумпированности, построенный нами на основе индекса восприятия коррупции (Corruption Perception Index [CPI]), рассчитанного организацией *Transparency International* на период с 1995 по 2015 г. (Corruption... 2017). Несмотря на свое название, данный индекс представляет собой индекс некоррумпированности государств, так как максимальное значение индекса («100») соответствует минимальному уровню коррумпированности, а минимальное значение («0») – его максимальному уровню. Для трансформации данного индекса в индекс коррумпированности значения CPI были вычтены из 100. Кроме того, для обеспечения сопоставимости индекса коррумпированности за периоды 1995–2011 и 2012–2015 гг. полученное число было поделено на десять.

В качестве контрольной независимой переменной использовался показатель ВВП на душу населения по паритету покупательной способности с 1960 по 2016 г. в постоянных долларах 2011 г. (World Bank 2017).

В качестве зависимой переменной была взята переменная *CNTS domestic7* базы данных *CNTS (Cross National Time Series)*². Эта переменная имеет несколько вводящее в заблуждение название *Revolutions* («Революции»). К «Революциям» (*Revolutions, domestic7*) система *CNTS* относит «любые незаконные или связанные с

² База данных *Cross National Time Series (CNTS)* является результатом работы по сбору и систематизации данных, начатой Артуром Банксом (Banks, Wilson 2017) в 1968 г. в Университете штата Нью-Йорк в Бингемтоне на основе обобщения архива данных *The Statesman's Yearbook*, публикуемого с 1864 г. В базе данных содержатся около 200 переменных для более чем 200 стран, годовые значения переменных начиная с 1815 г. В ней исключены периоды двух мировых войн 1914–1918 и 1939–1945 гг. База данных *CNTS* структурирована по разделам и содержит статистические данные по территории и населению страны, информации по использованию технологий, экономические и электоральные данные, информацию по внутренним конфликтам, использованию энергии, промышленной статистике, военным расходам, международной торговле, урбанизации, образованию, занятости, деятельности законодательных органов и т. п.

принуждением изменения в правящей элите, а также любые попытки таких изменений» (Banks, Wilson 2017: 12).

Таким образом, эта категория включает в себя не только и не столько революции³, сколько перевороты и попытки переворотов. То есть по сути речь идет о любой насильственной смене руководства той или иной страны или попытках такой смены. Поэтому в данной статье речь пойдет о коррупции как факторе насильственной смены руководства страны (как революционным путем, так и путем переворотов), который может рассматриваться в качестве одного из важнейших проявлений политической нестабильности.

В данном случае классическая линейная регрессия не является адекватным инструментом анализа, потому что допущения МНК в нашем случае не соблюдаются (прежде всего распределение зависимой переменной вызывающе далеко от нормального). Поэтому в качестве основных методов нами были использованы множественная биномиальная логистическая регрессия, а также корреляционный подецильный анализ⁴.

Тесты

Для проверки гипотезы о том, что коррумпированный режим оказывается менее прочным, чем некоррумпированный, воспользуемся биномиальной логистической регрессией (см. Табл. 1).

Табл. 1. Результаты биномиальной логистической регрессии для попыток насильственной смены руководства страны и для индекса коррумпированности

	<i>Зависимая переменная: cnts_domestic7_2</i>
Corruption	1,777***
	(0,057)
Константа	0,003***
	(0,406)
Наблюдения	2,539
Log Likelihood	-756,719
Akaike Inf. Crit.	1,517.437

Примечание: * $p < 0,1$, ** $p < 0,05$, *** $p < 0,01$. Зависимая переменная cnts_domestic7_2: «0» – отсутствие, «1» – наличие; независимая переменная – corruption.

³ Нашу сводку определений революции см., например: Гринин, Исаев, Коротаев 2016.

⁴ Дело в том, что подецильная группировка позволяет нормализовать распределение.

Из результатов тестирования видно, что между уровнем коррумпированности режима и вероятностью его насильственной смены существует статистически значимая связь. При этом при увеличении индекса коррумпированности на один пункт вероятность осуществления государственного переворота или попытки переворота увеличивается в 1,77 раза.

Проведем теперь тест с использованием другого способа нормализации данных, а именно – при помощи подецильного линейного регрессионного анализа (см. Рис. 1).

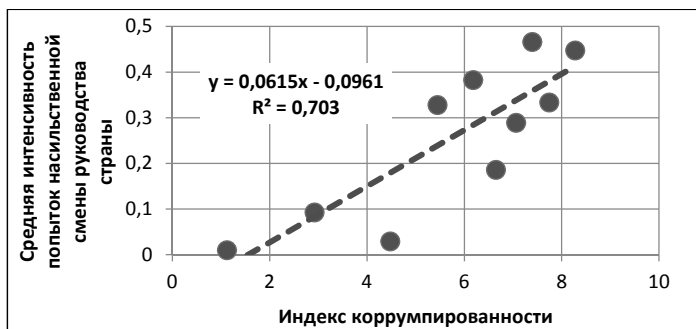

Рис. 1. Корреляция индекса коррумпированности со средней интенсивностью попыток насильственной смены руководства страны (Corruption... 2017) на соответствующий год, 1995–2015 гг., диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии (Banks, Wilson 2017)

Примечание: $r = 0,838$, $R^2 = 0,703$, $p = 0,01$ (односторонний тест значимости).

При подецильном анализе корреляция между индексом коррупции и интенсивностью попыток насильственной смены руководства страны оказывается откровенно сильной ($r = 0,838$). Если в 10 % строно-лет с самым низким значением индекса коррупции попытки насильственной смены руководства страны фиксируются как один случай в 100 лет (0,01), то в 10 % строно-лет с самым высоким значением индекса коррупции в среднем наблюдается около одной такой попытки каждые два года. В целом же индекс коррупции объясняет 70 % дисперсии интенсивности попыток насильственной смены руководства страны по децилям.

Альтернативным объяснением может служить то, что реальным фактором здесь является не сама коррупция, а уровень душевного

ВВП. Дело в том, что ВВП на душу населения демонстрирует очень тесную отрицательную корреляцию с уровнем коррумпированности соответствующих стран (см. Рис. 2–3).

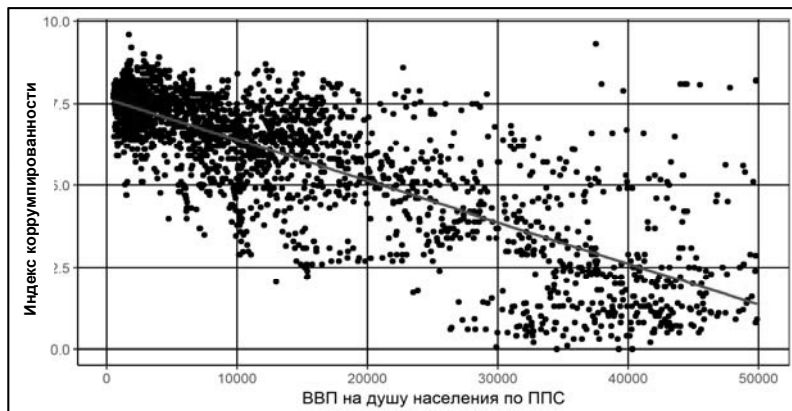

Рис. 2. Корреляция ВВП на душу населения по ППС (в интервале до 50 тыс. долларов) с индексом коррумпированности на соответствующий год, 1995–2015 гг., диаграмма рассеивания с наложенным контуром регрессии

Источники данных: World Bank 2017; Corruption... 2017.

Примечание: $R^2 = 0,63$, $p \ll 0,001$.

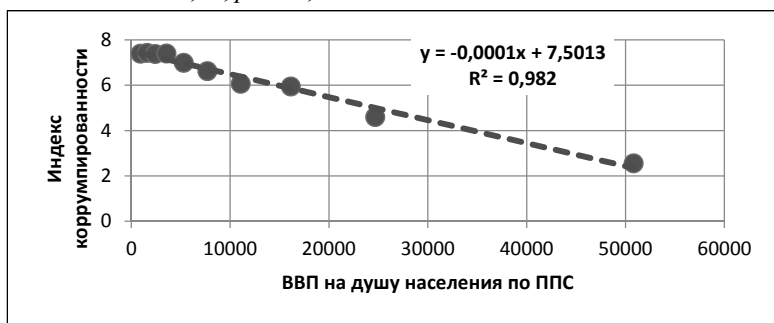

Рис. 3. Подецильная корреляция между ВВП на душу населения по ППС и средним значением индекса коррумпированности на соответствующий год, 1995–2015 гг., диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии

Источники данных: World Bank 2017; Corruption... 2017.

Примечание: $r = 0,991$, $R^2 = 0,982$, $p \ll 0,001$ (односторонний тест значимости).

Данная тесная отрицательная корреляция не представляется случайной: с одной стороны, уменьшение коррупции способствует ускорению экономического роста страны (см., например: Mauro 1995; Barro 1996; Bardhan 1997; Kaufmann *et al.* 1999; Acemoglu, Robinson 2010; Julio, Yook 2012; Bazzi, Clemens 2013); с другой – экономический рост в долгосрочной перспективе ведет к снижению уровня коррупции. Действительно, целый ряд исследователей отмечает, что коррупция значимо чаще наблюдается в тех случаях, когда государственным служащим выплачивается очень низкая заработная плата и им часто приходится прибегать к сбору взяток, чтобы обеспечить свои семьи. Статистически значимая зависимость между низкой зарплатой чиновников и коррупцией выявлена, например, в кросс-национальном эмпирическом анализе, осуществленном исследователями К. Ван Рийкехем и Б. Ведер, результаты которого выявили, что коррупция значительно выше в тех странах, в которых зарплата чиновников существенно ниже заработной платы на производстве (Van Rijckeghem, Weder 2001). Отметим и исследование российского фонда ИНДЕМ, в ходе которого осуществлялся статистический анализ между переменными, характеризующими уровень оплаты должностных лиц в различных странах, и переменными, описывающими уровень коррупции и эффективность бюрократии в этих странах (база данных содержала сведения о 47 странах мира и включала 51 переменную); оно выявило, что коррупция имеет тенденцию уменьшаться при повышении заработной платы служащих: большая часть исследованных переменных, характеризующих уровень коррупции, дала значимо высокую отрицательную групповую корреляцию с переменной «зарплата чиновника» (ИНДЕМ 2002). В более богатых странах появляется возможность установить обладателям коррупциогенных должностей жалование, однозначно обеспечивающее достойный уровень жизни, что нередко ведет к снижению уровня коррупции (см., например: Mauro 1998a; 1998b; UNODC 2004: 51–52, 120–132; Коротаев, Халтурина 2008: 181–201).

С другой стороны, достаточно давно известно о довольно сильной отрицательной корреляции между подушевым ВВП и интенсивностью попыток насильственной смены руководства страны⁵ (Belkin, Schofer 2003; Bouzid 2011; Коротаев, Васькин, Билюга 2017; Коротаев, Гринин и др. 2017: 59–63; см. также Рис. 4).

⁵ Речь идет прежде всего о государственных переворотах.

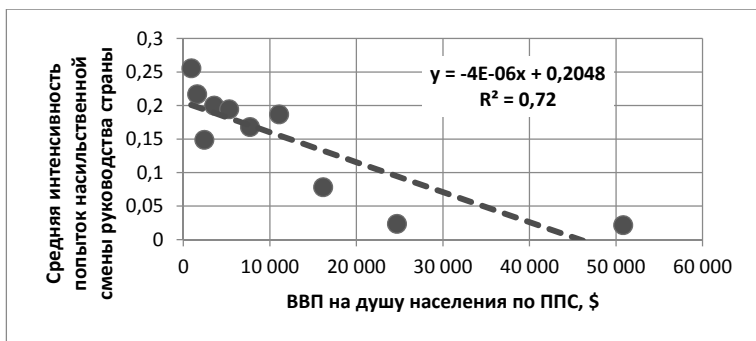

Рис. 4. Корреляция ВВП на душу населения по ППС со средней интенсивностью попыток насильственной смены руководства страны на соответствующий год, 1995–2015 гг., диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии

Источники данных: World Bank 2017; Banks, Wilson 2017.

Примечание: $r = 0,849$, $R^2 = 0,72$, $p = 0,001$ (односторонний тест значимости).

Как мы видим, при подецильном анализе корреляция между ВВП на душу населения по ППС и интенсивностью попыток насильственной смены руководства страны оказывается очень сильной ($r = 0,849$). Если в 10 % стран-лет с самым низким значением ВВП на душу населения попытки насильственной смены руководства страны фиксируются как один случай в 5 лет, то в 10 % стран-лет с самым высоким значением ВВП на душу населения в среднем наблюдается около одной такой попытки в 50 лет. В целом же ВВП на душу населения объясняет 72 % дисперсии интенсивности попыток насильственной смены руководства страны по децилям. Это в целом неудивительно – чем выше ВВП на душу населения, тем больше ресурсов в тенденции в своем распоряжении имеет руководство страны, что не может в перспективе не повышать его устойчивость⁶.

⁶ Вместе с тем если брать только революции (в особенности по модели «центрального коллапса»), корреляция между подушевым ВВП и ними окажется скорее криволинейной, чем отрицательной: «Революции чаще происходят не в самых бедных странах, а в странах со средним уровнем дохода» (Голдстоун 2015: 23; см. также, например: Коротаев, Исаев, Васильев 2015). Дело в том, что для революции, понимаемой как «насильственное свержение власти, осуществляемое посредством массовой мобилизации... во имя социальной справедливости и создания новых политических институтов» (Голдстоун 2015: 15), кроме неустойчивости власти требуется еще и массовая мобилизация, которая в самых бедных странах заметно менее вероятна, чем в странах среднеразвитых (см., например: Коротаев, Васильев, Билюга 2017; Коротаев, Билюга, Шишкина 2016; 2017а; 2017б; Коротаев, Гринин

Биномиальная логистическая регрессия также подтверждает тесную отрицательную связь между ВВП на душу населения и интенсивностью попыток насильственной смены руководства страны (см. Табл. 2).

Табл. 2. Результаты биномиальной логистической регрессии для попыток насильственной смены руководства страны и для логарифма ВВП на душу населения по ППС

	<i>Зависимая переменная: cnts_domestic7_2</i>
log(gdp_per_capita_PPP_WB)	0,490*** (0,048)
Константа	56,961*** (0,394)
Наблюдения	3,816
Log Likelihood	-1,219.874
Akaike Inf. Crit.	2,443.747

Примечание: * $p < 0,1$, ** $p < 0,05$, *** $p < 0,0$. Зависимая переменная cnts_domestic7_2: «0» – отсутствие, «1» – наличие; независимая переменная – log(gdp_per_capita_PPP_WB).

Как мы видим, данная логистическая регрессия позволяет предположить, что при увеличении ВВП на душу населения на один порядок вероятность попытки насильственной смены руководства страны снижается более чем в два раза.

Таким образом, можно выдвинуть гипотезу о том, что интенсивность попыток насильственной смены руководства страны в реальности зависит не от уровня ее коррумпированности, а от уровня экономического развития страны, измеряемого при помощи подушевого ВВП.

Для проверки этой гипотезы используем множественную биномиальную логистическую регрессию с попытками насильственной смены руководства страны в качестве зависимой переменной, а также индексом коррумпированности и ВВП на душу населения в качестве независимых переменных (см. Табл. 3).

и др. 2017: 48–109; Korotayev *et al.* 2017). Это не мешает корреляции между подушевым ВВП и интенсивностью попыток насильственной смены власти оставаться отрицательной (так как революции среди всех успешных попыток насильственной смены руководства страны составляют во всех базах данных лишь небольшой процент).

Табл. 3. Результаты множественной биномиальной логистической регрессии

	<i>Зависимая переменная:</i> cnts_domestic7_2
Corruption	1,655 ^{***} (0,068)
log(gdp_per_capita_PPP_WB)	0,844 ^{**} (0,075)
Константа	0,019 ^{***} (0,975)
Наблюдения	2,499
Log Likelihood	-743,487
Akaike Inf. Crit.	1,492,974

Примечание: * $p < 0,1$, ** $p < 0,05$, *** $p < 0,01$. В модели рассматривались три переменных: в качестве зависимой – дихотомизированная переменная, отвечающая за попытки насильственной смены руководства страны (cnts_domestic7_2), в качестве независимых – индекс коррумпированности (corruption) и логарифм ВВП на душу населения (log gdp_per_capita_PPP_WB).

Как мы видим, индекс коррумпированности в высшей степени успешно выдерживает контроль на подушевой ВВП. При добавлении этого контроля сила индекса коррумпированности уменьшается незначительно: то есть увеличение индекса на один пункт приводит к росту вероятности попытки насильственной смены режима не на 77 %, а на 65 %, а вот при контроле на коррумпированность увеличение подушевого ВВП на один порядок вызывает уменьшение вероятности попытки насильственной смены руководства страны уже не на 51 %, а на 16 %.

Таким образом, скорее отрицательную корреляцию между подушевым ВВП и интенсивностью попыток насильственной смены руководства страны следует объяснять тем, что экономический рост в долгосрочной тенденции сопровождается (в силу разного рода причин) уменьшением уровня коррумпированности, нежели наоборот.

Для оценки потенциала снижения коррупции как возможного средства укрепления политической стабильности сделаем ту же самую множественную биномиальную логистическую регрессию, заменив индекс коррумпированности на 10-балльный индекс вос-

приятия коррупции *Transparency International*, где 10 баллов означают предельно низкий уровень коррумпированности (см. Табл. 4).

Табл. 4. Результаты множественной биномиальной логистической регрессии

	Зависимая переменная: cnts_domestic7_2
non_corruption	0,604 ^{***} (0,068)
log(gdp_per_capita_PPP_WB)	0,844 ^{**} (0,075)
Константа	2,971 [*] (0,562)
Наблюдения	2 499
Log Likelihood	-743,487
Akaike Inf. Crit.	1,492,974

Примечание: * $p < 0,1$, ** $p < 0,05$, *** $p < 0,01$. В модели рассматривались три фактора: в качестве зависимой переменной дихотомизированная переменная, отвечающая за попытки насильственной смены руководства страны (cnts_domestic7_2), индекс восприятия коррупции *Transparency International*, 10-балльная шкала (non_corruption) и логарифм ВВП на душу населения log(gdp_per_capita_PPP_WB).

Как мы видим, повышение позиции страны в рейтинге *Transparency International* на один пункт (при контроле на подушевой ВВП) сопровождается снижением вероятности попыток насильственной смены руководства страны почти на 40 %, что имеет эффект заметно более высокий, чем повышение подушевого ВВП на один порядок.

* * *

Проведенный нами количественный анализ позволяет прийти к выводу о том, что уровень коррумпированности действительно является мощным статистически значимым предиктором вероятности попыток насильственной смены руководства страны (напомним, что в нашем случае мы имеем в виду и успешные, и неудачные попытки, совершенные как революционным путем, так и с помощью заговоров и переворотов). При этом гипотеза о том, что первопричиной здесь является рост подушевого ВВП (для которого также

наблюдается очень сильная отрицательная корреляция с интенсивностью попыток насильственной смены руководства страны), не подтвердилась. Проведенный анализ заставляет предполагать, что мы имеем дело скорее с противоположной направленностью – рост ВВП отрицательно коррелирует с вероятностью попыток насильственной смены руководства страны в очень высокой степени из-за того, что он в долгосрочной тенденции сопровождается снижением коррумпированности. Наш анализ также позволяет предполагать, что снижение коррупции может быть достаточно мощным средством укрепления политической стабильности. Действительно, повышение позиции страны в рейтинге *Transparency International* на один пункт (при контроле на подушевой ВВП) сопровождается снижением вероятности попыток насильственной смены руководства страны почти на 40 %, что имеет эффект заметно более высокий, чем повышение подушевого ВВП на один порядок.

Библиография

- Асанбеков М. К. 2012. Коррупция – мать революций. *Время востока* 7 января. URL: <http://www.easttime.ru/analytic/2/4/1033.html> (дата обращения: 04.08.2017).
- Голдстоун Д. А. 2015. *Революции. Очень краткое введение*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2016. *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. 2-е изд. М.: Учитель.
- Египетские страдания. 2011. *Евроьюс* 25 января. URL: <http://ru.euronews.net/2011/01/25/discontent-simmers-in-egypt/>.
- ИНДЕМ. 2002. Заработная плата и коррупция: как платить российским чиновникам? *Аналитический доклад*. ИНДЕМ. М. URL: http://www.anticorr.ru/indem/2002salary_corruption.htm.
- Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. 2016. ВВП на душу населения, уровень протестной активности и тип режима: опыт количественного анализа. *Сравнительная политика* 4(26): 72–94.
- Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. 2017а. ВВП на душу населения, интенсивность антиправительственных демонстраций и уровень образования. Кросс-национальный анализ. *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз* 1(84): 127–143.
- Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. 2017б. Экономический рост и социально-политическая дестабилизация: опыт глобального анализа. *Полис. Политические исследования* 2: 155–169.

- Корогаев А. В., Васькин И. А., Билюга С. Э. 2017.** Гипотеза Олсона – Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа. *Социологическое обозрение* 16(1): 9–49.
- Корогаев А. В., Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Билюга С. Э., Васькин И. А., Слинко Е. В., Шишкина А. Р., Мещерина К. В. 2017.** *Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы.* М.: Учитель.
- Корогаев А. В., Исаев Л. М., Васильев А. М. 2015.** Количественный анализ революционной волны 2013–2014 гг. *Социологические исследования* 8: 119–127.
- Корогаев А. В., Халтурина Д. А. 2008.** *Современные тенденции мирового развития.* М.: URSS.
- Янковая Н. 2011.** Беспорядки «заморозили» экономику Египта. *Вестн* 12 февраля. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=427997&m=1&photo=1>.
- Acemoglu D., Robinson J. 2010.** *The Role of Institutions in Growth and Development.* N. p.: World Bank Publications.
- Aidt T. S. 2016.** Rent Seeking and the Economics of Corruption. *Constitutional Political Economy* 27(2): 142–157.
- Akçomak İ. S., ter Weel B. 2012.** The Impact of Social Capital on Crime: Evidence from the Netherlands. *Regional Science and Urban Economics* 42(1): 323–340.
- Arin K. P. et al. 2011.** Why are Corrupt Countries less Successful in Consolidating their Budgets? *Journal of Public Economics* 95(7): 521–530.
- Ariu A., Squicciarini M. P. 2013.** The Balance of Brains – Corruption and Migration. *EMBO Reports* 14(6): 502–504.
- Asaju K., Arome S., Anyio S. F. 2014.** The Rising Rate of Unemployment in Nigeria: the Socio-Economic and Political Implications. *Global Business and Economics Research Journal* 3(2): 12–32.
- Banks A. S., Wilson K. A. 2017.** *Cross-National Time-Series Data Archive.* Databanks International. Jerusalem, Israel. URL: <http://www.databanksinternational.com> (accessed: 02.09.2017).
- Bardhan P. 1997.** Corruption and Development: a Review of Issues. *Journal of Economic Literature* 35(3): 1320–1346.
- Barro R. J. 1996.** *Determinants of Economic Growth: a Cross-Country Empirical Study.* N. p.: National Bureau of Economic Research.
- Bazzi S., Clemens M. A. 2013.** Blunt Instruments: Avoiding Common Pitfalls in Identifying the Causes of Economic Growth. *American Economic Journal: Macroeconomics* 5(2): 152–186.

- Belkin A., Schofer E. 2003.** Toward a Structural Understanding of Coup Risk. *Journal of Conflict Resolution* 47(5): 594–620.
- Bertrand M., Luttmer E. F. P., Mullainathan S. 2000.** Network Effects and Welfare Cultures. *The Quarterly Journal of Economics* 115(3): 1019–1055.
- Bicchieri C., Rovelli C. 1995.** Evolution and Revolution: The Dynamics of Corruption. *Rationality and Society* 7(2): 201–224.
- Bisin A., Verdier T. 2010.** *The Economics of Cultural Transmission and Socialization*. N. p.: National Bureau of Economic Research.
- Borjas G. J. 1992.** Ethnic Capital and Intergenerational Mobility. *The Quarterly Journal of Economics* 107: 123–150.
- Bouzid B. 2011.** Using a Semi-Parametric Analysis to Understand the Occurrence of Coups d'état in Developing Countries. *International Journal of Peace Studies* 16(1): 53–79.
- Buehn A., Schneider F. 2009.** *Corruption and the Shadow Economy: a Structural Equation Model Approach*. URL: <http://ftp.iza.org/dp4182.pdf>.
- Buonanno P., Montolio D., Vanin P. 2009.** Does Social Capital Reduce Crime? *The Journal of Law and Economics* 52(1): 145–170.
- Casal S. S. 2015.** Cybersociety and Public Debate in 140 Characters: #Unemployment and #Corruption. *Athenea Digital* 15(3): 47–84.
- Case A. C., Katz L. F. 1991.** *The Company you Keep: The Effects of Family and Neighborhood on Disadvantaged Youths*. N. p.: National Bureau of Economic Research. No. 3705.
- Corruption Perception Index. 2017.** URL: <http://www.transparency.org/research/cpi/> (дата обращения: 02.09.2017).
- Della Porta D., Vannucci A. 1997.** The 'Perverse Effects' of Political Corruption. *Political Studies* 45(3): 516–538.
- Dimant E., Krieger T., Meierrieks D. 2013.** The Effect of Corruption on Migration, 1985–2000. *Applied Economics Letters* 20(13): 1270–1274.
- Dzhumashev R. 2014.** The Two-Way Relationship between Government Spending and Corruption and its Effects on Economic Growth. *Contemporary Economic Policy* 32(2): 403–419.
- Goldstone J. 2014.** Protests in Ukraine, Thailand and Venezuela: What Unites Them? *Russia Direct*. URL: <http://www.russia-direct.org/content/protests-ukraine-thailand-and-venezuela-what-unites-them>.
- Goldstone J. A. 2011.** Understanding the Revolutions of 2011: Weakness and Resilience in Middle Eastern Autocracies. *Foreign Affairs* 90: 8–16.
- Gould D. J., Amaro-Reyes J. A. 1983.** *The Effects of Corruption on Administrative Performance*. World Bank Staff Working Paper 580.

- Granovetter M. 2007.** The Social Construction of Corruption. *On Capitalism* / Ed. by V. Nee, R. Swedberg. Stanford: Stanford University Press. Pp. 152–172.
- Hessami Z. 2014.** Political Corruption, Public Procurement, and Budget Composition: Theory and Evidence from OECD Countries. *European Journal of Political Economy* 34: 372–389.
- Ionescu L. 2012.** Corruption, Unemployment, and the Global Financial Crisis. *Economics, Management and Financial Markets* 7(3): 127–133.
- Julio B., Yook Y. 2012.** Political Uncertainty and Corporate Investment Cycles. *The Journal of Finance* 67(1): 45–83.
- Kaufmann D., Kraay A., Zoido-Lobaton P. 1999.** *Governance Matters', World Bank Policy Research Working Paper*. No. 2196. Washington, DC: World Bank.
- Khestanov R. 2017.** Corruption and Revolution as Structural Foundations for the Fiction of State Interest (Raison d'État). *Russian Journal of Philosophy & Humanities* 1: 73–90.
- Korotayev A., Grinin L., Bilyuga S., Meshcherina K., Shishkina A. 2017.** Economic Development, Socio-political Destabilization and Inequality. *The Russian Sociological Review* 16(3): 9–35.
- Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. 2015.** Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013–2014: A Cross-National Analysis. *Cross-Cultural Research* 49(5): 461–488.
- Krueger A. O. 1974.** The Political Economy of the Rent-Seeking Society. *The American Economic Review* 64(3): 291–303.
- Kupatadze A. 2012.** Explaining Georgia's Anti-Corruption Drive. *European Security* 21(1): 16–36.
- Mauro P. 1995.** Corruption and Growth. *The Quarterly Journal of Economics* 110(3): 681–712.
- Mauro P. 1998a.** Corruption: Causes, Consequences, and Agenda for Further Research. *Finance and Development* 35(1): 11–14.
- Mauro P. 1998b.** Corruption and the Composition of Government Expenditure. *Journal of Public Economics* 69(2): 263–279.
- Méon P. G., Weill L. 2010.** Is Corruption an Efficient Grease? *World Development* 38(3): 244–259.
- Mocan N. 2008.** What Determines Corruption? International Evidence from Microdata. *Economic Inquiry* 46(4): 493–510.
- Sacerdote B. 2001.** Peer Effects with Random Assignment: Results for Dartmouth Roommates. *The Quarterly Journal of Economics* 116(2): 681–704.
- Schneider F. 2015.** Does Corruption Promote Emigration? *IZA World of Labor*. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/125422/1/iza-wol-192.pdf>.

- Scott E. 2007.** Georgia's Anti-Corruption Revolution. *Organized Crime and Corruption in Georgia* / Ed. by E. Scott, A. Latta. London: Routledge.
- Stangler D., Litan R. E. 2011.** In Egypt, will an Economic Revolution Follow? URL: <http://www.inc.com/articles/201102/egypt-entrepreneurial-revolution.html>.
- Tiihonen S. 2003.** Central Government Corruption in Historical Perspective. *The History of Corruption in Central Government* / Ed. by S. Tiihonen. Amsterdam: IOS Press.
- Topa G. 2001.** Social Interactions, Local Spillovers and Unemployment. *The Review of Economic Studies* 68(2): 261–295.
- Travis J. 2005.** *But They All Come Back: Facing the Challenges of Prisoner Reentry*. N. p.: The Urban Insite.
- Umaru A. et al. 2013.** Relationship between Crime Level, Unemployment, Poverty, Corruption and Inflation in Nigeria. *Global Advanced Research Journal of Management and Business Studies* 2(8): 411–422.
- UNODC. 2004.** *United Nations Office on Drugs and Crime. UN Anti-Corruption Toolkit*. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime.
- Van Rijckeghem C., Weder B. 2001.** Bureaucratic Corruption and the Rate of Temptation: do Wages in the Civil Service Affect Corruption, and by How Much? *Journal of Development Economics* 65(2): 307–331.
- World Bank. 2017.** *World Development Indicators Online*. Washington, DC: World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD> (дата обращения: 02.09.2017).

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ. РИСКИ ТРАНЗИТА ВЛАСТИ В СТАРЕЮЩИХ РЕЖИМАХ*

Е. А. Иванов, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина

Статья посвящена анализу реализуемых моделей транзита в государствах постсоветской Центральной Азии. В декабре 2016 г. центральноазиатские государства отпраздновали двадцатипятилетие своей независимости от СССР. За четверть века авторитарные режимы исчерпали возможности для новаций в рамках авторитаризма и сталкиваются с необходимостью транзита власти от нынешних правителей новому поколению лидеров. Поскольку в авторитариях, в отличие от демократий, не существует универсальных отработанных моделей передачи власти, этот процесс может стать триггером для социального раскола государства. Наибольшие риски внутривластной дестабилизации, связанные с транзитом, вероятны в Казахстане и Таджикистане, где с 2015 г. началась подготовка к переходному периоду.

Старые правители – новые риски

Постсоветская Центральная Азия традиционно считается одной из зон нестабильности. Среди основных причин таких оценок можно выделить высокую этническую фрагментацию, нерешенность вопросов с окончательной демаркацией государственных границ и использованием водных ресурсов, близость к Афганистану, наркотрафик, структурно-демографические проблемы и ползучую радикальную исламизацию региона (см., например: Коротаев и др. 2011; 2013; Ходунов и др. 2012).

При этом новые вызовы стабильности региона лежат в плоскости назревающих транзитов власти, прежде всего в Казахстане и Таджикистане. Несмотря на жесткий авторитарный характер правления и подавление оппозиционных сил, внутривластная обстановка в государствах региона остается крайне напряженной. В таких условиях возникновение вакуума власти или неспособность нового лидера поддерживать порядок может спровоцировать серьезный социально-политический кризис.

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-06-00476).

В декабре 2016 г. центральноазиатские государства отпраздновали двадцатипятилетие своей независимости от СССР. Формально страны региона считаются молодыми политиями, недавно возникшими на политической карте мира. Однако с точки зрения возраста политических режимов страны Центральной Азии можно отнести к категории стареющих. Персоналистское правление во всех республиках установилось одновременно с обретением независимого статуса, корнями уходя в позднесоветский период.

Первые президенты Казахстана, Узбекистана, Туркмении и Таджикистана занимали должности первых секретарей ЦК Компартии своих стран и были членами Политбюро ЦК КПСС. Лишь А. Акаев, первый глава Кыргызстана, был выходцем из академической среды, избравшись в ЦК КПСС за несколько месяцев до учреждения должности президента Киргизской ССР.

На данный момент (декабрь 2017 г.) единственным действующим лидером, руководящим с советских времен, остается президент Казахстана Н. Назарбаев, который занял пост первого секретаря ЦК Компартии Казахстана в июне 1989 г. Таким образом, Елбасы единолично возглавляет государство на протяжении 28,5 лет.

И. Каримов получил назначение первым секретарем Узбекской ССР на день позже Назарбаева. Каримов первым из глав центральноазиатских республик был избран местным Верховным Советом на пост президента. На момент смерти узбекского лидера его руководящий стаж составлял более 27 лет.

С. Ниязов начал руководить Туркменской ССР еще раньше – с декабря 1985 г., но вследствие ухудшения состояния здоровья скончался, успев пробыть Верховным главнокомандующим 21 год, 7 из которых – в статусе пожизненного президента. Его преемник на посту – Г. Бердымухамедов – преодолел отметку в 11 лет своего непрерывного правления, имея все шансы увеличить стаж еще минимум на 6 лет, поскольку следующие выборы планируются в феврале 2024 г.

Нынешний президент Таджикистана Э. Рахмон, в советское время руководивший совхозом, вступил в борьбу за власть уже после распада СССР. Избрание Рахмона президентом состоялось в ноябре 1994 г. в разгар Гражданской войны (1992–1997). Позднее вызов власти Рахмона, который на раннем этапе играл роль компромиссной фигуры, одобренной влиятельными полевыми командирами, не раз бросали мятежные генералы: М. Худойбердыев (1996–1998), А. Рахимов (1997) и А. Назарзода (2015). Усиление

личной власти Рахмона началось уже после завершения конфликта в 1999 г., когда таджикский лидер сначала продлил срок президентских полномочий с 4 до 7 лет, а затем выиграл президентские выборы. Таким образом, Э. Рахмон удерживает власть в стране уже более 23 лет.

В Кыргызстане 14-летний период правления А. Акаева завершился так называемой «тюльпановой революцией», в результате которой президент был вынужден покинуть страну. На место Акаева пришел новый автократ – К. Бакиев, также свергнутый в ходе волны протестов в 2010 г. После череды революций в Кыргызстане делаются попытки развернуть страну в сторону демократического пути развития. Однако зафиксировать успехи прошлых лет, консолидировав демократию, пока не удается.

Табл. 1. Возраст действующих лидеров, вероятных преемников и институциональные рамки горизонта транзита

Страна	Действующий глава государства	Возраст лидера	Возрастной ценз кандидата в президенты	Планируемые выборы
Казахстан	Назарбаев	77 лет	Не моложе 40	2020
Кыргызстан	Жээнбеков	59 лет	Не моложе 35 и не старше 70	2023
Таджикистан	Рахмон	65 лет	Не моложе 30	2020
Туркменистан	Бердымухамедов	60 лет	Не моложе 40 и не старше 70	2024
Узбекистан	Мирзиязев	60 лет	Не моложе 35	2021

Более чем за четверть века авторитарные правители успели опробовать широкий инструментарий политических маневров для удержания власти в своих руках, начиная от безальтернативных выборов до продления полномочий через референдум, увеличения президентских сроков, присвоения статуса национального лидера и последующей отмены ограничений на общее количество президентских сроков для одного лица.

Изменение правил игры в таком ключе центрирует систему под конкретного лидера, делая из автократа несущую ось всей политической конструкции. При этом сама система утрачивает вариативность и возможность к адаптации, смещается ее баланс, снижая общую устойчивость. Как следствие, в случае ухода лидера система становится крайне уязвимой, если вакуум власти не будет оперативно заполнен новым лидером сопоставимого масштаба.

В демократических системах выборы при всех недостатках избирательных процессов выполняют роль своевременной ротации элит. Это предупреждает ситуации неопределенности, поскольку избирательные кампании длятся продолжительный период, за время которого электорат имеет возможность ознакомиться с программой основных кандидатов, увидеть и оценить их личные качества.

В авторитарных режимах, где выборы не являются механизмом формирования правящего класса, нет четких и отлаженных способов передачи власти. Более того, в режимах гибридного типа необходима определенная легитимация преемника (см., например: Гринин и др. 2015).

Исторически механизмы прямой передачи власти наследнику существовали в монархиях с их порядком престолонаследия, который совершенствовался веками. Кроме того, монархическое устройство по умолчанию наделяет наследника базовым уровнем легитимности, источниками которой служат религия и традиция.

Однако монархия не сводится к правилам передачи власти внутри одной семьи. Монархия подразумевает существование определенного социального порядка, в частности сословного общества со строгим разделением на аристократию, идущую в связке с духовенством, купечество, ремесленников и цеховиков, рабочих и крестьян.

В постсоветской Центральной Азии, несмотря на сохранение элементов традиционного общества, нет ни одного государства, где был бы возможен откат к сословному устройству. Семьдесят лет советской модернизации и четверть века существования в условиях глобализации бесповоротно изменили центральноазиатские общества, даже такие закрытые, как туркменское.

Поэтому для нынешних лидеров стран Центральной Азии есть два варианта – открытые конкурентные выборы демократического типа или же авторитарный транзит преемнику. В большинстве случаев выборы в Центральной Азии служат для публичного оформления фактически принятых решений о перераспределении власти в стране. В этом они повторяют голосование на безальтернативной основе, существовавшее в СССР, где явка и доля голосов за единственного кандидата редко опускались ниже 90 %.

В то же время после распада СССР институт выборов показал свою жизнеспособность. Первые свободные выборы в бывших советских республиках работали в целом так же, как и в западных демократиях, что говорит о возможности реанимировать данный

институт практически в любом сообществе. На сегодняшний день лишь в Кыргызстане, где сохраняется реальная электоральная конкуренция, есть шанс на сохранение демократической модели передачи власти.

Для остальных государств наиболее вероятным инструментом станет транзит. В целом такой способ не чужд центральноазиатским государствам, поскольку в СССР транзит был общепринятой моделью, однако, в отличие от СССР, в современных режимах Центральной Азии нет таких укорененных политических институтов, каким была Коммунистическая партия. Единственными структурированными и устойчивыми группами в регионе, определяющими ход политических процессов, остаются кровнородственные объединения – семья, клан, племя (Collins 2006), которые будут задавать вектор транзита. Передача власти от отца к сыну «не гарантирует спокойного наследования власти, тем не менее он кажется самым мирным из всех прочих методов» (Tullock 2012: 161–162). В доказательство этого можно привести политические кризисы периода Арабской весны, когда среди государств с наследственной моделью передачи власти серьезно пострадали Бахрейн и Сирия, тогда как среди стран, где такой подход не практикуется или не успел установиться, обострение произошло в Египте, Тунисе, Ливии, Йемене и Алжире (Brownlee *et al.* 2013). Если принимать во внимание все преимущества и сложности, возникающие при таком способе передачи власти, залогом сохранения режима и стабильности являются: 1) реформирование самой политической системы с акцентом на усиление институтов; 2) подготовка нового поколения лидеров; 3) формирование устойчивой коалиции, способной обеспечить транзит без усиления внутриэлитной борьбы; 4) возможности режима извлекать ресурсную ренту.

Далее будут рассмотрены казусы осуществившихся транзитов на постсоветском пространстве и дана оценка возможности применения данного опыта при будущих транзитах в странах Центральной Азии.

Модели транзита

Передача власти наследнику в современных авторитарных режимах – явление не уникальное. Например, в 2006 г. Национально-демократическая партия Египта рассматривала возможность выдвинуть кандидатом в президенты сына Х. Мубарака – Гамалея. В Северной Корее власть передается внутри семьи Ким уже не-

скольких десятилетий. Сюда же можно добавить казусы Сингапура в 2004 г. и Того в 2005 г. (Brownlee 2007). Г. Таллок приводит примеры семейств Сомоса в Никарагуа и Трухильо в Доминиканской Республике (2012).

На данный момент на постсоветском пространстве произошло три значительных транзита власти в условиях авторитаризма.

Первый – семейный, был реализован в 2003 г. в Азербайджане. Тогда испытывающий проблемы со здоровьем президент страны Г. Алиев, на протяжении 10 лет руководивший Азербайджаном, не смог продолжать активное участие в президентской кампании. Эта задача легла на его сына Ильхама, который к тому моменту имел значительный опыт работы в крупнейшей нефтяной компании SOCAR и депутатском корпусе Милли Меджлиса. В связи с ухудшением состояния старшего Алиева последний «в ручном режиме» смог добиться назначения своего сына на пост премьер-министра, что в соответствии со 105-й статьей конституции республики (Конституция Республики Азербайджан 2017) делало И. Алиева временно исполняющим обязанности президента в случае недееспособности Алиева-старшего. При этом лояльный клану Алиевых премьер-министр Артур Расизаде стал первым заместителем Алиева-младшего на новом посту, выполняя роль наставника и фактического куратора работы правительства. За две недели до выборов Г. Алиев снял свою кандидатуру с выборов в пользу сына. Ильхам достаточно уверенно выиграл выборы в условиях возросшего давления оппозиции, став новым президентом. Артур Расизаде был возвращен на должность премьера, которую занимает до сих пор, что доказывает сохранение режимной конструкции, выстроенной Г. Алиевым, с одной лишь заменой – отца на сына.

Неизвестно, как развивался бы сценарий транзита в Азербайджане, если бы не тяжелая болезнь Г. Алиева. Тем не менее передача власти прошла успешно. В пользу такого исхода сыграли следующие факторы: 1) имя и влияние Г. Алиева; 2) связь Алиева-младшего с крупным бизнесом (прежде всего нефтяным); 3) семейный союз с влиятельным кланом Пашаевых (через брак Ильхама Алиева и Мехрибан Пашаевой), позднее усиленный через назначение Мехрибан первым вице-президентом республики; 4) солидный опыт работы Алиева-младшего в госструктурах; 5) благоприятный фон (мировые цены на нефть начали расти). В связи с этим не исключено, что при соблюдении условий власть и дальше будет передаваться членам семьи Алиевых – Пашаевых, а опыт данной мо-

дели транзита будет использоваться автократами постсоветских государств.

Второй транзит – трайбалистский, происходил в Туркменистане с декабря 2006 по февраль 2007 г. После внезапной кончины первого главы Туркменистана С. Ниязова на период до внеочередных выборов власть должна была перейти к председателю Меджлиса. На тот момент председателем парламента был экс-председатель Верховного суда республики Овезгельды Атаев. Однако вместо наделения Атаева статусом и. о. президента против него было возбуждено уголовное дело, повлекшее отстранение от должности и арест. Вместе с этим в Туркменинии состоялось оперативное совещание правительства и Государственного Совета безопасности, которые совместно назначили вице-преьера Г. Бердымухамедова и. о. президента, что по закону лишало его возможности баллотироваться на президентский пост. Тем не менее высший представительный орган Туркмениии – Народный Совет – одобрил кандидатуру Бердымухамедова. Через полтора месяца на внеочередных выборах Г. Бердымухамедов с внушительным перевесом обошел пятерых соперников (по сути, технических, поскольку представители реальной оппозиции Н. Ханамов и Х. Оразов до выборов так и не были допущены). Этой победой Бердымухамедов закрепил ведущие позиции за своим племенем ахалтеке, которое, по сути, является выигрышной коалицией действующего президента. При С. Ниязове, зачистившем ключевые посты от чарджоуского, балканского, марыйского и других кланов, ахалтекинцы ощутимо продвинулись в органах государственной власти, силовых структурах и бизнесе, поэтому были заинтересованы в победе своего ставленника, чтобы не допустить передела власти и собственности.

Члены семьи С. Ниязова, в частности сын Мурад, имеют смешанное происхождение, что заведомо ослабляло их позиции в обществе с традиционными установками, и они долгое время проживали за границей. Посему Ниязовы предпочли не вмешиваться в процесс передачи власти новому президенту.

Факторы успеха Г. Бердымухамедова следующие: 1) приближенность Бердымухамедова к Ниязову; 2) высокий статус вице-преьера, который он делил с прочими вице-преьерами, поскольку кабинет министров Ниязов как президент возглавлял лично; 3) одобрение его кандидатуры влиятельным племенем ахалтеке; 4) доминирование ахалтекинцев во властных структурах, прежде всего силовых; 5) поддержка силовиков во время переходного пе-

риода до выборов; б) предвыборная программа, построенная на развенчании культа личности С. Ниязова с целью предотвратить рост общественного недовольства в связи с захватом власти Г. Бердымухамедовым.

Третий сценарий – патронально-клановый, он произошел в Узбекистане в сентябре 2016 г. в связи со смертью И. Каримова. После конфликта старшей дочери Каримова Гульнары с главой Службы национальной безопасности Р. Иноятовым претендовавшая на лидерство Гульнара утратила доверие отца и была выведена из числа возможных преемников. Младшая дочь Лола и ее муж Тимур Тилляев концентрируются на управлении бизнес-активами. Ключевыми в бизнес-империи Каримовых – Тилляевых являются рынок «Абу Сахий» и транспортная компания *Silk Road*. В случае транзита власти Каримовы – Тилляевы рассчитывали на поддержку криминального олигарха С. Абдувалиева. Главным условием были гарантии сохранения за семьей Каримова контроля над бизнесом и личная безопасность.

Учитывая невозможность передать власть члену семьи, И. Каримов на протяжении 15–20 лет вел подготовку и отбор преемников. Кроме того, Каримов понимал, что криминальные олигархи и кланы-землячества будут поддерживать близкие к ним кандидатуры. Поэтому наиболее вероятными выглядели кандидатуры прозападного министра финансов из ташкентского клана Р. Азимова и более традиционного «самаркандца» Ш. Мирзияева, бессменного премьера на протяжении 13 лет. Последний пользовался поддержкой условного «ташкентца» Р. Иноятова, что сыграло решающую роль в ходе транзита. Сам 73-летний глава СНБ имеет проблемы со здоровьем и является абсолютно непубличной фигурой, поэтому содействовал продвижению своего протеже из самаркандского клана Мирзияева, рассчитывая на его управляемость в будущем. Планы Иноятова не оправдались: спустя полгода между ним и Ш. Мирзияевым произошел конфликт. Но транзит уже прошел пиковую фазу, не угрожая Узбекистану дестабилизацией. Укрепившись на президентском посту, Мирзияев убрал со значимых постов бывшего визави Р. Азимова, а также стал оказывать давление на семью И. Каримова и силовой блок ташкентского клана, возглавляемого Иноятовым. Выигрышной коалицией Мирзияева стал самаркандский клан, который рассчитывал на возрождение после равноудаленной политики Каримова.

Среди причин успеха Мирзияева можно перечислить следующие: 1) полная лояльность Ш. Мирзияева к И. Каримову; 2) при-

надлежность к сильному самаркандскому клану, к которому формально принадлежал Каримов и который значительно представлен в МВД; 3) опора на силовой блок на начальных стадиях транзита; 4) поддержка извне в лице российского олигарха А. Усманова, имеющего родственные связи с Мирзияевым, что позволило новоизбранному президенту выйти из-под патронажа Иноятова и проводить самостоятельную политику; 5) предвыборные обещания либерализации внутренней политики, получившие поддержку у населения.

Суммируя, можно сказать, что, хотя в Азербайджане, Туркменистане и Узбекистане в период транзита ожидалось массовое недовольство, беспорядки и войны элит, на практике во всех трех случаях серьезной дестабилизации внутривнутриполитической обстановки удалось избежать.

На основании опыта этих стран можно выделить основные факторы успешного (здесь основной критерий – сохранение внутривнутриполитической стабильности) транзита в условиях авторитаризма. Во-первых, это вовлечение в процесс силовых структур. Во-вторых, наличие подготовленного преемника, которого поддерживает выигравшая коалиция (силовики + сильный клан/племя), нейтрализация членов семьи прежнего лидера.

Общий социально-политический фон важен, но не играет решающей роли. Первые выборы И. Алиева прошли в период роста мировых цен на нефть, однако стоимость барреля была далека от максимумов, достигнутых несколькими годами позднее. Бердымухамедов столкнулся с племенными расколами и временным возвращением оппозиции. Ш. Мирзияев был вынужден действовать в не самый благоприятный период – экономического спада в России, эхо которого дошло до Узбекистана. Из-за падения курса рубля по отношению к доллару мигрантам из Узбекистана стало менее выгодно работать в России. Денежные переводы из России помогали трудовым мигрантам содержать семьи на родине, что поддерживало социальную стабильность в самом Узбекистане. Тем не менее Мирзияев смог достичь договоренностей с элитами и предложить программу реформ населению.

Что касается институциональных рамок, то в условиях постсоветского авторитаризма они не играют существенной роли. В режимах, ориентированных на деловые отношения с Западом (Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан), определенные условия соблюдаются, пусть лишь формально. Поэтому Г. Алиев наделил сына премьер-

скими полномочиями, а И. Алиев подготовил аналогичную нишу для своей жены. В Туркмении конституционные нормы были нарушены полностью, а сама конституция впоследствии была переписана с целью устранить подобного рода препятствия для прямого транзита власти в будущем. В Узбекистане формальности были соблюдены лишь отчасти. Председатель Сената Олий Мажлиса Н. Юлдашев в отличие от туркменского коллеги не был арестован и удален с политического поля, но взял самоотвод от исполнения обязанностей президента в пользу Ш. Мирзияева, хотя такой вариант не предусмотрен конституцией. При этом проявивший лояльность Юлдашев смог сохранить свой пост при новом главе государства.

Последним фактором, важным при транзите власти, является донесение преемником своей программы до населения. Сам факт наследования вместо выборов способен спровоцировать недовольство населения. Кроме того, в авторитарных режимах приход нового правителя, пусть даже недемократическим путем, связывается с изменениями в сторону смягчения политики. Однако либерализация не всегда способствует стабильности. Так, М. Горбачев пытался повысить собственную легитимность через проведение курса на перестройку и объявление политики гласности, что стало внутренним шоком и расшатало основы высокоинституционализированного режима (Anderson, Boettke 1993). Поэтому ни Г. Бердымухамедов в 2007 г., ни Ш. Мирзияев в 2016–2017 гг. не проводили длительных последовательных проектов по либерализации режима, которые были обещаны в транзитный период.

Описав имеющиеся модели транзитов власти и условия их успешной реализации, можно оценить и спрогнозировать, каким образом будут проходить транзиты в ближайшем будущем и какие риски они за собой влекут.

На пороге транзита

Первыми на очереди стоят Казахстан и Таджикистан. Немного больше времени есть в запасе у туркменского лидера. Вероятнее всего, в Таджикистане и Туркмении будет реализован сценарий семейного транзита по примеру Г. Алиева. В этих странах большие семьи лидеров контролируют основные финансово-экономические активы. Потеря власти чревата переделом сфер влияния, как это происходит в Узбекистане и как это было в Кыргызстане. Поэтому не исключено, что в Таджикистане в 2020 г. на выборы пойдут сразу оба – Э. Рахмон и его сын Р. Эмомали.

Важной вехой стали очередные поправки в конституцию республики, вынесенные на всенародный референдум в мае 2016 г. Очередные изменения основного закона снимают ограничение по срокам для лидера нации, каковым стал Э. Рахмон в декабре 2015 г., подписав соответствующий закон. Кроме того, предусматривается введение единого возрастного ценза – 30 лет – для кандидатов в депутаты обеих палат Маджлиси Оли (парламент Таджикистана), судей Верховного, Конституционного и Высшего экономического судов, а также для кандидатов в президенты. Ранее президентом республики не мог стать гражданин моложе 35 лет. Таким образом, старший сын Э. Рахмона Рустам Эмомали, которому на момент запланированных выборов 2020 г. исполнится 33 года, получит законные основания для выдвижения в президенты.

В случае ухода с президентского поста Э. Рахмон автоматически становится сенатором Маджлиси милли с пожизненным сроком полномочий, если добровольно не откажется от этого права. Согласно ст. 71 Конституции РТ, «в случае смерти, отставки, признания Президента недееспособным его обязанности до вступления в должность вновь избранного Президента переходят к Председателю Маджлиси милли» (Конституция Республики Таджикистан 2017). Такой сценарий оставляет за Э. Рахмоном второй по значимости пост в стране и прямой контроль за парламентом.

Р. Эмомали можно назвать подготовленным преемником. Старший сын на госслужбе с 2006 г., в период с 2013 по 2015 г. возглавлял Таможенную службу, а с 2017 г. – председатель (мэр) столицы республики Душанбе. Чтобы высвободить позицию градоначальника для сына, Э. Рахмон снял с этой должности Ш. Зухурова, председателя Палаты Представителей (нижняя палата) парламента, кулябца. Зухуров – старейший представитель депутатского корпуса республики. Его уход стал еще одним сигналом к переустройству режима и смене поколений, которая не сводится только лишь к приведению Рустама в президентское кресло. Старшая дочь Э. Рахмона Озода в 2015 г. стала руководителем исполнительного аппарата президента и готова поддерживать брата во внутривнутриполитической борьбе. Еще одна из дочерей – Рухшона – стала замначальника Управления международных организаций Министерства иностранных дел. Ее быстрое продвижение по дипломатической линии указывает на то, что она может стать куратором внешней политики в стране. Таким образом, Э. Рахмон диверсифицирует обязанности между своими родственниками.

Внедрение семьи в политические структуры в совокупности с последними поправками в конституции указывают на базовый сценарий транзита власти в Таджикистане. Тем не менее вопрос клановой фрагментации в Таджикистане стоит остро и по сей день. Несмотря на доминирование кулябцев, гиссарцы, гармцы и памирцы в любой момент могут оказать жесткое сопротивление. Нерешенными остаются проблемы с узбекским меньшинством и радикальными исламистами. Мятежи полевых командиров и побег омовцев в Сирию говорят о том, что таджикские силовые структуры не монолитны и далеко не лояльны семье Рахмона. На сегодняшний день таджикское общество – самое поляризованное на всем постсоветском пространстве, так что транзитный период может перерасти в масштабный кризис.

Другим фактором риска может стать внутрисемейный конфликт. Перед лицом усиления межклановой конкуренции большой семье Рахмона необходимо консолидироваться вокруг своего выдвиженца. Долгое время семья была опорой Рахмона. Через корпоративно-династические браки таджикский лидер контролирует ключевые сферы в стране. Но время от времени между членами семьи происходят конфликты за прибыльные активы. Наиболее агрессивно по отношению к родственникам ведет себя одна из 7 дочерей – Тахмина. Она отметилась двумя серьезными конфликтами со старшей сестрой Озой за контроль над рыночным бизнесом и с дядей Х. Асадуллозой за финансовый актив «Ориент-банка», через который проходят все денежные операции семьи.

Г. Бердымухамедов также стремится сохранить власть в руках своей семьи, которая контролирует большую часть экономики страны. Поправками в конституцию Бердымухамедов определил горизонт транзита 2028–2031 г., поскольку одно из немногих ограничений для президента – это возрастной ценз (не старше 70 лет). Сейчас туркменский лидер переживает пору политической зрелости, выиграв очередные выборы и получив как минимум 7 лет для подготовки преемника. На момент следующих выборов Г. Бердымухамедову исполнится 66 лет. Скорее всего, последующий срок будет для него последним, так как к его окончанию Аркадагу будет 73 года. Также высока вероятность, что президент покинет свой пост раньше, чтобы в досрочном порядке провести транзит сыну Сердару, который все чаще стал появляться на официальных мероприятиях, встречах с лидерами государств и деловых встречах. Сейчас Сердар получил место в парламенте и сразу же возглавил

законодательный комитет. Большинство преемников из членов семей автократов также начинали свой путь с депутатских кресел. Сердар – единственный сын Бердымухамедова, от которого может зависеть благосостояние всего клана, поэтому правящей коалиции важно уже сейчас подготовить его к руководству страной.

Наиболее высокие риски дестабилизации внутривластной ситуации существуют в Казахстане. Эти негативные ожидания связываются с уходом Н. Назарбаева и последующей передачей власти новому главе государства.

Согласно *Fragile State Index* за 2017 г., Казахстан признан экспертами самым устойчивым государством на постсоветском пространстве после Латвии, Литвы и Эстонии, встроенных в европейское демократическое сообщество (*Fragile... 2017*). В обновленном рейтинге Казахстан занял 113-е место из 178 государств (чем ниже место, тем меньше риски дестабилизации). Первые три позиции занимают Южный Судан, Сомали и Центральная Африка, оказавшиеся на грани состояния *failed state*. В конце списка наименее уязвимые политии: Швеция, Дания, Швейцария, Норвегия и Финляндия.

Проблемными для Казахстана являются вопросы поддержания легитимности (42-е место) режима ввиду его закрытости и отсутствия реальной политической конкуренции. Также риски дестабилизации могут исходить из социальных расколов, существующих в казахстанском обществе. По этому показателю из блока «целостность государства» Казахстан расположился на 48-м месте (*Ibid.*). По другому индикатору этого блока – «фракционализации элит» – среди стран бывшего СССР Казахстан (75-е место) уступает лишь вышеупомянутым государствам Балтии и Армении. Это говорит о том, что элита в значительной мере консолидирована. Лидеру нации Н. А. Назарбаеву удалось реформировать казахстанский истеблишмент. В высших эшелонах власти традиционная для казахского общества *трайбалистская* лояльность уступила место принципам *патрон-клиентских* отношений. Тем не менее после ослабления влияния Назарбаева борьба за власть усилится.

В 2017 г. Н. Назарбаев запустил конституционную реформу по перераспределению полномочий между различными ветвями власти. В результате Казахстан трансформируется от суперпрезидентской модели к президентско-парламентской. Представителем семейных интересов в новой системе может стать старшая дочь Назарбаева – Дарига, которая имеет опыт руководства своей партией и правящей партией «Нур Отан». Через партию Дарига получит

рычаги управления парламентом, которому передали часть контрольных полномочий. В качестве силовой опоры при транзите Назарбаев рассматривает двух своих племянников – С. Абиша и К. Сагыбалды, сделавших карьеры в силовых структурах. Кроме того, аналогом Р. Иноятова может стать К. Масимов, который зависит от благополучия семьи Назарбаева, поскольку при смене правящей коалиции он одним из первых попадет под удар как угроза новой власти. Вакантным остается место основообразующего элемента системы – преемника Назарбаева на президентском посту. Сложившаяся неопределенность повышает внутриэлитную напряженность, что может сорвать план плавного транзита.

В Узбекистане в ближайшее время очередного транзита не предвидится. Действующий президент Ш. Мирзияев находится у власти около года, имея в запасе время и ресурсы, чтобы укрепить позиции и переизбраться на второй пятилетний срок в 2021 г. Он активно выстраивает свою патронально-клановую сеть, вовлекая в нее членов своей семьи. Зятья Мирзияева – О. Шаханов и О. Турсунов – получили назначения на должности в личной охране президента (новом оппоненте СНБ Иноятова) и в президентской администрации соответственно. С именем Турсунова связывают атаки на флагманский актив Каримовых – Телляевых, рынок «Абу Сахий», что говорит либо о нарушении пакта с семьей Каримова, либо об отсутствии такого рода договоренностей. Последнее может быть свидетельством слабости семьи первого президента и силы кланово-патрональной сети, поддержавшей Мирзияева. При этом если Мирзияев сможет создать устойчивую пирамиду власти и решится ее удержать, он уже не будет иметь ни каримовского статуса «отца нации», ни возможностей править конституцию под себя, ссылаясь на сложности переходного периода после распада СССР. Продлить собственные полномочия для него будет крайне рискованно. Это значит, что в пределах 2023–2024 гг. Мирзияев уже будет работать над сценарием транзита в Узбекистане.

В Кыргызстане, несмотря на сохраняющееся влияние экс-президента А. Атамбаева и могущество клана Жээнбековых, предпосылок для возникновения сильного персоналистского режима нет. Каждый последующий лидер Кыргызстана будет учитывать опыт Акаева и Бакиева, свергнутых в ходе революций. Вероятнее всего, С. Жээнбеков последует примеру своего предшественника А. Атамбаева, ограничившись одним 6-летним сроком президентства. За это время правящая коалиция успеет определиться с канди-

датурой преемника, который смог бы стать гарантом для Атамбаевых – Жээнбековых и поддержать их status quo в стране.

Передача власти новому ставленнику произойдет через конкурентные выборы, на которых креатура С. Жээнбекова будет иметь все шансы на успех ввиду значительных возможностей клана и самого инкумбента. Ключевые риски для Кыргызстана могут возникнуть в случае попытки изменить действующую конституцию с целью снять ограничение в 1 срок или продлить полномочия через референдум либо посредством введения чрезвычайного положения, которое может возникнуть в связи с множеством причин (тлеющий этнический конфликт, вторжение радикальных исламистов, обострение борьбы за распоряжение водными ресурсами региона, торговая война и т. д.).

На основании анализа внутривнутриполитической ситуации в Центрально-Азиатском регионе и экспертной оценки транзитных рисков был сформирован прогноз касательно потенциала дестабилизации в государствах Центральной Азии.

Оценка проводилась по пяти ключевым параметрам:

- 1) неопределенность касательно кандидатуры возможного преемника действующих лидеров;
- 2) степень необходимости передавать власть другому лицу (а не сохранять полномочия за действующим главой государства на максимально возможный срок);
- 3) время, которое имеется в распоряжении инкумбента для подготовки преемника и создания условий для успешной реализации транзита (параметр «срочность транзита»);
- 4) далее следует качество институциональной среды, задающей правовые рамки для транзита (качество характеризуется детализацией необходимых условий и соответствием общих рамок готовящейся модели передачи власти);
- 5) социально-политический фон, включающий широкий охват показателей стабильного развития общества (экономика, политическая среда, криминогенная обстановка, межэтнические отношения и т. д.).

По каждому параметру была сформирована экспертная оценка. Шкала оценивания имеет три градации для каждого из параметров. Также имеются две дополнительные опции: «отсутствие» (неопределенности, необходимости, срочности) и «обязательность» (как «крайне высокая степень вероятности», близкая к 100 % в ситуации последовательного, не подверженного значительным шокам порядка развития событий).

Табл. 2. Оценка ключевых параметров транзита власти для государств постсоветской Центральной Азии

Страна	Неопределенность с преемником	Передача власти другому лицу	Срочность транзита	Качество институционализации транзита	Социально-политический фон
Казахстан	Высокая	Высоковероятна	Умеренная	Среднее	Умеренный
Кыргызстан	Отсутствует	Обязательна	Отсутствует	Высокое	Негативный
Таджикистан	Низкая	Вероятна	Умеренная	Низкое	Негативный
Туркменистан	Низкая	Маловероятна	Отсутствует	Низкое	Умеренный
Узбекистан	Отсутствует	Отсутствует	Отсутствует	Низкое	Умеренный

Заключение

Архаичные конструкции авторитарных режимов Центральной Азии вошли в фазу старения. Характерной чертой этого этапа является исчерпание возможностей для адаптации в рамках персоналистского авторитаризма. Кроме того, ситуация усугубляется биологическим старением первого поколения лидеров (Назарбаев, Рахмон) и вхождением лидеров второй волны (Бердымухамедов) в состояние политической зрелости.

Развитие демократических институтов, в частности института выборов, в Кыргызстане сужает меню стратегий для потенциального автократа, усиливая собственно механизмы передачи власти и соответственно всю политическую систему, поскольку выборы, которые также являются временным кризисом для любого государства, относятся к категории управляемых кризисов именно по причине определенности правил игры.

Режимы, где выборы служат для псевдолегитимации правящих элит, сформированных правящей коалицией при поддержке силовых структур, следуют модели транзита власти. Предыдущий опыт доказывает, что при наличии преемника, поддерживаемого выигравшей коалицией, непременно включающей силовиков, транзит может пройти без социальных потрясений. Дополнительными факторами стабилизации могут стать благоприятный социально-политический фон (рост цен на ключевой ресурс, внешнеполитические успехи) и институционализация правил игры.

Дестабилизация в транзитный период возможна в 2020 г. в Казахстане и Таджикистане. Благодаря конституционным преобразованиям Н. Назарбаев снижает риски переходного периода, однако не решен вопрос преемника. Для Э. Рахмона основным препятствием могут стать неблагоприятная социально-экономическая ситуация и высокий уровень фрагментации общества.

Библиография

- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2015. *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. М.: Учитель.
- Конституция Республики Азербайджан. 2017. URL: <http://www.legalacts.az/tu/document/271/41123> (дата обращения: 19.12.2017).
- Конституция Республики Таджикистан. 2017. URL: <http://www.tajikistan.turkestan.ru/constitution/4-6.html> (дата обращения: 20.12.2017).
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Шишкина А. Р., Назаретян А. П., Халтурина Д. А. 2013. Мониторинг развития Центральной Азии: цели, методология и перспективы. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* 4(2): 5–11.
- Коротаев А. В., Ходунов А. С., Зинькина Ю. В. 2011. К прогнозированию социально-политической нестабильности в странах Центральной Азии. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* / Отв. ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: ЛИБРОКОМ. С. 387–435.
- Ходунов А. С., Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2012. К прогнозированию социально-политической нестабильности в странах Центральной Азии. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* 3: 5–11.
- Anderson G. M., Boettke P. J. 1993. Perestroika and Public Choice: The Economics of Autocratic Succession in a Rent-seeking Society. *Public Choice* 75(2): 101–118.
- Brownlee J. 2007. Hereditary Succession in Modern Autocracies. *World Politics* 59(4): 595–628.
- Brownlee J., Masoud T., Reynolds A. 2013. Why the Modest Harvest? *Journal of Democracy* 24(4): 29–44.
- Collins K. 2006. *Clan Politics and Regime Transition in Central Asia*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fragile State Index. 2017. Country Data 2017. URL: <http://fundforpeace.org/fsi/data/> (дата обращения: 19.12.2017).
- Tullock G. 2012. *Autocracy*. N. p.: Springer Science & Business Media.

О ПОДХОДАХ К ПРОГНОЗИРОВАНИЮ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В ИРАНЕ*

Е. А. Иванов

В статье рассматриваются подходы к прогнозированию процессов дестабилизации в Исламской Республике Иран. Первый подход, названный «четыре шага», заключается в последовательном анализе четырех универсальных параметров, описывающих протестную активность. Второй подход базируется на методике, использованной при анализе событий Арабской весны и при оценке протестного потенциала в Центрально-Азиатском регионе после 2011 г. На основании результатов анализа с использованием обоих подходов можно говорить об увеличении протестного потенциала в Иране, что чревато ростом числа уличных акций в краткосрочной и среднесрочной перспективе. В то же время некритический масштаб конфликтогенности и наличие сильных сдерживающих факторов не позволяют делать предположения касательно таких радикальных проявлений протестной активности, как революция или гражданская война. Действующий режим в Иране адаптирован к перманентно умеренному протестному фону, что способствует его сохранению в нынешнем состоянии.

Значимость Ирана на Ближнем Востоке высока. Иран – крупнейшее по размерам территории государство на Ближнем Востоке. По численности населения делит второе-третье место с Турцией, уступая лишь Египту. Основу экономики страны составляют добыча, переработка и экспорт углеводородов (нефть, природный газ). С точки зрения размера ВВП Иран – третья экономика в регионе после Турции и Саудовской Аравии, однако в пересчете на душу

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-06-00476).

населения он ощутимо отстает от нефтяных держав Персидского залива, Турции и Израиля. Исламская республика – достаточно милитаризованное государство, предпринимающее попытки развивать свой ядерный потенциал. Все это позволяет Ирану вести активную внешнюю политику в Ближневосточном регионе, что вызывает опасения у конкурентов за региональное первенство, прежде всего Саудовской Аравии и Турции, а также у Израиля и его главного партнера – США.

Таким образом, внутривосточные процессы в Иране во многом задают тон на всем Ближнем Востоке, стабильность которого крайне неустойчива и регулярно подвергается как внутренним вызовам, так и давлению извне. В этой связи представляется важным проводить регулярный мониторинг ситуации в Иране (и в регионе в целом) и развивать инструменты прогнозирования, что несколько сложнее вследствие относительно высокой закрытости Ирана, а также непростой конфигурации государства и общества. Ввиду своей специфики (великая история, наследие персидской культуры, ислам шиитского толка и др.) Иран, хотя и является неотъемлемой частью Ближнего Востока, следует траекториям, отличным от тех, что характерны для арабских государств региона. К примеру, несмотря на то, что Арабская весна имела отклик в Иране в виде волны протестов в 2011 г. (активная фаза которой пришлась на февраль – март), поводом для этих акций недовольства послужили результаты выборов 2009 г. и последующие протесты, названные «Зеленым движением». События в арабском мире возродили затухшую протестную повестку в Иране, но не сформировали ее.

Исходя из этого, для оперативного анализа ситуации внутри страны и прогнозирования процессов дестабилизации предлагаются два базовых подхода, которые позволяют проводить соответствующую работу. Первый заключается в анализе четырех базовых параметров, опираясь на которые можно сделать предположения о вероятном нарастании протестной активности. Второй основан на модели, разработанной на основании эмпирических данных стран арабского мира в период Арабской весны и государств Центральной Азии за аналогичный временной отрезок. Данная модель позволяет оценивать потенциал дестабилизации и сравнивать соответствующие показатели с имеющимися оценками, рассчитанными для других стран.

Подход «четырёх шагов»

Из двух вышеназванных подходов для оперативного анализа ситуации более удобен подход «четырёх шагов». Каждый «шаг» – это ответ на один из общеупотребительных вопросов, существующих в естественных языках: «Кто?», «Где?», «Когда?» и «Почему?». При этом ключевыми для понимания ситуации являются первый и последний вопросы, тогда как другие два вопроса скорее вспомогательные.

Вопрос «Кто?» подразумевает выявление социальной базы протеста. На практике таковой выступают различные социальные группы. Протест может вовлекать от одной до множества таких групп, поэтому бывает сложно выделить ядро движущих сил протеста. Однако эмпирические свидетельства показывают, что движущей силой протестов чаще всего становятся студенты, этнические меньшинства и прочие социальные группы, уязвимые для дискриминации со стороны государства и/или остальной части общества. Отвечая на вопрос «Кто?», необходимо изучить основные социальные расколы в стране. Для Ирана таковых можно выделить несколько: этнический, социально-экономический и раскол по оси «консервативный ислам – реформистский ислам – светская модернизация».

Что касается этнической составляющей, то, с одной стороны, в Иране существует государствообразующий персидский этнос (50–60 % населения), который вместе с другими народами иранской ветви (курды, луры, бахтиары, белуджи, талыши, гилянцы и мазендеранцы), по разным оценкам, объединяет до 70–80 % населения. Самым значительным меньшинством в Иране являются азербайджанцы (16 % населения), а в целом доля тюркских народов оценивается от 18 % до 24 % (включая туркмен и кашкайцев). Арабское меньшинство в стране не превышает 2–3 % от общей численности населения. Прочие этнические группы (армяне, ассирийцы, грузины, евреи и др.) являются малочисленными и в существенной мере повлиять на внутривосточную обстановку не могут.

Основные риски связываются с арабами, азербайджанцами, курдами и белуджами.

Арабов в Иране незначительное меньшинство. Основная их часть концентрируется в граничащей с Ираком провинции Хузестан.

стан, что послужило одним из поводов для вторжения Ирака в Исламскую Республику Иран в 1980 г., вылившегося в восьмилетнюю войну между государствами. Тем не менее арабы проживают на территории современного Ирана на протяжении нескольких веков, а националистические настроения среди этого меньшинства не столь значительны, чтобы говорить о возможном сепаратизме.

В отличие от арабов азербайджанцы, проживающие на территории Ирана, активно выступают за сохранение своего языка и культуры. Так, в 2003, 2006, 2007 и 2015 гг. в азербайджанских провинциях происходила череда протестов. В 2007 г. многотысячная демонстрация состоялась в День родного языка, а в 2015 г. оскорбительная для азербайджанцев телепередача вылилась в жесткое противостояние с властями. Поэтому риски, связанные с антиправительственными настроениями в азербайджанской среде, довольно высоки.

В настоящее время курдский вопрос в Иране стоит чуть менее остро, чем в Ираке, Турции или Сирии. Тем не менее в 1946 г. при поддержке советской армии на территории Ирана существовала самопровозглашенная Мехабадская республика. Ситуация осложняется тем, что иранские курды исповедуют преимущественно ислам суннитского толка, тогда как персы – последовательные сторонники шиитского направления. На этой почве несколько раз – в 1996 г. в Керманшахе, в 1999 г. в Западном Азербайджане, в 2005 г. в Западном Азербайджане и Курдистане – происходили столкновения курдов с правительственными силами.

Переходя к расколу «ислам – светское государство», расслоению по социально-экономическим показателям и конфликту поколений, можно отметить, что зачастую они происходят одновременно. Горожане и молодежь, сталкивающиеся с безработицей, коррупцией и имущественным неравенством, выступают за реформы в стране и более активную модернизацию экономики со стороны руководства государства.

Экономическая ситуация в стране неоднозначная. Падение темпов роста ВВП на 1,3 % в 2015 г. сменилось ростом 13,4 % в 2016 г. В Иране нет нищеты. Доля населения, живущего на сумму менее 2 долларов в день, не превышает 0,3 %. ВВП на душу населения демонстрирует постепенный рост с 4257,11 доллара в 1994 г. до 6733,913 доллара в 2016 г. По оценкам Всемирного банка, за

аналогичный период индекс Джини незначительно сократился – с 43 до 38,8 (106-е место в мире), что говорит о довольно сильном, но не критическом экономическом расслоении. Тем не менее официальный уровень безработицы колеблется в коридоре между 10 и 12 %. Высоки темпы инфляции, прежде всего продовольственной, что сильнее всего ощущается в люмпенизирующейся городской среде, прирастающей на 2 млн человек ежегодно. Поэтому помимо этнических меньшинств к потенциальной социальной базе протеста можно причислить всех работающих городских жителей. В мировой науке уже давно отмечена связь между урбанизацией и уровнем протестной активности (Weiner 1967; Auvinen 1997; Bayat 2002).

Корни обеих проблем, как и ответ на второй ключевой вопрос («Почему?»), лежат в модернизационном проекте, начатом во второй половине 1960-х гг. Как показано на Рис. 1, Иран на протяжении нескольких десятилетий отставал в производстве продуктов питания не только от общемировых темпов, но и в сравнении со странами арабского мира. Отставание удалось несколько сократить благодаря преобразованиям, начатым последним шахом Р. Пехлеви в 1963 г. и получившим название «Белая революция». Большая программа реформ состояла из 19 пунктов, первым из которых была земельная реформа, предполагавшая уход от феодальной системы отношений в аграрном секторе. В рамках данной программы шахское правительство выкупило надель, принадлежавшие крупным потомственным землевладельцам, по установленным государством ценам, после чего участки распродавались крестьянам на 30 % ниже рыночной стоимости с возможностью двадцатипятилетнего займа под низкий процент для выплаты госкредита. По разным оценкам, возможностью получить землю в собственность воспользовались от 1,5 до 2 млн крестьянских домохозяйств. Таким образом, аграрная реформа охватила до 40 % жителей страны.

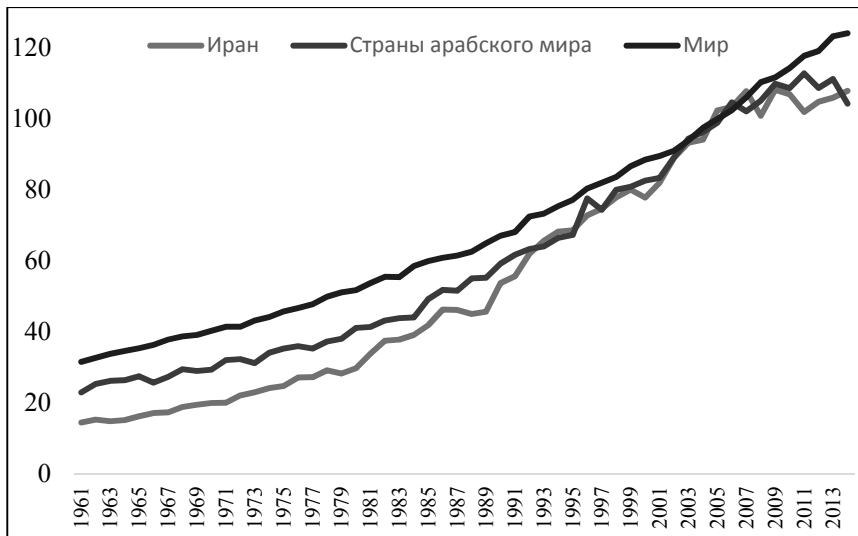

Рис. 1. Индекс производства продуктов питания (2004–2006 гг. = 100) в Иране, арабских странах и мире в целом (% от базового значения)

Хотя значительная часть земельных наделов перешла в руки крестьянских домохозяйств, у них не хватало средств на закупку удобрений, обновление рабочего инвентаря и т. д. Улучшения в аграрном секторе происходили вплоть до Исламской революции 1979 г., однако ощутимый позитивный сдвиг в продовольственной сфере начался спустя 30 лет после начала реализации 19 пунктов Р. Пехлеви. Следовательно, хотя реформы шаха имели среднесрочный положительный эффект, они не дали качественно новой модели хозяйствования в аграрной сфере, поскольку на смену наследственным землевладельцам пришла новая волна крупных фермеров-собственников, оттеснившая широкие слои крестьянства и небольшие фермерские хозяйства от выгод реформы в земельной сфере.

Рабочие, не получившие собственных наделов, стали массово покидать сельскую местность и двинулись в города. Спустя 15 лет после начала реформы уровень урбанизированности Ирана вырос почти вдвое, превысив показатель в 50 %. Переток населения из сельской местности в города стимулировался также ростом воз-

возможностей, возникавших в период бурной модернизации. Вместе с тем новоприбывшие горожане ощущали неравенство в развитии между селом и городом, между развитыми центрами и провинциальными районами, периферией, между нуворишами и рядовыми гражданами. Так, в городской среде росла социальная напряженность, а горожане становились потенциальной движущей силой протеста.

Начиная с середины 1990-х гг. Ирану удалось сравняться со странами арабского мира по уровню собственного производства продуктов питания, а к середине 2000-х гг. Иран по этому показателю приблизился и даже на короткий отрезок времени превзошел общемировые темпы, что лишь разогнало потребительские ожидания среди иранцев. Значительный спад производства потребительских товаров совпал с протестами 2009 г., указывая на то, что фальсификации на выборах были только спусковым крючком в ситуации социально-экономического спада, усугубившегося в период мирового финансового кризиса, когда спрос и цены на нефть заметно упали. Хотя в последние несколько лет собственное производство продуктов питания в Иране демонстрирует положительную тенденцию к росту, данный показатель находится ниже уровня производства в странах арабского мира на момент начала Арабской весны.

Рис. 2. Динамика инфляции потребительских цен в Иране, арабских странах и мире в целом (% в год)

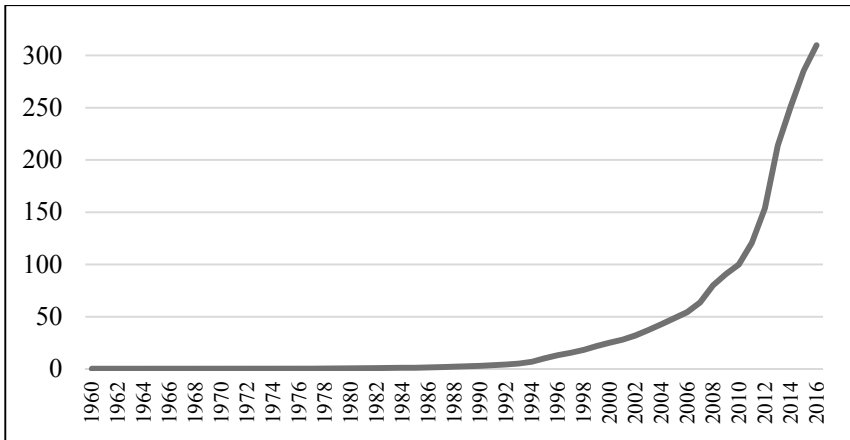

Рис. 3. Динамика индекса потребительских цен (2010 г. = 100) в Иране (% от базового значения)

Заключительным шагом в данной модели являются вопросы «Где?» и «Когда?», которые служат индикаторами условий, при совпадении которых вероятность протестов становится высокой. В частности, протесты 2017–2018 гг. в Иране совпали со студенческими каникулами, а с началом экзаменов значительная часть студентов покинула ряды протестующих. В 2009 г. началом для протестов послужили результаты выборов, что подпадает под общее наблюдение о том, что пики протестной активности зачастую совпадают со стыками в электоральных циклах.

Вопрос «Где?» подразумевает локацию протестной активности. В большинстве случаев таковым является городское пространство. Отдельным фактором риска, повышающим вероятность масштабного протеста, служит наличие в городской сети сверхкрупного, выходящего из общего ряда элемента, называемого исследователями «король-дракон». Во время Арабской весны и антиправительственных демонстраций в Венесуэле такие «короли-драконы» становились площадками для многотысячных демонстраций, аккумулируя городской протестный потенциал на ограниченном пространстве (площадь Тахрир в Каире или Майдан в Украине) (Коротаев, Исаев, Шишкина 2016; Коротаев и др. 2017: 254–255).

Для Ирана «королем-драконом» служит Тегеран, который часто аккумулирует протестную активность. Тегеран расположен на

севере страны в регионе, традиционно входящем в персидское ядро Ирана. На Рис. 4 показано распределение населения среди 22 крупнейших городов страны (численность жителей не менее 400 тыс. человек).

На момент переписи населения в 2011 г. в Иране было 18 городов с населением свыше 400 тыс. жителей. В ближайшие годы количество крупных агломераций может вырасти до 20–25. Все они являются центрами своих провинций, что хорошо демонстрирует характер урбанизации в Иране в последние десятилетия, когда сельское население активно переезжало в города. Самым крупным из городов является 8-миллионный Тегеран, намного опережающий все прочие агломерации. В Тегеране проживает 11 % населения всей страны и 15,4 % городских жителей, что сопоставимо с египетским Каиром, ангольской Луандой и конголезской Киншасой.

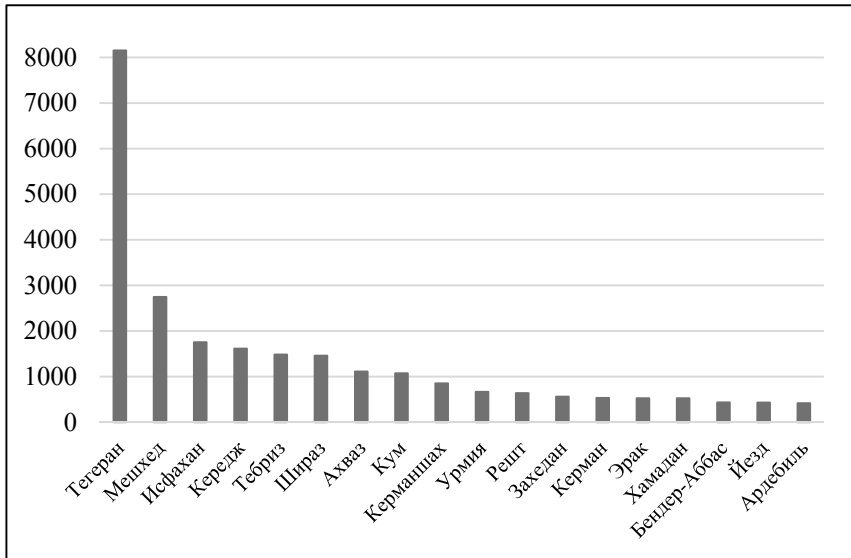

Рис. 4. Население крупнейших городов Ирана (в тыс. чел.)

Моделирование и оценка потенциала дестабилизации

В основу этого подхода легли наработки к моделированию и оценке потенциала социально-политической дестабилизации, сделанные С. В. Цирелем (см.: 2012а; 2012б). В дальнейшем данная методика была доработана и адаптирована для анализа событий Арабской весны и ее эффекта в Центрально-Азиатском регионе (Малков и др. 2013; Иванов, Исаев 2018).

Данная методика предполагает построение модели, основанной на пяти основных компонентах: 1) степень фрагментации общества и элит; 2) доля маргинальных групп в населении (безработная молодежь); 3) тип политического устройства; 4) наличие/отсутствие крупномасштабных конфликтов в недавнем прошлом; 5) степень вмешательства международных акторов во внутренние дела стран региона. В ходе построения модели каждый из факторов оценивается по 5-балльной шкале. Для первого и пятого факторов используются экспертные оценки, произведенные авторами статей и/или взятые из соответствующих источников. Для прочих использовались данные национальных статистических агентств и Всемирного банка.

Краткий обзор показателей фрагментации (этнические, профессиональные и внутриэлитные расколы), наличия маргинализованных социальных групп, политического устройства был дан ранее при описании подхода «четыре шага».

Что касается фактора международной конъюнктуры, то, несмотря на то, что Иран – независимое и суверенное государство, фактор внешнего воздействия на него велик. Несмотря на напряженные отношения с соседями по региону и США, интервенции со стороны международных акторов и вооруженные операции на территории страны, как это не раз было в XX в. (СССР, Великобритания, Ирак), маловероятны. Тем не менее давление на Иран со стороны других стран способно спровоцировать дестабилизацию внутри государства. Среди прочих инструментов внешнего воздействия можно выделить следующие.

Во-первых, это череда международных экономических санкций (начиная с 1979 г.), которые направлены на принуждение Ирана к отказу от своей жесткой внешней политики. Большинство ис-

следователей сходятся во мнении, что экономический эффект от санкций неоднозначный. С одной стороны, санкции ограничивают ключевые отрасли иранской экономики – добычу, переработку и экспорт энергоносителей, с другой – они создают стимулы для развития несырьевых отраслей и ухода от ресурсного проклятия. (Salitskii *et al.* 2017; Dizaji, van Bergeijk 2013; Moret 2015). Наибольший ущерб санкции наносят гуманитарной сфере, вызывая рост социального недовольства. За несколько десятилетий жизни под санкциями в Иране сформировалась группа людей, требующая пойти на сближение с внешним миром и критикующая правительство за жесткий внешний курс.

Во-вторых, международная изоляция Ирана может усилиться, учитывая текущую позицию президентской администрации США. После некоторого сближения, достигнутого в период президентства Б. Обамы в Америке и М. Ахмадинежада в Иране, признанного действующим главой Белого дома Д. Трампом ошибочным, США снова возвращаются к политике санкций и давления. В то же время в 2016 г. Саудовская Аравия разрывает дипломатические связи с Ираном после атаки на свое посольство в Тегеране. Ситуация обостряется еще и тем, что Иран и Саудовская Аравия активно участвуют в вооруженных конфликтах в Сирии и Йемене, выступая в поддержку противоборствующих сторон. Кроме того, страны борются за доминирование на Ближнем Востоке и в энергетической сфере, а также имеют серьезные противоречия на религиозной основе. Из крупных союзников Иран мог бы рассчитывать отчасти на Россию и Китай. Однако первая испытывает экономические сложности и имеет пересекающиеся интересы в Каспийском регионе, на Ближнем Востоке и в энергетической сфере. Китаю Иран интересен как крупный рынок сбыта своей продукции и как поставщик энергоресурсов. Хотя в последнее время руководство Компартии Китая обозначило вектор на развитие альтернативной энергетики, поэтому в долгосрочной перспективе у Китая не будет существенной необходимости поддерживать Иран.

Таким образом, фактор внешнего воздействия на Иран оценивается как высокий, но не катастрофический. Получив все экспертные оценки и переведя статистические показатели в баллы, получаем следующий результат (см. Табл. 1).

Табл. 1. Оценка факторов дестабилизации для Ирана на 2017 г.

Фактор	Фрагментация общества и элит	Маргинальные группы	Политическое устройство	Конфликты в прошлом	Внешнее воздействие
Значение показателя	4	5	3	4	3

Затем эти данные вводятся в модель, протестированную на данных арабских стран и государств Центральной Азии. Однако при использовании данной модели для анализа ситуации в Иране следует оговориться, что по политическому устройству и социально-экономическим характеристикам Иран схож со странами арабского мира и государствами Центральной Азии. При использовании рамок вышеназванной модели были произведены оценки потенциала социально-политической дестабилизации в Иране, результаты которой приведены в Табл. 2.

Табл. 2. Оценка потенциала дестабилизации в странах Центральной Азии и Иране

Страна	2011 г.	2017 г.
Казахстан	2,5	4
Узбекистан	3,7	5
Киргизия	2,1	3,6
Таджикистан	3,6	4,7
Туркмения	2,5	3,5
Иран	8,1	8,4

Как показано в таблице, протестный потенциал в Иране в целом выше, чем в государствах Центральной Азии. В стране регулярно проходят небольшие демонстрации и забастовки, вызванные экономическими проблемами. Тем не менее даже в сравнении с 2011 г., когда в стране практически целый год не прекращались протестные акции, оценки на 2017 г. указывают на увеличение рисков дестабилизации. Изначально более высокий уровень протестного потенциала в Иране связан с повышенным фоном протестной активности в целом, а также с наличием глубинных структурных предпосылок для социального взрыва – отсутствием возможностей для режима реализовывать новые модернизационные проекты без ущерба

идеологической составляющей, ресурсной зависимостью экономики, интенсивной урбанизацией, ростом социального неравенства, демографическим перевесом в пользу молодежи и людей среднего возраста, сохраняющейся долгие годы высокой инфляцией. Тогда как для Центральной Азии основные риски были связаны с труднопредсказуемыми факторами: внезапной смертью главы государства и экономической стагнацией в России, случившейся после казуса с Крымом, что повлекло падение курса рубля, снижение уровня денежных переводов от работающих в России членов семей, а также возвращение части нетрудоустроенной пассионарной молодежи на родину.

Если сравнивать иранские показатели с теми, что наблюдались в арабских странах во время Арабской весны, то Исламскую Республику Иран можно сравнить с Кувейтом и Суданом (7,1 и 8,2), что указывает на скорое подавление протестной активности и незначительность ее результатов для населения.

Анализ протестной волны конца 2017 г.

Социальный кризис конца 2017 г. вызван задержками выплаты заработной платы, нерешенностью вопроса с выплатами по депозитам граждан, хранившимся в нелицензированных финансово-кредитных учреждениях, ростом безработицы и, самое важное, резким увеличением инфляции цен на продовольствие. Первые акции протеста прошли на северо-востоке страны в Мешхеде, втором по величине городе Ирана, который является родным для Великого аятоллы Али Хосейни Хаменеи и экс-генпрокурора, кандидата в президенты Ибрагима Раиси. Оба известны своей консервативной проклерикальной позицией. Начались они, как ни парадоксально, с протестов сторонников консервативного исламского крыла, недовольных реформистскими настроениями действующего президента Х. Рухани, избранного на второй срок. Затем волна недовольства пришла в провинциальные городки Нейшабур и Биржанд, а далее распространилась по всей стране.

Протесты затронули большинство регионов страны, имеющих различную социально-экономическую специфику. В первую очередь антиправительственные демонстрации прошли в провинциях, которые относятся к урбанизированным, густонаселенным и экономически развитым. К примеру, провинция Хорасан-Резави, отку-

да началась протестная волна, представляет собой второй по численности населения регион Ирана с крупнейшим городом Мешхед и четвертый по доле в национальном ВВП. На второй день после начала кризиса протесты состоялись в таких крупных и богатых провинциях, как Исфахан и Хузестан (см. Рис. 5). В первые три дня роста протестной активности не наблюдалось лишь в регионах этнической периферии – Ардебиле, населенном преимущественно азербайджанцами, в курдских Иламе и Курдистане, в остане Чехармехаль и Бахтиария, где проживают бахтиарское и кашкайское меньшинства, а также в малонаселенных провинциях Юго-Востока (Керман, Йезд и Южный Хорасан). Это подтверждает предположения о том, что социально-экономический протест произошел не по причине собственно проблем в экономике, а из-за неоправданных ожиданий персидского большинства касательно своего правительства, которое на фоне общего социально-экономического спада, вызванного санкциями и снижением цен на энергоносители, перераспределяет бюджетные ресурсы в пользу военно-полицейского аппарата и участвует в затратных операциях в Сирии и Йемене.

Кроме того, в отличие от протестной волны 2009 г. и предшествующих протестных периодов в истории Ирана, антиправительственные акции 2017 г. затронули преимущественно периферийные районы, незначительно коснувшись Тегерана. В данном случае наличие «короля-дракона» не стало усиливающим фактором, поскольку площадками для протеста послужила вся городская сеть, агрегировавшая протестный потенциал маргинализирующегося населения.

бильности: опыт количественного анализа событий Арабской весны. *Полис. Политические исследования* 4: 137–162.

Статистический центр Ирана. 2017. URL: <https://www.amar.org.ir/english/>.

Цирель С. В. 2012a. Революции, волны революций и Арабская весна. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: ЛКИ. С. 128–161.

Цирель С. В. 2012б. Условия возникновения революционных ситуаций в арабских странах. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: ЛКИ. С. 162–173.

Auvinen J. 1997. Political Conflict in Less Developed Countries 1981–89. *Journal of Peace Research* 34(2): 177–195.

Bayat A. 2002. Activism and Social Development in the Middle East. *International Journal of Middle East Studies* 34(1): 1–28.

Dizaji S. F., van Bergeijk P. A. G. 2013. Potential Early Phase Success and Ultimate Failure of Economic Sanctions: A VAR Approach with an Application to Iran. *Journal of Peace Research* 50(6): 721–736.

Moret E. S. 2015. Humanitarian Impacts of Economic Sanctions on Iran and Syria. *European Security* 24(1): 120–140.

Salitskii A. I., Zhao X., Yurtaev V. I. 2017. Sanctions and Import Substitution as Exemplified by the Experience of Iran and China. *Herald of the Russian Academy of Sciences* 87(2): 205–212.

Weiner M. 1967. Urbanization and Political Protest. Urbanisation et Agitation Politique. *Civilisations* 17(1/2): 44–52. URL: www.jstor.org/stable/41231016.

ОБРАЗОВАНИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ: СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Е. С. Замятина

Существует ряд исследований, посвященных взаимосвязи образования и социально-политической дестабилизации, как в зарубежной, так и в отечественной научной литературе. Эта тема привлекла внимание исследователей во второй половине XX в., и в наше время интерес к ней продолжает расти, но до сих пор по ряду вопросов ученые не пришли к единому мнению. Повышение уровня образованности населения, хотя и является безусловным благом, может иметь неоднозначное влияние на протестную активность в обществе. В предложенном обзоре научной литературы освещаются наиболее важные работы по этой теме, в том числе описаны использованные авторами данные, методы, полученные выводы. Отдельное внимание уделяется работам, в которых изучается взаимосвязь уровня образования и терроризма.

Происхождение и причины социально-политической дестабилизации (и терроризма как ее разновидности) – очень актуальная тема для мировой науки, и ее интенсивно исследуют ученые из разных стран. Это, в свою очередь, вполне закономерно – угроза дестабилизирующей активности является одним из ключевых вызовов современности, охватывающих весь мир. В результате рассмотрения данной проблемы с научной точки зрения были сделаны парадоксальные открытия. Показано, например, что взаимосвязь уровня ВВП и социально-политической дестабилизации имеет U-образную зависимость, то есть риск дестабилизации выше в обществе со средним уровнем достатка, чем с низким (Жоротаев и др. 2016). В целом же данная тема очень обширна и затрагивает ряд научных областей – экономику, демографию, социологию, политологию, психологию, антропологию и другие, принимая междисциплинарный характер. Предлагаем обратить внимание на значимые науч-

ные работы, посвященные взаимосвязи образования и уровня социально-политической дестабилизации.

Данный обзор мы начнем с классической работы Мансура Олсона «Быстрый рост как дестабилизирующая сила», где он отмечает, что повышение уровня образования приводит к «революции растущих ожиданий», создавая, таким образом, условия для возможной политической дестабилизации (Olson 1963). Эта идея далее стала развиваться целым рядом других авторов.

Одним из ключевых исследований в данной области является «Влияние образования на отношение к протесту» Р. Л. Холла и его коллег (Hall *et al.* 1986), в котором авторы анализируют, при каких условиях образование выступает как фактор, повышающий уровень протестных настроений, при каких – напротив. Для этой цели были использованы результаты 17 опросов, проведенных в США в 1967–1976 гг. В каждом из этих наборов данных ученые выбирали элементы, относящиеся к протесту, далее проводился факторный анализ – различение основных типов отношения к протесту. Затем создавалась шкала, по которой вычислялся коэффициент, выражающий общее отношение респондента к протесту. Это число сопоставлялось с количеством лет, затраченных на обучение.

На основе данного материала исследователи сделали четыре вывода: образование уменьшает поддержку применения насилия со стороны протестующих или властей (сокращение поддержки насилия); оно же увеличивает неприятие репрессий со стороны правительства (повышение приверженности гражданским свободам); повышает уровень осведомленности об обосновании протеста; меняет положение человека в обществе, следовательно, его интересы и самоидентификацию.

В 1991 г. эта же группа авторов провела аналогичное исследование, используя данные респондентов, также проживающих в США, но на этот раз афроамериканского происхождения. Они проанализировали данные 16 опросов, проведенных в 1965–1976 гг., и пришли к идентичным результатам (Rodeghier *et al.* 1991). Несколько лет спустя в статье «Больше – это иногда меньше: влияние образования на толерантность» Р. Л. Холл и М. Родегхайер предпринимают попытку дать концептуальное определение понятиям «толерантность», «образование» и «отношение» (Hall, Rodeghier 1994).

В этих работах авторы изучают отношение респондентов с разным образованием к протесту. Существуют также работы, где анализируется взаимосвязь уровня образования и участия в антиправительственных протестах на конкретных примерах.

Л. Е. Гринин и А. В. Коротаев в книге «Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы» отмечают, что наличие высшего образования у значительной доли участников Египетской революции 2011 г., по их мнению, повлияло и на характер течения революции, которая отличалась в том числе относительно невысоким количеством пострадавших. Например, в другом египетском «хлебном бунте» 1977 г. количество участников беспорядков исчислялось сотнями тысяч, а не миллионами, как в 2011 г., но он тем не менее принес больше жертв среди населения (Гринин, Коротаев 2012; см. также: Коротаев, Зинькина 2011).

Эти выводы созвучны результатам описанной выше работы Р. Л. Холла и его коллег (Hall *et al.* 1986), в которой говорится о том, что с повышением уровня образования растет интерес общества к протесту, но также и отторжение этим обществом применения насилия. Они созвучны и результатам исследований Л. Е. Гринина и его коллег, показавших, что более высокая доля студентов в населении коррелирует с интенсивностью мирных демонстраций в большей степени, чем с интенсивностью массовых беспорядков (Гринин, Билюга и др. 2017; Гринин, Малыженков и др. 2017).

Т. Азенг и Т. Його в своей работе «Молодежная безработица, образование и данные о политической нестабильности в некоторых развивающихся странах в 1991–2009 гг.» исследовали 40 развивающихся стран на разных континентах (Azeng, Yogo 2015). Анализировалось влияние уровня безработицы среди молодежи на политическую стабильность. Исследователи пришли к выводу, что в тех странах, где средний уровень образования выше, насилие в ходе протестов применялось реже.

А. В. Коротаев, С. Э. Билюга, А. Р. Шишкина в статье «ВВП на душу населения, интенсивность антиправительственных демонстраций и уровень образования. Кросс-национальный анализ» сообщают о том, что существует статистически значимая положительная корреляция между уровнем образованности населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций для стран с подушевым доходом до 20 тыс. долларов (на материале данных за

1980–2014 гг.). В этом эмпирическом тесте уровень образования измерялся в годах, затраченных на обучение, от 0 до 14. Особое внимание обращает на себя тот факт, что на границе пяти лет, затраченных на обучение, уровень количества антиправительственных демонстраций резко и скачкообразно повышается. Т-тест с использованием полученной дихотомии (продолжительность образования менее пяти лет/более пяти лет) в тех же странах также выявил положительную корреляцию. Авторы статьи отмечают, что «в странах, где средняя продолжительность обучения превышает пять лет, вероятность возникновения мощной волны антиправительственных демонстраций в три с лишним раза выше, чем в странах со средней продолжительностью обучения менее пяти лет» (Коротаяев и др. 2017: 132). Тем не менее авторы статьи подчеркивают, что необходимы дальнейшие изыскания в этой области, так как найденные корреляции не полностью объясняют механизмы влияния образованности населения и уровня ВВП (Коротаяев и др. 2017; см. также: Korotayev *et al.* 2018).

В работе «Политический порядок в меняющихся обществах» Сэмюэл Хантингтон, многие работы которого также стали классическими, пишет: «Вообще, чем выше уровень образования безработных, отчужденных и в других отношениях неудовлетворенных жизнью людей, тем более крайние формы принимает их дестабилизирующее поведение. Отчужденные выпускники университетов готовят революции; отчужденные выпускники технических училищ и средних школ планируют перевороты; отчужденные люди, получившие начальное образование, оказываются участниками более распространенных, но менее значительных форм политического протеста» (Хантингтон 2004: 65).

В. Г. Иванов в статье «Естественный уровень образования» подчеркивает, что получение высшего образования, с одной стороны, является занятием для молодых людей, с другой стороны, люди, получившие высшее образование, но не нашедшие работы, создают угрозу для стабильности политического режима. По мнению автора, ситуацию, при которой существует разница между количеством выпускников и количеством квалифицированных рабочих мест, можно характеризовать как зону напряженности. Автор вводит понятие «естественный уровень образования», при котором эта разница может быть нивелирована. По мнению исследователя, при

достижении этого «естественного уровня» вероятность дестабилизации в данном обществе может быть снижена (Иванов 2011). Во второй части статьи автор анализирует конкретные случаи – США после Второй мировой войны, революции в Тунисе и Египте в 2011 г., современная Россия. В этих случаях, по мнению автора, нарушение «естественного уровня образования» может являться одной из причин политической нестабильности (Он же 2012).

Стоит отдельно сказать несколько слов об измерении уровня социально-политической дестабилизации, так как существует несколько подходов к решению этого вопроса. Для измерения уровня образования существует ряд количественных показателей – среднее количество лет, затраченных на обучение, доля грамотных людей, доля получивших среднее образование и др. Явления социально-политической дестабилизации, такие как протесты или террористические акты, разнородны по своей сути. В них может быть задействовано от одного человека до сотен тысяч, методы воздействия могут быть относительно мирными либо агрессивными, количество жертв также может сильно варьироваться. Разные авторы решают задачу с измерением этих явлений по-своему.

Например, экономист Альберто Алесина и его коллеги в работе «Политическая нестабильность и экономический рост» для измерения уровня социально-политической дестабилизации используют присвоенное числовое значение для каждой страны путем усреднения вероятностей изменения в правительстве этой страны по данным в течение нескольких последних лет (Alesina *et al.* 1996).

Фиктивную переменную использовали также А. Айзен и Ф. Вейга в исследовании «Ведет ли политическая нестабильность к повышению инфляции? Панельный анализ» (Aisen, Veiga 2006). Эта переменная принимала значение 0, если количество государственных переводов превышало 7, и 1 – в противоположном случае. В работе «Как политическая нестабильность влияет на экономический рост?» эти же авторы использовали для измерения уровня политической нестабильности количество новых назначений премьер-министра в год, а также долю новых представителей в кабинете министров (*Idem* 2013).

Исследователи Н. Кампос и Дж. Наджент в работе «Кто опасается политической нестабильности?» построили и применили два показателя для измерения политической нестабильности: один –

для умеренной, а другой – для серьезной нестабильности (Campos, Nugent 2002).

В 2002 г. А. Фосу в исследовании «Трансформирование экономического роста в развитие человека в странах Африки к югу от Сахары: роль нестабильности политической элиты» использовал сводный индекс для измерения политической нестабильности, учитывающий количество успешных переворотов, которые привели к передаче власти и изменениям в правительстве (Fosu 2002). Успешные перевороты, которые привели к изменениям в правительстве, также использовались как мера политической нестабильности авторами Д. Гура и Б. Мерсеро в исследовании «Политическая нестабильность и рост: Центрально-Африканская Республика» (Ghura, Mercereau 2002).

Отметим, что Т. Азенг и Т. Його в упомянутой выше публикации 2015 г. приводят в том числе обзор разных методов измерения политической дестабилизации (Azeng, Yogo 2015).

По теме связи уровня образования и терроризма также существует ряд научных работ, более того, это достаточно популярная тема для исследований в данной области.

Одними из наиболее авторитетных исследователей, изучающих происхождение терроризма, являются коллеги Алан Крюгер и Житка Малечкова. В большинстве других работ, посвященных данному вопросу, авторы ссылаются на их публикации. Одной из наиболее цитируемых является статья «Образование, бедность, политическая жестокость и терроризм: есть ли причинная связь?» (Krueger, Maleckova 2002). На основе результатов анализа ряда биографий авторы этой работы делают вывод, что участники организации «Хезболла» в Ливане происходили из экономически благополучных семей и имели относительно высокий уровень образования. Исследователи, однако, подчеркивают, что это отдельный случай, и подобные выводы не могут быть рассмотрены как обобщенные.

Аналогичный результат тем не менее был получен Клодом Берреби в работе «Доказательства взаимосвязи между образованием, бедностью и терроризмом среди палестинцев»: и высшее образование, и относительно высокий уровень жизни оказались позитивно связаны с членством в террористических организациях ХАМАС и PIJ (Berrebi 2007).

В исследовании «Качество террора» его автор Буэно де Мескита из Университета Вашингтона пишет о том, что в активную действующую группу в террористической организации, как правило, с большей вероятностью входят люди с наиболее высоким уровнем образования (de Mesquita 2005).

Абделазис Тестас в работе «Детерминанты терроризма в мусульманском мире: эмпирический поперечный анализ» оценивает факторы, лежащие в основе терроризма, на примере данных 37 мусульманских стран (Testas 2004). На основе эмпирических данных он разработал многомерные регрессионные модели, и проведенный таким образом анализ показал положительную взаимосвязь уровня образования с уровнем терроризма. Автор рекомендует правительствам мусульманских стран уделить внимание изменению негативного отношения населения к нерелигиозному образованию и особенно – преподаванию социальных наук.

В то же время существует ряд научных работ, авторы которых получили иные результаты.

Сара Брокхофф, Тим Кригер и Даниэль Миеррикс в своей работе «Связи, которые не связывают (напрямую): пересмотр взаимосвязи образования и терроризма» провели анализ на материале данных о 118 странах с 1984 по 2007 г. (Brockhoff *et al.* 2010). Он показал, что образование и терроризм не имеют прямой связи – образование не способствует и не препятствует развитию терроризма само по себе. Однако оно может повышать его уровень при неблагоприятных политических и социальных условиях и понижать – при благоприятных. Таким образом, эффект влияния образования на терроризм, по результатам данного исследования, зависит от конкретных условий в стране. Методом исследования был выбран регрессионный анализ. Уровень образования был представлен несколькими группами (окончившие среднюю школу, старшую школу и получившие высшее образование). Также для анализа были использованы данные о доле студентов в общем населении, доле молодежи (людей в возрасте от 10 до 29 лет). Зависимые переменные в эмпирической модели были представлены количественными переменными, такими как количество террористических атак или количество жертв.

Продолжая свое исследование, пять лет спустя эта группа авторов издала статью «Большие надежды и трудные времена: (нетри-

виальное) влияние образования на внутренний терроризм» (Brockhoff *et al.* 2015). Они подчеркивают, что мнения о взаимосвязи образования и терроризма разделяются. Существует предположение, что образование создает «иммунитет» против террористической пропаганды (это мнение в некоторой степени созвучно, например, названной выше работе «Связи, которые не связывают (напрямую): пересмотр взаимосвязи образования и терроризма», где респонденты с более высоким уровнем образования показали большее неприятие к насилию). С другой стороны, образование может повышать «производительность» и «эффективность» террористических организаций с помощью высокообразованных участников. Авторы статьи, в свою очередь, считают оба этих мнения осмысленными, так как конечный эффект образования на терроризм зависит от конкретных обстоятельств. Эта идея, высказанная уже в их более ранней работе, подкрепляется данным исследованием 2014 г. На этот раз группа ученых проанализировала влияние образования на терроризм для 133 стран в период с 1984 до 2007 г. Не нашлось никаких доказательств того, что образование влияет на терроризм по всем направлениям. Образование на низких уровнях (начальное) приводит к усилению терроризма для ряда стран с напряженными социально-экономическими условиями; в свою очередь, высшее (университетское) образование снижает уровень терроризма для целого ряда стран с благоприятными условиями. Эти результаты, по мнению авторов статьи, показывают, что само по себе образование не всегда может являться средством противодействия терроризму. Развитие образования должно сопровождаться внутренними и международными усилиями по улучшению социально-экономических, политических и демографических условий в странах, где эти условия неблагоприятны.

Отечественные исследователи А. А. Акаев, И. А. Васькин, А. В. Коротаев и С. В. Цирель в своей новой работе «Связь экономического роста, количественной экспансии образования и террористической активности: количественное кросс-национальное исследование», публикуемой на страницах данного ежегодника, изучают взаимосвязь продолжительности образования с интенсивностью терактов, применяя для этого разные статистические методы (Акаев и др. 2017). Дисперсионный анализ с разделением данных о количестве лет, затраченных на обучение, по децилям,

показал, что «до уровня 6–7 средних лет обучения наблюдается выраженная тенденция к росту террористической активности с повышением образованности населения, после наступает резкий спад». Применение регрессионного анализа привело исследователей к выводам о том, что взаимосвязь уровня образования и терроризма проявляет себя по-разному в зависимости от уровня образовательной модернизации страны. Так, повышение уровня охвата образованием населения в наименее модернизированных в плане образования странах приводит к усилению интенсивности террористической деятельности. В развитых странах – напротив. Таким образом, для них повышение охвата населения образованием может быть инструментом политики, направленной против развития терроризма, особенно в совокупности с понижением уровня безработицы, экономического неравенства и других факторов.

Исследователь Клэр Ричардсон в работе «Теория относительной депривации в терроризме: исследование высшего образования и безработицы как предсказателей терроризма» проанализировала данные о террористических атаках с 1980 по 2008 г. в 56 странах, чтобы выяснить, существует ли положительная взаимосвязь между безработицей и высшим образованием с количеством террористических актов (Richardson 2011). Уровень безработицы и численность населения, по результатам данного исследования, оказались сильно коррелированными с увеличением числа случаев терроризма, однако высшее образование не обнаружило с ним существенной связи. Иллюстрируя полученный результат, исследователь цитирует остроумное высказывание журналиста из *New York Times* Николаса Кристофа: *The antonym of 'militant' is often 'job'*. – «Часто антоним “мятежника” – это “работа”».

Автор данного научного исследования также подчеркивает, что представление большинства людей о террористах как о выходцах из самых бедных и социально уязвимых слоев населения является ошибочным. Напротив, исследования показывают, что эти люди, как правило, происходят из более высокообразованных и экономически благополучных семей, чем население их страны в среднем. Какие обстоятельства, кроме чистого отчаяния, могут заставить человека стать террористом? Пытаясь ответить на этот вопрос, автор обращается к теории относительной депривации (relative

deprivation theory), однако отмечает, что для ее проверки на микроуровне более подходящим методом является анализ результатов опросов. Суть этой теории заключается в том, что у человека может быть потребность иметь те же блага, что и окружающее его общество. Для современного общества такими благами являются, например, автомобили и технические устройства, которые еще несколько десятилетий назад были редкостью, и поэтому большинство людей не испытывали в них потребности. Глобализация и, как следствие, обширное представление об уровне жизни в других странах могут усиливать потребность человека в таком же уровне жизни.

Житка Малечкова и Драгана Станишич в статье «Повышает ли высшее образование поддержку терроризма?» изучают отношение жителей 16 стран Ближнего Востока, Азии и Африки с преимущественно мусульманским населением к терактам смертников (Malečková, Stanišić 2013). Результаты исследования были основаны на данных опросов. Они показали, что доля образованных людей среди опрошенных, оправдывающих подобные явления (независимо от пола и возраста), значительно коррелирует с числом международных террористических актов, совершаемых резидентами этой страны. Таким образом, авторы делают вывод, что общественное мнение может оказывать влияние на терроризм, высшее образование же, в свою очередь, вероятно, не является действенным средством политики, направленной против развития терроризма.

В заключение обратим внимание на две обзорные статьи на тему происхождения терроризма. Одна из них – работа исследователя Минервы Насер-Эддин и ее коллег «Противодействие жестокому экстремизму (CVE): литературный обзор», авторы которой описывают разные подходы к изучению экстремизма, а также делают краткий обзор ключевых исследований по разным направлениям данной темы (Nasser-Eddine *et al.* 2011). Они затрагивают в том числе упомянутую выше теорию относительной депривации, а также тему взаимосвязи экстремизма с высшим образованием. Авторы подчеркивают, что, исходя из результатов ряда исследований, экстремизм не является следствием бедности или малообразованности.

Работа «Что является причиной терроризма?» исследователей Тима Кригера и Даниэля Миеррикса также представляет собой об-

зор научных работ на тему происхождения терроризма, в частности, транснационального терроризма (Krieger, Meierrieks 2011). Помимо описания существующих публикаций, авторы высказывают свое мнение об адекватности каждого подхода и свое видение того, каким образом следует продолжать исследования в данном направлении. Факторы, изученные в данных работах, они разделили на группы – экономические, политические, демографические и ряд других. Среди социально-экономических причин исследователи выделили в том числе уровень образования, который в перечисленных авторами публикациях был представлен уровнем грамотности и количеством лет, затраченных на обучение. По их мнению, взаимосвязь образования и терроризма на данный момент не может считаться подтвержденной, несмотря на большое количество работ по этой теме. Исследователи приводят в пример научные работы, результаты которых являются противоположными (в некоторых случаях уровень образования имеет прямую связь с терроризмом, в других – обратную), что можно объяснить, с их точки зрения, разными подходами к измерению уровня образования. Авторы подчеркивают, что данная тема нуждается в дальнейшем изучении.

Следовательно, образование, оказывая безусловно положительное влияние на ряд показателей, например, ожидаемую продолжительность жизни, вероятно, может иметь неоднозначное влияние на уровень социально-политической дестабилизации. Результаты описанных выше исследований показывают, что характер этого влияния зависит от некоторых других условий в данном обществе, а также может по-разному проявлять себя на разных уровнях образования. Исследователям предстоит провести большую научную работу по выявлению этих условий, которые в совокупности с определенным уровнем образования позитивно или негативно влияют на социально-политическую дестабилизацию, и самих механизмов, объясняющих эти взаимосвязи.

Библиография

- Акаев А. А., Васькин И. А., Коротаев А. В., Цирель С. В. 2017. Связь экономического роста, количественной экспансии образования и террористической активности: количественное кросс-национальное исследование. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 5–36.

- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2012.** *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек.* М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е., Билюга С. Э., Малыженков С. В., Коротаев А. В. 2017.** Доля студентов в общей численности населения и социально-политическая дестабилизация: опыт количественного анализа. *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз* 4(87): 35–47.
- Гринин Л. Е., Малыженков С. В., Билюга С. Э., Коротаев А. В. 2017.** О росте числа студентов как возможном факторе социально-политической дестабилизации: количественный анализ. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 83–99.
- Иванов В. Г. 2011.** «Естественный уровень образования» как фактор стабильности политического режима. Ч. I. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология»* 4: 5–28.
- Иванов В. Г. 2012.** «Естественный уровень образования» как фактор стабильности политического режима. Ч. II. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология»* 1: 35–56.
- Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. 2017.** ВВП на душу населения, интенсивность антиправительственных демонстраций и уровень образования. Кросс-национальный анализ. *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз* 1(84): 127–143.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011.** Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ. *Историческая психология и социология истории* 4(2): 5–29.
- Коротаев А. В., Слинько Е. В., Шульгин С. Г., Билюга С. Э. 2016.** Промежуточные типы политических режимов и социально-политическая нестабильность (опыт количественного кросс-национального анализа). *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз* 3(82): 31–51.
- Хантингтон С. 2004.** *Политический порядок в меняющихся обществах.* М.: Прогресс-Традиция.
- Aisen A., Veiga F. J. 2006.** Does Political Instability Lead to Higher Inflation? A Panel Data Analysis. *Journal of Money, Credit, and Banking* 38(5): 1379–1389.
- Aisen A., Veiga F. J. 2013.** How does Political Instability Affect Economic Growth? *European Journal of Political Economy* 29: 151–167.

- Alesina A., Özler S., Roubini N., Swagel P. 1996.** Political Instability and Economic Growth. *Journal of Economic Growth* 1(2): 189–211.
- Azeng T. F., Yogo T. U. 2015.** Youth Unemployment, Education and Political Instability: Evidence from Selected Developing Countries 1991–2009. *Households in Conflict Network* 200.
- Berrebi C. 2007.** Evidence about the Link Between Education, Poverty and Terrorism among Palestinians. *Peace Economics, Peace Science and Public Policy* 13(1): 1–36.
- Brockhoff S., Krieger T., Meierrieks D. 2010.** *Ties That Do Not Bind (Directly): The Education-Terrorism Nexus Revisited.* Working Paper No. 2010-02.
- Brockhoff S., Krieger T., Meierrieks D. 2015.** Great Expectations and Hard Times: The (Nontrivial) Impact of Education on Domestic Terrorism. *Journal of Conflict Resolution* 59(7): 1186–1215.
- Campos N. F., Nugent J. B. 2002.** Who is Afraid of Political Instability? *Journal of Development Economics* 67(1): 157–172.
- Fosu A. K. 2002.** Transforming Economic Growth to Human Development in Sub-Saharan Africa: The Role of Elite Political Instability. *Oxford Development Studies* 30(1): 9–19.
- Ghura D., Mercereau B. 2004.** Political Instability and Growth: The Central African Republic. *International Monetary Fund* 4.
- Hall R. L., Rodeghier M. 1994.** More is Sometimes Less: Education's Effects on Tolerance. *The Review of Education/Pedagogy/Cultural Studies* 16(3–4): 297–314.
- Hall R. L., Rodeghier M., Useem B. 1986.** Effects of Education on Attitude to Protest. *American Sociological Review* 51(4): 564–573.
- Korotayev A., Bilyuga S., Shishkina A. 2018.** GDP Per Capita and Protest Activity: A Quantitative Reanalysis. *Cross-Cultural Research* 53 (forthcoming). URL: <https://doi.org/10.1177/1069397117732328>.
- Krieger T., Meierrieks D. 2011.** What Causes Terrorism? *Public Choice* 147(1): 3–27.
- Krueger A. B., Maleckova J. 2002.** Education, Poverty, Political Violence and Terrorism: Is There a Causal Connection? *National Bureau of Economic Research.* No. 9074.
- Malečková J., Stanišić D. 2013.** Does Higher Education Decrease Support for Terrorism? *Peace Economics, Peace Science and Public Policy* 19(3): 343–358.

- Mesquita E. B. de 2005.** The Quality of Terror. *American Journal of Political Science* 49(3): 515–530.
- Nasser-Eddine M., Garnham B., Agostino K., Caluya G. 2011.** Countering Violent Extremism (CVE) Literature Review. *Defence Science and Technology Organisation Edinburgh (Australia)* Dsto-TR-2522.
- Olson M. 1963.** Rapid Growth as a Destabilizing Force. *The Journal of Economic History* 23(4): 529–552.
- Richardson C. 2011.** *Relative Deprivation Theory in Terrorism: A Study of Higher Education and Unemployment as Predictors of Terrorism*. New York, NY: Politics Department, New York University.
- Rodeghier M., Hall R. L., Useem B. 1991.** How Education Affects Attitude to Protest. *The Sociological Quarterly* 32(2): 277–288.
- Testas A. 2004.** Determinants of Terrorism in the Muslim World: an Empirical Cross-sectional Analysis. *Terrorism and Political Violence* 16(2): 253–273.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО: НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

С. В. Кобзева

На современном этапе технологического развития в эпоху NBIC-конвергенции ведущей тенденцией развития государственного управления является внедрение технологий электронного правительства (e-Government), позволяющих оказывать гражданам высококвалифицированные и высокотехнологичные государственные услуги, одновременно снижая их стоимость и повышая качество, и способных превратить государственное управление из рутинного, командно-контрольного процесса в высокотехнологичный, высокоинтеллектуальный и организованный по сетевому принципу процесс, который ориентирован на результат и в конечном итоге на повышение качества данных услуг.

Введение

Нарастание процессов глобализации на рубеже XX–XXI вв. привело к росту взаимозависимости на международной арене – развитию транснациональных форм бизнеса, возникновению новых наднациональных политических структур, ускорению движения потоков людей, капитала, товаров и информации на межконтинентальных расстояниях (Зинькина и др. 2016). Глобализация средств массовой коммуникации и формирование единого информационно-коммуникационного пространства создают новые рамки и формы межкультурных взаимодействий, расширяют возможности контроля над конфликтными ситуациями, способствуют развитию человеческого капитала, образования, здравоохранения, социальной политики, резко увеличивают возможности международного сотрудничества в обеспечении глобальной и региональной безопасности. Распространение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), в частности интернет-коммуникаций, позволяет улучшить качество человеческого потенциала посредством увели-

чения занятости, включения в активную жизнь общества социально изолированных групп населения, преодоления депривированности, бедности и различных форм дискриминации, способствует устранению территориальных, административных, цивилизационных и культурных барьеров. В то же самое время процессы глобализации создают риски и угрозы транснационального характера вследствие вовлечения в них субъектов и акторов субнационального и транснационального уровня, использующих как легитимные формы деятельности, так и криминальные. Современное мировое развитие происходит в направлении внедрения в государственное управление технологий электронного правительства (*e-Government*), позволяющих повышать качественный уровень квалифицированности и технологичности государственной службы, одновременно снижая их стоимость.

Глобализация ИТ (ИКТ): новая геостратегическая реальность

В настоящее время мир переживает новую глобальную технологическую эпоху информационного и телекоммуникационного развития NBIC-конвергенции¹, в рамках которой доминирующее развитие получают нано-, био-, информационные технологии и когнитивная наука (Садовничий и др. 2014). NBIC-конвергенция приходится на шестой большой цикл Н. Кондратьева (К-цикл 2030–2040-е – 2070-е гг.; см.: Коротаев, Гринин 2012; Гринин, Коротаев 2015; Korotayev *et al.* 2011) и связана с кибернетической революцией (MANBRIC-революцией, по первым буквам технологических направлений) – новым этапом инновационного технологического развития, триггерами которого являются медицинские, аддитивные (3D-принтеры), нано- и биотехнологии, робототехника, информационные технологии и когнитивная наука (Коротаев и др. 2016; Grinin, Korotayev 2016; Grinin *et al.* 2017b).

В западной экономической науке конвергенция цифровых, физических технологий и биотехнологий получила название четвертой индустриальной революции (Schwab 2016), в рамках которой в беспрецедентном темпе происходит создание и распространение

¹ NBIC-конвергенция, по первым буквам технологических направлений (N – нано-, B – био-, I – информационные технологии, C – когнитивная наука).

технологических инноваций – от наносенсоров и Интернета нановещей (IoNT), искусственного интеллекта и интерфейсов человеческого мозга, нейронных сетей и финансовых технологий (FinTech), биотехнологий, телемедицины и 3D-печати до квантовых компьютеров (McKinsey... 2013). Фундаментальная и глобальная природа четвертой индустриальной революции, в первом эшелоне которой находятся информационно-коммуникационные технологии, по оценкам ведущего экономиста К. Шваба, представляет новые угрозы, связанные с кризисами, которые революция может вызвать на рынке труда, с неравенством доходов и проблемами геополитической безопасности, а также социальной системы, ценностной и этической структур (Schwab 2016).

Движущей силой современной постиндустриальной революции является глобализация – новый качественный этап мировой экономической интеграции, характеризующийся концентрацией и свободным движением мирового капитала транснациональных корпораций (ТНК) и фондов, управляемый наднациональными и межправительственными институтами (May 2015). Национальные экономики и люди во всем мире начинают испытывать на себе первые эффекты четвертой промышленной революции, формирующие единый глобальный рынок капитала, товаров, людей, информации и труда (Grinin *et al.* 2017a). Парадокс глобализации заключается в том, что, несмотря на тесную связь технологической революции и глобальной конвергенции бизнеса с повышением производительности национальных экономик, мировые темпы роста производительности в мировом масштабе замедлились, наблюдается поляризация рынка труда и рост неравенства, самые высокие показатели которого проявляются в тех странах, где выше изменение соотношения в доходах в пользу капитала и в ущерб труду (Группа... 2016).

В перспективе развития глобализации центр-периферийная модель деления мира по показателям производительности труда и капитала налагается на цивилизационную парадигму нарастающей экономической и технологической мощи развивающегося мира (преимущественно России, Китая и Индии), обладающего огромным потенциалом влияния на мировой порядок. По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), центральное место в международной сети ИТ-патентной кооперации

занимают США, Канада, Китай, Великобритания, а Япония, Индия, Израиль, Корея, Швеция, Швейцария, Франция и Германия – во втором эшелоне (OECD 2015a). При этом в общем тренде роста числа патентов в мире выделяется доля патентов, связанных с компьютерными технологиями и межкомпьютерным взаимодействием (OECD 2015b).

Уровень развития технологий напрямую коррелирует с национальным доходом (ВВП): эксперты Всемирного банка выделяют 3 стадии развития технологий: *преобразование* (страны с высоким уровнем доходов), *переход* (страны со средним и выше среднего уровнем дохода) и *зарождение* (страны с низким уровнем дохода) (Группа... 2016). Высокие технологии оказывают существенное влияние на экономическое развитие: вклад ИТ-сектора по данным 2011 г. составляет в среднем 4–7 % ВВП в большинстве стран ОЭСР, при этом лидирующие позиции занимают Ирландия (12 %), Южная Корея (9 %), Япония (8 %), Швейцария (7 %), Великобритания (7 %), США (7 %) (OECD 2015b). Расходы правительств стран ОЭСР на развитие информационных технологий составляют около 2 % бюджета (OECD 2015c), доля затрат на НИОКР наиболее высока в Южной Корее (4,23 %), Германии (2,93 %), США (2,79 %), Китае (2,07 %), Великобритании (1,7 %) (Центр... 2017), при этом эффективность инвестиций в ИКТ наиболее высока в Великобритании, Корее и Дании (75–100 %) (OECD 2017; 2015c). Корреляционный анализ показателей ВВП на душу населения и развития высоких технологий в мире показывает значимую корреляцию (см. Табл. 1).

Компьютеризация – ключевой процесс в современном технологическом прогрессе, прошедший в своем развитии 3 этапа. На первом этапе (1956–1976 гг.) были изобретены централизованные компьютеры и спутниковые технологии; на втором (1976–1992 гг.) произошло распространение персональных компьютеров и робототехники; на третьем – развитие компьютерных сетей (Интернета) (1992–2008 гг.) и Интернета вещей (IoT) (2008–2017 гг.) (Institute... 2016); четвертая стадия будет характеризоваться развитием квантовых компьютеров, нейросетей искусственного интеллекта (2017–2025 гг.).

Табл. 1. Корреляционный анализ показателей ВВП на душу населения (ППС в международных долларах 2011 г.) и развития высоких технологий в мире (1990–2016 гг.)

		ВВП на душу населения	Развитие высоких технологий
ВВП на душу населения	Корреляция Пирсона	1	0,970**
	Значимость (2-tailed)		< 0,001
	N	27	16
Развитие высоких технологий	Корреляция Пирсона	0,970**	1
	Значимость (2-tailed)	< 0,001	
	N	16	16

Источник данных: World Bank 2017.

** Корреляция значима при 0,01 (2-tailed).

Интернет является стремительно развивающимся средством коммуникации и связи: к 2041 г., по прогнозам компании CISCO, пропускная способность сетей увеличится в 500 раз, к 2020 г. число подключенных устройств превысит 50 млрд. Интернет активизирует торговлю: каждое 10%-е увеличение широкополосного доступа к Интернету приводит к росту ВВП на 1,3 %. По прогнозам McKinsey, к 2025 г. вклад Интернета вещей (IoT) в мировую экономику составит от 3,9 до 11,1 трлн долларов, притом что общемировой уровень составляет 80 трлн долларов. Электронная коммерция (*e-commerce*) охватывает весь мир: за период 1997–2013 гг. в странах ОЭСР электронная коммерция выросла среди индивидуумов с 31 % до 50 %, среди коммерческих компаний – до 21 % (OECD 2015a). Развитие финансовых интернет-технологий (FinTech) способствует формированию «новых денег» в экономике – криптовалют, а также платформ краудсорсинга, краудфандинга, краудинвестинга; по прогнозам Всемирного банка, годовой объем краудинвестиций в развивающихся странах к 2025 г. достигнет 95 млрд долларов (World Bank 2013).

В то же самое время серьезным глобальным риском развития человечества является цифровое неравенство: по оценкам экспер-

тов Всемирного экономического форума, более 55 % (около 4 млрд) человек в мире не являются активными пользователями Интернета вследствие неграмотности или бедности и не могут активно включиться в цифровую экономику (WEF 2016b).

Россия демонстрирует существенные успехи в сфере развития информационных технологий: вклад сектора ИКТ в ВВП и общую занятость оценивается в 3 % (Группа... 2016), вклад экономики Рунета вместе с рынком электронных платежей в 2015 г. составил 2,4 % ВВП. По оценкам экспертов, с 2011 по 2015 г. объем цифровой экономики России увеличился на 59 %, в 9 раз быстрее, чем ВВП страны, при этом эффект для ВВП от цифровизации экономики России к 2025 г. может составить 4–8,9 трлн рублей (Аптекман и др. 2017).

В Глобальном индексе сетевой готовности (ГИСГ), который оценивает текущие рыночные условия и состояние сетевой среды, Россия продвинулась с 80-го места (из 133 стран) в 2010 г. на 67-е место (из 144 стран) в 2016 г. (WEF 2016a). По оценкам зарубежных и российских экспертов, среди проблем России, определяющих ее отставание от стран – лидеров ИТ-развития, выделяются следующие: 1) неэффективная регуляторная среда и судебная система, особенно слабая защита интеллектуальной собственности; 2) недостаточно благоприятные условия для ведения бизнеса и инноваций, включая недоступность самых современных технологий и низкий уровень освоения технологий бизнес-компаниями; 3) ограниченный доступ к финансированию и неурегулированный геополитический кризис, усугубляемый санкциями, запрещающими экспорт технологий двойного назначения и ограничивающими наличие венчурного капитала (Всемирный... 2016; Центр... 2017).

Сущность кибернетической революции может быть отнесена к научно-информационной, поскольку для нее характерно развитие планирования, прогнозирования, маркетинга, логистики, продакт-менеджмента, распределения ресурсов и коммуникаций (при этом наиболее радикальные перемены происходят в сфере информационно-коммуникационных технологий) (Grinin *et al.* 2017a; 2017b; Угринович, Мун 2017). В процессе кибернетической революции экспоненциальный² технологический рост сопровождается гипер-

² Экспоненциальный рост – возрастание величины, когда скорость роста пропорциональна значению самой величины.

болическим ростом мировой грамотности, все более расширяющейся доступностью знаний, уровень которых сейчас выше, чем когда-либо прежде в истории человечества (притом что пятая часть мирового населения остается неграмотной); отмечается рост числа исследователей и исследований в мире (Коротаев 2009; Коротаев и др. 2010).

Глобализация цифровых технологий, средств коммуникации и связи находится в первом эшелоне четвертой промышленной революции. Согласно Окинавской Хартии глобального информационного общества (2000) информационно-коммуникационные технологии являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества двадцать первого века. Их революционное воздействие касается образа жизни людей, их образования и работы, а также взаимодействия правительства и гражданского общества. Распространение ИКТ (в особенности интернет-коммуникаций) стимулирует качество человеческого потенциала посредством увеличения занятости (в особенности женщин), аутсорсинга бизнес-процессов, предоставления новых возможностей для 1 млрд человек с ограниченными возможностями (80 % которых проживают в развивающихся странах), преодоления неравенства и различных форм дискриминации и нарушений прав человека (Группа... 2016). Прогнозируемый рост роботизации экономики (банковской деятельности, бухгалтерского учета) и производства в ближайшем будущем будет оказывать существенное влияние на структуру рынка труда для перераспределения трудовых ресурсов в пользу высококвалифицированного, высокоинтеллектуального, высокотехнологичного труда (Центр... 2017).

Глобализация ИКТ формирует новый мировой порядок в виде объединения стран мира в единое глобализирующееся мировое сообщество, управляемое на основании международного права и договоренностей лидеров стран, развивающееся по модели «центр (Запад) – периферия (третий мир)» в контексте все более возрастающей роли развивающегося мира. Центральное место в международной кооперации в ИКТ-науках занимают цивилизационные связи между США и Китаем, во втором эшелоне – Великобритания, Франция, Германия, Италия, Канада и Австралия (OECD 2015b). Россия является одним из лидеров по количеству публикаций в год (1,14 за период 2010–2014 гг.) в расчете на 1 млн долларов затрат

на НИОКР по ППС, уступая позиции только Великобритании (2,39) и Франции (1,4) (Совет... 2016). Центр-периферийная модель прослеживается в производстве интернет-контента: 85 % материалов, проиндексированных мировой системой Google, происходит из Соединенных Штатов, Канады и Европы (Группа... 2016).

Глобализация информационно-коммуникационных технологий затрагивает широкую системную область мировой политики – геостратегическую структуру международных отношений, определяемую через категории центров и факторов силы (Morgenthau 1985), формирующую новый мировой порядок, управляемый наднациональными и межправительственными институтами на основании международного права. Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц характеризует современную мировую систему как «глобальное правление без глобального правительства», справедливо указывая на отсутствие в ней системы сдержек и противовесов, изоляцию институтов и единоличное принятие решений без учета мнения развивающихся стран (Stiglitz 2002).

В современных условиях внешнеполитический потенциал субъектов международных отношений все шире и активнее включает в себя нематериальные факторы силы, именуемые в теории и практике международных отношений «мягкой силой» (Nye 2004), которые делают особо важной частью мировой политики и дипломатии интеграцию, диалог и сотрудничество – отношения, ориентированные на идеологические ценности демократии, суверенитета и независимости, обеспечения интересов и укрепления позиций государств на мировой арене (Кулик 2013). Согласно теоретикам концепции «мягкой силы» в международных отношениях Р. Кеохане и Дж. Наю, «возможность укреплять свободу информации увеличивает потенциал убеждения в мире политики» (Keohane, Nye 2006).

Как фактор мировой политики, имеющий стратегическое значение, феномен «мягкой силы» реализуется в иных масштабах и формах, нежели традиционные геополитические факторы силы, основанные на балансе сил и ядерном сдерживании. Глобальные коммуникативные воздействия атерриториальны, не фиксируются государственными и какими-либо локальными границами, реализуются в глобальной медиасистеме посредством ИКТ и Интернета, освещающих форматы встреч на высшем уровне стран – лидеров

«Большой двадцатки» (G20), наднациональных интеграционных союзов, влиятельных международных форумов. Знания и образование являются важнейшим фактором укрепления мира и глобальной геополитической стабильности.

Результатом цифровой революции стало развитие одного из видов публичной дипломатии – «цифровой дипломатии» (в других вариациях – «сетевой дипломатии», дипломатии «web 2.0»), которая зародилась в США в 2000-е гг. и в приоритеты которой вошло управление знаниями и политическое планирование. В России в 2003 г. заместителем директора Департамента информации и печати была предложена формулировка «инновационная дипломатия», которая определялась как «инструмент внешней политики России для воздействия на общественное мнение с помощью ИКТ» (Кулик 2013). Существенным сдерживающим фактором современной электронной дипломатии является недостаточная демократичность и открытость публичного политического процесса на мировой арене. В докладе исследовательской службы Конгресса США «Транспарентность и секретность правительства» отмечается, что «в будущем дипломатические переговоры могут стать еще более ограниченными для общественного доступа из-за вероятных утечек» (Congressional... 2012).

Особой геостратегической реальностью является перспектива интеграции акторов международной дипломатии с целью выработки консенсуса по управлению технологическим развитием (интернационализация глобальной политики по управлению Интернетом). Эксперты Всемирного экономического форума отмечают: «...переживая четвертую промышленную революцию, очень важно, чтобы мы развивали отдельные нормы и протоколы, которые будут гарантировать, что технологии будут служить человечеству и способствовать процветанию и стабильному будущему», «глобальное сообщество должно объединиться и договориться об общих принципах, если оно нацелено получить выгоду от технологий и застраховаться от технологических рисков» (WEF 2016с).

Неизбежность столкновения «глобальных идеологий» провоцируется неравномерным характером глобальной медиасистемы, управляемой преимущественно США. Дж. Най справедливо указывает, что «не существует единого режима управления киберпро-

странством, есть набор двойных норм и институтов, которые ранжируются между иерархически интегрированными институтами и фрагментированными практиками» (Нуе 2014).

В государственной идеологии РФ информационно-коммуникационные технологии рассматриваются в контексте защиты суверенитета и обеспечения национальных интересов страны: в стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. информационная угроза представляется в качестве важнейшей угрозы суверенитету страны, Интернет рассматривается как канал распространения экстремизма и терроризма, навязывания чужой идеологии и внешнеполитической пропаганды, средство ведения информационной войны (Кулик 2013; Лопатин 2017).

Глобальная кибербезопасность и безопасность правительственных данных является значимым вопросом в повестке дня мировой дипломатии в современном дискурсе о глобальном контроле спецслужб США над Интернетом и мобильными технологиями и обвинениях в хакерских атаках. Согласно ООН, построение конфиденциальности и безопасность использования ИКТ в целях устойчивого развития должны стать приоритетом национальных государств в контексте возрастающих угроз киберпреступлений (UN 2016).

Электронное правительство: международный и российский опыт

Применение современных информационно-коммуникационных технологий в государственном управлении несет в себе огромный потенциал для социально-политического и экономического развития сетевых сообществ на национальном и глобальном уровнях: ускорение экономического и социального развития, достижение социального равенства и социальной инклюзии, интеграции и медиации на уровне сообществ. Корреляции между показателями индекса готовности сетевой среды, эффективности правительства и качества государственного управления, социальной защиты и развития человеческого капитала, ответственности и подотчетности правительства являются высокосignификантными (см. Табл. 2).

Табл. 2. Корреляционный анализ показателей индекса готовности сетевой среды, развития человеческого капитала, эффективности правительства, качества государственного управления, социальной защиты, ответственности, подотчетности правительства

		Развитие человеческого капитала	Качество государственного управления	Эффективность правительства	Социальная защита	Ответственность, подотчетность пр-ва
Индекс готовности сетевой среды	Корреляция Пирсона	0,621**	0,537**	0,672**	0,453*	0,456*
	Значимость	0,001	0,005	< 0,001	0,020	0,019
	N	26	26	26	26	26

Источники данных: World Bank 2017; WEF 2016a.

В аналитическом отчете Организации Объединенных Наций (ООН) указывается, что распространение информационных и коммуникационных технологий и глобальной взаимозависимости оказывает огромное влияние на прогресс человечества – на преодоление цифрового неравенства, развитие интеллектуализированных сообществ, повышение научного и технологического инновационного потенциала, в особенности в сферах медицины и энергетики (UNCTAD 2011). Согласно обращению Генерального секретаря ООН от 2016 г. к участникам Всемирного форума по вопросам информационного общества, «информационные технологии позволяют применять инновационные подходы в борьбе с изменением климата, улучшать услуги в сфере образования и здравоохранения, расширять возможности женщин и других наиболее уязвимых лиц» (ООН 2016).

На современном этапе технологического прогресса исследователи отмечают рост когнитивных технологий на всех уровнях управленческого процесса, в особенности в сфере государственного управления.

К быстрому прогрессу когнитивных технологий, к превращению этой области в мощную индустрию человечество принуждает объективная потребность в достижении нового качества управления во все более сложном и нестабильном мире. Научно-техническая революция (НТР) и смена технологического уклада на глобальном уровне привели в действие колоссальные инновационные силы общества, породили процессы модернизации государственного управления, получившие в исследовательском дискурсе название *Новое государственное управление* (McLaughlin *et al.* 2002). Одним из направлений нового государственного управления является «качественное управление», которое включает в себя следующие характеристики: участие граждан во власти; верховенство права; прозрачность власти; отзывчивость реагирования; ориентация на консенсус; равенство и инклюзия; эффективность; подотчетность власти гражданам.

Началом цифровой модернизации государственного управления в 2000-е гг. стал процесс открытия данных для реализации фундаментального права граждан на доступ к информации и повышение транспарентности правительственных органов (Van der Meer *et al.* 2014). Свобода информации как одна из составляющих основополагающих ценностей свободы слова, коммуникации и доступа к информации закреплена во многих международных актах – в Декларации тысячелетия ООН (UN 2000), Всеобщей декларации прав человека (в ст. 19, гарантирующей право на «получение и распространение информации и идей через любой источник СМИ, невзирая на границы») (ООН 1948), законе США «О свободе информации» от 1967 г. (Freedom of Information Act) (United... 1967). На сегодняшний день практически все правительства ОЭСР имеют законы/положения о свободе информации, гарантирующие право доступа к информации. В большинстве стран ОЭСР сфера применения законов о свободе информации распространяется вертикально на все уровни государственного управления и примерно в половине из них – горизонтально на все ветви центрального государственного управления (Banisar 2006; 2011).

Процесс открытия правительственной информации для общественности и публикации административной информации в открытом формате данных наиболее активно протекает в странах ОЭСР: в большинстве из них делают достоянием общественности бюд-

жетную документацию, годовые отчеты министерств и доклады аудиторов, в некоторых странах публикуют перечни государственных служащих и их зарплаты. Согласно рейтингу открытых правительственных данных Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), лидерами в данном процессе являются: Южная Корея, Франция, Великобритания, Австралия, Канада, Норвегия, США (Группа... 2016). Россия активно включилась в мировой тренд открытия данных в системе государственного управления путем создания портала «Открытые данные Российской Федерации».

В последние годы в мире наблюдаются процессы развития автоматизации государственного управления (в частности, систем управления налогами и сборами, бюджетной отчетности, цифровой подписи и идентификации граждан), рост государственных онлайн-порталов и социальных медиасервисов. Правительственные онлайн-сервисы в настоящее время доступны на порталах 101 страны мира, в 141 стране предоставление государственных услуг защищено специальными сертификатами безопасности (UN 2016). Данные процессы в государственном управлении объединены общим термином «электронное правительство» (*e-Government*).

Электронное правительство – система технологичных решений, направленных на развитие качества услуг, оказываемых гражданам и бизнесу с целью повышения эффективности, подотчетности и прозрачности управления, а также на увеличение гражданского участия в демократическом политическом процессе (European Parliament 2015). Электронное правительство понимается также как «система взаимодействия органов государственной власти с населением, основанная на широком применении современных информационных технологий, в том числе сети Интернет, для повышения доступности и качества государственных услуг, сокращения сроков их оказания, а также снижения административной нагрузки на граждан и организации, связанные с их получением» (ИНСОР 2009). Системы электронного правительства по аналогии с бизнесом подразделяются следующим образом: правительство – граждане (G2C), правительство – бизнес (G2B), правительство – правительство (G2G).

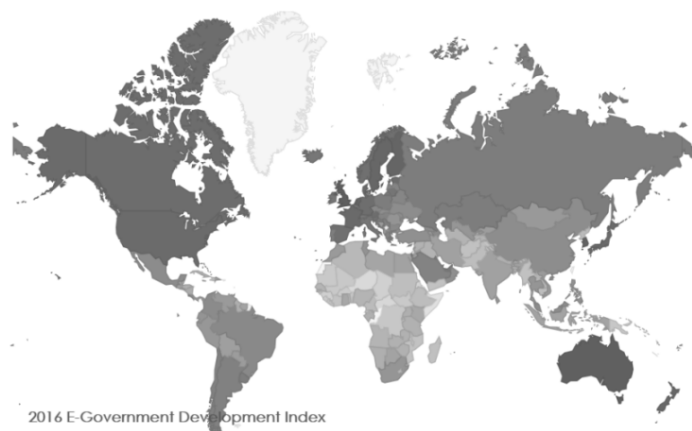
Внедрение цифровых технологий в государственное управление позволяет государственным органам хранить огромные массивы данных персональной информации граждан.

Развитие электронного правительства – финальная стадия цифровой трансформации государственного управления – позволяет правительствам осуществлять социально ориентированную политику, направленную на увеличение открытости, транспарентности, легитимности политического процесса и гражданского участия (Shkabatur 2012). В 2013–2014 гг. специалисты «Бостон Консалтинг Групп» констатировали, что одна десятая транзакций граждан с правительством происходила онлайн, по прогнозам организации, в будущем к 2020 г. одна треть транзакций будет осуществляться онлайн (European Parliament 2015). Современные правительства используют цифровые технологии более интенсивно, чем коммерческие фирмы (WEF 2016a). В современном тренде развития электронного правительства в мире находятся процессы автоматизации государственных услуг: налоговых сборов и платежей, регистрации бизнеса, онлайн-сертификатов о рождении ребенка и т. д. Наибольший прогресс в развитии электронного правительства достигнут в таможенной, финансовой, налоговой системах, электронной торговле, управлении человеческими ресурсами, телемедицине (*Ibid.*).

Развитие электронного правительства требует колоссальных финансовых вложений. Несмотря на то, что инвестиции развивающихся государств в совершенствование систем электронного правительства существенны, неравенство в данной сфере в странах мира в целом велико и в большей степени распространяется на онлайн-сервисы для граждан и бизнеса и в минимальной степени – на административные системы (*Ibid.*). Развитие электронного правительства положительно коррелирует с экономическим ростом (UN 2016): согласно данным индекса онлайн-сервисов ООН (Online Services Index [OSI]), который измеряет онлайн-присутствие в странах мира, большинство высокоразвитых стран занимают 50 % лидирующих позиций рейтинга, в то же самое время большинство слаборазвитых государств находятся на низких позициях (*Ibid.*).

Согласно рейтингу ООН наибольший уровень развития электронного правительства наблюдается в развитых странах – США, Канаде, ЕС, Австралии, России, наименьший – в слаборазвитых го-

сударствах Африки и развивающихся режимах Латинской Америки (UN 2016) (см. рисунок). В рейтинге «Глобальный индекс инноваций – 2017» по уровню развития электронного правительства Россия является лидером среди стран БРИКС, но отстает от таких стран, как Канада, Австралия, Норвегия и Чили. В 2015 г. лишь треть граждан РФ пользовались такими услугами, в Канаде – 50 %, Австралии – 55 %, Норвегии – 80 % (Группа... 2016).

Развитие электронного правительства в мире (более темный тон соответствует большему уровню развития системы электронного правительства)

Источник данных: UN 2016.

В США внедрение электронного правительства в государственную службу происходило поэтапно, начиная с 2002 г., когда был принят закон «Об электронном правительстве» (United... 2002), подготовлена «Стратегия создания электронного правительства» (Executive... 2003), организовано специальное Управление по электронному правительству (*Office of Electronic Government*) в рамках Административно-бюджетного управления (*Office of Management and Budget*) и сформирован Фонд электронного правительства (*E-government Fund*).

Развитие электронного правительства и цифровой демократии в Великобритании началось в 2000 г., именно в этот период была принята директива по электронной коммерции (*e-Commerce Directive*) (Department... 2002) и акт об электронных коммуникациях (*Act*

of *Electronic Communications*) (Department... 2000). Органом, ответственным за перевод государственных услуг в электронный вид, стала Государственная электронная служба (Government Digital Service [GDS]). Завершение процесса построения электронного правительства в Великобритании произошло в соответствии с «Электронной стратегией правительства» (UK Digital Strategy) (Department... 2017).

В Евросоюзе в настоящее время действует «План действий построения электронного правительства на 2016–2020 гг.» (EU E-government Action Plan 2016–2020) (European Commission 2016b), который предполагает переход государств-членов к контрактной системе, внедрение электронной подписи и развитие транснациональной ИТ-инфраструктуры (European Commission 2016a). По расчетам Еврокомиссии, эффективность электронного правительства в 2012 г. в странах ЕС составила от 15 до 20 % (100 млрд фунтов в год) (European Parliament 2015).

В Европейском союзе активно развивается демократический законодательный гражданский процесс (*crowdsourcing legislation*) включения граждан посредством электронных платформ в демократические процессы, в частности в законодательный процесс и бюджетирование, направленный на «достижение публичного консенсуса по правительственным вопросам, укрепление сообществ, включение в политический процесс маргинализированных групп и укрепление гражданского участия» (Bott *et al.* 2012). Примером применения гражданского законодательства в Европе является конституционная реформа в Исландии в 2010 и 2011 гг., не имеющая аналогов в мире, в процессе которой ассамблеи собирали предложения онлайн и офлайн от 1000 граждан, выбранных с соблюдением принципов регионального и гендерного равенства. В Финляндии в 2012 г. был принят Акт о новых гражданских инициативах (*New Citizens' Initiative Act*), согласно которому была создана система сбора петиций граждан онлайн и офлайн и введено правило: если петиция граждан получает более 50 000 подписей за шесть месяцев, она передается на обсуждение в парламент страны (European Parliament 2015; 2016).

Важной частью демократического гражданского процесса является общественное бюджетирование (*participatory budgeting*), которое позволяет гражданам участвовать в онлайн-процессе форми-

рования бюджета, осуществлять мониторинг расходов статей бюджета посредством организации открытых публичных встреч и создания механизмов демократизации политических программ. Гражданское участие в бюджетировании становится все более популярным в Европе: число городов, внедривших общественное бюджетирование, выросло с 300 в 2010 г. до более чем 1300 в 2012 г.

Согласно мнению эксперта Тьяго Пьексото, «общественное бюджетирование – одна из самых главных инноваций, направленных на усиление подотчетности на локальном и региональном уровнях» (Peixoto 2009).

В нашей стране процесс построения электронного правительства начался с принятия «Стратегии развития информационного общества в России» в 2008 г. (Стратегия... 2008) и целевой программы «Электронная Россия» (Минкомсвязь... 2014). В настоящее время Правительством Российской Федерации утверждены пять документов со сроком действия до 2010 г., имеющих прямое отношение к развитию электронного правительства:

1. ФЦП «Электронная Россия» (Там же).
2. Концепция формирования электронного правительства в Российской Федерации (Минэкономразвития 2008).
3. Концепция региональной информатизации (Правительство... 2014).
4. Концепция использования информационных технологий в органах государственной власти (Минкомсвязь... 2004).
5. Программа «Цифровая экономика» (Правительство... 2017).

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 октября 2010 г. № 1815-р была утверждена государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 гг.)», целью которой является получение гражданами и организациями преимуществ от применения информационных и телекоммуникационных технологий за счет обеспечения равного доступа к информационным ресурсам, развития цифрового контента, применения инновационных технологий, радикального повышения эффективности государственного управления при обеспечении безопасности в информационном обществе. В ходе реализации программы к 2018 г. 70 % всех госуслуг в стране будет оказываться в электронном виде. В России в 2017 г. началось внедрение систе-

мы автоматизированного обмена налоговой информацией. Портал «Госуслуги» предоставляет широкий перечень государственных услуг, портал «ГосЗатраты» позволяет отслеживать государственные закупки и контракты с помощью данных Открытого правительства, что помогает выявить правонарушения в сфере государственных закупок. В России в рамках Фонда развития интернет-инициатив (ФРИИ) создан аналог Европейского демократического гражданского процесса с тем отличием, что инициативы, выдвигаемые гражданами, не имеют законодательной силы. В настоящее время в России ведется работа над реализацией программы «Цифровая экономика», принятой в июле 2017 г., которая предполагает развитие условий для экономических, предпринимательских, образовательных и социальных проектов в условиях цифровой экономики (Правительство... 2017).

* * *

Современные тенденции мирового развития показывают, что на этапе четвертой технологической революции рост информационных и когнитивных технологий (эпоха NBIC-конвергенции) сформировал новую геостратегическую реальность единого глобализирующегося мира, управляемого посредством «мягкой силы» – потенциала переговоров, реализуемого в новом формате электронной дипломатии (*e-diplomacy*). Развитие информационной поддержки политического процесса и его аналитичности привело в действие процессы модернизации государственного управления и развития технологий электронного правительства (*e-Government*). В докладе ООН отмечается, что электронное правительство способствует увеличению транспарентности, подотчетности, эффективности и вовлечению граждан в государственное управление (UN 2016), ускоряет экономический рост и развивает человеческий потенциал посредством «качественного управления» и социальной политики. Несмотря на высокий уровень неравенства в развитии электронного правительства в странах мира, в большинстве стран Евросоюза достигнут прогресс в области защиты беднейших и наиболее уязвимых слоев населения (*Ibid.*).

Следует отметить, что в современном исследовательском дискурсе преодолен «киберэнтузиазм» относительно роста цифровых технологий, ожидалось, что они станут провозвестниками новой эры

подотчетности и расширения прав и возможностей политического участия граждан в разработке политики и создании самоорганизующихся виртуальных сообществ (WEF 2016a). Однако развитие высоких технологий во многом не оправдало надежд. Прогресс электронного правительства осложняется глобальными рисками информационно-коммуникационной среды: утечками информации, киберпреступлениями, распространением незаконного контента, нарушением прав человека. Существенным риском электронного правительства является «диктаторская дилемма» – развитие электронного правительства в авторитарных режимах в условиях интернет-цензуры (Китай). В нашем видении электронное правительство должно развиваться из отдельных государственных автоматизированных систем и онлайн-услуг в единую систему управления, охватывающую широкий спектр сфер политики (развитие цифровой экономики, глобальная кибербезопасность, защита прав человека). В исследовательском сообществе активно ведутся дискуссии о дальнейшем развитии национальных электронных правительств. Эксперты не исключают, что по мере внедрения технологий электронного правительства могут возникнуть отдельные совместные программы для координации тех или иных действий в режиме онлайн.

Библиография

- Аптекман А., Калабин В., Клинцов В., Кузнецова Е., Кулагин В., Ясеновец И. 2017. Цифровая Россия: новая реальность. URL: <http://docplayer.ru/48445906-Iyul-2017-g-aleksandr-aptekman-vadim-kalabin-vitaliy-klincov-elena-kuznecova-vladimir-kulagin-igor-yasenovec.html>.
- Всемирный банк. 2016. Пути достижения всеобъемлющего экономического роста. Российская Федерация. Комплексное диагностическое исследование экономики. URL: <http://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/russia/publication/systematic-country-diagnostic-for-the-russian-federation-pathways-to-inclusive-growth>.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2015. Глобальное старение населения, шестой технологический уклад и мировая финансовая система. *Кондратьевские волны: наследие и современность* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, В. М. Бондаренко. Волгоград: Учитель. С. 107–133.
- Группа Всемирного банка. 2016. Цифровые дивиденды. Доклад о мировом развитии. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/23347/210671RuSum.pdf>.

- Зинькина Ю. В., Шульгин С. Г., Коротаев А. В. 2016.** *Эволюция глобальных сетей: Закономерности, тенденции, модели.* М.: Ленанд/URSS.
- ИНСОР = Институт современного развития. 2009.** Доклад «О развитии электронного правительства в Российской Федерации и готовности органов исполнительной власти к переходу на оказание государственных услуг населению с использованием интернета». URL: http://www.iis.ru/docs/e-Gov_RU_2009.pdf.
- Коротаев А. В. 2009.** Компактные математические модели развития Мир-Системы. *Социальный анализ и моделирование.* URL: <http://socmodel.com/stat'i/20091a/01>.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е. 2012.** Кондратьевские волны в мир-системной перспективе. *Кондратьевские волны: аспекты и перспективы /* Отв. ред. А. А. Акаев, Р. С. Гринберг, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. Волгоград: Учитель. С. 58–110.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2016.** Глобальное старение населения, шестой кондратьевский цикл и кибернетическая революция. *Проблемы теории и практики управления* 7: 54–59.
- Коротаев А., Халтурина Д., Малков А., Божевольнов Ю., Кобзева С., Зинькина Ю. 2010.** *Законы истории: математическое моделирование и прогноз мирового и регионального развития.* М.: URSS.
- Кулик С. А. 2013.** Электронная дипломатия. Начало. Аналитический доклад. URL: http://www.insor-russia.ru/files/EDiplomacy_0.pdf.
- Лопатин В. Н. 2017.** Проблемы информационной безопасности и риски интеллектуальной собственности в цифровой экономике. *Информационное право* 2(52): 8–16.
- Минкомсвязь РФ. 2004.** Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 сентября 2004 г. № 1244-р «О Концепции использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти до 2010 года и плане мероприятий по ее реализации» (в ред. распоряжений Правительства РФ от 29.07.2005 № 1068-р, от 21.11.2006 № 1599-р, от 24.12.2008 № 1913-р, Постановления Правительства РФ от 10.03.2009 № 219). URL: <http://minsvyaz.ru/ru/documents/3017/>.
- Минкомсвязь РФ. 2014.** ФЦП «Электронная Россия (2002–2010 годы)». URL: <http://minsvyaz.ru/ru/activity/programs/6/>.
- Минэкономразвития РФ. 2008.** Распоряжение Правительства РФ от 6 мая 2008 г. № 632-р (в ред. Постановления Правительства РФ от 10.03.2009

№ 219) URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/infOrientedSoc/doc200912301906>.

- Окинавская** Хартия глобального информационного общества. 2000. URL: <http://www.iis.ru/library/okinawa/charter.ru.html>.
- ООН. 1948.** Всеобщая декларация прав человека. Резолюция А (III) Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1948 г. *Организация Объединенных Наций*. URL: <http://www.un.org/russian/document/declarat/declhr.htm>.
- ООН. 2016.** ИКТ вооружают людей знаниями и открывают новые возможности. *Организация Объединенных Наций*. URL: http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=25869#.Wi_YFVVI-Uk.
- Правительство Российской Федерации. 2014.** Распоряжение № 2769 от 29.12.2014 об утверждении Концепции региональной информатизации. URL: <http://static.government.ru/media/files/Ea8O35fPr3I.pdf>.
- Правительство Российской Федерации. 2017.** Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>.
- Садовничий В. А., Акаев А. А., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2014.** *Комплексное моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС в контексте мировой динамики*. М.: Наука.
- Совет Федерации Федерального Собрания РФ. 2016.** Производительность труда в России и в мире. Влияние на конкурентоспособность экономики и уровень жизни. *Аналитический вестник* 29(628).
- Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. № Пр-212. 2008.** *Российская газета* 7 февраля. URL: <https://rg.ru/2008/02/16/informacia-strategia-dok.html>.
- Угринович Е. В., Мун Д. В. 2017.** Тенденции и проблемы информационной инфраструктуры инновационной экономики. *Информационное право* 2(52): 4–7.
- Центр стратегических разработок. 2017.** Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России. Экспертно-аналитический доклад. URL: <https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2017/10/novaya-tehnologicheskaya-revolutsiya-2017-10-13.pdf>.
- Banisar D. 2006.** Freedom of Information Around the World 2006: A Global Survey of Access to Government Information Laws. London, UK: Privacy International. URL: <http://www.privacyinternational.org/foi/foisurvey2006.pdf>.
- Banisar D. 2011.** The Right to Information and Privacy: Balancing Rights and Managing Conflicts. *World Bank Institute*. URL: <http://documents.world>

bank.org/curated/en/847541468188048435/pdf/80740-Right-to-Information-and-Privacy-Box-377336B-PUBLIC.pdf.

- Bott M., Bjorn-Soren G., Young G. 2012.** The Role of Crowdsourcing for Better Governance in Fragile State Contexts. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/aee7/f64b22e6c5d24a3fcbe1bf7a9596c7593bc9.pdf>.
- Congressional Research Service. 2012.** Government Transparency and Secrecy: An Examination of Meaning and Its Use in the Executive Branch, 7-5700, November 14. P. 7.
- Department for Digital, Culture, Media and Sport. 2017.** UK Digital Strategy 2017. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-digital-strategy/uk-digital-strategy>.
- Department of Trade and Industry. 2000.** Information Security: Guide to Electronic Communications Act. URL: <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/+http://www.berr.gov.uk/files/file9980.pdf>.
- Department of Trade and Industry. 2002.** A Guide for Business to the Electronic Commerce (EC Directive) Regulations 2002 (Si 2002/2013). URL: <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20130103013730/http://www.bis.gov.uk/files/file14635.pdf>.
- European Commission. 2016a.** E-government Benchmark 2016. A Turning Point for E-government Development in Europe? URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/eu-egovernment-report-2016-shows-online-public-services-improved-unevenly>.
- European Commission. 2016b.** EU E-government Action Plan 2016–2020. Accelerating the Digital Transformation of Government. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/communication-eu-egovernment-action-plan-2016-2020-accelerating-digital-transformation>.
- European Parliament. 2015.** E-government. Using Technologies to Improve Public Services and Democratic Participation. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/565890/EPRS_IDA\(2015\)565890_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/565890/EPRS_IDA(2015)565890_EN.pdf).
- European Parliament. 2016.** Potential and Challenges of E-participation in European Union. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/556949/IPOL_STU\(2016\)556949_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/556949/IPOL_STU(2016)556949_EN.pdf).
- Executive Office of the President of the United States. 2003.** E-government Strategy. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documets/un/unpan032372.pdf>.
- Grinin L., Grinin A., Korotayev A. 2017a.** Forthcoming Kondratieff Wave, Cybernetic Revolution and Global Ageing. *Technological Forecasting & Social Change* 115: 52–68.

- Grinin L., Grinin A., Korotayev A. 2017b.** The MANBRIC-Technologies in the Forthcoming Technological Revolution. *Industry 4.0: Entrepreneurship and Structural Change in the New Digital Landscape* / Ed. by T. Devezas, J. Leitão, A. Sarygulov. Heidelberg; New York; Dordrecht; London: Springer. Pp. 243–261.
- Grinin L., Korotayev A. 2016.** Global Population Ageing, the Sixth Kondratieff Wave, and the Global Financial System. *Globalistics and Globalization Studies* 5: 119–138.
- Institute for Government. 2016.** Making a Success of Digital Government. URL: https://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/IFGJ4942_Digital_Government_Report_10_16%20WEB%20%28a%29.pdf.
- Keohane R. O., Nye J. S. 2006.** Power, Interdependence in Information Age. *Perspectives on World Politics* / Ed. by R. Little, M. Smith. Oxon: Routledge. Pp. 186–194.
- Korotayev A., Zinkina J., Bogevolnov J. 2011.** Kondratieff Waves in Global Invention Activity (1900–2008). *Technological Forecasting & Social Change* 78: 1280–1284.
- May C. 2015.** Who's in Charge? Corporations as Institutions of Global Governance. *Palgrave Communications* 1 (December): 15042. URL: <http://www.palgrave-journals.com/articles/palcomms201542>.
- Morgenthau H. J. 1985.** *Politics among Nations*. New York: McGraw-Hill.
- McKinsey Global Institute. 2013.** Disruptive Technologies: Advances That Will Transform Life, Business, and the Global Economy. McKinsey & Company. URL: http://www.mckinsey.com/insights/business_technology/disruptive_technologies.
- McLaughlin K., Osborne P., Ferlie E. (Eds.) 2002.** *New Public Management. Current Trends and Future Prospects*. London: Routledge.
- Nye J. 2004.** *Soft Power. The Means to Success in World Politics*. New York.
- Nye J. S. 2014.** The Regime Complex for Managing Global Cyber Activities. URL: <http://www.sbs.ox.ac.uk/cybersecurity-capacity/system/files/The%20Regime%20Complex%20for%20Managing%20Global%20Cyber%20Activities.pdf>.
- OECD = Organization for Economic Cooperation and Development. 2015a.** Measuring the Digital Economy. The New Perspective. URL: http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/science-and-technology/measuring-the-digital-economy_9789264221796-en#page1.

- OECD. 2015b.** Digital Economy Outlook. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/42577/3222224/Digital+economy+outlook+2015/>.
- OECD. 2015c.** Government at a Glance. *Organization for Cooperation and Development*. URL: <http://www.oecd-ilibrary.org/docserver/download/4215081e.pdf?expires=1487752025&id=id&acname=guest&checksum=044CF59FD7E83097EF0BB96BC55B572B>.
- OECD. 2017.** Statistics. URL: www.stats.oecd.org.
- Peixoto T. 2009.** Beyond “Theory e-Participatory Budgeting and its Promises for E-participation”. URL: http://www.uquebec.ca/observgo/fichiers/91130_eparticipation.pdf.
- Schwab K. 2016.** *The Fourth Industrial Revolution*. New York: Crown Business.
- Shkabatur J. 2012.** Transparency With(out) Accountability: Open Government in the United States. *Yele Law & Policy Review* 31(1).
- Stiglitz J. E. 2002.** *Globalization and its Discontents*. New York: W. W. Norton.
- UN = United Nations. 2000.** Resolution adopted by the General Assembly 55/2. United Nations Millennium Declaration. *United Nation*. URL: <http://www.un.org/millennium/declaration/ares552e.htm>.
- UN. 2016.** United Nations E-governance Survey. URL: <https://publicadmi nistration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Governme nt-Survey-2016>.
- UNCTAD = United Nations Conference on Trade and Development. 2011.** Measuring the Impact of Information and Communication Technologies and Development. URL: http://unctad.org/en/Docs/dtlstict2011d1_en.pdf.
- United States Department of Justice. 1967.** Freedom of Information Act. URL: <https://www.foia.gov/index.html>.
- United States Department of Justice. 2002.** E-Government Act of 2002. URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-107publ347/pdf/PLAW-107publ347.pdf>.
- Van der Meer T., Gelders D., Rotthier S. 2014.** E-democracy: Exploring the Current Stage of e-Government. *Journal of Information Policy* 4: 489–506.
- WEF = World Economic Forum. 2016a.** Global Information Technology Report 2016. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-informa tion-technology-report-2016/>.
- WEF. 2016b.** Internet for All. A Framework for Accelerating Internet Access and Adoption. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Internet_

for_All_Framework_Accelerating_Internet_Access_Adoption_report_2016.pdf.

WEF. 2016c. Top 10 Emerging Technologies of 2016. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2016/06/top-10-emerging-technologies-2016/>.

World Bank. 2013. Crowdfunding's Potential for the Developing World. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/17626>.

World Bank. 2017. World Development Indicators (WDI). URL: <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators>.

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И РИСКИ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ В СТРАНАХ БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ*

А. С. Ходунов

В данной статье рассматриваются межнациональные отношения в странах бывшей Югославии в XX – начале XXI в. Этот период был для местных народов чрезвычайно сложным и неоднозначным: десятилетия быстрого и успешного развития сочетались с кровопролитными конфликтами с колоссальными человеческими жертвами. После распада Югославии в регионе сохраняется весьма серьезная межнациональная напряженность, между народами имеется очень большое количество значительных противоречий, внешним проявлением которых является стремление этих близкородственных народов всячески преувеличить свои этнические и языковые различия. Общей угрозой для славянских народов бывшей Югославии является очень быстрая убыль населения, прежде всего молодого возраста. Поэтому они должны постараться смягчить противоречия и совместными усилиями бороться против этой главной опасности.

Введение

С точки зрения социально-политической нестабильности и межнациональных конфликтов XX век в истории стран бывшей Югославии, которая отличалась весьма пестрым национальным составом (Рис. 1), можно в первом приближении разделить на две примерно равные части: до 1945 г. и после него. Период до 1945 г. был исключительно нестабильным: тогда на рассматриваемой территории

* Выражаю благодарность П. В. Корольковой (Отдел истории и культуры славянских народов Института славяноведения РАН; кафедра славистики и центральноевропейских исследований ИФИ РГГУ) и А. В. Коротаеву (Лаборатория мониторинга рисков социально-политической дестабилизации НИУ ВШЭ; кафедра современного Востока РГГУ) за предоставленные ценные консультации.

произошли две Балканские войны, а вслед за ними Первая и Вторая мировые войны, сопровождавшиеся здесь полномасштабной иностранной (главным образом немецкой) интервенцией, которые были чрезвычайно кровопролитными даже по европейским меркам, вызвав гигантские людские потери и огромный экономический ущерб. Период после 1945 г. в целом был гораздо более стабильным. После окончания Второй мировой войны Югославия почти полвека, до 1991 г., относительно хорошо развивалась в условиях прочного мира и стабильности, однако в 1990-х гг. она снова оказалась охваченной серией кровопролитных гражданских войн с большими человеческими жертвами и снова подверглась иностранной (на этот раз американской) агрессии. Хотя надо отметить, что масштабы военных действий, площадь охваченной войной территории и людские потери в 1990-х гг. были все же значительно меньшими, чем в мировых войнах. Поэтому подавляющая часть людских потерь для бывшей Югославии в XX в. приходится именно на период до 1945 г. (Ходунов 2016: 328–330). Во всех этих войнах очень ярко проявилась межнациональная вражда между радикально настроенными представителями местных народов, сопровождавшаяся весьма значительными жертвами среди гражданского населения. В период социалистической Югославии межнациональные противоречия удалось во многом сгладить и народы значительно сблизилась между собой, однако после 1991 г. эти противоречия снова резко обострились и остаются крайне острыми до сегодняшнего дня, и потенциал возникновения вооруженных конфликтов в настоящее время весьма высок.

Особо серьезную проблему представляет стремление заметной части албанцев отделиться от славянских государств и создать «Великую Албанию», что уже привело к трем кровопролитным конфликтам в 1999–2001 гг. (Филимонова 2012). На наш взгляд, эта угроза настолько масштабна и значительна (из-за продолжающегося интенсивного демографического роста албанцев, бегства нескольких сотен тысяч человек в результате действий албанских вооруженных группировок, а также разгула организованной преступности, включая наркотрафик, и политики попустительства радикальным албанским политическим факторам, которую проводят правительства славянских стран), что албаноязычные районы Балкан следует признать самой главной зоной нестабильности в Европе.

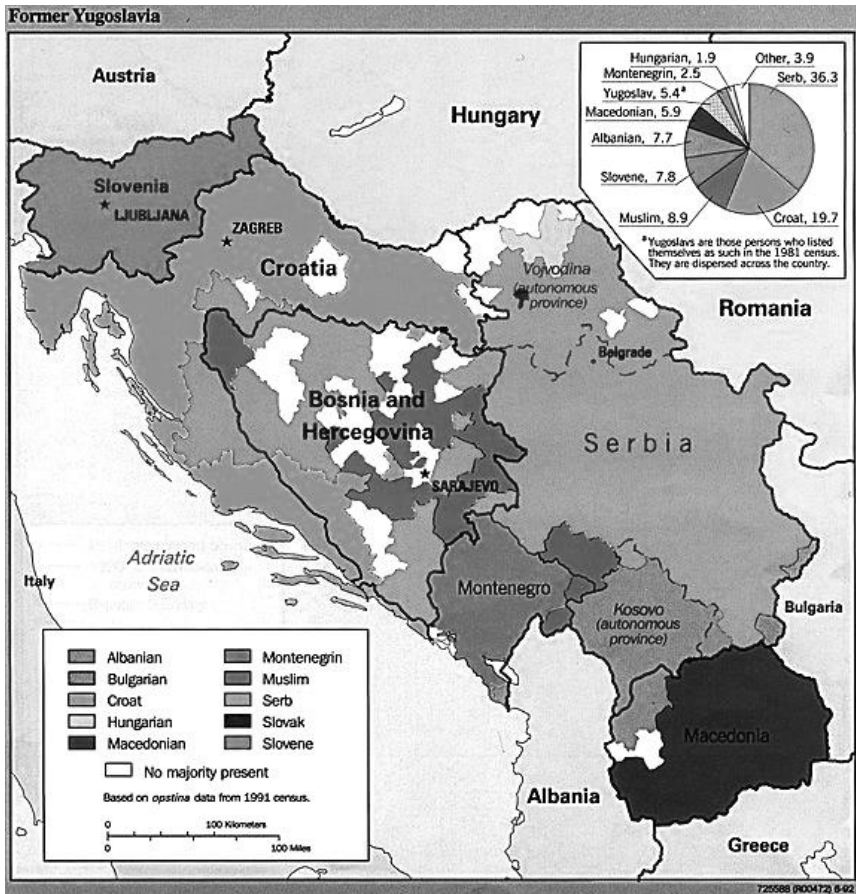

Рис. 1. Национальный состав бывшей Югославии в 1991 г.

Источник: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Yugoslavia_ethnic_map.jpg.

Внешним проявлением межнационального напряжения являются серьезные этноязыковые противоречия, когда те народы региона, которые говорят на одном языке, не хотят его назвать общим именем, потому что не желают признать свое общее происхождение, а считают, что этот язык народы-соседи заимствовали у них. Кроме того, подавляющее большинство народов региона на фоне тяжелой экономической ситуации, массового распространения коррупции

и организованной преступности сталкивается с беспрецедентным падением рождаемости и исключительно высокой убылью населения, а также с очень высоким уровнем эмиграции (Novák 2014; UNODC 2008). В связи с этим представляется необходимым проанализировать историю и современное состояние межнациональных отношений региона, а также подробно остановиться на этноязыковых проблемах и сохраняющихся рисках дестабилизации.

Краткий обзор политической истории и межнациональных конфликтов в бывшей Югославии в XX – начале XXI в.

Представляется необходимым кратко рассмотреть основные, наиболее важные моменты и события в политической истории и межнациональных конфликтах в бывшей Югославии за последний век. Исключительно важное изменение геополитической карты рассматриваемой территории, как и вообще всех Балкан, произошло во втором десятилетии XX в. До этого в качестве независимых славянских государств на Балканах существовали только Сербия, Черногория и Болгария. Тогда произошла Первая балканская война (1912–1913 гг.), в ходе которой славянские государства вместе с Грецией победили Османскую империю и практически вытеснили ее с Балкан. Сербия тогда вдвое увеличила свою территорию, присоединив земли с несербским большинством: Косово, Санджак и Македонию; значительное расширение территории получили также Черногория, Греция и Болгария. Однако вскоре между союзниками, в особенности между сербами и болгарами, возникли ожесточенные споры о том, кому достанутся освобожденные регионы. В результате началась Вторая Балканская война тех же государств против Болгарии (лето 1913 г.), которая привела к потере последней ряда территорий и закреплению за Сербией присоединенных земель.

Всего лишь через год, летом 1914 г., началась особенно катастрофическая Первая мировая война. Она продолжалась до 1918 г., и в ходе нее Сербия и Черногория столкнулись с многократно превосходящими их армии австрийскими и германскими войсками, которые, несмотря на отчаянное сопротивление, быстро оккупировали эти страны (на стороне Австро-Венгрии также воевали близкородственные сербам хорваты и словенцы); в 1915 г. к войне под-

ключилась и Болгария, которая заняла Македонию и ряд земель в Южной Сербии. Хотя на численность населения мира в целом эта война (равно как и Вторая мировая), как ни странно, оказала весьма небольшое влияние (Корогаев и др. 2004), на население Балкан она повлияла самым серьезным образом. Больше всего пострадала Сербия, которая из-за военных действий, голода и эпидемий лишилась 1247 тыс. человек, или 28 % всего своего населения (причем 68 % жертв – гражданские лица), что представляет собой беспрецедентно большие демографические потери. Общие демографические потери, включая дефицит рождений, составили у Сербии 42 % довоенного населения, а у Черногории – 26 %. Нигде в мире эта война не оставила таких колоссальных демографических потерь, как в этих двух сербоязычных государствах. Сразу после них по величине общих демографических потерь шли Балканские страны: Румыния – 14 % и Болгария – 9,2 %, а также частично находившаяся тогда на Балканах Австро-Венгрия – 9,5 % (Radivojević, Penev 2014), что говорит об особой взрывоопасности Балканского региона, где военные действия были исключительно интенсивными и разрушительными для населения, в том числе для мирных граждан. Что касается межнациональных конфликтов между балканскими народами, то в этой войне, как и во Второй Балканской, наиболее ярко проявился сербо-болгарский конфликт за обладание Македонией и южными сербскими областями.

Первая мировая война закончилась, с одной стороны, крайне высокими демографическими и экономическими потерями для сербского народа. Но с другой стороны, она же привела к весьма позитивным для сербов результатам: под власть сербского короля Александра I Карагеоргиевича перешли очень большие территории, где проживало значительное количество сербов, в том числе Воеводина, Хорватия, Босния и Герцеговина; в состав сербского государства решением большинства вождей черногорских племен вошла также Черногория. Новое государство стало называться Королевство сербов, хорватов и словенцев (в 1929 г. оно получило название «Королевство Югославия»). К нему была присоединена и территория, где сербов не было, – Словения. Все эти новые территории до войны управлялись Австро-Венгрией, в 1918 г. прекратившей свое существование. Интересно, что представители хорватской и словенской политической элиты сами обратились к серб-

скому королю с просьбой принять их земли под свое покровительство, что говорит о достаточно сильном стремлении к единству южных славян, по крайней мере части политической и интеллектуальной среды этих двух народов (Шемякин 2011).

В составе Югославии оказались представители трех различных религий: сербы, черногорцы, влахи (потомки средневековых переселенцев-румын, которые проживают в Северо-Восточной Сербии) и жители Македонии исповедовали православие; хорваты, словенцы, немцы и венгры Воеводины – католичество; а боснийские мусульмане, македонские турки, косовские и македонские албанцы – ислам. На территории королевства существовали три слабо совместимые социально-экономические системы: Сербия и Черногория длительное время создавали свою систему, основанную на форсированной милитаризации и сельском хозяйстве; Хорватия и Словения веками находились в составе Австро-Венгрии и от нее усвоили западноевропейскую экономическую модель; Македония и Косово недавно освободились от власти Турции и были очень отсталыми регионами с патриархальным экономическим укладом; на том же уровне в целом находилась Босния и Герцеговина. Ни один народ и ни одна религия не образовывали абсолютного большинства. В королевстве, правда, существовало языковое большинство. Сербы, черногорцы, боснийские мусульмане и большинство хорватов говорили на одном – сербохорватском – языке. Однако это не привело к их сплавлению в одну нацию: они были разделены по религиозному признаку, веками жили в разных государствах и к тому же в недавней Первой мировой войне воевали по разные стороны баррикад. Двадцать три года мирного существования единого королевства (1918–1941 гг.) были объективно недостаточным сроком для их сближения и сглаживания имевшихся противоречий (Травин, Маргания 2004).

Развитие Югославии в мирных условиях прервала Вторая мировая война, когда нацистская Германия в апреле 1941 г. быстро разбила югославскую армию и погрузила страну в анархию и хаос. Сама эта югославская армия, что характерно, быстро распалась по национальному признаку – прежде всего из нее массово дезертировали хорваты. Такой массовый распад армии и растерянность командиров из-за этого во многом и стали причиной очень краткого и слабого сопротивления югославских войск, которое продолжалось

всего 11 дней и было просто несравнимо с очень упорным и длительным (более года) сопротивлением сербских войск австрийской, а затем и немецкой армии в Первой мировой войне. Впрочем, через месяц некоторые сербские части югославской армии снова смогли организовать под руководством Драголюба (Дражи) Михайловича – известного югославского генерала, участвовавшего в Балканских войнах и в Первой мировой войне, который был предан изгнанному из страны монархическому руководству (Гибианский 2011а).

После поражения Югославии она была поделена на части. Словения была отдана под непосредственное управление немцам и итальянцам, Черногория и Косово оказались под протекторатом фашистской Италии, Центральная Сербия – под протекторатом Германии. Некоторые территории были переданы ее сателлитам: Воеводина вошла в состав Венгрии, а Македония и часть Южной Сербии перешли под власть Болгарии. На западе Югославии было образовано достаточно крупное Независимое Государство Хорватия (НГХ), занявшее не только территорию современной Хорватии, но и Боснии и Герцеговины и даже некоторые регионы Западной Сербии. Во главе его встали усташы под руководством Анте Павелича, которые быстро стали нацистскими коллаборационистами. В Загребе толпы людей приветствовали немецкие войска. Усташская власть была вынуждена уступить Италии очень важную часть своей приморской территории, а на землях, оставшихся под своим контролем, устроила массовый геноцид сербов, евреев и цыган, который осуществлялся прежде всего в концлагере Ясеновац. Цифры, характеризующие масштаб этого геноцида, резко различаются – от менее 112 тыс. (хорватские данные) до более 700 тыс. (сербские данные), как и общее число погибших сербов – от 530 тыс. до более 1,6 млн (см. об этом: Ходунов 2016). В результате в части Хорватии и в Боснии и Герцеговине стали действовать сербские повстанческие отряды, стараясь защитить от зверств усташей местное население. В спасении сербов на некоторых территориях важную роль сыграли и итальянские войска: Италия враждебно относилась к НГХ и стала помогать его противникам-четникам, воевавшим в районе спорных территорий, а также защищать местных сербов от усташей, постепенно забирая все новые и новые территории у НГХ. Без такого взаимодействия четников и итальянцев

жертв среди мирных сербов было бы гораздо больше (см.: Гибианский 2011а: 425–426). Геноцид со стороны хорватов-устьашей стал для сербов крупнейшим эпизодом истребления в XX в., и в массовом сербском сознании из-за действий устьашей примирение с хорватами до сих пор не представляется возможным (Pravda.ru 2014).

Характерно, что усташаи, понимая, что в многонациональном государстве невозможно истребить все меньшинства, сделали ставку на боснийских мусульман, закрыв глаза на различия в религии, заметно более существенные, чем у сербов. Боснийские мусульмане были провозглашены «цветом хорватского народа» – самыми лучшими и самыми умными его представителями. Такая политика привела к переходу некоторой части мусульман (в основном слабообразованных) на сторону устьашей, и из них была сформирована нацистская дивизия «Ханджар», которая наряду с бандами хорватов-устьашей участвовала в геноциде сербского народа. В то же время многие выдающиеся и высокообразованные мусульмане открыто выступили против зверств устьашей, обвинив их в страшных преступлениях над сербами. По их словам, усташаи часто при истреблении жителей сербских сел намеренно надевали мусульманскую одежду и называли друг друга мусульманскими именами, чтобы навлечь гнев сербов на мусульман и спровоцировать их на взаимное истребление (Intermagazin 2013). Все же очень большая часть боснийских мусульман присоединилась к партизанам, а некоторые представители мусульманской интеллигенции с сербским самосознанием примкнули к четникам (Telegraf 2013).

Вместе с сербо-хорватским конфликтом в воюющей Югославии образовался и другой, весьма болезненный и разрушительный, конфликт – между сербами и боснийскими мусульманами. Речь идет не только о геноциде сербов со стороны мусульман-устьашей, но и об истреблении и изгнании мирного мусульманского населения в Восточной Боснии и Санджаке частью сербских четников, которые были шовинистически настроены. Есть мнение, что эти отряды не были под контролем высшего четнического командования во главе с Дражей Михайловичем, а главным мотивом нападавших во многих случаях была месть за предшествовавшее массовое убийство сербов усташами и мусульманами в этой местности (Самарцийћ 2013). Кроме того, профашистские албанские силы после вхождения Косово и Северо-Западной Македонии в созданную

фашистской Италией «Великую Албанию» начали убивать и изгонять сербов (Гуськова 2007). В этническом движении участвовали практически только сербы, с небольшим количеством мусульман и еще меньшим – хорватов, что отражает то обстоятельство, что из крупных югославских народов защищать королевскую Югославию оказались готовы только сербы.

Монархическому и сербскому в своей основе этническому движению противостояло интернациональное движение югославских партизан-коммунистов, возглавлявшееся хорватом Йосипом Броз Тито. Он был непримиримым противником монархии и хотел установить федеративную социалистическую республику по советскому образцу, сделав страну союзницей СССР. Этнический состав партизан был гораздо более разнообразным: помимо сербов, составлявших большинство и в этом движении, в него входили множество боснийских мусульман, некоторая часть хорватов, недовольная режимом усташей, и часть словенцев и македонцев. Их привлекал интернационализм движения, стремление партизанского руководства к равноправию всех народов Югославии, обещание мероприятий по радикальному улучшению жизни. Четники и партизаны никак не могли договориться между собой о совместных координированных действиях. Политические расхождения оказались слишком сильны, и с конца 1941 г. помимо межнациональных конфликтов страну охватила междоусобная гражданская война четников и партизан, что отвлекало очень большие силы от антифашистской борьбы. Впервые за долгие века сербы воевали с сербами из-за политических разногласий (Гибианский 2011а).

В конечном итоге партизаны провели ряд успешных битв с немцами (в их изгнании из Югославии помогла Красная армия, освободившая в октябре 1944 г. Белград), а затем одержали верх над четниками, и Югославия была воссоздана в прежних границах, но уже без короля и с единственной разрешенной партией. В 1945 г. страна была разделена на союзные республики по федеративному принципу, провозглашенному в 1943 г., а в рамках Сербии были также созданы автономии для регионов со значительным процентом национальных меньшинств – Воеводины и Косово. Так коммунистическая власть пыталась решить национальный вопрос. Из Воеводины были депортированы практически все проживавшие там веками немцы (500 тыс.), а в 1950-х гг. туда по приглашению

Тито переселилось много сербов из разных краев Югославии, что привело к резкому увеличению доли сербов в этой чрезвычайно пестрой по национальному составу автономии. Четническое, усташское и баллистское (албанское) движения были объявлены профашистскими и запрещены, а Дража Михайлович в 1946 г. был осужден и расстрелян (Гибианский 2011б).

В 1950–1970-х гг. югославским коммунистам, которые, в отличие от советских, сохранили традиционную основу экономической жизни страны – единоличные крестьянские хозяйства и мелкие частные предприятия, удалось воплотить в жизнь свои обещания резкого улучшения уровня жизни. Бедная и экономически отсталая крестьянская страна стала стремительно развиваться. Темпы роста промышленной продукции в 1954–1965 гг. составили 12,2 % в год, что позволило осуществить индустриализацию (Травин, Маргания 2004). Люди всех национальностей массово переселялись в города, покупали современную бытовую технику, многие получили возможность зимой и летом ездить в отпуска, резко вырос уровень здравоохранения и образования, особенно высшего, обеспеченность электричеством стала почти всеобщей, а потребление продовольствия к 1970-м гг. даже вышло на уровень переизбытка (Demographic... 1974). Столь успешное развитие позволило многим семьям забыть о лишениях недавней войны и обеспечить себе достаточно высокий уровень жизни.

В новом государстве была существенно пересмотрена национальная политика, которая стала значительно отличаться от политики периода королевства. Народам Югославии в целом, в отличие от королевского периода, было позволено свободное национальное самоопределение (за некоторыми существенными исключениями, о которых будет идти речь ниже), была провозглашена идея братства и единства между всеми народами и прозвучал призыв о необходимости забыть тяжелое прошлое и старые обиды, нанесенные народами друг другу во время войн. Коммунистическое правительство стало поощрять национальное самоопределение «югослав», когда люди ассоциировали себя прежде всего не со своим народом, а с многонациональной страной, и число «югославов» стало быстро расти. В 1971 г. была официально признана национальность «мусульманин», созданная специально для боснийских мусульман, большинство из которых не хотели самоопределяться как сербы

или хорваты. В результате возникла парадоксальная ситуация, когда мусульманин по национальности мог быть атеистом по религии. Вообще, что касается религии, югославская конституция гарантировала свободу вероисповедания, и обычные верующие всех конфессий могли свободно совершать религиозные обряды, хотя, в отличие от королевской Югославии, произошло отделение религии от государства, и роль религии в обществе в целом значительно снизилась. Кроме того, в отличие от югославского периода, когда во всей стране был официально разрешен только сербохорватский язык (в сербском и хорватском вариантах), а на языках меньшинств отсутствовали обучение и книгопечатание, не существовало никаких газет и журналов, после 1945 г. все языки были провозглашены равноправными, в каждой республике и автономии был официально признан местный национальный язык, на котором было разрешено обучение в школах, появилась разнообразная пресса. В целом национальные и религиозные права были гарантированы при условии лояльности коммунистическому режиму (Baltic 2007).

Заметно улучшилось и положение косовских албанцев. Так, в частности, Тито сразу после войны объявил амнистию албанцам, воевавшим против партизан, и обещал обеспечить равноправие албанского народа. Уже в 1945 г. Косово получило автономию, а в 1974 г. фактически стало обладать теми же правами, что и союзные республики. В крае было создано школьное образование на албанском языке и открыт университет с обучением на албанском (80 % его студентов были албанцами), печаталось множество албаноязычных газет и журналов, существовало радиовещание на албанском. В 1988 г. 38 албанцев работали в органах федеральной югославской власти (Гуськова 2006). Был также создан специальный фонд для перечисления денег более бедным национальным образованиям, чтобы выравнивать экономическое развитие страны, основными донорами в котором стали самые богатые республики Словения и Хорватия, а главными получателями – Косово и Македония (Baltic 2007). Такая политика во многом способствовала ослаблению межнационального напряжения в республике. Кроме того, в отличие от королевского периода, больше не существовало возможности создавать любые политические партии и движения на национальной основе, и представители всех национальностей шли в единственную легальную Коммунистическую партию Югосла-

вии, в которой, впрочем, имелись свои, достаточно различающиеся по взглядам фракции. Таким образом власти надеялись предотвратить этнический сепаратизм и развал страны.

В таком виде социалистическая Югославия просуществовала 46 лет, хотя в течение двух последних десятилетий ее существования достигнутые страной впечатляющие успехи омрачились весьма серьезными проблемами. Заметные экономические сложности начали возникать уже в середине 1970-х гг. Тогда экономический рост резко замедлился, а в 1980-х гг. и вовсе остановился. Югославская экономическая модель, вначале показав исключительно высокие темпы роста и весьма успешное развитие, уже через два десятилетия оказалась совершенно неспособной к решению множества накопившихся проблем и новых мировых вызовов, поскольку была полностью направлена на обеспечение экстенсивного роста и индустриализацию, а когда эти задачи были решены, гарантировать дальнейшее стабильное и устойчивое развитие она была не в состоянии. Страна оказалась в огромных долгах и жила с очень большим бюджетным дефицитом, а с середины 1980-х гг. – и с галопирующей инфляцией. Стремительное улучшение уровня жизни людей прекратилось, и даже начался определенный спад. Все это приводило к ослаблению государства и оживлению, казалось бы, давно забытых национальных противоречий. До 1980 г., пока Тито был жив и его окружали лично преданные партизанские руководители и друзья по оружию, Югославия прочно держалась. Но после его смерти центробежные тенденции стали нарастать. Еще в 1974 г. была принята Конституция, гарантировавшая республикам особо высокую степень автономии, вплоть до права на выход из состава Югославии, что также привело к ослаблению страны и нарастанию сепаратизма, прежде всего в Хорватии и Косово (Травин, Маргания 2004).

Существовало активное движение хорватов за расширение самостоятельности и повышение статуса своего языка. В середине 1960-х гг. во всей Югославии и особенно в Хорватии начали активно выступать силы, которые хотели большей самостоятельности республик. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. хорватские национальные чувства резко проявились во всех слоях хорватского общества, что выразилось в открытом подчеркивании своей самостоятельности и требовании больших прав. Хорватские историки рас-

суждали об ошибочности решения хорватов войти в Югославию. В 1970 г. один из лидеров Хорватии Савка Дабчевич-Кучар даже заговорила о возможности самостоятельного развития республики. Руководство хорватских коммунистов также потребовало ускорения экономического развития, чтобы достичь уровня Запада, и создания правового государства с плюрализмом мнений вместо однопартийного коммунистического режима. Однако рядовые коммунисты, ветераны и рабочие республики выступили против таких лозунгов. В конце концов эти процессы вызвали очень серьезное беспокойство Тито по поводу того, что он может потерять власть, и в 1971 г. он принял решительные меры, введя в Загреб войска, после чего С. Дабчевич-Кучар и другие хорватские лидеры подали в отставку (Гуськова 2011).

Наиболее резкие формы сразу после смерти Тито приняло движение за независимость косовских албанцев. Протесты албанцев начались еще в 1950-х гг., а в 1981 г. они переросли в вооруженное восстание. Многие сербы были вынуждены уже тогда покинуть Косово, опасаясь нападений вооруженных албанских радикалов. Косовский кризис был во многом связан с очень низким уровнем экономического развития края, а также с огромным демографическим давлением безработной молодежи из-за крайне высокой рождаемости местных албанцев. В этих условиях местное движение за независимость переросло в активную вооруженную борьбу (Она же 2006).

В самой компартии в 1980-х гг. резко нарастали противоречия между ее лидерами разных национальностей. В конце концов центральная власть, столкнувшись с захлестывавшими страну экономическими проблемами, не смогла остановить развал государства. В республиках с 1990 г. начали создавать партии на национальной основе, что раньше было категорически запрещено. В Хорватии, а также Боснии и Герцеговине ведущие национальные партии (Хорватское демократическое содружество [ХДС] во главе с местным диссидентом Франьо Туджманом и Партия демократического действия [ПДД] под руководством бывшего мусульманского активиста, сторонника создания исламского государства в Боснии Али Изетбеговича) были в какой-то степени даже антикоммунистическими и провозглашали необходимость вернуть независимость и ориентироваться на национальные традиции и религию. Поэтому

ХДС сильно тяготела к католичеству и уповала на помощь Запада и Ватикана, а ПДД приняла ярко выраженный исламский характер и надеялась на поддержку арабских стран, Турции и Ирана. Эти партии в атмосфере роста националистических настроений одержали победу на первых многопартийных выборах своих республик (Гуськова 2000).

В Словении на выборах 1991 г. победили сторонники полной независимости. В Македонии к власти пришла воссозданная партия независимости под названием «Внутренняя македонская революционная организация – Демократическая партия македонского национального единства» (ВМРО-ДПМНЕ), правда, декларировавшая теперь исключительно мирный и ненасильственный характер своей идеологии и практики. Только в Сербии и Черногории власть сохранили наследники коммунистов. В 1990 г. из сербского отделения Коммунистической партии Югославии образовалась Социалистическая партия Сербии во главе с бывшим коммунистическим функционером Слободаном Милошевичем, которая, впрочем, в условиях меняющегося времени была вынуждена пойти на резкое изменение своей идеологии: дозволила многопартийность, свободу слова и разрешила приватизацию государственных предприятий. В 1990 г. в Сербии возникли несколько традиционно ориентированных партий, по идеологии близких к национальным партиям других республик, прежде всего очень традиционалистская и протетническая, хотя при этом и республиканская, Сербская радикальная партия (СРП) во главе с активным антикоммунистическим диссидентом Воиславом Шешелем – открытым противником Тито. Она в первой половине 1990-х гг. составляла очень серьезную конкуренцию социалистам. У боснийских сербов возникла еще более антикоммунистически настроенная Сербская демократическая партия (СДП) во главе с Радованом Караджичем, поэтом и врачом-психиатром; подобная организация образовалась также у хорватских сербов (Там же).

В 1991 г. начался распад Югославии, отягощенный межнациональными конфликтами и гражданскими войнами внутри республик. В июне 1991 г. от Югославии отделились Хорватия и Словения. В Хорватии сразу же было отменено положение конституции о том, что она является государством и сербского, и хорватского народов, и введено положение о том, что государствообразующим

является только хорватский народ. Если в Словении не было длительных военных действий, то Хорватия сразу же столкнулась с сопротивлением Югославской народной армии (ЮНА) под командованием С. Милошевича и противодействием хорватских сербов, которые не хотели отделения от Югославии и создали свое непризнанное государство – Сербскую Краину. Между ЮНА и хорватскими войсками в августе 1991 – июне 1992 г. на границах Краины произошли ожесточенные столкновения, однако они там закончились после появления солдат ООН, и Краина стала фактически независимой. В стране резко обострилась межнациональная обстановка, которая сделала невозможным совместное дружное проживание народов, еще недавно считавшееся здесь нормой, о чем можно судить по очень высокому проценту смешанных браков между хорватами и сербами, который наблюдался в республике – 17 % в 1972 г. Многие районы Хорватии оказались охваченными массовыми беспорядками и перешли под контроль сербских или хорватских полувоенных формирований, что привело к многочисленным жертвам и разрушениям с обеих сторон и сопровождалось массовым бегством населения. Характерно, что в 1991 г. повторились события 50-летней давности: из Югославской народной армии снова начался массовый выход солдат и офицеров несербской национальности, которые вступали в вооруженные отряды новообразованных республик, и в ней остались почти одни сербы (Гуськова 2000).

Война в Хорватии закончилась в августе 1995 г., после двух наступательных операций хорватских войск под названием «Блеск» и «Буря», когда хорватские войска под командованием генералов Анте Готовины и Младена Маркача вошли в Сербскую Краину. Из Краины, опасаясь повторения геноцида, произошедшего в период правления усташей, сразу после появления хорватских войск бежали практически все сербы – 233 тыс. человек (Aleksić 2014), главным образом в Воеводину. Армия Сербской Краины по непонятным причинам никакого сопротивления не оказала и сразу же сдалась. В самой Сербии об этом ничего не сообщалось, государственное телевидение никак не освещало произошедшие события (Гуськова 2000). Очень многие сербы, в том числе ряд известных политиков, ученых, общественных деятелей, предполагают, что существовал некий тайный договор между С. Милошевичем и

Ф. Туджманом о передаче Сербской Краины Хорватии без сопротивления. Сербский же полковник Горан Евтович убежден, что Милошевич все-таки хотел сохранить независимость Краины, но не мог отправить в нее войска, поскольку не имел таких полномочий: дать санкцию на ввод войск в Хорватию мог только парламент, который был в значительной части оппозиционно и прозападно настроен; кроме того, для желанной победы необходимо было мобилизовать и отправить на фронт очень большое количество солдат, что было весьма проблематично осуществить в крайне нестабильных внутренних и внешних условиях середины 1990-х гг. (Евтович 2015). Истинная причина странного поведения краинского руководства и армии, а также слабой реакции на события из Белграда до сих пор неизвестна. Есть информация, что и в этой войне имели место массовые преступления против сербов со стороны части хорватских войск, в том числе убийства некоторой части оставшихся в Краине сербов, уничтожение части их имущества и применение авиации против колонн беженцев (Гуськова 2000). Всего за время войны количество жертв среди сербов оценивается в 2,7 тыс. гражданских лиц и 4,4 тыс. военных (Štrbac 2014), а среди хорватов – 4,1 тыс. гражданских лиц и около 8 тыс. военных и полицейских (Petričušić 2009). Хорватские же общественные деятели и основные политические партии отрицают, что произошли массовые преступления против сербов, и считают своих генералов полностью невиновными. Таким образом, в сербско-хорватских взаимоотношениях возникло новое острейшее противоречие.

Возвращение хорватских сербов началось еще в конце 1990-х гг. Однако подавляющая часть бежавших сербов до сих пор не вернулась в Хорватию из-за того, что там все еще не созданы многие важные условия для их проживания (в частности, хорватами не признаются печати Сербской Краины, и поэтому невозможно доказать право собственности на жилье, которое покинули собственники), и они остаются в Сербии с надеждой на возвращение. Многие сербы безвозвратно потеряли собственность в результате ее уничтожения хорватскими войсками в 1995 г., а во многих случаях их жилье заняли хорватские переселенцы (Petričušić 2009).

Остается добавить, что после 1945 г. в первые послевоенные десятилетия Хорватия достигла больших экономических успехов во многом благодаря помощи хорватских сербов, которые прини-

мали очень активное участие в ее социально-экономическом и культурном строительстве. Эти сербы постоянно проживали на территории современной Хорватии несколько веков. Поэтому без возвращения сербов в родные места этнокультурный ландшафт Хорватии останется неполным, покинутые сербами области – практически пустыми, а социально-экономическое развитие Хорватии будет далеко не таким быстрым и успешным, каким могло бы быть. Если сербы в основной массе смогут вернуться и комфортно себя чувствовать в Хорватии, это существенно повысит и ее авторитет в глазах мирового сообщества. Возможно, это возвращение может произойти при предоставлении хорватским сербам культурной автономии, за которую выступал умерший в 1992 г. Йован Рашкович, самый популярный и уважаемый лидер местных сербов, противник сепаратизма и сторонник мирных переговоров с хорватами (Гуськова 2000).

В другой бывшей югославской республике – Боснии и Герцеговине (БиГ), которая была наиболее толерантной в плане межнациональных отношений, военные действия были наиболее длительными, ожесточенными и привели к особенно большому количеству жертв. В войне участвовали три стороны – три основных народа республики: боснийские мусульмане под руководством Алии Изетбеговича, боснийские сербы во главе с Радованом Караджичем и генералом Ратко Младичем и боснийские хорваты во главе с Мате Бобаном. По конституции социалистической Боснии и Герцеговины ни одно решение, связанное с политической судьбой республики, не могло быть принято без согласия представителей всех трех народов. Однако А. Изетбегович очень хотел независимости, чтобы воплотить в жизнь свой исламский проект по развитию Боснии, подобный тому, что осуществил его кумир аятолла Хомейни после Исламской революции в Иране, хотя, в отличие от Ирана, мусульмане здесь даже не составляли абсолютного большинства – их насчитывалось только 40 %, сербов – 32 %, а хорватов – 18 %. Было очевидно, что одностороннее провозглашение независимости и исламизация республики вызовут огромное недовольство сербов и хорватов, которое может перерасти в войну. Сербь в лице своих лидеров заявили о желании остаться в Югославии и о категорическом неприятии независимости (Там же).

После этого 9 января 1992 г. Р. Караджич провозгласил Республику Сербскую (РС) в г. Пале и объявил, что боснийские сербы имеют право на самоопределение и независимость и будут бороться за нее вооруженным путем. Вскоре была создана и армия Республики Сербской, во главе которой встал белградский генерал Р. Младич. 1 марта 1992 г. по инициативе Партии демократического действия (ПДД) прошел референдум о независимости Боснии, который бойкотировали сербы. Сербские, хорватские и мусульманские лидеры в попытках остановить надвигающуюся войну подписали 18 марта план о разделении республики на три национальных кантона, однако А. Изетбегович после консультаций с американским послом У. Циммерманом отозвал свою подпись. Вскоре начались боестолкновения сербов с мусульманами. Очень быстро, всего за несколько месяцев 1992 г., боснийские сербы в связи со слабостью мусульманской армии смогли овладеть более чем 70 % территории Боснии. В 1993 г. хорватские районы Боснии и Герцеговины также провозгласили независимость от центральных властей Сараево и заявили о создании Хорватской республики Герцег-Босны с собственной армией. Начались чрезвычайно ожесточенные боевые действия между хорватами и мусульманами. Помимо непосредственно военных действий, наблюдалось и очень много преступлений против мирного населения, а также беспрецедентный масштаб массовых переселений: представители всех трех народов, спасаясь от расправы, бежали на территорию, подконтрольную «своим» правительствам. От мирной и спокойной жизни в республике и очень хороших взаимоотношений трех народов в одночасье не осталось и следа. Весьма важным эпизодом войны стала 44-месячная осада Сараево сербскими войсками. Интересно, что США решительно выступили в этой войне на стороне мусульман, чтобы показать миру ислама, что, несмотря на свою твердую израильскую позицию, они все-таки поддерживают мусульман в других регионах. Усилиями американских властей в марте 1994 г. были осуществлены казавшиеся невозможными примирение мусульманских и хорватских лидеров и образование единой мусульманско-хорватской армии для более успешного противостояния. Однако даже объединение двух армий не смогло переломить ход боевых действий, и сербы сохраняли свои позиции и даже занимали новые территории, как, например, г. Сребреница в июле 1995 г. После

этого США обвинили руководителей Республики Сербской в геноциде мусульман города и начали операцию НАТО против армии Республики Сербской. В результате массированных авиаударов координация между частями сербской армии была полностью нарушена, а боснийские сербы осенью 1995 г. потеряли треть территории, откуда в РС бежало 100 тыс. человек (Энгельгардт 2015).

Война закончилась в конце 1995 г. подписанием Дейтонских соглашений, в результате которых существование Республики Сербской было юридически признано в качестве «образования» (*энтитета*), но ее территория была сокращена с 70 % до 49 % площади страны (включая округ Брчко со смешанным национальным составом), а 51 % доставался другому «образованию» – Федерации Боснии и Герцеговины. По Дейтонским соглашениям государственное устройство Боснии и Герцеговины представляло собою конфедерацию – у *энтитетов* были даже свои армии, а Республика Сербская была наделена почти всеми признаками независимого государства и, главное, получила право блокировать все решения, связанные с внутренней и внешней политикой Боснии и Герцеговины. Контроль за политическим развитием республики для недопущения новых военных конфликтов возлагался на Высокого представителя, посылаемого из ЕС, обладающего очень большими полномочиями вплоть до смещения избранных парламентов, как произошло в РС в 1997 г., когда на выборах победило местное ответвление Сербской радикальной партии. К настоящему времени некоторая часть полномочий Республики Сербской все-таки перешла на уровень государства Боснии и Герцеговины благодаря усилиям Высокого представителя по централизации страны, однако нынешний президент РС Милорад Додик выступил категорически против дальнейшей передачи полномочий центральным органам власти. После войны и массовых переселений этнические группы в Боснии и Герцеговине больше не живут смешанно, и даже когда-то многонациональный город Сараево, где зачастую в одном подъезде жили несколько национальностей, оказался разделен по этническим границам (Гуськова 2000). Правда, к настоящему времени в Республику Сербскую вернулось некоторое количество мусульман, а в Федерацию – сербов, но подавляющее большинство беженцев (многие из которых бежали за пределы Боснии и Герцеговины, главным образом на Запад) не может или не хочет возвращаться из-за отсутствия условий для нормальной жизни, повальной бедности

и безработицы, царящей в республике. Кроме того, боснийское государство из-за огромных разногласий как представителей власти от трех народов, так и властей двух *энтитетов* не может нормально функционировать.

Местные мусульмане по менталитету резко отличаются от ближневосточных (они редко ходят в мечеть, в основном пьют вино и едят свинину; на бытовом уровне у них распространена поговорка: «В исламе алкоголь запрещен, но в Боснии разрешен»), смотрят те же фильмы и читают ту же художественную литературу, что и сербы, и в этом плане близки к ним (Мартынова 2014). Но тем не менее политические противоречия между двумя народами колоссальны, исключительно высоки и непреодолимы из-за боснийской войны 1992–1995 гг. После распада Югославии боснийцы и сербы диаметрально противоположно видят развитие боснийского государства. 76 % мусульман (и только 2 % боснийских сербов) полностью или частично согласны с тем, что надо ликвидировать Республику Сербскую (N1 ВИН 2015), считая, что она возникла на геноциде и массовом изгнании мирных мусульман, что в единой Боснии без автономий будет легче управлять и улучшать жизнь всех ее народов, а 67 % боснийских сербов хотят независимости РС и ее выхода из состава Боснии (RTV Slon 2013). Для обычных мусульман (и их официальных лиц, включая бывшего духовного лидера Мустафу Церича) война представляет собой агрессию и их геноцид сербами, а сербского генерала Младича они считают военным преступником уровня Гитлера (Вошњаси 2015). Сербы же говорят, что РС создана в ходе оборонительной войны, когда сербы защищались от агрессии и геноцида со стороны мусульман, союзных им стран Запада и Ближнего Востока, а Младич – национальный герой, спасший их от геноцида (Диковић 2013)¹. По исследованиям,

¹ Особо отмечу, что насчет оценки личности и роли Р. Младича нет единства даже среди российских ученых – кандидатов наук, специалистов по бывшей Югославии, которые во время войны были в Боснии и Герцеговине и лично с ним встречались. Так, по мнению руководителя Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения РАН Е. Гуськовой, Младич, без сомнения, является героем, выдающимся стратегом, офицером, который выполнял свой долг, спас сербов от геноцида и всегда весьма гуманно поступал по отношению к мирным жителям всех национальностей (Геополитика.ру 2017). Однако по убеждению профессора МГИМО и журналиста С. Грызунова, Младич, безусловно, виновен в преступлениях против мирного мусульманского и хорватского населения, в частности, в обстреле мирных жителей и жестоком обращении с пленными. По его словам, генерал «был одержим идеей истребить мусульман» (Кара-Мурза 2011).

самое большое число гражданских лиц погибло все-таки среди муслиман (25,6 тыс., или 70 % от всех гражданских лиц), но в некоторых районах серьезно пострадали и сербы, среди которых погибло 7,5 тыс. мирных жителей; военные же потери составили соответственно 42,5 тыс. и 15,2 тыс. человек (Zwierzchowski, Tabeau 2010). Например, как считают многие ученые, в районе г. Сребреница 81 сербское село вместе с населением было уничтожено отрядом боснийского полевого командира Насера Орича (Иванишевич 2012). Основные жертвы мусульмане, как и в 1941–1945 гг., понесли на территории Восточной Боснии (Intermagazin 2013). Исключительно большое количество жертв среди мирного населения в боснийской войне находится в резком контрасте с проходившей в то же время йеменской гражданской войной, где практически не было отмечено случаев убийств мирного населения (Коротаев 2003)².

Противоречия между боснийскими мусульманами и боснийскими хорватами на бытовом уровне заметно меньше, а отношения – заметно лучше, чем между мусульманами и сербами; в гражданской войне меньше всего погибло хорватов – 1,9 тыс. мирных жителей и 3,1 тыс. военных (Zwierzchowski, Tabeau 2010). Тем не менее многие хорваты хотят большей самостоятельности, 51 % их желает восстановить Герцег-Босну в форме третьего *энтитета* (RTV Slon 2013), что встречает резкое неприятие муслиман.

Результаты опроса в марте 2009 г. 1743 граждан Боснии и Герцеговины разных национальностей показали, что между ними существует достаточно высокий уровень дистанции. Так, только 26 % хорватов и 11 % мусульман согласилось бы вступить в брак с представителем сербского народа, а 33 % хорватов и 47 % мусульман не хотели бы иметь друга-сербя. 25 % хорватов и 38 % боснийских мусульман не хотят, чтобы сербы жили с ними по соседству в од-

² Важной причиной столь высокого количества жертв среди гражданских лиц в боснийской войне стало очень активное участие в ней нелегальных полувоенных формирований, не подчинявшихся центральному командованию (существует мнение, что местная администрация в ряде случаев даже потворствовала их деятельности). Так, в Сараево вооруженные банды боснийских мусульман грабили и убивали горожан сербской национальности. Печальную известность получили иррегулярные отряды сербского полевого командира Желько Ражнатовича по прозвищу Аркан, которые совершали массовые преступления над боснийскими мусульманами, в том числе в г. Зворник (Гуськова 2000; UNODC 2008). Также очень большое число преступлений против сербов и хорватов совершили члены отряда «Эль-Моджахедин», в котором были и иностранные добровольцы-террористы из ближневосточных стран (Галияшевич 2012).

ном здании или на одной улице, а 43 % хорватов и 57 % мусульман против того, чтобы сербы занимали важные административные посты во власти в Боснии. Сами сербы при этом показали самый высокий уровень дистанцированности: только 9 % согласились бы вступить в брак с хорватами (6 % с мусульманами), 64 % не хотели бы дружить с хорватами (67 % с мусульманами), а соседей-хорватов не хотели бы иметь 57 % (мусульман – 61 %). Только 20 % сербов согласились бы, чтобы хорваты занимали важные административные посты в РС, а мусульмане – 18 % (Puhalo 2009).

Согласно еще одному опросу, проведенному в Боснии и Герцеговине в 2010 г., с точки зрения мусульман, С. Милошевич и сербы больше всех ответственны за развязывание войны в Боснии (так думают соответственно 50 % и 43 %), с ними согласны 30 % хорватов (что больше всего виновны сербы) и 23 % (что наиболее виновен Милошевич). Сербы же винят в развязывании войны лидера мусульман А. Изетбеговича (44 %) и лидера хорватов Ф. Туджмана (37 %), а 57 % считают виновным мировое сообщество. 49 % боснийских мусульман, участвовавших в данном опросе, хотят ликвидировать РС и кантоны и тем самым укрепить государство, но это поддерживают только 7 % боснийских хорватов и 3 % боснийских сербов. 39 % хорватов и 28 % сербов считают, что Боснию ждет лучшее будущее, если выделить еще одно образование, подобное РС, и для хорватов (среди мусульман с этим почти никто не согласился).

Интересно посмотреть, что народы Боснии думают друг о друге. Сербы считают мусульман двуличными (52 %), отсталыми (31 %), неискренними (30 %), но при этом готовыми помочь (29 %) и трудолюбивыми (27 %). Мусульмане полагают, что сербы холодны (43 %), двуличны (43 %), агрессивны (41 %), жестоки (34 %), неискренни (18 %), но гордятся собой и трудолюбивы (по 17 %). Хорваты считают сербов двуличными (37 %), неискренними (34 %), агрессивными (32 %), холодными (29 %), но гордящимися собой (23 %) и старательными (20 %), а сербы хорватов – культурными (45 %), холодными (41 %), двуличными (35 %), старательными (26 %). Обращает на себя внимание тот факт, что 51 % боснийских мусульман сказали, что не любят сербов из-за их роли в войне и агрессивности, которую те тогда проявили. Это зашкаливающая высокий процент: только 11 % мусульман не любят из-за этого

хорватов, а 15 % сербов и лишь 1 % хорватов по этой же причине не жалуют мусульман. Всего 14 % хорватов из-за этой причины плохо относятся к сербам, а 13 % сербов – к хорватам. Целых 82 % мусульман и 61 % хорватов стали бы лучше относиться к сербам, если бы последние признали свою вину в войне, 58 % сербов хотели бы того же от мусульман, а 50 % – от хорватов (Skoko 2011).

Эти опросы представляют большой интерес, так как именно в Боснии представители всех трех народов наиболее тесно общаются между собой и часто имеют друзей и знакомых среди разных народов, а значит, заметное число людей формирует свое мнение на основе непосредственного общения. По немалому количеству негативных ответов видно, что и здесь очень большую роль играют пропаганда и стереотипы. Очевидны и колоссальные противоречия между тремя народами (особенно между сербами и боснийскими мусульманами) по политическим вопросам. Ясно также, что межнациональные отношения исключительно далеки от идеальных и совсем не похожи на те, которые существуют у хорошо ладящих друг с другом народов. В настоящее время никакого выхода из тупика, сложившегося в межнациональных отношениях боснийских сербов и мусульман, не видно; напротив, есть очень большая вероятность резкого ухудшения ситуации. Лидер Республики Сербской Милорад Додик заявляет о необходимости выхода РС из состава Боснии, поскольку не видит других перспектив развития для боснийских сербов (Blic 2015), а мусульманский генерал Сефер Халилович отреагировал на это, сказав, что подобные заявления провоцируют войну и что он не позволит разрушить единство страны (Petrović 2016). О желании создать третий *энтитет*, чтобы улучшить положение хорватского народа и обеспечить его равноправие во взаимоотношениях с центральной властью, в последнее время говорит и политический лидер боснийских хорватов Драган Чович (Behram 2017).

В Сербии с момента получения независимости серьезно активизировался косовский конфликт, который в 1998 г. перешел в полномасштабную гражданскую войну в крае. Албанцы с 1991 г. бойкотировали сербские выборы и даже создали свою параллельную систему здравоохранения и образования, правда, очень низкого качества. Их лидер Ибрагим Ругова провозгласил целью полное отделение Косово от Сербии с помощью ненасильственных мето-

дов. Однако существовало и радикальное движение, добивавшееся независимости вооруженным путем, – Армия освобождения Косово (АОК) во главе с Хашимом Тачи. Это движение устраивало теракты против сербской армии, полиции, гражданских лиц. В 1998 г. террористическое движение особенно сильно активизировалось (Гуськова 2006), и С. Милошевич ввел в край сербскую армию и полицию. В результате к началу 1999 г. сербские силы восстановили контроль над Косово, однако представители США снова обвинили сербов в геноциде, на этот раз мирных косовских албанцев, и поставили Сербии ультиматум о выводе войск из Косово, куда должны были войти силы НАТО. Милошевич отказался выполнить ультиматум, и в результате 24 марта 1999 г. начались ожесточенные бомбардировки военных и гражданских объектов, принесшие сербскому государству и населению огромный ущерб. 10 июня 1999 г. Милошевич капитулировал, и в Косово вошли войска НАТО. Они, однако, не смогли стабилизировать ситуацию и остановить албанских террористов, от рук которых летом 1999 г. погибло более 1 тыс. человек, было разрушено более 85 исторических и культурных памятников, а 226 тыс. сербов и 61 тыс. представителей несербских народов, в том числе большинство горанцев³, были вынуждены бежать, опасаясь террора и насилия (Она же 2007; Helsingki... 2004). До сих пор в Косово отсутствуют условия для их возвращения, и вернулась лишь незначительная часть беженцев. Косово в феврале 2008 г. провозгласило независимость, к власти в нем пришли главари АОК, такие как Хашим Тачи и Рамуш Харадинай, обвиненные швейцарским представителем в ПАСЕ Диком Марти в совершении множества преступлений, в том числе в убийствах и контрабанде наркотиков (Третьякова 2017: 127). В целом в косовском конфликте 1998–1999 гг. преступления совершали как албанские боевики, так и часть сербской армии и полиции (Искендеров 2012).

Надо сказать, что для большинства сербов Косово чрезвычайно важно и как центр средневековой сербской государственности, и как важнейший культурный центр, где на очень небольшой терри-

³ Горанцы (встречается также термин «горяне») – славяне-мусульмане, потомки исламизированных болгар, традиционно проживавшие на крайнем юге Косово и в Северо-Западной Македонии в местности Гора; в настоящее время вследствие долгого проживания в Югославии они считают себя отдельным народом или же частью сербского народа.

тории сконцентрированы целых 1350 церквей и монастырей (в основном – VIII–XIV вв.), 96 древних крепостей и 14 дворцов средневековых вельмож, многие из которых представляют собою шедевры мировой архитектуры и включены в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО (Кубуровић 2015), а также как крупнейший резервуар природных богатств Сербии. Поэтому для многих сербов мысль о потере Косово невыносима: 73 % опрошенных в Сербии были лично обеспокоены косовской проблемой, а 70 % считали для себя неприемлемым отдать Косово в обмен на вступление в ЕС (Gallup... 2010). Очень болезненно сербская общественность отреагировала и на признание независимости Косово со стороны всех стран бывшей Югославии (кроме Боснии и Герцеговины благодаря решительной позиции Республики Сербской), ведущих стран Запада и Турции (президент последней Р. Т. Эрдоган в ходе визита в Косово в ноябре 2013 г. даже заявил, что «Косово – это Турция, а Турция – Косово», и это было встречено аплодисментами со стороны около 10 тыс. албанцев [Jevtić 2013]). Тем не менее сербские власти пошли по пути уступок косовскому режиму, в том числе под давлением высших властей западных государств: решение косовской проблемы является одним из условий для вступления в Евросоюз. На некоторые уступки пошел уже сербский президент Борис Тадич, а следующий правитель Сербии Александр Вучич сделал еще более решительные шаги в этом направлении. Он решил начать прямые переговоры с косовскими властями, презрев тот факт, что в Сербии они разыскиваются по подозрениям в многочисленных преступлениях, и путем подписания некоторых договоров с ними фактически признал не только независимость Косово, но и право албанцев получить контроль над населенным сербами севером Косово, который албанская власть пока не контролирует (Филимонова 2017). Характерно, что Х. Тачи приветствовал такую политику Вучича и сообщил, что Белград наконец-то признал реальность существования независимого Косово и его территориальную целостность (Сани 2013). Существует опасность и военной экспансии косовского режима на сербский север края с непредсказуемыми последствиями.

Сербско-албанский конфликт в настоящее время остается одним из самых острых и потенциально взрывоопасных на Балканах. Косовские албанцы, хотя и живут в целом очень плохо, гораздо

хуже, чем под властью Сербии, все же не собираются обратно в ее состав: 75 % опрошенных в 2010 г. албанцев поддерживают независимость Косово, и только 2 % считают, что провозглашение независимости было однозначно негативным событием. Для сравнения, среди косовских сербов, что предсказуемо, никто не поддержал провозглашение независимости Косово, а целых 80 % заявило, что это событие было однозначно плохим. При этом 94 % албанцев против разделения Косово на сербскую и албанскую части – часто обсуждающийся в политических кругах Сербии вариант решения косовской проблемы, а поддерживают такой шаг всего 2 % из них. Для сравнения, в Сербии такой раздел одобрили бы 45 % респондентов, а 40 % предпочли бы сохранить все Косово, поскольку считают, что раздел все равно отнимает территорию у сербского народа (Gallup... 2010). Такой единодушный настрой албанцев связан как с постоянной антисербской пропагандой косовских властей, так и с тем, что лояльные Сербии албанцы, которые работали на государственной службе или просто выступали за сохранение Косово в составе Сербии, были уничтожены террористической АОК, которая убивала и представителей собственного народа за их политические взгляды (Гуськова 2000).

Отношение к албанцам в сербском обществе сегодня остается настороженным, а наиболее радикальная часть сербской молодежи выступает за депортацию всех албанцев из Косово и вообще Сербии. Под влиянием таких идей местные экстремисты изгнали заметную часть албанцев из некоторых городов Воеводины в 1999 г. (B92 2001). Но существует и другая, конструктивная позиция, которая широко распространена в сербском обществе и заключается в том, что надо доказывать албанцам, что они будут жить намного лучше, если вернуться в состав Сербии. В частности, такую позицию занимает умеренный сербский политик Владан Глишич: «Говоря реально, албанский народ под режимом Тачи живет хуже, чем во время Слободана Милошевича. Этот народ – в долгосрочной перспективе наш союзник, и я вообще не размышляю в категориях “прогнать, поубивать” и т. д., я размышляю в категориях “глубоко проникнуть в албанское общество”, что можно сделать, когда политику проводит мудрая власть, а потом привлечь их на свою сторону против терроризма и безумия, образовавшегося там» (YouTube 2013a).

Ситуация осложняется и открытой поддержкой косовского сепаратизма со стороны Албании. Еще в 1999 г. с сербскими войсками на стороне албанских сепаратистов воевала регулярная армия Албании (Galović 2013). А в 2013 г. было достигнуто соглашение о тесном взаимодействии армий Албании и Косово, по которому албанская армия получила право дислоцироваться на территории Косово (Dragović 2013), что является первым шагом к созданию из собственно Албании, Косово, албанских районов Македонии и других районов компактного проживания албанцев на Балканах «Великой Албании» – к цели, которую поддерживают ряд ведущих албанских политиков и ученых как Албании, так и других территорий, а также обычные люди: 51 % албанцев в Македонии, 62 % в Албании и целый 81 % в Косово. Отдельную угрозу представляет албанская наркомафия, контролирующая основной объем перевозок наркотиков в Европу; с ней государства региона справиться не в состоянии (Третьякова 2017: 98–99; Филимонова 2012). Фактически начавшееся создание «Великой Албании» грозит стать крупнейшей этнополитической проблемой региона, когда стремление к сепаратизму со стороны быстрорастущих пассионарных албанцев с высокой долей молодежи может легко дестабилизировать демографически очень слабые и вымирающие славянские государства (Рис. 2).

Не обошлось без серьезных межнациональных конфликтов и в Македонии. В ней в феврале 2001 г. началась гражданская война, когда албанцы – члены Освободительной народной армии (ОНА), ответвления АОК, вдохновленные успешным примером Косово, взяли за оружие и начали бороться за отделение албанских районов республики (в том же месяце боевики АОК начали вооруженное восстание в преимущественно албанской Прешевской долине на крайнем юге Сербии, но восстание было быстро подавлено сербскими войсками). Большинство албанцев дезертировало из македонской армии, что напоминает ситуацию начала 1990-х гг. с ЮНА. Война продолжалась несколько месяцев и сопровождалась массовым бегством македонцев и другого неалбанского населения (всего около 77 тыс. беженцев), а также разрушением их домов и православных храмов. Военные действия закончились в августе 2001 г. Охридскими соглашениями, заключенными при посредничестве стран Запада, согласно которым македонское законодатель-

ство было значительным образом изменено в соответствии с требованиями албанцев, что привело к серьезному ослаблению центральной власти. Причем отношения между славянским и албанским населением в Македонии традиционно были заметно лучше, чем в Косово, а сама эта война возникла прежде всего из-за действий албанских мигрантов из Косово. Сама ОНА в своей основе состояла из косовских албанцев. Но определенный вклад в ее популяризацию внесли социально-экономические проблемы, вызванные демографическим ростом македонских албанцев, еще более быстрым, чем в Косово. По свидетельствам ОБСЕ, македонская армия воевала весьма корректно и не допускала убийств и издевательств над мирным албанским населением (Третьякова 2017). Самым негативным последствием этого договора стала амнистия и легализация членов ОНА, которые избежали ответственности за совершенные преступления и вооруженный сепаратизм, а ее представители вошли в парламент и правительство и получили рычаги влияния на македонскую политику (ФАМА 2013).

Рис. 2. Карта «Великой Албании»

Источник: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Ethnic_albania.jpg?uselang=ru.

В 2013 г. произошел беспрецедентный случай: Талат Джафери, который был офицером македонской армии и в 2001 г. в разгар боевых действий дезертировал, примкнул к ОНА и активно воевал против македонского государства (Емагазин 2017), стал министром обороны. Все это произошло при попустительстве правительства ВМРО-ДПМНЕ, которая при этом представляла себя как самую патриотическую партию Македонии (ФАМА 2013). В мае 2015 г. в г. Куманово на границе с Сербией произошел инцидент, когда вооруженные албанцы попытались захватить район Диво-Населье, однако македонская полиция за два дня смогла одержать верх над ними. В результате было убито 8 македонских полицейских и 10 нападавших (9 косовских албанцев, до этого воевавших за независимость Косово, и 1 македонский албанец), а много домов в районе было разрушено. В Косово объединения ветеранов АОК организовали им торжественные похороны и провозгласили их героями, которые «боролись за свободу оккупированных албанских земель и за их воссоединение с Албанией» (Hajdari 2015).

В македонской войне и защите гражданского населения значимую роль сыграл генерал Стоянче Ангелов. Важно отметить, что партия «Достоинство», возглавляемая С. Ангеловым, особенно активно выступает за межнациональный мир и единство республики, всегда разделяет обычных албанцев и экстремистов, взявших в руки оружие и ответственных за ухудшение македонско-албанских отношений, и уважительно относится к мирному албанскому большинству (ФАМА 2013).

Единственной республикой, где не было военных действий, стала Черногория, оставшаяся в первой половине 1990-х гг. в составе Югославии и управлявшаяся лояльным С. Милошевичу президентом Момиром Булатовичем. В 1997 г. президентом был избран Мило Джуканович, занимающий в настоящее время ярко выраженные прочерногорские и прозападные позиции. Под его руководством страна в 2006 г. провозгласила независимость на основе результатов референдума, по итогам которого 55,5 % граждан проголосовали за выход из состава Югославии (Докучаева 2016). Страна стремится в ЕС и совсем недавно, летом 2017 г., вступила в НАТО (за членство в этих двух организациях в республике выступают именно черногорцы по национальности, которые, подобно хорватам и словенцам, в заметной части чувствуют себя принадле-

жащими к западному миру, а вот черногорские сербы в заметной части выступают против этих организаций и желают присоединения республики к Сербии [News Front 2016]). Но все же между двумя основными народами республики – сербами и черногорцами, несмотря на все противоречия, не было (и, вероятно, не будет) острых вооруженных конфликтов.

В целом после распада Югославии и кровавых войн начала 1990-х гг. рассматриваемые государства так и не смогли выйти на траекторию устойчивого социально-экономического и политического развития, и между ними (и внутри них) продолжают оставаться исключительно серьезные противоречия. Хотя в экономическом плане всем странам в начале – середине 2000-х гг. удалось добиться некоторого восстановительного роста, уровень жизни 1970-х гг. так до сих пор и не достигнут ни в одной республике, за исключением Словении, которая остается самой богатой и стабильной страной бывшей Югославии и вообще является одной из самых развитых стран мира. На другом «полюсе» находится Косово, которое можно смело отнести к беднейшим странам мира. Значительно ухудшился по сравнению с благополучными 1970-ми и даже 1980-ми гг. уровень жизни в Сербии, Македонии и особенно Боснии и Герцеговине, полностью разоренной войной. Безработица в Сербии, Боснии и Македонии составляет около 30 % трудоспособного населения, а в Косово – более 40 %. Вообще экономическая ситуация в регионе может характеризоваться как «всеобщий (совокупный) кризис» (Novák 2014). Поэтому население в республиках с ностальгией вспоминает период социализма, а Тито до сих пор остается одним из самых популярных политиков, который для многих является символом стабильности и дружбы народов; многие считают, что тот высокий уровень жизни, который был при Тито, когда молодым парам бесплатно предоставлялась квартира, а зарплаты постоянно росли, уже никогда не вернется (Зотов 2017).

В Хорватии и Словении, выделяющихся наиболее высоким уровнем жизни, большинство довольны своей независимостью (но и там есть некоторая часть населения, ностальгирующая по общему единому государству), а в Сербии, Боснии и Герцеговине, Черногории большая часть населения тоскует по Югославии. Так, по одному опросу, лишь 4 % граждан Сербии считает, что распад Югославии был в целом позитивным явлением, а целый 81 % уверен, что

он принес прежде всего вред (видимо, и потому, что огромное количество сербов осталось вне пределов Югославии, а Косово вышло из-под контроля Сербии). В Боснии и Герцеговине соответствующие цифры составили 7 % и 77 %, в Черногории – 15 % и 65 %, а в Македонии – 12 % и 61 %. В других республиках число тех, кто видит больше пользы от своей независимости, заметно превышает число людей, уверенных, что она принесла вред: Словения (45 % и 41 %), Хорватия (55 % и 23 %) и Косово (75 % и 10 % [Gallup... 2017]). Все это говорит о том, что хотя народы и сохранили свою национальную идентичность, но все же в период социалистической Югославии они сблизились между собой настолько, что значительная их часть привыкла к единству, готова жить в одном государстве (при условии признания своей национальности и получения для нее национальной автономии, как было при социализме), жалеет о его распаде и хотела бы и сегодня его восстановить. Кровавые гражданские войны, без сомнения, привели к росту радикальных и шовинистических настроений среди югославских народов и заметно сократили число сторонников единства, но и сегодня их число в каждой республике (за исключением Косово) остается весьма значительным. Среди местной молодежи, впрочем, могут наблюдаться и другие тенденции, как будет сказано в конце раздела о боснийских мусульманах.

Несмотря на такие «югоностальгичные» настроения, воссоздание Югославии в обозримом будущем представляется абсолютно нереальным, в том числе и потому, что в современных условиях, когда во всех республиках экономика была полностью переведена на рыночные рельсы, прошли приватизации и возникло множество разнообразных партий, вряд ли возможно снова создать однопартийную систему, на которой во многом и держалось единство страны. Послевоенный опыт многонациональной Боснии и Герцеговины, которую называют еще «малой Югославией», показал, что в условиях многопартийности каждая крупная партия принимает точку зрения только своего народа и крайне редко идет на компромиссы, что блокирует успешное развитие государства. То же самое можно видеть и на примере Македонии, где крупные македонские партии вынуждены вступать в коалицию с албанскими, чтобы иметь возможность прийти к власти, а для этого им приходится менять свою политику в соответствии с требованиями этих албан-

ских партий, что также приводит к ослаблению македонского государства (см.: Искендеров 2015). Грубое вмешательство США, преследовавших свои интересы, в балканские дела привело к серьезному обострению и без того сложнейшей политической ситуации. А в Сербии агрессия НАТО и отторжение Косово, где США создали одну из крупнейших своих военных баз «Кэмп-Бондстил» (Филимонова 2017), привели к массовому всплеску антиамериканизма и вообще антизападных настроений. Плохое отношение к государствам переносится на народы. Так, если к русским сербы относятся чрезвычайно позитивно, то по отношению к американцам и немцам существует весьма выраженная этническая дистанция (Ремий 2007).

* * *

Что касается религиозного аспекта межнациональных взаимоотношений, то и здесь ситуация стала исключительно сложной. Во время боснийской войны было разрушено множество религиозных сооружений: православных, католических и мусульманских. Есть сведения, что особенно сильно пострадали мечети, медресе и другие культовые сооружения боснийских мусульман, которые разрушали сербские и, в меньшей степени, хорватские войска. По мусульманским данным, из 1144 мечетей с минаретами была уничтожена или повреждена 921, или 81 %. В частности, были разрушена уникальная мечеть Ферхадия и почти все остальные мечети в Бая-Луке. Всего же в той или иной степени пострадало 450 сербских религиозных объектов, 836 хорватских и 1819 мусульманских (Puhalo 2015). Многочисленные факты разрушения культовых зданий православных и католиков были отмечены и в Хорватии (Bellamy 2003).

После 1999 г. серьезно пострадали сербские церкви и монастыри в Косово, разрушенные и поврежденные албанцами. В марте 2004 г. в Косово произошел погром сербов, в котором участвовала 51 тыс. албанцев. В результате было сожжено 550 сербских и цыганских домов, разрушено 27 православных церквей и монастырей, а 4,1 тыс. сербов, цыган и других неалбанцев были вынуждены бежать из своих домов (Human... 2004). На территории собственно Сербии сразу после албанского погрома разгневанной толпой радикально настроенной молодежи в качестве мести за уничтожен-

ные церкви были сожжены две мечети в Белграде и Нише, что резко осложнило межрелигиозную обстановку (Plić 2017).

Хотя белградская мечеть и была восстановлена, она является единственной в городе и ее не хватает для многочисленных местных мусульман (по оценкам самих мусульманских организаций, мусульман, постоянно или временно проживающих в Белграде, насчитывается от 185 тыс. до 200 тыс.). Поэтому большинство верующих вынуждены молиться на улице (Radio-Televizija Srbije 2008). Получить разрешение на строительство мечети в Белграде крайне сложно: за 45 лет своего существования Исламское сообщество не смогло добиться ни одного разрешения на сооружение религиозного объекта. Поэтому верующие в одном из районов столицы нелегально построили мечеть, которая в мае 2017 г. была снесена по приказу местной администрации. В этом же районе существует нелегально построенная православная церковь и ряд других строений, возведенных без соответствующих документов, однако в качестве объекта разрушения выбрали именно мечеть. Такая ситуация приводит к росту напряжения и недовольства даже среди лояльных государству сербских мусульман (Plić 2017).

Следует сказать, что и сами сербские мусульмане поделены: в стране существует два враждующих между собой исламских сообществ. Одно из них (Исламское сообщество Сербии) полностью лояльно Сербии: признает Косово частью сербского государства и выступает против его независимости, в том числе и потому, что православные сербы лишились доступа к своим религиозным центрам (Вечерње Новости 2016), и его центр находится в Белграде. Один из его лидеров – муфтий Центральной Сербии Абдуллах Нууман, серб с тремя высшими образованиями, принявший в юности ислам во время своего путешествия по Индии (Ćorbić, Branković 2016). Другое (Исламское сообщество в Сербии) часто выступает против политики сербского государства, и его центр находится вне пределов Сербии – в г. Сараево, а самая авторитетная его фигура – главный муфтий Исполнительного комитета Исламского сообщества в Сербии, боснийский мусульманин Муамер Зукорлич, выступающий за автономию Санджака (Филимонова 2010). Лояльное Исламское сообщество неоднократно просило сербские власти зарегистрировать его в качестве единственного легального сообщества мусульман, а другое сообщество – убрать из Регистра религи-

озных организаций в соответствии с решением Конституционного суда (Вечерње Новости 2014), однако никакой реакции властей не последовало. А в 2016 г. М. Зукорлич снял с себя полномочия муфтия, стал депутатом сербского парламента и был избран на важный пост председателя парламентской комиссии по науке и образованию (Petković 2016).

Конфликт двух религиозных организаций наблюдается и в Черногории, где в 2000 г. была зарегистрирована не признанная каноническими православными церквями Черногорская православная церковь, которая объявила себя наследницей Черногорской церкви, существовавшей до присоединения Черногории к Югославии в 1918 г. Черногорская власть заявляет, что это присоединение было принудительно осуществлено сербами, однако многие современные черногорские историки утверждают, что большинство простого народа хотело присоединиться тогда к Югославии, а большинство духовенства добровольно стремилось войти в состав Сербской православной церкви. До сих пор значительная часть верующего населения принадлежит к Сербской церкви (Alo.rs 2016). Однако, к счастью, серьезного напряжения там не наблюдается. Проблемы появились и внутри традиционных конфессий. Так, в Боснии и Санджаке популярность набирают ваххабиты, в том числе под влиянием пропаганды радикальных мусульман-переселенцев с Ближнего Востока, которые приехали в Боснию воевать за мусульман и впоследствии там остались. В последнее время похожие тенденции наблюдаются и у косовских албанцев: в Косово проповедники ваххабизма весьма активны (Филимонова 2017). Что касается Хорватии, то, как с тревогой сообщают некоторые известные личности, в частности историк Хрвое Класич и журналист и богослов Драго Пилсел, некоторая часть католических священников и журналистов активно отрицает усташский геноцид сербов, в том числе в Ясеновце, а кто-то даже считает нацистского преступника Павелича героем, а его усташей – полностью невиновными в преступлениях, и такими идеями заражаются обычные хорватские верующие (Potić 2016; Pilsel 2017). Все это означает, что и в религиозном аспекте межнациональных отношений также наблюдаются негативные явления, которые подрывают стабильность региона.

Этнолингвистический аспект межнациональных отношений на Балканах

В этой части статьи рассказывается о языковом аспекте межнациональных отношений на Балканах. Данному аспекту в статье уделяется особое место и внимание, что объясняется, во-первых, весьма сложной и интересной языковой ситуацией и языковой политикой в странах бывшей Югославии, которая находится в прямой связи с этнонациональными процессами и формированием идентичности живущих на этой территории народов, а во-вторых, тем, что, зная отношение конкретного народа к собственному языку (и языкам соседних народов), можно лучше понять и специфику межнациональных отношений на Балканах. Помимо описания языковой политики будут приведены и фактические данные по близости отдельных языков с конкретными статистическими показателями, что позволит читателю получить весьма наглядное представление о языковой реальности на Балканах и самому оценить, насколько эта реальность совпадает или расходится с распространенными среди балканских народов стереотипами. Будут рассмотрены только те случаи, когда разные народы говорят на одном и том же языке, но отказываются назвать его общим, единым для всех именем, а также противоположные случаи, когда один и тот же народ говорит на разных, хотя и близкородственных, языках, но при этом называет их одним именем, поскольку такие примеры наиболее ярко отражают рассматриваемую проблему (впрочем, под эти категории подпадает подавляющее большинство населения бывшей Югославии).

Касаясь проблемы языка как фактора этнической идентичности, необходимо отметить, что язык считается исключительно важным фактором существования и развития каждого народа, посредством которого собирается и передается информация о его историческом опыте и осуществляется общение его представителей путем чтения литературы, образования, науки, участия в мероприятиях (Курске 2011). Причем именно функция общения людей между собой, выполняемая языком, является важнейшей (Kordić 2010: 105). Многие ученые и исследователи XIX–XX вв. признавали язык ярким проявлением психологии и духа народа, формирующим его самосознание. Язык связывает прошлое и настоящее конкретного народа и помогает ему сохранить свою идентичность в современном меняющемся мире, поскольку изменяется гораздо более мед-

ленными темпами, чем традиции и обычаи (Донцов и др. 1997; Морзавченков 2015).

В настоящее время среди лингвистов в качестве критерия для разграничения языков и диалектов, а также для определения степени близости языков широко применяется список 100 самых употребительных и устойчивых слов (исключая заимствования), составленный в 1955 г. американским лингвистом Моррисом Сводешем (список Сводеша; см., например: Коряков 2017; Старостин 2007; Fodor 1961; Kassian *et al.* 2010; Kordić 2010: 98).

Кроме того, некоторые лингвисты используют и список часто встречающихся слов в литературном корпусе языка (то есть фактическое статистическое распределение слов по их частотности [Сысоев 2010]). В данной статье для сравнения представляется достаточным рассмотреть первые 300 самых частых слов (предварительно убрав из них явные заимствования), а в качестве основы сравнения взять распределение слов из литературного корпуса русского языка (для анализа взят подкорпус художественной литературы, так как в нем меньше всего заимствований [Ляшевская, Шаров 2009]) и условно предположить, что слова в сравниваемых языках будут иметь то же самое распределение по частотности, что и в русском.

Для признания двух идиомов одним языком нужен исключительно высокий процент совпадений. В научной литературе принят порог в 95 % общих слов по списку Сводеша, позволяющий разграничить язык и диалект (Коряков 2017: 93)⁴.

⁴ Например, три идиома, которые даже среди лингвистов обычно принято считать отдельными языками: персидский, таджикский и дари (официальные языки Ирана, Таджикистана и Афганистана) имеют по нему 97–98 % совпадений (рассчитано по: Фомин 2011), поэтому их по этой методике следует признать единым языком, тем более что их носители свободно могут говорить друг с другом без переводчика. В то же время, например, между такими славянскими языками, как русский и сербский (83 % общих корней [рассчитано по: Саенко 2013]) или русский и чешский (90 %), несмотря на очень высокий процент совпадений, полноценное общение невозможно: в потоке речи обычно понятны только отдельные слова и фразы, хотя, скажем, русскому и чешскому недостает только 5 слов в списке, чтобы считаться одним языком. Это показывает, что для свободного общения нужен особо высокий процент совпадений между идиомами, а уже на уровне от 80 до 90 % совпадений различия в произношении даже слов общего происхождения оказываются весьма существенными, а доля незнакомых слов в общем словарном составе (за пределами 100-словного списка) – весьма большой, что мешает пониманию не только при непосредственном общении, но и при чтении текстов (хотя и в меньшей степени). Поэтому славянские языки, несмотря на очень высокий процент совпадений между всеми ними по этому списку (от 83 до 94 %), все же нельзя объединять в один (Fodor 1961).

Самым распространенным славянским языком Балкан является сербохорватский. Число его носителей оценено в 17,4 млн человек по всему миру; на этом языке говорят сербы и черногорцы (9,1 млн), хорваты (5,6 млн) и боснийские мусульмане (2,4 млн), в том числе 1,5 млн из них живут вне пределов бывшей Югославии. В настоящее время в российской научной литературе многие авторы начинают отказываться от традиционного обобщающего термина «сербохорватский язык» и все чаще используют термины «сербский язык» и «хорватский язык» вслед за изменением в языковой политике Сербии и Хорватии, которые после распада Югославии стали подчеркивать самостоятельность своих языков (подобным образом политики и лингвисты боснийских мусульман и черногорцев пытаются доказать, что существуют самостоятельные боснийский и черногорский языки [Кречмер, Невекловский 2005]). Надо сказать, что уровень совпадений между сербским и хорватским языками (самыми отличающимися друг от друга из вышеперечисленных четырех) исключительно высок: по списку Сводеша он составляет все 100 % (Kordić 2010: 98), а по списку 300 самых частых слов – 99 % (рассчитано по: Ляшевская, Шаров 2009; Станкович 1998; Brodnjak 1991).

Существуют еще два балканских идиома, где процент совпадений тоже чрезвычайно высок: болгарский и македонский (соответственно 96 % по списку Сводеша [Fodor 1961] и 95 %⁵ по списку 300 наиболее частых слов [рассчитано по: Георгиев 1979; Дуриданов и др. 1996; Ляшевская, Шаров 2009; Сумская, Хаванская 2013; Головски, Иллич-Свитыч 1963; Църнушанов 1991a]), признанные современной российской наукой в качестве отдельных языков. На македонском языке говорит более 2 млн македонцев по всему миру, в том числе в Македонии 64 % населения (Усикова 2005), а на болгарском – около 7 млн человек, в том числе 6,7 млн в Болгарии (Маслов 2005). Сербы с хорватами, как и болгары с македонцами, на бытовом уровне свободно общаются без переводчика. Многие

⁵ В частотном списке слов в случае болгарского и македонского языков один и тот же несопадающий корень присутствует 4 раза (из них целых 3 – в виде одного и того же слова, отличающегося только окончаниями, а что касается четвертого слова, то в списке отдельно учитывается его синоним, который в данных двух языках совпадает). Это, на наш взгляд, несколько искажает реальную картину. Поэтому при подсчете эти 3 случая повторения были исключены. В ситуации с сербским и хорватским подобных случаев не было, поэтому список слов был оставлен без изменений.

сербы, хорваты, боснийские мусульмане и черногорцы на бытовом уровне называют свои идиомы «наш язык», считая его единым языком, однако насчет его общего названия, которое было бы производным от названия какого-то одного народа, они договориться не могут. Во многих случаях в Европе диалекты одного языка (немецкий, итальянский, албанский) отличаются значительно сильнее, чем эти идиомы, официально считающиеся языками; так, если итальянцы будут говорить на своих диалектах, то они с трудом поймут друг друга (Kordić 2010).

Очень близки также македонский и сербохорватский, особенно его сербский вариант (94 % совпадений в списке Сводеша, и всего одного совпадения недостает, чтобы они считались одним языком). Между сербохорватским и болгарским 92 % совпадений, и до статуса «одного языка» им не хватает только трех (Fodor 1961). Тем не менее даже между сербским и македонским имеются ярко выраженные фонетические, лексические и грамматические отличия, полностью достаточные для того, чтобы признать их отдельными языками (см., например: Селищев 1979). Поэтому сербохорватский и «болгаро-македонский» – все-таки разные языки. Впрочем, определенный уровень взаимопонимания между их носителями (например, между болгаринном и хорватом), безусловно, возможен, но он далеко не стопроцентный (в отличие от диалога серба с хорватом), и при общении довольно часто возникает недопонимание.

* * *

Что касается хорватского языка, то заметная часть хорватов (и большая часть хорватских лингвистов) считает его самостоятельным. В нем действительно есть некоторое количество основных слов, отличающихся от используемых в Боснии и Герцеговине, Сербии и Черногории. Они, по нашим наблюдениям, в основном совпадают со словами из церковнославянского языка (первый зафиксированный южнославянский язык), хотя его прямые потомки – болгарский и македонский – их утратили. Это значит, что хорватский хранит более древнюю лексику по сравнению с этими южнославянскими языками. Поэтому представляются совершенно необоснованными утверждения некоторых сербских исследователей, что хорватский – это «испорченный сербский» (Kostić 1964: 82); наоборот, лексические и грамматические отличия хорватского от сербского – это в основном архаизмы в хорватском и инновации

в сербском. Также в хорватском языке употребляется заметно меньше слов, заимствованных из ближневосточных языков (так называемых турцизмов), чем в других языках региона, поскольку Хорватия значительно меньше времени была под властью Турции. Но все-таки все эти отличия очень небольшие и явно недостаточны для признания хорватского языка самостоятельным со строго лингвистической точки зрения.

Существенные отличия наблюдаются только в научной и публицистической лексике, в которой хорватские лингвисты стремятся заменить заимствования словами с южнославянскими корнями (Сотировић 2009). Однако эту лексику нельзя считать главным критерием для разграничения языков: она во многих случаях иноязычного происхождения или же создана искусственно и, таким образом, не является плодом естественного развития языков, что мы и видим на примере сербского и хорватского.

Языковая проблема была одной из важнейших в политической жизни Хорватии как во время социализма, так и после обретения независимости. Движение за самостоятельность хорватского языка началось еще в социалистической Югославии и было важным проявлением стремления хорватов к получению больших прав внутри Югославии. Большинство хорватских интеллектуалов стремились к признанию хорватского языка самостоятельным и равноправным сербскому. В то же время определенная их часть выступала за укрепление единого сербохорватского языка, что нашло отражение в «Новисадском договоре» 1954 г., подписанном некоторыми сербскими, черногорскими и хорватскими лингвистами и писателями. В нем признавалось существование единого языка и было объявлено о подготовке издания сербохорватского орфографического словаря, который вышел в 1960 г. Но уже в 1967 г. ряд хорватских лингвистов, ученых и писателей подписали Декларацию о названии и положении хорватского литературного языка, где утверждалось о его полной самостоятельности и о праве хорватского народа называть свой язык так, как он хочет. Это событие стало очень важным элементом Хорватской весны. Хотя некоторые подписавшие декларацию были лишены своих постов, в итоге Тито пошел на уступки, и в конституции Хорватии 1974 г. появился пункт о том, что официальный язык этой республики – хорватский, который, как там отмечалось, резко отличается от сербского. После 1991 г.

правящая партия «Хорватское демократическое содружество» (ХДС) стремилась не только подчеркнуть самостоятельность хорватского языка, но и внедрить множество «чисто хорватских» слов, чтобы избавиться от сербских, западных и даже международных заимствований; например, вместо обычного слова *фудбал* (футбол) предписывалось употреблять чисто хорватское *ногомет*. Было издано множество словарей различий между хорватским и сербским языками (Bellamy 2003).

Известный хорватский лингвист Снежана Кордич считает хорватский частью (вариантом) того же языка, на котором говорят в Сербии и других республиках бывшей Югославии (наиболее корректным и приемлемым термином для него она считает «сербохорватский»), объясняя это почти стопроцентным уровнем взаимопонимания (а значит, существует очень небольшой процент отличающихся слов) и приводя в пример северный и южный диалекты немецкого, где различий даже больше, но взаимопонимание сохраняется. Поэтому она делает вывод, что в бывшей Югославии с научной точки зрения существует единый полицентрический язык с четырьмя вариантами, которые обладают своими особенностями и небольшими различиями в лексике и произношении (так что поговору можно определить, из какого региона тот или иной носитель), и приводит утверждения многих западных лингвистов, которые с этим согласны. С. Кордич критикует точку зрения югославских лингвистов – сторонников того, что сербский и хорватский – разные языки, потому что они применяют очень много нелингвистических критериев (национальное чувство носителей, их желание видеть свой язык отдельным от других, признание языка в национальной конституции и т. д.) и избегают использовать критерий взаимопонимания, хотя он является одним из важнейших в определении того, являются ли идиомы языками или диалектами (Kordić 2010).

Другие хорватские лингвисты с нею не согласны, считая, что у самостоятельного и отдельного хорватского государства обязательно должен быть и свой, отдельный язык. Так, академик Степан Бабич утверждает, что в хорватской лексике есть от 10 до 20 % уникальных слов, отсутствующих в соседних языках, что ему кажется весьма важным доказательством самостоятельности хорватского языка. Что же касается взаимопонимания с носителями серб-

ского языка, то оно, по его мнению, далеко не полное: в сербском есть много слов, которые не поймет хорват, и наоборот (Portal... 2009). Но приведенные С. Бабичем сербские примеры, непонятные хорватам, – это, как правило, заимствования из других языков, составляющие очень небольшой процент слов в речи и большинстве текстов и поэтому почти не мешающие взаимопониманию. Романист и лексикограф Аугуст Ковачец также указывает на множество различий, например, в названиях домашней утвари и блюд (но это опять же в основном заимствования), и на существование целых словарей различий двух языков. Стремление к сербско-хорватскому языковому единству, начавшееся в XIX в., он считает ошибочным и нереальным. Мнения о полной самостоятельности хорватского языка придерживается и Хорватская академия наук и искусств (Portal... 2011).

Кроме того, очень сильны хорватско-сербские противоречия не только из-за событий Второй мировой войны, но и из-за недавней истории. Хорваты в основном называют войну с сербами в 1991–1995 гг. Отечественной, направленной на освобождение части своей территории, оккупированной сербскими военными формированиями, и 53 % хорватов, по опросам, обвиняет в начале войны именно сербский народ, а 29 % – Слободана Милошевича (Skoko 2010: 145–147). Многие же представители сербского народа утверждают, что хорватские сербы имели право отделиться от Хорватии и остаться вместе с остальными сербами в Югославии, которую они считали своей страной. Эти противоречия тоже вносят вклад в стремление хорватов искусственно увеличить языковые различия.

* * *

В соседней Боснии и Герцеговине славяне-мусульмане в основном считают свой язык одинаковым с сербским и хорватским. Однако они не хотят назвать его тем же именем, что сербы или хорваты. При этом они также отказываются от традиционного «сербохорватский», так как не чувствуют себя ни сербами, ни хорватами, и используют понятие «боснийский язык». Кроме того, по их утверждениям, не только мусульмане, но и сербы и хорваты Боснии и Герцеговины тоже говорят на боснийском языке, потому что Босния, по их мнению, веками существовала как единое целое и ее населял один народ, который до прихода Османской империи ис-

поведовал христианскую ересь богомилства, а в османский период постепенно от нее отошел и стал исповедовать три веры, что сохранилось и сегодня. Сербы же считают, что боснийские мусульмане говорят на сербском языке, так как они произошли от сербов, что мусульмане принять отказываются.

Боснийский язык был официально кодифицирован в 1996 г., когда в Сараево была издана первая «Орфография боснийского языка». Фактически между боснийским и сербским языками нет вообще никаких отличий (даже таких небольших, как в хорватском), за исключением некоторых малоупотребительных слов и минимальных различий в произношении. Однако мусульманские публицисты пытаются создать отличия искусственно, массово внедряя в лексику боснийских официальных документов и интернет-порталов фактически ушедшие из употребления турцизмы и хорватскую лексику, а также усиленно используя звук «х» в тех словах, в которых в Сербии и Хорватии он исчез (Сотировић 2009). Некоторые боснийские лингвисты, в частности автор десяти томного «Словаря боснийского языка» Джевад Яхич, всячески подчеркивают самостоятельность своего языка. Для них отсутствие лексических различий с сербским не играет роли; главное, что боснийский язык после обретения независимости от Югославии развивается в другом направлении от сербского. При этом имеющиеся микроскопические отличия в произношении и словоупотреблении провозглашаются ими исключительно важными и обусловленными долгой историей боснийских мусульман (Klix 2011; Vijesti.ba 2015).

Боснийский лингвист и политик Яхья Фехратович объясняет возникновение общего с сербами литературного языка тем, что сербы в первой половине XIX в. под руководством лингвиста и писателя Вука Караджича взяли с территории Герцеговины местный диалект боснийского языка, присвоили его, назвав «сербским языком», и целенаправленно внедрили в качестве официального, при этом отказавшись от собственного литературного языка, который основывался на церковнославянском. Я. Фехратович, впрочем, признает общность народного разговорного языка у сербов, хорватов и боснийских мусульман. Как он пишет, различные сербские организации и институты и сегодня отрицают существование боснийского языка, не хотят признать, что современный сербский язык вырос и развился из боснийского, и провозглашают этот язык

и другие достижения боснийской культуры сербским наследием из-за своей ревности и зависти к выдающимся достижениям народа Боснии (Fehratović 2013; 2017).

Вследствие роста межнациональной напряженности и очень большой обиды на сербов из-за недавней войны (об этом говорилось выше) у части рядовых боснийских мусульман возникла потребность доказать, что у них с сербами нет ничего общего. Но для этого надо объяснить, откуда тогда взялся общий с сербами язык, единство которого очевидно всем. В результате возникла и стала распространенной в народе теория, что боснийские мусульмане якобы настолько резко отличаются от сербов, что даже их генетика совершенно не совпадает с сербской, потому что они произошли вовсе не от славян, а от автохтонного боснийского населения – иллирийцев, которое, правда, все-таки заимствовало у пришельцев – южных славян – их язык, называемый мусульманами «боснийским» (Zubanović 2015). Обычные боснийские мусульмане в значительной своей части даже убеждены, что и разговорный язык сербов до XIX в. резко отличался от боснийского, а потом сербы постепенно забыли свой язык и перешли на боснийский.

Конечно же, серьезные исследования опровергают доморощенные представления рядового мусульманского населения, что сербы якобы изначально говорили на каком-то другом языке, пока не присвоили боснийский язык, и свидетельствуют, что общий язык у предков современных сербов, боснийских мусульман, черногорцев и части хорватов, безусловно, существовал задолго до XIX в. Еще в X в. он употреблялся на территории современной Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины, где правили сербские династии, и в последующие века оставался полностью единым на всей этой территории. Все инновации, возникавшие в каком-то одном месте (как правило, в Сербии), быстро распространялись на всю остальную территорию этого языка, что весьма неожиданно, учитывая политическую раздробленность и серьезные географические барьеры в виде высоких и труднопроходимых гор. До сих пор этот язык – практически один и тот же на всей своей обширной территории. Поэтому, без сомнения, общий язык у сербов и боснийских мусульман существует из-за их общего происхождения.

В боснийском обществе имеются и другие тенденции, приводящие к желанию полностью отделиться от сербов, в том числе в этнолингвистическом плане. По мнению эксперта по терроризму Джевада Галияшевича, из-за деятельности Партии демократического действия и лично А. Изетбеговича множество верующих боснийских мусульман начинают отождествлять свою идентичность в первую очередь с религией и отказываются считать свой народ частью европейской цивилизации. Они начинают полагать, что принадлежат только к исламскому миру и не имеют ничего общего со своими «вечными и непримиримыми врагами» – сербами. Поэтому им гораздо ближе и роднее жители далеких стран (например, Судана и Чада), коренным образом отличающиеся от них по языку, традициям и менталитету, которых они никогда не видели и не увидят, чем сербы, с которыми они сталкиваются каждый день, только потому, что суданцы и чадцы – мусульмане, что, с его точки зрения, абсурдно (Galijašević 2016).

Хорватские националисты, которые считают хорватский язык самостоятельным, убеждены, что боснийского языка не существует и он представляет собой продолжение хорватского, поскольку боснийские мусульмане, по их мнению, на самом деле все являются исламизированными хорватами, а сама Босния и Герцеговина – тоже естественное продолжение Хорватии. Один из хорватских политиков-националистов, Анте Ковачевич, заявил, что Босния – колыбель хорватского самосознания, а БиГ и Хорватия – геополитическая, цивилизационная, духовная целостность: одна без другой не может существовать. Он также выступает категорически против Республики Сербской, поскольку она создана «на хорватской земле» (Republika 2011). Такие идеи существуют в Хорватии очень давно. Еще в 50-х гг. XIX в. их выдвинул очень известный общественный деятель, политик и главный идеолог хорватского национализма Анте Старчевич, который выступал за создание независимой Хорватии и к тому же всячески подчеркивал самостоятельность хорватского языка и называл югославянскую идею самой большой опасностью для хорватов. По его словам, именно боснийские мусульмане в наибольшей степени сохранили хорватский дух (Dijanović 2012).

* * *

Говоря о черногорцах, следует сказать, что они на бытовом уровне тоже считают свой язык таким же, как сербский, хотя некоторые из них и настаивают на его самостоятельности. На самом деле между сегодняшним сербским и черногорским языками различий почти нет, и даже до вхождения Черногории в состав Югославии, в XIX в., они были небольшими и совершенно не мешали взаимопониманию, что подтверждается, например, языком поэмы «Горный венец», написанной в первой половине XIX в. черногорским правителем Петром II Петровичем Негошем. Поэтому даже те черногорские лингвисты, которые считают правильным называть свой язык черногорским (например, Воислав Никчевич, который впервые в Югославии в 1968 г. заговорил о необходимости признания черногорского языка), соглашаются с тем, что фактически он почти ничем не отличается от сербского и что со строго лингвистической точки зрения четыре рассматриваемых народа говорят на одном, общем для всех языке. Но поскольку существует черногорская нация со своим государственным образованием и культурными особенностями, она должна назвать «часть» этого языка так, как сама считает нужным. То же самое, по его мнению, справедливо для хорватского и боснийского языков, хотя они по сути не отличаются от сербского, но два народа-носителя не хотят отождествлять себя с сербами и поэтому также имеют право назвать общий для всех язык в соответствии со своей национальностью (Arsenić 2000). По опросу, проведенному в 2014 г., 41,1 % граждан Черногории назвали свой язык черногорским, 39,1 % – сербским, а 11,5 % ответили, что все равно, как его называть, потому что все это – одно и то же (Pobjeda 2014).

* * *

Самый многочисленный народ бывшей Югославии, сербы, считают, что все четыре рассматриваемых народа говорят на одном языке, однако в заметной своей части убеждены, что этот общий язык произошел из сербского, так же как и остальные народы, говорящие на нем, произошли от сербов. Один из ведущих сербских лингвистов Милош Ковачевич не только считает, что все четыре народа говорят на одном языке, но и утверждает, что сам этот язык должен называться не иначе как «сербский» (даже не «сербохорватский»), поскольку, как отмечает Ковачевич, хорваты взяли ли-

тературный язык у сербов, несколько его изменив). А хорватский, боснийский и черногорский языки, как отмечает Ковачевич, чисто политические конструкторы, и нет никаких научных оснований, чтобы провозгласить их самостоятельными языками: сербский язык не может «размножиться делением» из-за политического решения других народов назвать его каким-то другим именем. Первым памятником на сербском народном языке он считает грамоту боснийского бана (правителя) Кулина 1189 г. То есть, на его взгляд, боснийские мусульмане (равно как и черногорцы и часть хорватов) произошли от сербов и унаследовали их язык (Радисављевић 2013). Его коллега Драго Чупич, директор Института сербского языка и литературы, родившийся в Черногории, называет хорватский, боснийский и черногорский языки «суррогатами». Что касается черногорской проблемы, он говорит, что черногорская нация и черногорский язык были созданы Коммунистической партией Югославии с целью ослабить сербский национальный корпус, а до этого, по его словам, черногорцы чувствовали себя сербами, называли свой язык сербским, а государство Черногория, существовавшее до 1918 г., носило чисто сербский характер. Хорватская интеллигенция восприняла сербский язык, как он полагает, для того чтобы легче объединить свою нацию, говорившую на разных южнославянских языках, а также чтобы впоследствии на базе общего языка объединиться с сербами и распространить среди них католическую веру (Milosavljević 2008).

Собственно сербохорватский литературный язык был создан в начале XIX в. В. Караджичем, который целенаправленно лишил сербский литературный язык большей части церковнославянских (древнеболгарских) слов, усвоенных сербами от их соседей-болгар еще в раннее Средневековье, а чтобы заполнить образовавшиеся лакуны, ввел вместо церковнославянизмов народные сербские эквиваленты; он и его последователи также придумали много новых слов таким образом, чтобы они как можно сильнее отличались от болгарских. В язык активно начали входить заимствования из западных языков. Тем самым В. Караджич радикально отделил сербский литературно-книжный язык от болгарского, которые до этого были практически одинаковыми. Болгары же продолжили ориентироваться на церковнославянскую лексику (Ивић 1994). Обратный процесс сближения сербского и болгарского литературного языков,

который представлялся бы вполне естественным из-за довольно протяженной общей границы, общности происхождения, культуры и религии, не начался до сих пор. Наоборот, отличия между ними за XIX–XX вв. еще увеличились.

Литературные традиции хорватов, муслиман и черногорцев основаны на том же самом «языке Вука» – хорватские, муслиманские и черногорские публицисты, писатели и политики постепенно переняли составленную им лексику, хотя хорваты старались заменять западные заимствования словами из славянских корней (Ивић 1994). В Хорватии среди деятелей литературы первой половины XIX в. было очень сильно движение иллиризма, сторонники которого стремились к южнославянскому единству и хотели сблизить местный язык с сербским. Литературный стандарт В. Караджича с некоторыми изменениями, отражающими местный диалект, ввел в середине XIX в. лингвист и общественный деятель, лидер движения иллиризма Людевит Гай (Кулаковский 1894).

Единство языков используется частью сербов для обоснования своих политических претензий. Сербские националисты открыто говорят, что хотят создать «Великую Сербию», куда вошли бы центр и юг Хорватии, вся Босния и Герцеговина, Черногория и Македония (Kurir 2013). По их мнению, все проживающие в бывшей Югославии южнославянские народы, кроме хорватов Северной Хорватии, произошли от сербов и поэтому обязательно должны быть в составе сербского государства, а нынешнее их разделение неестественно, потому что возникло в результате вековых интриг и происков врагов сербского народа (к ним националисты относят Ватикан, а также и югославских коммунистов, по их мнению, занимавших открыто прохорватские позиции), которые целенаправленно создали из местных сербов отдельные нации от хорватской до македонской (Васельенска ТВ 2014а). Выдающийся сербский националист Воислав Шешель, который назвал создание «Великой Сербии» смыслом существования своей партии (Васельенска ТВ 2014б), долгое время играл очень большую роль в сербской политике, а в среде сербской молодежи достаточно популярен и сейчас. В 1996–1997 гг. он занимал пост главы Земуна (большой и важный район Белграда), а в 1998–2000 гг. был вице-премьером Сербии, и его партия входила в правительство. В мае 2008 г. партия на внеочередных выборах набрала 29,5 % голосов и могла бы прийти

к власти в стране, если бы вскоре не распалась (Филимонова 2008). В настоящее время партия В. Шешеля имеет гораздо более низкий рейтинг, получив 8,1 % голосов на последних выборах 2016 г., но все же остается крупнейшей оппозиционной партией (Vreme 2016). Националисты склонны рассматривать македонцев как часть сербского народа, а македонский язык – как южный диалект сербского из-за того, что они взаимопонимаемы. Сербская радикальная партия при этом декларирует полное уважение ко всем традиционным религиям, в том числе католицизму и исламу, и считает, что народы будущей «Великой Сербии» должны иметь полное право исповедовать ту религию, которую любят, или не исповедовать никакой (Kurić 2013). Другим важным движением сербских националистов является монархическое движение «Сербский Образ» под руководством Младена Обрадовича, которое пользуется поддержкой части Сербской православной церкви и говорит о необходимости создания сербского национального государства в виде абсолютной теократической монархии на территории «от р. Купа до р. Вардар, и от Дуная до Адриатического моря» (Јакшић 2009), то есть практически на тех же самых территориях, что и Сербская радикальная партия.

* * *

Теперь можно рассмотреть совершенно другую языковую ситуацию. В Хорватии существует так называемый чакавский идиом, официально называемый диалектом, который в настоящее время стремительно вымирает и сохранился на крайне небольшой территории (область Истрия и хорватские острова; вместе они составляют всего около 10 % площади Хорватии). Но и там он находится под угрозой поглощения официальным языком. Чакавский официально не считается отдельным языком. Даже его название – абсолютно искусственное, образовано от слова «что», которое на диалекте звучит как «ча»; в то время как у хорватов, говорящих на сербохорватском, – «што», поэтому их еще называют штокавцами, а их язык – штокавским. Хотя на бытовом уровне его отличия от сербохорватского больше, чем, например, у сербохорватского от болгарского, самостоятельность которого никем не оспаривается. По списку Сводеша у хорватского с чакавским (говоры села Орбаничи в Истрии и села Орлец на острове Црес в Северной Далмации) тот же самый процент совпадений, что с болгарским, – 92 %

(рассчитано по: Вавилонская Башня 2017; Саенко 2013). По нашему наблюдению, среди других достаточно частых слов, не вошедших в список, чакавские слова в целом отличаются от сербохорватских даже сильнее, чем болгарские. При этом чакавский очень архаичен и сохраняет исконную древнеславянскую лексику, часто одинаковую с современным русским, который тоже достаточно консервативен (Толстой 1997); в то время как в сербохорватском и болгарском в период, когда они еще не распались и представляли собой один язык, произошли общие инновации, частично заменившие эту старую лексику. В российской лингвистике чакавский, как и кайкавский (о нем речь пойдет ниже), считаются отдельными языками (микроязыками [Дуличенко 2005]). Тем не менее носители чакавского в своем большинстве сами не хотят признавать свой фактически отдельный язык как самостоятельный, никак не отделяют себя от хорватов, они весьма лояльны к хорватскому государству. Впрочем, стремление к регионализму и определенной автономии присутствует среди заметной части населения Истрии (что можно объяснить ее теснейшими связями с Италией и отделенностью от остальной части Хорватии до 1945 г.), однако и там в ходе войны 1991–1995 гг. жители выступили против Югославской народной армии и за сохранение своей земли в составе Хорватии (Bellamy 2003).

На самом деле чакавский собственно и был изначальным языком хорватского народа и языком хорватской литературы периода ее расцвета (XV–XVI вв.; тогда он даже назывался «хорватский язык» [Дуличенко 2005]) и был распространен с VII до XVI в. на большей части современной Хорватии (в том числе практически во всей Далмации) до массовой миграции в нее огромного количества населения из Боснии, спасавшегося от погромов турок, которое говорило на сербохорватском языке и ассимилировало значительную часть тех, кто говорил на чакавском, хотя сами эти боснийские переселенцы стали считать себя хорватами. Само чакавское население, спасаясь от нашествия турок, массово мигрировало из Южной и Центральной Далмации на острова и в Истрию, а многие – за пределы Хорватии, в Центральную Европу. Поэтому в настоящее время между чакавским и сербохорватским языками наблюдается очень резкая граница, тогда как до XVI в. она была плавной, с большим количеством переходных говоров.

По политическим причинам (в первую очередь желание сблизиться с сербами у хорватской интеллектуальной элиты) в XIX в. именно сербохорватский, а не чакавский стал литературным хорватским языком. В XX в. ассимиляция, а также эмиграция из Хорватии резко ускорилась, и сегодня численность говорящих на чакавском стала очень небольшой. Таким образом, в Хорватии к настоящему времени произошло почти полное вытеснение собственного языка более поздним, пришедшим из другой страны. Однако сегодня большинство хорватов воспринимают именно официальный, пришлый язык как естественное средство общения и неотъемлемую часть идентичности хорватского народа, в то время как чакавский находится в глубоком упадке. Только за последние 100 лет в Хорватии доля говорящих на чакавском упала в два раза – с 23 % до 12 % (Šarac 2015). В крупных хорватских (когда-то полностью чакавских) городах далматинского побережья уже почти никто не говорит на чакавском. Молодые люди, которые с колыбели говорят на нем, в школах и университетах учатся на официальном языке, а также часто покидают свои бедные и депрессивные регионы, переселяясь в большие хорватские города (а многие – и за границу), и полностью забывают свой родной язык.

Очень важно стараться сохранить чакавский язык, который сыграл огромную роль в истории хорватов и Хорватии. Представляется необходимым признать его фактическое отличие от сербохорватского и провозгласить отдельным языком, нуждающимся в срочной защите, а также повысить его статус, сделав или региональным языком в местах компактного проживания носителей в соответствии с Европейской хартией региональных языков, или даже вторым государственным языком Хорватии; начать создавать на нем разнообразные СМИ, от радио и телевидения до газет и журналов на разные темы. Надо принять меры и по популяризации этого языка среди хорватов, чтобы к нему существенно возрос интерес; это значительно расширит круг читателей у творческой интеллигенции, пишущей на чакавском языке. Если бы хорватские лингвисты вместо искусственного увеличения различий с сербским языком (которые, несмотря на всю их деятельность, все равно остаются крайне небольшими) направили свои усилия прежде всего на оживление исчезающего чакавского языка, темпы его исчезновения можно было бы существенно замедлить.

В Северной Хорватии существует и другой микроязык – кайкавский, который на официальном уровне тоже считается диалектом; однако ситуация с ним несравнимо более благополучна (Šarac 2015), поэтому в таких мерах защиты он, по крайней мере в настоящее время, не нуждается. Фактически кайкавский язык, по утверждениям лингвистов, гораздо ближе к словенскому, чем к хорватскому, и до сих пор основные кайкавские слова мало отличаются от словенских; даже свое название он получил по местоимению «кай», которое означает «что»; это местоимение в славянском мире существует только в кайкавском и словенском. Кайкавцы отделились от словенцев в VIII в. после завоевания Словении франками, и с этого времени словенско-хорватская граница практически не менялась, оставаясь самой стабильной в южнославянском мире. Носители кайкавского языка тоже весьма лояльны к Хорватии и не мыслят себе никем иным, кроме как хорватами. На их национальные чувства влияет и то обстоятельство, что столица страны – г. Загреб – находится в самом центре кайкавской области. В целом можно сказать, что, несмотря на существенные языковые различия, хорваты-штокавцы, чакавцы и кайкавцы в основном считают себя единым народом, а Хорватию – своим общим домом. По всей вероятности, их объединению способствовала общая история (в частности, многовековое нахождение в составе Австро-Венгрии и восприятие через нее западной культуры и менталитета), а также общая религия – католицизм. Хорватская ситуация особенно резко контрастирует с боснийской, где три народа одного и того же происхождения и языка, но разных религий, проживая на небольшой территории, никак не могут договориться о политической судьбе своего государства, а два из них в своем большинстве вообще мечтают выйти из его состава.

* * *

Македонской этноязыковой ситуации в данном исследовании будет уделено больше места, чем описанным выше, поскольку именно в XX в. произошло весьма существенное изменение языка и идентичности македонцев, в то время как у других народов подобные процессы в основном произошли гораздо раньше, и поэтому их подробное рассмотрение выходит за рамки данной статьи.

Македонцы еще в XIX – начале XX в. считали себя в значительной своей части болгарами, что отмечали и российские исследователи.

дователи, прошедшие длительное время в Македонии, в частности Виктор Григорович (1877), и ведущие македонские общественные деятели, ученые и публицисты (Димитр Миладинов, Кузман Шапкарев, Григор Пырличев и др.), которые сами активно боролись за вхождение в состав Болгарии. Многие из них, как и некоторая часть обычного народа, переселялись в освобожденную Болгарию (см.: Църнушанов 1992). В XIX в. Македония воспринималась российскими учеными-болгаристами, военными и политическими деятелями как естественное продолжение Болгарии; поэтому и возникла идея создать Сан-Стефанскую Болгарию, которая бы обязательно включила в свой состав Македонию (Айрапетов 1998), что до сих пор является мечтой многих простых болгар. В 1872 г. более двух третей македонцев на референдуме, организованном турецким султаном, проголосовали за присоединение к Болгарской православной церкви (Струкова 2004). До этого они были вынуждены ходить в Греческую церковь, литургия в которой была им непонятна. Впрочем, в начале XX в. имелось и течение, выступавшее за полную независимость Македонии и утверждавшее о существовании отдельного македонского народа со своим языком (Ямбаев 2003), однако оно было численно небольшим. Кроме того, очень многие сельские жители Македонии того времени из-за столетий турецкого правления и отсутствия болгарских национальных институтов и возможности получить образование не знали, кто они по национальности, и называли себя просто «православные» (Струкова 2004: 86–88). Огромную роль в развитии болгарского самосознания в Македонии сыграл выдающийся македонский болгарин, наместник болгарского экзарха в Македонии, а впоследствии (1896–1904 и 1920–1922 гг.) – митрополит болгарской области Стара-Загора Методий Кусев, усилиями которого в Македонии в 1880-х гг. при согласии турецких властей была создана разветвленная сеть болгарских гимназий, семинарий, профессиональных училищ и школ, которые появились почти в каждом селе. В 1890 г. М. Кусев, находясь в Петербурге, сумел убедить российских ученых в болгарском происхождении македонцев, опираясь на исторические факты и реалии своего времени, и полностью разбил аргументы сербского посла Джордже Симича о праве сербов на Македонию, а сам посол был вынужден покинуть собрание (Църнушанов 1992).

В конце XIX – начале XX в. в Македонии развернулось революционное движение против турецкой оккупации, которое начала созданная в 1893 г. ВМРО. Движение было в основной своей части выражено проболгарским, его основные лидеры (например, Гоце Делчев и Даме Груев) называли себя болгарами и были обеспокоены ростом сербской пропаганды, которая стремилась убедить македонцев в их сербском происхождении (Църнушанов 1991a; Ямбаев 2003). Но в 1912 г. Македония была завоевана сербами. Сербская администрация провозгласила Македонию Южной Сербией, а македонских болгар – «настоящими сербами», запретила болгарские имена и фамилии, книги на болгарском языке, болгарскую прессу, изгнала болгарских учителей и священников, поставив на их места сербов. Так пробовали ассимилировать македонских болгар (см., например: Косик 2014: 196; Кусев 1913). Болгарские епископы Македонии вручили российскому послу в Софии протестное письмо, в котором с возмущением отзывались о мерах сербской администрации, запретившей им руководить своими верующими. Сербскими войсками в Македонии было совершено множество ограблений, в некоторых деревнях были убиты десятки и сотни жителей. Целый ряд болгарских и албанских сел были сожжены. В г. Охрид были разрушены целые кварталы. Сербские власти отказались ввести в Македонии действовавшую в стране конституцию и установили жесткий оккупационный режим. Действия власти шли вразрез с ее же пропагандой о сербском характере македонцев. Оппозиционная сербская пресса писала, что если уж правительство считает македонцев сербами, то оно должно дать им те же права, которыми пользуются сербы, давно живущие в Сербии (Carnegie... 1914). По словам М. Кусева, сербская власть вела себя в Македонии хуже турок, которые, несмотря на то что периодически убивали и грабили македонцев, хотя бы позволяли им получать образование на своем языке, сохранять свои имена и фамилии, печатать свои книги и ходить в свою церковь. Сербская же власть, по его словам, отнимает у своих новых подданных не только тела, но и души, силой заставляя их превращаться в сербов и нанося болгарам огромную рану, поскольку Македония имеет колоссальное значение для всех болгар и является своего рода символом Болгарии, ведь города Скопье и Охрид – исторически важнейшие болгарские культурные и религиозные центры (Кусев 1913).

Всего через два года после захвата Македонии идентичный насильственный процесс, только уже направленный против сербов, произошел в важнейшем экономическом и культурном центре сербов-католиков – городе Дубровник. Впрочем, доля сербов и хорватов в нем неизвестна, но совершенно очевидно, что сербы-католики составляли там очень большой процент населения и особенно элиты. В 1914 г. там произошел погром, весьма сходный с тем, что устраивала сербская администрация в Македонии, в ходе которого радикально настроенные хорватские активисты уничтожали сербские редакции газет, школы, дома, хозяйственные объекты, а местная сербская элита была подвергнута истязаниям и брошена в тюрьмы (Србин.инфо 2013).

На короткое время, в 1915–1918 гг., болгарские войска освободили Македонию. Прибывшая туда в 1916 г. болгарская научная экспедиция в своем отчете сообщила, что ей удалось доказать чисто болгарский характер не только македонцев, но и горанцев, которые тогда называли себя болгарскими мусульманами и просили их защитить от нападений вооруженных албанцев (вообще в XVIII и особенно в XIX в. албанцы активно вытесняли македонцев из Северо-Западной Македонии, и в начале XX в. все еще случались грабежи и убийства славянского населения, но после появления там болгарских войск это прекратилось). После Балканских войн, частично из-за действий части сербских войск, а частично из-за нежелания жить под сербской властью, регион покинули многие турки, албанцы и болгары, которые после 1915 г. постепенно начали возвращаться. Местные крестьяне тепло встречали ученых и пели болгарские песни (Радев 1993).

В 1918 г. Королевство Югославия восстановило контроль над этой областью, после чего репрессии над македонцами возобновились. По словам французского политика и дипломата Анри Поззи, посетившего Югославию (в том числе Македонию) в середине 1930-х гг., македонцы там подвергались тотальной слежке, преследованиям, их массово без суда бросали в тюрьмы, где подвергали пыткам, от которых многие умирали, а детей в школах иногда били до крови, если они говорили друг с другом на своем родном языке. Крестьян заставляли платить огромные налоги и сурово наказывали за малейшую задержку их выплаты. В народе зрело огромное недовольство. В первые годы правления сербов колоссальное ко-

личество македонцев, не желая жить под их властью, бежали в Болгарию, однако вскоре граница была полностью закрыта. В регионе были уничтожены следы болгарского культурного присутствия – церкви и монастыри были ограблены, а все их ценные реликвии увезены в Белград; невозможно было найти книгу или журнал на болгарском, а за письма на этом языке могли посадить в тюрьму. Медико-санитарное состояние населения было исключительно тяжелым: в старых кварталах Скопья лежали груды мусора, а у городской больницы, где не было даже самого необходимого оборудования, стояли целые толпы больных инфекционными и паразитарными заболеваниями, которые вызывали огромную смертность среди македонцев. Сербские же чиновники в Белграде лгали Анри Поззи, что в Македонии все замечательно, здоровье у населения отличное, никакое насилие к нему никогда не применяется, а сами македонцы чувствуют себя настоящими сербами и рады тому, что живут под сербской властью. Поззи, в принципе относившийся к сербам с большой симпатией, под впечатлением увиденного написал, что произвол сербской администрации по отношению к жителям Македонии – это позор сербскому государству. Сама эта администрация состояла из людей без моральных принципов, грабивших и мучивших местное население (Pozzi 1994 [1935]). Однако еще к началу 1940-х гг. заметная их часть сохраняла четкое болгарское самосознание. Еще до прихода болгарских войск местные политики и интеллектуалы в г. Скопье самостоятельно организовали Болгарский центральный акционный комитет Македонии, который заявил о немедленной готовности македонцев присоединиться к Болгарии. Множество местных жителей в апреле 1941 г. повсюду с цветами и запрещенными в Югославии болгарскими флагами встречали болгарскую армию, которая даже не могла свободно продвигаться из-за обилия радостно встречавших ее людей (Гочев 2010). Новая болгарская администрация вложила огромные деньги в социально-экономическое развитие Македонии, чтобы улучшить уровень жизни людей. Было построено множество школ, больниц, библиотек, дорог, промышленных предприятий, были прорыты каналы, благоустроены деревни. Из Болгарии для местного населения привезли несколько миллионов тонн еды (Леонидов 2015). В Македонии, впрочем, активно действовали и сторонники югославских партизан, которые в итоге и овладели этой

территорией, и болгарская администрация уже в 1944 г. была вынуждена ее покинуть.

Коммунистические власти в Югославии, в отличие от сербских королей, отказались от политики сербизации, сделали ставку на тех македонцев, кто считал себя отдельной национальностью, и стремились распространить македонскую национальную идентичность среди всех славян Македонии. Эта идея была не нова. Еще в конце XIX в. сербский географ и этнограф Йован Цвиич говорил, что македонские славяне – люди с неопределившейся национальностью, из которых можно легко сделать и сербов, и болгар, но Македония больше нужна Сербии из-за ее выгодного географического положения. Видный сербский ученый и государственный деятель Стоян Новакович считал, что открытая сербизация македонцев, у которых было глубоко укоренено болгарское самосознание, неэффективна, а оторвать македонцев от болгар и приблизить к сербам нужно путем внушения, что они не являются ни сербами, ни болгарами, это отдельный народ с собственным языком, причем сербы – их лучшие друзья, а болгары – злейшие враги; он предлагал создание самостоятельной Македонской православной церкви и постепенную сербизацию местного диалекта (Църнушанов 1991а), который местные авторы начала XIX в. называли «простейшим и некнижным языком болгарским» (Селищев 1981б: 2).

Коммунистическая власть всецело последовала по пути С. Новаковича. В 1944 г. по директиве македонского отделения югославской компартии был создан македонский литературный язык на основе местного диалекта, но с сербским, а не с традиционно принятым в Македонии болгарским вариантом кириллицы и с огромным количеством сербских заимствований из литературного сербохорватского, чтобы отделить его от болгарского литературного языка и устранить угрозу проболгарского сепаратизма. Особенно активно в этом направлении действовали Лазар Колишевски, активист югославской коммунистической партии, который во время войны боролся с проболгарски настроенными македонскими коммунистами, а с 1945 г. на несколько десятилетий стал главой социалистической Македонии, и Блаже Конески – председатель Македонской академии наук и искусств, автор сочинений по грамматике и истории македонского языка; есть мнение, что он для утверждения македонской идеологии прибежал к фальсификациям ряда бол-

гарских работ (см.: Църнушанов 1991б: 21–28). Сразу после войны новыми, крайне антиболгарски настроенными властями республики были проведены широкомасштабные репрессии против тех, кто участвовал в работе болгарской администрации или просто открыто называл себя болгарами. По некоторым данным, всего в социалистической Македонии было убито 22 тыс., а брошено в тюрьмы 144 тыс. человек, которые ощущали себя болгарами (Коларов 2015). В 1967 г. была создана и Македонская православная церковь. По утверждению македонского журналиста Виктора Канзурова, который ощущает себя болгариним (в конце 1980-х гг. он сам был арестован за проболгарские позиции), в послевоенной Югославии на всех уровнях, в том числе и в школах, развернулась активная проюгославская и антиболгарская пропаганда и произошла полномасштабная фальсификация истории, когда документально подтвержденную болгарскую национальную идентичность исторических деятелей Македонии искусственно заменяли на македонскую и успешно убедили в этом основную массу македонцев. В результате, продолжает В. Канзуров, в настоящее время почти все македонцы считают себя самостоятельным народом и лишь откровенное меньшинство помнит о болгарской идентичности своих предков (Добрев 2007). Однако в то же время произошло и весьма позитивное изменение: коммунисты впервые с 1912 г. разрешили македонцам обучаться в школах на их родном языке, статус которого взлетел от фактически запрещенного вне семейного круга до одного из семи официальных языков Югославии. На нем стали свободно издаваться книги и журналы и даже возникло радио- и телевидение (Baltic 2007).

Болгарские лингвисты, как правило, до сих пор считают македонский язык неотъемлемой частью болгарского языка; так, специалисты Института болгарского языка при Болгарской академии наук утверждают, что македонский язык был создан искусственно на базе местных западноболгарских говоров, широко распространенных и в самой Болгарии (БАН 1996). Македонцы же это признать отказываются. Македонские ученые говорят, что македонские славяне – потомки античных македонцев (наиболее известные их представители – Филипп и его сын Александр Македонский), которые в раннее Средневековье смешались со славянскими переселенцами и усвоили славянский язык. По их мнению, византийцы

Кирилл и Мефодий и их ученики, например, Климент и Наум Охридские (которые, как они считают, были по национальности вовсе не болгарами, а македонцами), создали на базе местных диалектов церковнославянский – «древнемакедонский» литературный язык (Апостолски 1969) и затем дали его болгарам – «пришельцам тюркского происхождения» (Трајковски 2013). Так пытаются объяснить единство македонского и болгарского языков те македонцы, которые осознают это единство.

Некоторые македонские лингвисты, например Веселинка Лабровска, всячески подчеркивают языковые различия между македонским и болгарским языками (Тоевски 2014), часть которых обусловлена большей архаичностью македонского по сравнению с литературным болгарским, который в ходе своего развития был склонен к различным инновациям, вытеснившим некоторые общеславянские корни. Поэтому, по нашему наблюдению, отличающиеся от болгарских македонские слова, как правило, совпадают с сербохорватскими, чакавскими, а иногда и русскими, а соответствующие болгарские слова представляют собой явные инновации⁶. Но все равно, как уже отмечалось раньше, эти лексические различия совершенно недостаточны для признания македонского самостоятельным языком со строго лингвистической точки зрения. Впрочем, такого рода различия, возникшие естественным путем, составляют явное меньшинство, а в основном отличия от болгарского обусловлены внешним (сербским) влиянием. Ведь множество сербских заимствований за восемь десятилетий существования Македонии в составе Югославии проникли и в литературу, и в речь обычных македонцев, вытеснив исконные слова, идентичные болгарским. В Македонии стали широко распространены и типично сербские имена (см.: Църнушанов 1991a). Кроме того, сильнейшее сербское влияние македонский язык испытал еще в Средневековье – после первого сербского завоевания Македонии (северную часть Македонии со Скопьем присоединил король Стефан Урош II Милутин в 1282 г., а к 1332 г. царь Душан Сильный полностью завоевал ее), и это влияние продолжалось через Сербскую церковь

⁶ Интересно, что болгарско-македонская ситуация в этом плане идентична с сербохорватской, когда западная и меньшая по населению территория (соответственно Македония и Хорватия) хранит более архаичную языковую норму, а восточная, где проживает большинство носителей языка (Болгария и Сербия), постоянно производит инновации.

и сербскую литературу еще несколько веков, когда в язык проникли даже многие простые сербские слова. Усвоению сербских слов и даже некоторых сербских звуков способствовал приток сербских переселенцев, а также стремление грамотных македонцев подражать сербам. Это признают и некоторые сербские лингвисты (см. об этом: Селищев 1979; 1981a: 132–139). Этими, а также последующими в XX в. заимствованиями во многом и объясняется очень хорошее взаимопонимание носителей македонского и сербского языков; эти сербизмы воспринимаются многими македонцами как исконные слова и часто непонятны болгарам, хотя все же не составляют им серьезных препятствий в общении с македонцами.

Говоря о болгаро-македонских языковых отношениях, надо отметить, что, по нашему наблюдению, почти все местоимения в македонском литературном языке и сегодня не отличаются от болгарских (но при этом очень многие существенно разнятся с сербскими). Даже между литературным сербским языком и его южным призренско-тимокским диалектом местоимения отличаются в заметно большей степени, чем между болгарским и македонским, хотя призренско-тимокский диалект никто не считает отдельным языком. А ведь местоимения – один из важнейших элементов языка, и они очень редко заимствуются (см. об этом: Майтинская 1969).

Тем не менее до сих пор очень многие сербские политики и публицисты игнорируют все факты о македонском языке (или просто ничего о них не знают) и продолжают считать Македонию старой сербской землей, которую необходимо вернуть под контроль Сербии только на том основании, что когда-то она входила в состав сербского государства и в г. Скопье была перенесена его столица. Особенно на этом настаивают высокорелигиозные сербы. Например, православный публицист Ранко Гойкович в своих работах пытается убедить читателей, что македонский язык – диалект сербского, а македонцы в своем большинстве – часть сербского народа, не приводя при этом ни одного серьезного лингвистического доказательства и основываясь только на наличии в Македонии церквей и монастырей, построенных средневековыми сербскими властями, и на своей уверенности, что царь Душан не мог перенести свою столицу в город, где проживали несербь (Гойкович 2013). Еще один православный публицист, Ненад Благоевич, также без каких-

либо научных доказательств пишет о Македонии как о Южной Сербии, которую сербы имели полное право «освободить» в 1912 г., и при этом говорит о болгарях в крайне оскорбительной манере, совершенно недопустимой в публицистике, например: «звери», «монстры», «кровопийцы», которые, как он предполагает, из-за своего неславянского происхождения «в своем большинстве никогда не были готовы искренне впустить православие в свои души, иначе никогда не могли бы совершать такие зверства, какие совершали» (Благојевић 2017а; 2017б). Сербский священник и публицист Владимир Димитриевић приводит целый ряд доказательств, что Македония – все-таки сербская земля (характерно, что среди них нет ни одного лингвистического аргумента [Димитријевић 2013]), но они легко опровергаются фактами о болгарском самосознании македонцев в прошлом и явно болгарском характере исконных элементов их языка. Уже упоминавшийся М. Обрадович в своем интервью заявил: «Естественно, что Македония – сербская земля. Ведь Македония – вековая колыбель не только сербского народа, но даже и славянской письменности. Македония – это Южная Сербия» (YouTube 2013b). Сербский епископ Македонии Николай (Велимирович), занимавший эту должность в 1920–1936 гг., также утверждал о сербском характере жителей этой территории, о праве Сербии на Македонию и несостоятельности болгарских претензий на нее, при этом игнорируя лингвистические данные (хоть он и выучил македонский язык для общения с местными жителями) и приводя в качестве доказательства ее сербского характера наличие многочисленных церквей и монастырей, построенных средневековыми сербскими правителями в Македонии (Велимировић 2001), хотя очевидно, что они появились там только в результате сербского завоевания. Сербский патриарх Павел (1914–2009 гг.) заявил, что Сербская православная церковь восстановила свою Охридскую архиепископию, чтобы снова ввести канонический порядок и нормы среди верующего населения Македонии (В92 2004), хотя традиционной для них исторически является Болгарская православная церковь⁷. Историк Радован Дамьянович, основываясь на одном

⁷ Совсем недавно, в ноябре 2017 г., Македонская православная церковь в лице архиепископа Стефана (Веляновского) направила письмо к Болгарской православной церкви с просьбой стать ее церковью-матерью и защищать ее перед другими православными церквями, чтобы в конечном счете получить автокефалию от Константинопольского патриархата, на что

лишь критерии взаимопонимания, относит македонский язык к сербским говорам, а македонцев называет частью сербского народа и говорит, что Сербии надо официально назвать Македонию «единственно возможным» именем – Южная Сербия (Дамјановић 2017). Конечно же, такой антинаучный подход крайне непродуктивен и только создает проблемы в сербско-болгарских и сербско-македонских отношениях⁸.

Среди более ранних подобного рода авторов надо упомянуть сербского лингвиста Александра Белича, который в начале XX в. в русле тогдашней сербской политики заявил, что при заселении славянами Балкан в VI–VII вв. в Македонию пришли сербы, двигаясь при этом через центр и юг Албании, и открыто провозгласил македонский язык диалектом сербского. Но из-за откровенной ненаучности этого утверждения он был вынужден ссылаться на какие-то совершенно несущественные лингвистические признаки и даже явные заимствования из сербского, которые при любом серьезном анализе, направленном на установление родства языков, нельзя принимать в расчет. Российский ученый Афанасий Селищев, который провел тщательный анализ всех македонских говоров, смог полностью разбить доводы А. Белича и доказать, что предки македонцев еще при переселении на Балканы пришли туда как часть болгарского народа, а не сербского (что хорошо подтверждается языковыми данными в македонских письменных памятниках начиная с IX в., которые четко свидетельствуют о болгарском характере местного языка); сербы в то время просто не могли заселить Македонию из-за географических особенностей местности и совсем иного направления их колониционного движения, на что указывает отсутствие каких-то следов сербского

Болгарская православная церковь согласилась и обещала сделать все необходимое для признания Македонской церкви в православном мире (Нова ТВ 2017). Очень показательным, что македонская сторона обратилась за помощью именно к Болгарской церкви.

⁸ Не так давно, в январе 1992 г., сербско-болгарские отношения из-за Македонии снова оказались накалены. По словам бывшего болгарского премьер-министра Ф. Димитрова, С. Милошевич и члены его партии в то время говорили о Македонии как о неотъемлемой части сербского государства («Южной Сербии») и были категорически против ее независимости. Существовала даже угроза открытого военного конфликта: сербские войска начали сосредотачиваться на болгарской границе, готовясь напасть, если болгарская власть признает Македонию. Тем не менее Болгария по инициативе Ф. Димитрова признала независимость Македонии. В итоге вооруженного конфликта удалось избежать, возможно, потому, что внимание официального Белграда полностью переключилось с Македонии на начавшуюся тогда войну в Боснии и Герцеговине (Култура 2010).

языка в албанской топонимии и албанском языке Центральной и Южной Албании, который зато изобилует болгарскими заимствованиями из раннесредневекового периода, проникшими туда с востока – из Македонии (Селищев 1979).

Все эти факты показывают полную несостоятельность сербских претензий на Македонию, которая до изменения сознания местных жителей властями королевской, а затем и коммунистической Югославии исторически была безусловно болгарской землей, где возникла первая столица болгар – г. Охрид, был создан первый болгарский литературный язык, известный как церковнославянский, который отсюда распространился по всему славянскому миру и оказал мощнейшее влияние на русский язык (см. об этом, например: Зализняк 2012), находятся древние болгарские исторические и культурные памятники и родилось множество деятелей болгарского национального возрождения. Многих проблем, от которых страдает современная Македония, прежде всего – опасности поглощения заметной части ее территории «Великой Албанией», не существовало бы, если бы в начале XX в. она в соответствии с желанием большинства образованных македонцев вошла в состав Болгарии. Но из-за территориальных претензий Сербии на этот чрезвычайно геополитически важный регион (это долина крупной реки Вардар и возможность выхода к Греции) в Македонии запретили основные элементы болгарской культуры и таким образом отделили македонцев от болгар, что нанесло колоссальный урон болгарской нации⁹.

Ретроспектива национальной идентичности и угроза депопуляции крупнейших народов бывшей Югославии

Множество проблем, связанных с национальной и языковой идентификацией, возникает в регионе оттого, что интересующемуся населению очень часто недоступны точные научные данные о национальной принадлежности жителей того или иного региона,

⁹ Впрочем, в настоящее время официальная Болгария признает реальность существования отдельного македонского народа, уважает его желание жить в отдельном государстве и не собирается покушаться на независимость Македонии. Более того, болгарские власти оказали большую поддержку в становлении этой страны как независимого государства. Посол Македонии в Болгарии Марьян Гёрчев назвал двухсторонние отношения отличными (Новините 2016).

например, сто лет назад. Впрочем, они недоступны вообще никому, даже серьезным исследователям. Ведь получить объективные данные о национальном составе рассматриваемых стран вплоть до второй половины XX в. не представляется возможным. Так, переписи в Королевстве Югославия, состоявшиеся в 1921 и 1931 гг., вообще не содержали вопроса об этнической принадлежности, а только о вероисповедании и родном языке, причем из крупных славянских языков признавались лишь словенский и сербохорватский, к носителям которого причисляли и всех говорящих на македонском. В опубликованных результатах переписи 1931 г. даже появилась лишняя какого-либо смысла категория «югославский язык», к которому отнесли и словенский (Josipović 2015). Поэтому неизвестно, например, сколько католиков в Хорватии и сколько мусульман в Боснии считали себя в тот период сербами. Данные переписей во второй половине XX в. тоже во многом искажены. Хотя, скажем, боснийским мусульманам позволили самоопределиваться в соответствии со своим национальным чувством, но жителям Македонии с болгарским чувством по-прежнему не разрешалось назвать себя болгарами, а жителям Черногории с сербским самоопределением – сербами: их принуждали записываться македонцами и черногорцами, не обращая внимания на их настоящую самоидентификацию (см., например: Костић 1973). Поэтому неизвестна реальная динамика изменения соотношения болгар и македонцев, а также сербов и черногорцев в этих республиках. Остается верить сообщениям местных общественных деятелей о национальном составе отдельных областей в их время.

Скажем, по словам югославского политика, серба-мусульманина из боснийского города Мостар Хасана Ребца, верившего в сербское происхождение основной массы славян-мусульман, уже в 1910-х гг. почти никто из них не считал себя сербом. Четыре века османского господства привели к тому, что боснийские мусульмане, привыкнув к своему привилегированному положению и ставя на первое место религию, а не происхождение, не ощущали себя частью сербского национального корпуса и ориентировались на единоверных турок, а не на сербов в Сербии и Черногории и тем более не на Россию, на которую возлагали надежды многие сербы. Концепция исламского государства способствовала тому, что сербы исламской веры забыли о своей сербской национальной

идентичности. Так, во время Балканских войн очень много мусульман воевало на стороне Турции. Взаимному размежеванию боснийских мусульман, католиков и православных помогала и деструктивная политика Австро-Венгрии, стремившейся максимально разделить жителей Боснии по религиозному признаку, когда был даже введен термин «мусульманский народ», чтобы противопоставить мусульман православным сербам. Однако в начале XX в. среди части мусульман постепенно возрождается идея о принадлежности к сербам, и вокруг Османа Джикича возникает просербское национальное движение. Во время Первой мировой войны основная масса боснийских мусульман, во многом под влиянием австрийской пропаганды, поддержала Австро-Венгрию и Турцию в «священной войне» против Сербии, а между мусульманской молодежью и просербским движением Джикича происходили ожесточенные столкновения (Rebac 1925). То есть уже тогда этническая ситуация в Боснии и Герцеговине была во многом сходна с современной. Ведь после распада Югославии среди боснийских мусульман, как и остальных народов Балкан, происходит резкий рост религиозности (причем это очень часто – поверхностная, внешняя религиозность, когда люди используют религию только для подчеркивания своего резкого отличия от инаковерующих соседей) и постепенно идет на убыль стремление к единству южных славян. Для мусульман все это означает рост идентификации с Турцией, которую их бывший (до 2012 г.) верховный муфтий Мустафа Церич назвал матерью боснийских мусульман, а сами они, по его словам, благодаря принятию ислама стали турками по идентичности. Например, в 2008 г., во время футбольного матча Хорватии и Турции, значительная часть боснийских мусульман болела за Турцию, а молодежь с турецкими флагами на улицах боснийских городов кричала: «Это Турция!»; при этом, по некоторым сведениям, массовых акций в поддержку Хорватии вообще не было. Многие мусульмане в Югославии отмечали и некоторые христианские праздники, прежде всего Рождество и дни памяти некоторых христианских святых, но в настоящее время это встречается гораздо реже (Мартынова 2014).

В то же время в Македонии, в отличие от сегодняшней ситуации, в начале XX в. было очень много болгар. По словам болгарского историка и фольклориста Косты Цырнушанова из г. Прилеп

(1903–1996 гг.), когда он в 1920-х гг. вместе с другими студентами со всей Македонии учился в университете г. Скопье, все они четко определяли себя как болгары по национальности и восприняли эту болгарскую самоидентификацию с молоком матери. Но, поскольку болгарское имя было под запретом, в общении с сербами они были вынуждены называть себя «македонцы» (не в национальном смысле, а только в смысле региональной принадлежности), только чтобы не называть себя сербами, чего они не хотели; это понимали и контактировавшие с ними сербы. Название «македонец» в национальном смысле, говорит К. Църнушанов, позднее ввели македонские коммунисты, которые убедили местную молодежь, что Болгария – их главный враг (Църнушанов 1996). М. Кусев, тоже родом из Прилепа, упоминал о болгарском национальном чувстве всех его горожан и жителей окрестных территорий и в XIX в., а также говорил об очень сильных болгарских национальных чувствах жителей македонского города Дебар и прилегающих к нему крупных деревень. Они непрерывно сохраняли традиционное болгарское знамя, давали молодежи религиозное воспитание на самом высоком уровне в болгарских землях и даже смогли культурно и религиозно ассимилировать часть местных албанцев. Жители Дебара во множестве селились в Софии и других собственно болгарских городах и занимались там ремеслами и искусством (Кусев 1913). Жители Македонии начала XXI в. воспринимают естественным уже македонское национальное самосознание, причем они гораздо больше любят сербскую культуру, чем болгарскую. По словам В. Канзурова, современные македонцы хотя и верят, что являются самостоятельным народом и потомками Александра Македонского, но все-таки в своем большинстве слушают главным образом сербские песни, читают сербскую прессу гораздо чаще, чем даже македонскую, активно болеют за сербские спортивные команды, а вот к Болгарии и болгарам многие под влиянием пропаганды испытывают весьма негативные чувства. Каждый год появляется множество статей, использующих язык ненависти в отношении болгар. По мнению П. Добрева, македонцы в культурном плане сегодня уже ничем не отличаются от сербов, а болгарское прошлое Македонии они полностью забыли (Добрев 2007).

Что касается Хорватии, то в Далмации еще в конце XIX – начале XX в. заметную часть населения составляли люди, не относив-

шие себя к определенной национальности, а в некоторых далматинских городах (прежде всего Дубровнике) – и сербы-католики. Однако в первой половине XX в. они под влиянием миссионеров католической церкви и религиозных деятелей-хорватов приняли хорватскую национальную идентичность, поскольку, по представлениям членов католических организаций, каждый католик Хорватии обязательно должен быть хорватом по национальности. Организатор молодежного движения хорватов-католиков Бонифаций Перович писал, что в школах Дубровника в 1920-х гг. подавляющее большинство учеников ощущали себя не хорватами, а югославами, но в начале 1930-х гг. благодаря деятельности его католической организации значительная часть городских учеников прочно восприняла хорватскую идентичность как естественную для себя. Сходным образом действовали и другие католические общества (Мишина 2003). Значит, не только усвоенная новая религия или длительное существование на отдельной территории, но и целенаправленная политика в течение нескольких десятилетий может изменить национальную идентичность (как произошло с македонскими болгарскими, где ключевую роль сыграла сербская оккупация этой исторически болгарской земли).

Можно долго спорить о том, какова была национальная идентичность тех или иных народов в прошлом, о том, является ли их язык одним или они говорят на разных языках, но все это далеко не так важно, как их демографическое благополучие в настоящем. Если народ себя не воспроизводит, если в нем рождается меньше человек, чем умирает (и выезжает за рубеж), то его долгосрочное социально-экономическое, культурное и политическое развитие оказывается под угрозой. Современные демографические тенденции рассмотренных народов являются исключительно тревожными не только на мировом фоне, но даже на фоне самых демографически неблагополучных регионов мира, за существенным исключением в виде косовских и македонских албанцев и боснийских мусульман Санджака, чье население продолжает достаточно быстро расти.

Особенно катастрофически сокращается число молодежи. Например, в Сербии из-за обвального падения рождаемости, которая до сих пор остается крайне низкой, число детей и молодежи 0–30 лет (около 90 % из них составляют сербы), снизилось всего за 20 лет, с 1991 до 2011 г., с 2964 до 2347 тыс. человек, или на 26 %.

Речь идет только о колоссальной естественной убыли без учета эмиграции, которая также весьма значительна. Очень быстро уменьшается численность населения Республики Сербской, где наблюдается самая низкая рождаемость в мире. Похожие процессы происходят и в Хорватии. В Черногории рост населения фактически остановился. Вообще именно в странах, где большинство населения – южные славяне, наблюдается самая худшая демографическая ситуация в мире (см.: Ходунов 2016). Даже у мусульман Боснии отмечается крайне низкая рождаемость, хотя ислам поощряет многодетность (это, кстати, свидетельствует о слабом влиянии роста религиозности на поведение людей в семейной жизни и доказывает ее поверхностный характер). В 2016 г. в Федерации Боснии и Герцеговины, где 70,4 % населения составляют мусульмане, общий коэффициент рождаемости был равен всего 8,9 ‰, а смертность была существенно выше – 9,6 ‰. Исключительно низок у них и суммарный коэффициент рождаемости – 1,3 ребенка на женщину (Federalni... 2017), в то время как для простого воспроизводства необходимо минимум 2,1 ребенка. Все эти процессы отражаются и на общем для данных народов сербохорватском языке. Он, с одной стороны, за XX в. существенно расширился географически¹⁰, но в демографическом плане в настоящее время число его носителей очень быстро сокращается, особенно в Сербии.

Для сравнения, в соседней Болгарии с 1985 г., когда началось сокращение ее населения, по 2011 г. число лиц 0–30 лет (среди них болгары составляют 78 %) резко сократилось с 3751 тыс. до 2333 тыс. человек, или на целых 38 %. Правда, на этом сокращении

¹⁰ За последние 100 лет сербохорватский язык в значительной части ассимилировал чакавский, оттеснив его далеко на периферию Хорватии (сам этот процесс начался еще в XVI в.), а также практически вытеснил кайкавский из столицы Хорватии, Загреба, где большинство населения составляют переселенцы с родным сербохорватским языком, а горожане молодого и среднего возраста, даже коренные жители, в основном перешли на сербохорватский, сохранив лишь некоторые кайкавские черты (см. об этом: Karović 2006). Победа сербохорватского литературного языка над местными идиомами произошла и в юго-восточных районах Сербии, где до этого говорили на призренско-тимокском диалекте сербского, основной особенностью которого является наличие огромного количества болгарских лексических и грамматических заимствований. В настоящее время местная городская молодежь фактически перешла на литературный сербский с упрощенной грамматикой. В течение XX в. частично отказались от своего языка и перешли на сербский некоторые национальные меньшинства, в том числе заметная часть владх – потомков средневековых переселенцев-румын в Северо-Восточной Сербии (Републички... 2014). Помимо этого, сербохорватский оказал очень большое влияние на словенский и македонский языки.

отражается и очень интенсивная эмиграция, но основную роль сыграла все-таки именно естественная убыль населения, которая составила более 65 % демографических потерь всего болгарского населения с 1992 по 2011 г. (рассчитано по: Национален... 2012). Это беспрецедентно высокий темп, который превратился в прямую угрозу выживанию болгарской нации. Болгария вышла на первое место в мире по темпам естественной убыли населения (Ходунов 2016). В Македонии существенно сокращается доля македонцев, которые рожают меньше, а умирают чаще, чем остальные народы республики. Если среди всего населения македонцы по переписи 2002 г. составляют 64 % (Макстат 2005), то среди умерших в 2016 г. македонцев было 74 %, а среди рожденных – только 52 %. Сама численность македонского народа быстро снижается, поскольку число умерших у него в 1,3 раза больше, чем рожденных (Макстат 2017). Все страны региона затронуты очень интенсивной эмиграцией, особенно молодежи, что дополнительно ослабляет их демографический потенциал.

Все это ставит под угрозу само существование рассматриваемых народов в долгосрочной перспективе. Поэтому представляется необходимым, чтобы все эти народы осознали свою общую проблему – депопуляцию (которая к концу века может привести к сокращению их численности в несколько раз). Для решения или хотя бы снижения остроты проблемы нужны разработка и принятие эффективных мер, прежде всего по сокращению доли бедных и безработных, повышению потребности в детях и созданию благоприятных условий для рождения, воспитания и образования детей. Очевидно, что эти условия в настоящее время вследствие массовой бедности населения совершенно неадекватны. Необходимо также начать активно, постоянно и при помощи научных методов бороться с абортами, которые вносят определяющий вклад в депопуляцию и в ухудшение здоровья женщин региона (особенно большое количество абортосов совершается в Сербии [Ходунов 2016]). С целью прекращения или хотя бы замедления темпов исчезновения своих народов (а значит, и языков) должны сотрудничать все южнославянские страны. Представляется необходимым, чтобы им была оказана и существенная финансовая помощь Запада в решении демографической проблемы. Ведь именно действия некоторых за-

падных стран в 1990-х гг. в значительной степени способствовали экономической и демографической деградации региона.

Далее, необходимо работать над улучшением межнациональных отношений в регионе. Следует проводить разъяснительную работу для сокращения так называемого языка ненависти по отношению к другим народам в социальных сетях, поскольку это явление приняло очень большие масштабы (см., например: Kosanović 2013). Представители разных народов, например ученые-историки и студенты университетов, должны открыто и уважительно обсуждать имеющиеся разногласия (в том числе исторические). В этом плане можно только приветствовать недавний (от 1 августа 2017 г.) договор о добрососедстве и сотрудничестве между Болгарией и Македонией, где в том числе говорится и о создании общей комиссии болгарских и македонских историков, которые будут обсуждать спорные моменты в истории двух стран, искать компромиссы и пути к исторической истине (Капитал 2017).

Снять острые противоречия и прекратить взаимные выпады необходимо в том числе между сербами и болгарами. Было бы очень хорошо, если бы сербы признали серьезной политической ошибкой оккупацию болгарской Македонии в 1912 г., необоснованность своих претензий на эту страну и тот факт, что македонский язык одинаков с болгарским, а не с сербским, а в Македонии с VII в. проживало болгарское большинство, которое было бы там и сейчас, если бы не антиболгарская политика в королевской и коммунистической Югославии. Имеет смысл и языковая политика по сближению близкородственных сербохорватского и болгарского языков, ознакомление сербов и других народов с болгарской культурой (и наоборот), регулярное общение и взаимные стажировки сербских и болгарских школьников и студентов.

Хорватским католическим клерикалам хорошо было бы направить усилия на борьбу с демографическим кризисом вместо распространения среди верующих агрессивного национализма, чтобы добиться сокращения числа абортот и повышения рождаемости. Служители других религий могли бы сделать то же самое, поскольку в современных условиях для ликвидации демографического кризиса следует использовать все ресурсы, в том числе и фактор религиозности (Архангельский и др. 2014).

В общем, основные усилия должны быть направлены на создание атмосферы сближения и взаимоуважения народов, говорящих на одном языке, как и вообще народов региона. В этом случае, если в будущем новые войны между ними и случатся, то демографический ущерб среди гражданских лиц будет минимальным. В условиях стремительной убыли населения необходимо повышать качество этого населения путем роста уровня образования, здравоохранения, улучшения качества воспитания, повышения общей культуры поведения, развития толерантности и взаимоуважения. Все это поможет в какой-то степени смягчить даже кажущиеся на сегодняшний день неразрешимыми противоречия и найти определенные компромиссы между народами региона, а значит, заметно снизит пока еще огромный конфликтный потенциал на Балканах.

Библиография

- Айрапетов О. Р. 1998. О причинах начертания сан-стефанских границ Болгарии. *Вестник Московского университета*. Серия 8. История 6: 84–95.
- Апостолски М. (Ред.) 1969. *Историја на македонскиот народ*. 1: *Од предисториското време до крајот на XVIII век*. Скопје: Институт за национална историја.
- Архангельский В. Н., Божевольнов Ю. В., Голдстоун Дж., Зверева Н. В., Зинькина Ю. В., Коротаев А. В., Малков А. С., Рыбальченко С. И., Рязанцев С. В., Стек Ф., Халтурина Д. А., Шульгин С. Г., Юрьев Е. Л. 2014. *Через 10 лет будет поздно. Демографическая политика Российской Федерации: вызовы и сценарии*. М.: Ин-т научно-общественной экспертизы.
- БАН = Българската академия на науките. 1996. Становище на Института за български език при БАН за т. нар. македонски език. *Български език* 46(1): 1–3.
- Благојевић Н. 2017a. Морава памти, а ми? *Фонд стратешке културе*. URL: <http://www.fsksrб.ru/fond-strateske-kulture/autorski-tekstovi/morava-pamti-a-mi/>.
- Благојевић Н. 2017б. Закржљале расе. *Фонд стратешке културе*. URL: <http://www.fsksrб.ru/fond-strateske-kulture/autorski-tekstovi/zakrzljale-rase/>.
- Вавилонская Башня. 2017. Annotated Swadesh Wordlists for the Slavic Group (Indo-European Family). *Вавилонская Башня. Проект этимологической базы данных* 11.06. URL: <http://starling.rinet.ru/new100/slv.pdf>.

- Васељенска ТВ. 2014а.** Ватикан, Лондон, Хитлер, Павелић и Тито против Срба. *Васељенска ТВ* 23.10. URL: <http://www.vaseljenska.com/misljenja/vatikan-london-hitler-pavelic-tito-protiv-srba/>.
- Васељенска ТВ. 2014б.** Радовао сам се кад је Ђинђић убијен. *Васељенска ТВ* 13.11. URL: <http://www.vaseljenska.com/politika/radovao-sam-se-kad-je-djindjic-ubijen/>.
- Велимировић Н. 2001.** *Теодул; Српски народ као теодул*. Београд: ЕВРО.
- Вечерње Новости. 2014.** Зилкић: Верници захтевају да формирамо странку. *Вечерње Новости* 14.09. URL: http://www.novosti.rs/вести/на_словна/друштво.395.html:510117-Зилкић-Верници-захтевају-да-формирамо-странку.
- Вечерње Новости. 2016.** Муфтија Numan: Отцепљење Косова ником није donelo dobro. *Вечерње Новости* 10.06. URL: <http://www.novosti.rs/вести/naslovna/politika/aktuelno.289.html:609445-Muftija-Numan-Otcepljenje-Kosova-nikom-nije-donelo-dobro>.
- Галияшевич Дж. 2012.** Роль подразделения «Эль-Моджахедин» в конфликте в Боснии и Герцеговине и причины его безнаказанности. *Международный трибунал по бывшей Югославии: Деятельность, результаты, эффективность* / Отв. ред. Е. Ю. Гуськова. М.: Индрик. С. 93–108.
- Георгиев В. И. 1979.** *Български етимологичен речник*. Т. 2. София: Изд-во на Българската академия на науките.
- Гибианский Л. Я. 2011а.** Югославия в период Второй мировой войны. *Югославия в XX веке. Очерки политической истории* / Отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Индрик.
- Гибианский Л. Я. 2011б.** По советскому образцу: первые годы коммунистического правления. *Югославия в XX веке. Очерки политической истории* / Отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Индрик.
- Гойкович Р. 2013.** Попытка православного взгляда на македонский вопрос. *Русская народная линия*. URL: http://ruskline.ru/analitika/2013/01/10/popytka_pravoslavnogo_vzglyada_na_makedonskij_vopros/.
- Гочев Я. 2010.** 24 май 1941 г. Охрид влиза окончателно в България. *Суте българии заедно*. URL: http://www.sitebulgarizaedno.com/index.php?Option=com_content&view=article&id=313:24-1941-&catid=29:2010-04-24-09-14-13&Itemid=61.
- Григорович В. И. 1877.** *Очерк путешествия по европейской Турции*. 2-е изд. М.: Тип. Лаврова.
- Гуськова Е. Ю. 2000.** *История югославского кризиса (1990–2000)*. М.: Русское право/Русский Национальный Фонд.

- Гуськова Е. Ю. 2006. *Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы*. Т. 1 (1878–1997 гг.). М.: Индрик.
- Гуськова Е. Ю. 2007. Косовский узел. Зачем Европе несколько албанских государств? *Литературная газета* 26(6126).
- Гуськова Е. Ю. 2011. Югославская федерация в 1960-е годы. Борьба двух тенденций. *Югославия в XX веке. Очерки политической истории* / Отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Индрик.
- Дамјановић Р. 2017. ФИРОМ. *Фонд стратешке културе*. URL: <http://www.fksrb.ru/fond-strateske-kulture/autorski-tekstovi/firom/>.
- Диковић Б. 2013. Эксклюзивно: разговор са Љиљаном Булатовић – српски генерал Младић – судбина заштитника Отаџбине. *СРБски ФБРепортер* 19.04. URL: <http://facebookreporter.org/2013/04/19/ексклюзивно-разговор-са-љиљаном-була/>.
- Димитријевић В. 2013. Опет поводом Македоније; Извори о Македонији и Македонцима. *Борба за веру*. URL: <http://borbazaveru.info/content/view/5435/31/>.
- Добрев П. 2007. Виктор Канзуров: Властта в Скопие не иска нищо българско, дори минерална вода. *E-vestnik.bg*. URL: <http://e-vestnik.bg/1117/%D0%B2%D0%B8%D0%BA%D1%82%D0%BE%D1%80-%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D0%B7%D1%83%D1%80%D0%BE%D0%B2-%D0%B2%D0%BB/>.
- Докучаева Н. А. 2016. Роль интеллектуалов в становлении современной Черногории. *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований* 1(2): 55–64.
- Донцов А. И., Стефаненко Т. Г., Уталиева Ж. Т. 1997. Язык как фактор этнической идентичности. *Вопросы психологии* 4: 75–86.
- Дуличенко А. Д. 2005. Малые славянские литературные языки (микроязыки). *Языки мира: Славянские языки* / Ред. А. М. Молдован, С. С. Скорвид, А. А. Кибрик, Н. В. Рогова, Е. И. Якушкина, А. Ф. Журавлев, С. М. Толстая. М.: Academia. С. 595–615.
- Дуриданов И., Рачева М., Атанасов Тодоров Т. 1996. *Български етимологичен речник*. Т. 5. София: Академично издателство Проф. Марин Дринов.
- Емагазин. 2017. Талат Џафери ќе биде новиот претседател на Собранието? *Емагазин* 15.03. URL: <http://emagazin.mk/vesti/vest/32938?title=talat-dzaferi-nje-bide-noviot-pretседател-na-sobranieto%3F>.
- Зализняк А. А. 2012. Об истории русского языка. *Элементы*. URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/431649/Ob_istorii_russkogo_yazyka.

- Зотов Г. 2017.** Мертвый бог. Почему в экс-Югославии так любят покойного Иосипа Броза Тито. *Аргументы и факты* 28.02. URL: http://www.aif.ru/society/history/myortvyuy_bog_pochemu_v_eks-yugoslavii_tak_lyubiyat_pokoynogo_iosipa_broz_tito.
- Иванишевич М. 2012.** Обманы Сребреницы. *Международный трибунал по бывшей Югославии: Деятельность, результаты, эффективность* / Отв. ред. Е. Ю. Гуськова. М.: Индрик. С. 201–216.
- Ивић П. 1994.** Књижевни језик као инструмент културе и продукт историје народа. *Историја српске културе* / Ред. П. Ивић, С. Јовановић, О. Лакићевић, Р. Маринковић, А. Павловић, М. Протић, Ђ. Стојичић. Горњи Милановац: Дечије новине; Београд: Удружење издавача и књижара Југославије. С. 18–25.
- Искендеров П. А. 2012.** «Бомбардировки Югославии стали причиной гуманитарной катастрофы»: эксперт о заявлении генсека НАТО. *ИА Рех*. URL: <http://www.iarex.ru/news/24628.html>.
- Искендеров П. А. 2015.** Македонский пасьянс с краплеными картами. *Фонд стратегической культуры* 21.05. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2015/05/21/makedonskij-pasjans-s-kraplenymi-kartami-33456.html>.
- Јакшић Б. 2009.** Црни флор. *Нова српска политичка мисао* 5.10. URL: <http://www.nspm.rs/prenosimo/crni-flor/stampa.html>.
- Јетвовић Г. 2015.** Да ли је Слободан Милошевић издао Српску Крајину? *Фонд стратешке културе*. URL: <http://www.fksrb.ru/fond-strateske-kulture/autorski-tekstovi/da-li-je-slobodan-milosevic-izdao-srpsku-krajinu/>.
- Капитал. 2017.** България и Македония се сприятелиха. *Капитал* 1.08. URL: https://www.capital.bg/politika_i_ikonomika/bulgaria/2017/08/01/3017092_bulgariia_i_makedoniia_se_spriiateliha/.
- Кара-Мурза В. 2011.** Поимка Ратко Младича как отголосок гражданской войны в Югославии. *Радио Свобода* 27 мая. URL: <https://www.svoboda.org/a/24207307.html>.
- Коларов Г. 2015.** Республика Македония: болгарское прошлое и неясное будущее. *Рабкор* 29 апреля. URL: <http://rabkor.ru/columns/analysis/2015/04/29/macedonia/>.
- Коротчаев А. В. 2003.** *Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции*. М.: Вост. лит-ра.
- Коротчаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2004.** *Законы истории. Компактные макромоделли эволюции Мир-Системы*. М.: Рос. гос. гуманитарный ун-т/Центр цивилизационных и региональных исследований РАН/Ин-т прикладной математики РАН им. М. В. Келдыша.

- Коряков Ю. Б. 2017.** Проблема «язык или диалект» и попытка лексико-статистического подхода. *Вопросы языкознания* 6: 79–101.
- Косик В. И. 2014.** *Балканы: «Порвалась цепь великая...» (середина XIX – начало XXI вв.)*. М.: Ин-т славяноведения РАН.
- Костић Ј. М. 1973.** *Осврт на попис народности у Југославији*. Минхен: Издање пишчево.
- Кречмер А. Г., Невекловский Г. 2005.** Сербохорватский язык (сербский, хорватский, боснийский языки). *Языки мира: Славянские языки* / Ред. колл.: А. М. Молдован, С. С. Скорвид, А. А. Кибрик, Н. В. Рогова, Е. И. Якушкина, А. Ф. Журавлев, С. М. Толстая. М.: Academia. С. 139–197.
- Кубуровић М. 2015.** Подсећамо: На Косову и Метохији има 1350 црквених здања – на сваких 2,5 километра по неки белег наше прошлости! *Фонд стратешке културе*. URL: <http://www.fsksr.rs/fond-strateske-kulture/kosovo-i-metohija/podsecamo-na-kosovu-i-metohiji-ima-1350-crkvenih-zdanja-na-svakih-25-kilometra-po-neki-beleg-nase-proslosti/>.
- Кулаковский П. А. 1894.** *Иллиризм: Исследование по истории хорватской литературы периода Возрождения*. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа.
- Култура. 2010.** Филип Димитров за фалстарта, носталгията по миналото и половинчатите символи. *Култура* 9(2581). URL: <http://www.kultura.bg/bg/article/view/16738>.
- Курске В. С. 2011.** Язык как фактор сохранения этнической идентичности российских немцев (по результатам всероссийского опроса). *Социологические исследования* 3: 135–139.
- Кусев М. 1913.** *Македония въ своитъ жители само сърби нъма*. 2 изд. София: Гражданинъ.
- Леонидов Р. 2015.** «Окупаторите» на Вардарска Македония влагат милиарди левове в нейното стопанство. *Животът днес*. URL: <http://www.jivotatdnes.bg/nachalo/news/ikonomika/okupatorite-na-vardarska-makedonija-vlagat-miliardi-levove-v-neynoto-stopanstvo>.
- Ляшевская О. Н., Шаров С. А. 2009.** *Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)*. М.: Азбуковник.
- Майтинская К. Е. 1969.** *Местоимения в языках разных систем*. М.: Наука.
- Макстат = Државен завод за статистика на Република Македонија. 2005.** *Попис на населението, домаќинствата и становите во Република Македонија, 2002*. Скопје: Државен завод за статистика на Република Македонија.

- Макстат = Државен завод за статистика на Република Македонија.** 2017. *Природно движење на населението, 2016*. Скопје: Државен завод за статистика на Република Македонија.
- Мартынова М. Ю.** 2014. Боснийци, бошняки, мусульмане: коллизии идентичностей. *Славяне-мусульмане на Балканах: язык, культура, идентичность* / Отв. ред. Е. С. Узенёва. М.: Ин-т славяноведения РАН. С. 9–62.
- Маслов Ю. С.** 2005. *Болгарский язык* / Ред. А. М. Молдован, С. С. Скорвид, А. А. Кибрик, Н. В. Рогова, Е. И. Якушкина, А. Ф. Журавлев, С. М. Толстая. М.: Academia. С. 69–101.
- Мишина А. И.** 2003. *Хорватские клерикалы в процессе создания югославянского государства в начале XX в.*: дис. ... канд. ист. наук. М.
- Морзавченков Г. А.** 2015. *Язык как фактор этнокультурной идентичности*: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород.
- Национален статистически институт.** 2012. *Преброяване на населението и жилищния фонд през 2011 година*. Т. 1. *Население*. Кн. 2. *Демографски и социални характеристики*. София: НСИ.
- Нова ТВ.** 2017. БПЦ прифати да биде мајка-црква на МПЦ. *Нова ТВ*. URL: <http://novatv.mk/bpts-prifati-da-bide-majka-tsrkva-na-mpts/>.
- Новините.** 2016. 25 години независима Македонија. *Новините*. URL: <http://www.novinite.bg/articles/121319/25-godini-nezavisima-Makedoniya>.
- Радев В. (Ред.)** 1993. *Научна експедиция в Македония и Поморавието 1916*. София: Военноиздателски комплекс «Св. Георги Победоносец»/Университетско издателство «Св. Климент Охридски».
- Радисављевић З.** 2013. Хрвати „пригрлили“ српски језик. *Политика* 09.01. URL: <http://www.politika.rs/scc/clanak/245497/Hrvati-prigrlili-srpski-jezik>.
- Ремий С.** 2007. Руси, браћа највећа. *Вечерње новости* 05.06. URL: <http://www.novosti.rs/вести/насловна/друштво.395.html:198916-Rusi-braca-naj-veca>.
- Републички завод за статистику.** 2014. *Попис становништва, домаћинства и станова 2011. у Републици Србији. Етнокон-фесионални и језички мозаик Србије*. Београд: Републички завод за статистику.
- Саенко М. Н.** 2013. Реконструкција праславјанског списка Сводеша. *Вопросы языкового родства* 10: 139–148.
- Самаринић М.** 2013. Злочини над Муслиманима и Хрватима. *Погледи* 23.03. URL: <https://www.pogledi.rs/zlocini-nad-muslimani-i-hrvatima/>.

- Селищев А. М. 1979.** Македонская диалектология и сербские лингвисты. А. Белич и его последователи. *Чуждестранни учени за југозападните българи говори* / Ред. К. Мирчев. София: Българската академия на науките. С. 161–229.
- Селищев А. М. 1981а.** *Очерки по македонской диалектологии*. София: Наука и искусство.
- Селищев А. М. 1981б.** *Полог и его болгарское население*. София: Наука и искусство.
- Сотировић В. 2009.** Босански језик, Бошњачка нација и држава Босна и Херцеговина. *Sve Vesti*. URL: <http://www.svevesti.com/a141945-босански-језик-бошњачка-нација-и-држава-босна-и-херцеговина>.
- Србин.инфо. 2013.** Ватикан, Хрвати и Хрватска: Чињенице које се не уче у српским школама. *Србин.инфо*. URL: <http://srbin.info/2013/12/23/vatikan-hrvati-i-hrvatska-cinjenice-koje-se-ne-uce-u/>.
- Станкович Б. (Ред.) 1998.** *Сербско-русский словарь*. М.: Русский язык; Нови-Сад: Будућност/Матица Српска.
- Старостин С. А. 2007.** Сравнительно-историческое языкознание и лексико-статистика. С. А. Старостин. *Труды по языкознанию* / Сост. Г. С. Старостин. М.: Языки славянских культур. С. 403–447.
- Струкова К. Ј. 2004.** *Обществено-политическое развитие Македонии в 50–70-е гг. XX века*. М.: Ин-т славяноведения РАН.
- Сумская Е. Г., Хаванская Е. С. (Сост.) 2013.** *Новый болгарско-русский и русско-болгарский словарь*. М.: Дом Славянской книги.
- Сысоев П. В. 2010.** Лингвистический корпус, корпусная лингвистика и методика обучения иностранным языкам. *Иностранные языки в школе* 5: 12–21.
- Тоевски С. 2014.** „Карта на бугарските дијалекти“ – лингвистика или политика. *Deutsche Welle*. URL: <http://www.dw.com/mk/карта-на-бугарските-дијалекти-лингвистика-или-политика/a-18144553>.
- Толовски Д., Иллич-Свитыч В. М. (Сост.) 1963.** *Македонско-русский словарь*. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей.
- Толстой Н. И. 1997.** *Избранные труды*. Т. 1. *Славянская лексикология и семасиология*. М.: Языки русской культуры.
- Травин Д., Маргания О. 2004.** *Европейская модернизация*. Кн. 1. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica.
- Трајковски Т. 2013.** Бугарска пропаганда: Македонците имале исто потекло со „Бугарите“ (2 дел). *Македонска нација*. URL: <http://www>.

mn.mk/index.php/fotogalerija/aktuelno/video/komentari/8281-Bugarska-pro
paganda-Makedoncite-imale-isto-poteklo-so-Bugarite-2-del.

- Третьякова М. Ч. 2017.** *Военно-политический кризис в Республике Македонии в 2001 г.*: дис. ... канд. ист. наук. М.
- Усикова Р. П. 2005.** Македонский язык. *Языки мира: Славянские языки* / Ред. колл. А. М. Молдован, С. С. Скорвид, А. А. Кибрик, Н. В. Рогова, Е. И. Якушкина, А. Ф. Журавлев, С. М. Толстая. М.: Academia. С. 102–138.
- ФАМА. 2013.** Стојанче Ангелов: Ова е понижување на целиот македонски народ. *ФАМА* 22.02. URL: <http://www.fama.mk/intervju/303-intervju/7770-intevju-stojance-angelov>.
- Филимонова А. И. 2008.** Спецоперация по ликвидации Сербской радикальной партии (I). *Русская линия*. URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=153536>.
- Филимонова А. И. 2010.** Санджак: новые вызовы, угрозы и шантаж Сербии. *Фонд стратегической культуры*. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2010/08/31/sandzhak-novye-vyzovy-ugrozy-i-shantazh-serbii-55.html>.
- Филимонова А. И. 2012.** Балканы шаг за шагом идут к Великой Албании. *Переформат.ру* 20.03. URL: <http://pereformat.ru/2012/03/velikaya-albaniya/>.
- Филимонова А. И. 2017.** Аль-Каида в Албании и Косово: изменение сознания албанцев. *Русская народная линия*. URL: http://ruskline.ru/analitika/2017/06/23/al_kaida_v_albanii_i_kosovo_izmenenie_soznaniya_albancev/.
- Фомин А. Ю. 2011.** *Глоттохронологическое исследование дивергенции таджикского, дари и персидского языков*. Душанбе: Изд-во РТСУ.
- Ходунов А. С. 2016.** Демографическая динамика Сербии, Черногории и Республики Сербской в конце XX – начале XXI в. Есть ли возможность остановить катастрофу? *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна в глобальном и региональном контексте* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 326–403.
- Църнушанов К. 1991а.** Сърбизиране на македонския казионен «литературен език» (Част първа). *Македонски преглед* 14(1): 52–83.
- Църнушанов К. 1991б.** Сърбизиране на македонския казионен «литературен език» (Част втора). *Македонски преглед* 14(2): 21–44.
- Църнушанов К. 1992.** *Големият български възрожденец митрополит Методий Кусев*. София: ВМРО-СМД.

- Църнушанов К. 1996.** Нова фалшификација за Македонија разгневи дори официалнија скопски печат. *Континент* 4(10).
- Шемакин А. Л. 2011.** Первая мировая война. Рождение Югославии. *Югославия в XX веке. Очерки политической истории* / Отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Индрик.
- Энгельгардт Г. Н. 2015.** *Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.): дис. ... канд. ист. наук.* М.
- Ямбаев М. Л. 2003.** Македонија в 1877–1912 гг. В *«пороховом погребе Европы». 1878–1914* / Отв. ред. В. Н. Виноградов, В. И. Косик, О. В. Соколовская. М.: Индрик. С. 297–321.
- Aleksić B. 2014.** SAD su neprijatelj Srbije. *Akademedia Srbija*. URL: http://www.akademiasrbija.com/index.php?option=com_content&view=article&id=8186:srbi-pamet-u-glavu-sad-su-neprijatelj-srbije-&catid=42:xfiles&Itemid=61.
- Alo.rs. 2016.** Eparhija tvrdi: Đukanović širi govor mržnje. *Alo.rs*. URL: <http://www.alo.rs/dukanovic-siri-govor-mrznje-prema-spc/52245>.
- Arsenić V. 2000.** Govorite li crnogorski. Rukopis politike. *Vreme* 478. URL: http://www.vreme.com/arhiva_html/478/18.html.
- Baltic N. 2007.** Theory and Practice of Human and Minority Rights under the Yugoslav Communist System. *EURAC Research*. URL: <http://www.eurac.edu/en/research/autonomies/minrig/Documents/Mirico/Report%20on%20the%20Theory%20and%20Practice%20of%20Human%20Rights%20and%20Minority%20Rights%20under%20the%20Yugoslav%20Communist%20System%20WEB.pdf>.
- Behram M. 2017.** Koordinirano dijeljenje BiH između Čovića i Dodika. *Radio Slobodna Evropa* 16.01. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/covic-bih-treci-enitet/28236228.html>.
- Bellamy A. 2003.** *The Formation of Croatian National Identity. A Centuries-old Dream?* Manchester: Manchester University Press.
- Blic. 2015.** Dodik: Referendum 2018. ako se RS ne vrate nadležnosti. *Blic* 25.04. URL: <https://www.blic.rs/vesti/republika-srpska/dodik-referendum-2018-ako-se-rs-ne-vrate-nadleznosti/bb7ecct>.
- Bošnjaci. 2015.** IGK zahtijeva primjenu presude ICJ protiv entiteta Republike Srpske za genocid! *Bošnjaci* 08.01. URL: <http://bosnjaci.agency/igk-zahitjeva-primjenu-presude-icj-protiv-entiteta-republike-srpske-za-genocid/>.
- Brodnjak V. 1991.** *Razlikovni rječnik srpskog i hrvatskog jezika*. Zagreb: Školske novine.

- B92. 2001.** Tribina o nacionalizmu. *B92*. URL: https://www.b92.net/info/vesti/index.php?yyyy=2001&mm=03&dd=23&nav_category=1&nav_id=23093.
- B92. 2004.** Patrijarh Pavle traži da se istraže događaji u Makedoniji. *B92*. 6.04.2004. URL: https://www.b92.net/info/vesti/index.php?yyyy=2004&mm=04&dd=06&nav_category=12&nav_id=137518.
- Cani B. 2013.** Majorities in Kosovo, Serbia Support New Deal. *Deutsche Welle* 20.04. URL: <http://www.dw.com/en/majorities-in-kosovo-serbia-support-new-deal/a-16759798>.
- Carnegie Endowment for International Peace. 1914.** *Report of the International Commission to Inquire into the Causes and Conduct of the Balkan Wars*. Washington: Carnegie Endowment.
- Čorbić I., Branković M. 2016.** Ispovest novog muftije: Rođen sam kao Ivan Trifunović i sestrić sam Ružice Sokić! *Kurir* 31.05. URL: <http://www.kurir.rs/vesti/drustvo/2287415/novi-muftija-je-srbin-roden-je-kao-ivan-i-vatreni-je-navijac-zvezde>.
- Demographic Research Center. 1974.** *The Population of Yugoslavia*. Belgrade.
- Dijanović D. 2012.** Ante Starčević – otac hrvatskog nacionalizma (1/2). *Portal Hrvatskoga kulturnoga vijeća* 13.03. URL: <https://www.hkv.hr/izdvojeno/komentari/d-dijanovi/10931-ante-starevi-otac-hrvatskog-nacionalizma.html>.
- Dragović R. 2013.** Prave armiju za veliku Albaniju. *Вечерње Новости* 05.06. URL: <http://www.novosti.rs/vesti/naslovna/drustvo/aktuelno.290.html:442530-Prave-armiju-za-veliku-Albaniju>.
- Federalni zavod za statistiku. 2017.** *Statistički godišnjak/ljetopis Federacije Bosne i Hercegovine 2017*. Sarajevo: Federalni zavod za statistiku.
- Fehratović J. 2013.** Vrijeme je za Bosanski jezik. *Sandžakpress* 07.02. URL: <http://sandzakpress.net/vrijeme-je-za-bosanski-jezik/comment-page-1>.
- Fehratović J. 2017.** Savremeni pristup drevnoj historiji (Muamer Zukorlić: Drevna Bosna). *Sandžačka književnost*. URL: <http://sandzackaknjizevnost.com/jahja-fehratovic-savremeni-pristup-drevnoj-historiji-muamer-zukorlic-drevna-bosna/>.
- Fodor I. 1961.** The Validity of Glottochronology on the Basis of the Slavonic Languages. *Studia Slavica* 7: 293–346. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Galijašević Dž. 2016.** DŽEVAD GALIJAŠEVIĆ OTKRIVA: Zašto je Bakir Izetbegović konačno otpisan- Bošnjake čekaju teški dani i mučno otrežnjenje... *Web-tribune.com*. URL: http://web-tribune.com/tema_dana/dzevad-galijasevic-otkriva-zasto-je-bakir-izetbegovic-konacno-otpisan-bosnjake-cekaju-teski-dani-i-mucno-otreznjenje.

- Gallup Balkan Monitor. 2010.** Focus on Kosovo's Independence. *Gallup Balkan Monitor*. URL: http://www.balkan-monitor.eu/files/BalkanMonitor-2010_Summary_of_Findings.pdf.
- Gallup News. 2017.** Many in Balkans Still See More Harm From Yugoslavia Breakup. *Gallup News* May 18. URL: <http://news.gallup.com/poll/210866/balkans-harm-yugoslavia-breakup.aspx>.
- Galović M. 2013.** Košare, mesto gde srpsku vojsku nisu pobedili NATO, Vojska Albanije i OVK. *Intermagazin* 26.03. URL: <http://www.intermaga.zin.rs/kosare-mesto-gde-srpsku-vojsku-nisu-uspeli-da-pobede-nato-avijac-ija-vojska-albanije-i-ovk-zajedno/>.
- Геополитика.ru. 2017.** Елена Гуськова о приговоре Младичу: «Сербы всегда были с нами на стороне справедливости». *Геополитика.ru* 22.11. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/elena-guskova-o-prigovore-mladichu-serby-vsegda-byli-s-nami-na-storone-spravedlivosti>.
- Hajdari U. 2015.** Former Kosovo Fighters Salute Men Killed in Kumanovo. *Balkan Insight* May 26. URL: <http://www.balkaninsight.com/en/article/former-kosovo-guerilla-honor-those-killed-in-kumanovo>.
- Helsinški odbor za ljudska prava. 2004.** *Izbeglice – žrtve etničkog inženjeringa*. Beograd: Zagorac.
- Human Rights Watch 2004.** *Failure to Protect: Anti-Minority Violence in Kosovo, March 2004*. Human Rights Watch. July. Vol. 16. No. 6.
- Ilić A. 2017.** Religijska (ne)ravnopravnost u Srbiji. *Bilten*. URL: <http://www.bilten.org/?p=18832>.
- Ilić M. 2016.** Povjesničar Klasić kaže da su pisma biskupa Košića o Mostu samo vrh ledenog brijega onog što Crkva radi. *Telegram* 05.01. URL: <http://www.telegram.hr/politika-kriminal/nema-dokaza-da-je-alojzije-stepi-nac-mucen-a-to-treba-da-bi-bio-svet/>.
- Intermagazin. 2013.** Hrvatski nacionalisti uspeli su dva puta u 20. veku da okrenu bosanske muslimane protiv Srba. *Intermagazin* 14.09. URL: <http://www.intermagazin.rs/hrvatski-nacionalisti-uspeli-su-dva-puta-u-20-veku-da-okrenu-bosanske-muslimane-protiv-srba/>.
- Jevtić M. 2013.** Kosovo je Turska, Turska je Kosovo. *Политика* 07.11. URL: <http://www.politika.rs/sr/clanak/275125/Sta-da-se-radi/Kosovo-je-Turska-Turska-je-Kosovo>.
- Josipović D. 2015.** Slovenia and the Census: From the 20. Century Yugoslav Counts to the Register-based Census of 2011. *Contemporary Southeastern Europe* 2(2): 159–175.
- Kapović M. 2006.** Najnovije jezične promjene u zagrebačkom govoru. *Matica hrvatska*. 4.08. URL: <http://www.matica.hr/kolo/301/najnovije-jezi-cne-promjene-u-zagrebackom-govoru-20382/>.

- Kassian A., Starostin G., Dybo A., Chernov V. 2010.** The Swadesh Wordlist. An Attempt at Semantic Specification. *Journal of Language Relationship* 4: 46–89.
- Klix. 2011.** Jahić: Autentični bosanski govor je historijska činjenica. *Klix* 13.11. URL: <https://www.klix.ba/vijesti/bih/jahic-autenticni-bosanski-govor-je-historijska-cinjenica/111113029#komentari>.
- Kordić S. 2010.** *Jezik i nacionalizam*. Zagreb: Durieux.
- Kostić L. M. 1964.** *Krađa srpskog jezika. Kulturno-istorijska studija*. Baden: Izdanje pišćevo.
- Kosanović S. 2013.** Fahrudin Kladičanin: Ekstremisti mlade regrutuju u sajber-spejsu. *Hovocnu* 28.10. URL: <http://arhiva.portalnovosti.com/2013/10/fahrudin-kladnicanin-ekstremisti-mlade-regrutuju-u-sajber-spejsu/>.
- Kurir 2013.** Šešelj: Srbi-pravoslavci, Srbi-katolici i Srbi-muslimani! *Kurir* 10.06. URL: <http://www.kurir.rs/crna-hronika/834159/seselj-srbi-pravoslavci-srbi-katolici-i-srbi-muslimani>.
- Milosavljević M. 2008.** Crnogorski jezik ne postoji. *Глас јавности* 13.06. URL: <http://www.glas-javnosti.rs/clanak/glas-javnosti-13-06-2008/crnogorski-jezik-ne-postoji>.
- N1 BIH. 2015.** Istraživanje: Treba li ukinuti Republiku Srpsku? *N1 BIH*. URL: <http://ba.n1info.com/a71442/Vijesti/Vijesti/Istrazivanje-Treba-li-ukinuti-Republiku-Srpsku.html>.
- News Front = Новостной Фронт. 2016.** Предотвратить вступление Черногории в НАТО может лишь оппозиция. *News Front* 16.10. URL: <http://news-front.info/2016/10/16/predotvratit-vstuplenie-chernogorii-v-na-to-mozhet-lish-oppoziciya/>.
- Novák T. 2014.** *Economic Perspectives of the Western Balkans – Back to the Past*. Budapest.
- Working Paper 211.** Budapest: Centre for Economic and Regional Studies, Hungarian Academy of Sciences, Institute of World Economics.
- Petković J. L. 2016.** Zukorlić vodi prosvetu. *Vesti online* 25.06. URL: <http://www.vesti-online.com/Vesti/Srbija/581235/Zukorlic-vodi-prosvetu>.
- Petrović J. D. 2016.** Halilović za N1: Rat provociraju oni koji traže referendum. *N1* 20.09. URL: <http://rs.n1info.com/a195004/Vesti/Vesti/Halilovic-za-N1-Rat-provociraju-oni-sto-traze-na-referendum.html>.
- Petričušić A. 2009.** Etno-Mobilisation and its Consequences in Croatia. *South-Eastern Europe* 34: 1–23.
- Pislis D. 2017.** Bilo bi vrijeme da se Crkva distancira od ustaša i NDH. *Autograf.hr* 15.05. URL: <http://www.autograf.hr/bilo-bi-vrijeme-da-se-ckrva-distancira-od-ustasa-i-ndh/>.

- Pobjeda. 2014.** Matica Crnogorska: Crnogorskim jezikom govori 41,1 odsto građana, a srpskim 39,1. *Pobjeda* 03.07. URL: <http://www.pobjeda.me/2014/07/03/matica-crnogorska-crnogorskim-jezikom-govori-411-odsto-gradana-srpskim-391/#.VEJb2X3LfK5>.
- Portal Hrvatskoga kulturnoga vijeća. 2009.** Akademik Stjepan Babić: Hrvatski književni jezik njim samim. *Portal Hrvatskoga kulturnoga vijeća* 14.05. URL: <https://www.hkv.hr/izdvojeno/tribine/kultura/4524-akademik-stjepan-babi-hrvatski-knjizevni-jezik-njim-samim.html>.
- Portal Hrvatskoga kulturnoga vijeća. 2011.** Srbijanska politika krenula je s planskom kroatizacijom srpskoga jezika. *Portal Hrvatskoga kulturnoga vijeća* 21.02. URL: <https://www.hkv.hr/izdvojeno/vai-prilozi/ostalo/prilozi-graana/7780-srbijanska-politika-krenula-je-s-planskom-kroatizacijom-srp-skoga-jezika.html>.
- Pozzi H. 1994 [1935].** *Black Hand over Europe*. Zagreb: Croatian Information Centre.
- Pravda.ru. 2014.** Почему Крым – не Косово? *Pravda.ru*. URL: <https://www.pravda.ru/video/politics/14197.html>.
- Puhalo S. 2009.** *Etnička distanca i (auto)stereotipi građana Bosne i Hercegovine*. Sarajevo: Friedrich Ebert Stiftung.
- Puhalo S. 2015.** Ko je i koliko rušio vjerske objekte u Bosni i Hercegovini? *Фронтал*. URL: <http://www.frontal.ba/blogovi/blog/60507/ko-je-i-koliko-rusio-vjerske-objekte-u-bosni-i-hercegovini>.
- Radio-Televizija Srbije. 2008.** Muslimani u Beogradu traže svoja groblja. *Radio-Televizija Srbije*. URL: <http://www.rts.rs/page/stories/sr/story/125/drustvo/26578/muslimani-u-beogradu-traze-svoje-groblje.html>.
- Radivojević B., Penev G. 2014.** Demographic Losses in Serbia in the First World War and their Long-Term Consequences. *Economic Annals* 59/203: 29–54. Belgrade.
- Rebac H. M. 1925.** Srbi muslimanske vere u Bosni i Hercegovini (politička prošlost). *Letopis Matice srpske* 306.
- Republika. 2011.** Ante Kovačević govori kako je pala Posavina. *Republika* 06.05. URL: <http://www.republikainfo.com/vijesti/842-ante-kovacevic-govori-kako-je-pala-posavina.html>.
- RTV Slon. 2013.** Istraživanje u BiH: Srbi za nezavisnost, Bošnjaci za centraliziranu BiH, Hrvati žele treći entitet. *RTV Slon*. URL: <https://www.rtvslon.ba/istraivanje-u-bih-srbi-za-nezavisnost-bonjaci-za-centraliziranu-bih-hrvati-ele-trei-entitet/>.
- Skoko B. 2010.** *Hrvatska i susjedi – Kako Hrvatsku doživljavaju u Bosni i Hercegovini, Crnoj Gori, Makedoniji, Sloveniji i Srbiji*. Zagreb: AGM/Novelti millennium.

- Skoko B. 2011.** *Što Hrvati, Bošnjaci i Srbi misle jedni o drugima, a što o Bosni i Hercegovini*. Sarajevo: Friedrich Ebert Stiftung.
- Šarac D. 2015.** Kajkavski proglašen jezikom, čakavica pred nestajanjem. *Slobodna Dalmacija* 09.03. URL: <http://www.slobodnadalmacija.hr/scena/kultura/clanak/id/266247/kajkavski-proglasen-jezikom-cakavica-pred-nestajanjem>.
- Štrbac S. 2014.** Srpske žrtve rata i poraća na području Hrvatske i bivše RSK 1990. – 1998. godine. *Dokumentaciono informacioni centar Veritas*. 20.02.2014. URL: <http://www.veritas.org.rs/srpske-zrtve-rata-i-poraca-na-podrucju-hrvatske-i-bivse-rsk-1990-1998-godine/#fn-9071-6>.
- Telegraf. 2013.** Muslimani, a četnici: Borili se s Dražom za kralja, nikad s Titom! *Telegraf*. URL: <http://www.telegraf.rs/vesti/813374-muslimani-a-četnici-borili-se-s-drazom-za-kralja-nikad-s-titom-foto>.
- UNODC = United Nations Office on Drugs and Crime. 2008.** *Crime and its Impact on the Balkans and Affected Countries*. Vienna: United Nations Publications.
- Vijesti.ba. 2015.** Predstavljen Rječnik bosanskog jezika Dževada Jahića. *Vijesti.ba*. URL: <http://vijesti.ba/clanak/281995/predstavljen-rjecnik-bosanskog-jezika-dzevada-jahica>.
- Vreme. 2016.** Izborni rezultat 2016. *Vreme*. URL: <http://www.vreme.com/cms/view.php?id=1389527#100>.
- YouTube. 2013a.** Владан Глишић на ТВ Копеникус: «Истина о...». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KkcOLxlCDVY&t=265s>.
- YouTube. 2013b.** Mladen Obradović i Ivan Ivanović TVAVAX «Otvoreno o svemu» 03.01 flv. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=s1qS1Xi6q9U>.
- Zubanović S. 2015.** Ili nemao ili ne znao. *Saff* 31.08. URL: <http://saff.ba/ili-nemao-ili-ne-znao/>.
- Zwierzchowski J., Tabeau E. 2010.** *The 1992–95 War in Bosnia and Hercegovina: Census-based Multiple System Estimation of Causalities' Undercount*. Berlin.

Сведения об авторах

Акаев Аскар Акаевич – научный руководитель Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института математических исследований сложных систем им Р. Пригожина. E-mail: aakaev@hse.ru.

Билюга Станислав Эдуардович – младший научный сотрудник Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», аспирант кафедры глобалистики факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Область научных интересов: моделирование и прогнозирование социально-политического и экономического развития стран мира. E-mail: sbilyuga@gmail.com.

Быканова Дарья Алексеевна – младший научный сотрудник международной Лаборатории демографии и человеческого капитала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Автор и редактор около 10 научных работ. Область научных интересов: Демографическая статистика, социология семьи и брака, старение населения. E-mail: bykanova-da@ranepa.ru.

Васькин Илья Андреевич – аспирант 1 курса НИУ ВШЭ, стажер-исследователь Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: ilja-vaskin@yandex.ru.

Гринберг Руслан Семенович. Научный руководитель Института экономики РАН, вице-президент ВЭО России, вице-президент и академик Международной академии менеджмента, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор. E-mail: grinberg@inecon.ru.

Гринин Антон Леонидович. Кандидат биологических наук, главный научный сотрудник Международного центра образования и социально-гуманитарных исследований. Автор монографий: *От рубил до нанороботов. История технологий и описание их будущего* (М.: Учитель, 2015; совместно с Л. Е. Грининым), *The Cybernetic Revolution and the Forthcoming Epoch of Self-Regulating Systems* (М.: Учитель, 2016, совместно с Л. Е. Грининым). E-mail: algrinin@gmail.com.

Гринин Леонид Ефимович – главный научный сотрудник Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; заместитель директора Евро-азиатского Центра мегаистории и системного прогнозирования, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, соредатор международных журналов *Social Evolution & History* и *Journal of Globalization Studies*, шеф-редактор журналов *Век глобализации* и *Историческая психология и социология истории*. Автор более 500 научных работ по философии, социологии, истории, антропологии, политологии, эволюционистике, экономике, в том числе более 30 монографий, среди которых: *Государство и исторический процесс* (2-е изд. М.: URSS, 2009–2011), *Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы* (М.: URSS, 2009; совместно с А. В. Коротаевым), *Глобальный кризис в ретроспективе* (М.: URSS, 2009; совместно с А. В. Коротаевым), *Macrohistory and Globalization* (Volgograd: Uchitel, 2011), *От Конфуция до Кон-*

та: становление теории, методологии и философии истории (М.: ЛИБРОКОМ, 2012), *Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2016; совместно с А. В. Коротаевым) *Macrohistory and Globalization* (Volgograd: Uchitel, 2012); *Great Divergence and Great Convergence* (New York: Springer, 2015; совместно с А. В. Коротаевым). E-mail: lgrinin@mail.ru. Интернет-сайт: www.socionauki.ru.

Замятнина Елена Сергеевна – стажер-исследователь Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: elena.zamiatnina@gmail.com.

Иванов Евгений Александрович – аспирант 1 курса НИУ ВШЭ, младший научный сотрудник Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: eaivanov_hse@mail.ru.

Исаев Леонид Маркович – кандидат политических наук, старший преподаватель департамента политической науки Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», заместитель заведующего Лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН. Автор и редактор более 80 научных трудов, включая монографии *Египетская смута XXI века* (М.: ЛИБРОКОМ/URSS, 2012; совместно с А. Р. Шишкиной), *Сирия и Йемен: неоконченные революции* (М.: ЛИБРОКОМ/URSS, 2012; совместно с А. Р. Шишкиной), *Арабский мир в цифровую эпоху: социальные медиа как форма политической активности* (М.: ЛИБРОКОМ/URSS, 2014; совместно с А. Р. Шишкиной), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны* (М.: ЛИБРОКОМ/URSS, 2013; ред., совместно с А. В. Коротаевым и А. Р. Шишкиной), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Центральная Азия: новые вызовы* (М.: ЛИБРОКОМ/URSS, 2013; ред., совместно с Б. А. Акаевой, А. В. Коротаевым и А. Р. Шишкиной). Область научных интересов: политические системы, политический процесс и политическая культура арабских стран, Лига арабских государств, исламская политическая философия. E-mail: isleonid@yandex.ru. Интернет-сайт: www.hse.ru/user/staff/issaev.

Кобзева Светлана Викторовна – кандидат политических наук, сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, исследователь в области комплексных исследований стратегических рисков (риски мирового развития, международные и региональные кризисы, интернет-угрозы), мониторинга социально-политического развития, глобальных и региональных конфликтов, переговоров и коммуникаций. Автор более 20 научных трудов, включая монографии: *Социально-инновационная среда государственных реформ. Диагностика, моделирование, оценка рисков* (М., 2008; совместно с Д. А. Халтуриной); *Противодействие распространению агрессивной информации: мировой опыт* (М.: URSS, 2009); *Законы истории. Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития* (М.: KRB/URSS, 2010; совместно с А. В. Коротаевым, Д. А. Халтуриной, А. С. Малковым, Ю. В. Божевольновым, Ю. В. Зинькиной). E-mail: Skobzeva@gmail.com.

Коротаев Андрей Витальевич – доктор философии (*Ph.D.*), доктор исторических наук, профессор, заведующий Лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Центра цивилизации

онных и региональных исследований Института Африки и Института востоковедения РАН, координатор проекта «Комплексный системный анализ и моделирование мировой динамики» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Экономика и социология науки и образования». Автор более 600 научных трудов, включая такие монографии, как *Ancient Yemen* (Oxford: Oxford University Press, 1995), *Pre-Islamic Yemen* (Wiesbaden: Harrassowitz, 1996), *Факторы социальной эволюции* (М.: ИВ РАН, 1997), *Социальная эволюция* (М.: Восточная литература, 2003), *Возникновение ислама* (М.: ОГИ, 2007; совместно с В. В. Клименко и Д. Б. Прусаковым), *Законы истории. Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография. Экономика. Культура* (М.: URSS, 2007; совместно с А. С. Малковым и Д. А. Халтуриной), *Макроэволюция в живой природе и обществе* (М.: URSS, 2008; совместно с Л. Е. Грининым и А. В. Марковым), *Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы* (М.: URSS, 2008; совместно с Л. Е. Грининым), *Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография. Экономика. Войны* (3-е изд. М.: ЛКИ/URSS, 2010; в соавторстве) и *Законы истории. Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития* (3-е изд., испр. и доп. М.: ЛКИ/URSS, 2010; в соавторстве). E-mail: akorotayev@gmail.com. Интернет-сайт: www.cliodynamics.ru.

Мальженков Сергей Владимирович – стажер-исследователь Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: servlamal@gmail.com.

Ходунов Александр Сергеевич – аспирант кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета. Автор и редактор около 10 научных работ, включая *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года* (М.: ЛКИ, 2012; ред., совместно с А. В. Коротаевым и Ю. В. Зинькиной). Область научных интересов: демографическая, социальная и экономическая динамика современного Ирана, других стран Ближнего и Среднего Востока, а также Балканского региона. E-mail: aleksandrkhodunov10@gmail.com.

Хохлова Алина Александровна – стажер-исследователь Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: khokhlova.alina@gmail.com.

Цирель Сергей Вадимович – доктор технических наук, главный научный сотрудник НЦ геомеханики и проблем горного производства Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: tsirel58@gmail.com.

Шишкина Алина Романовна – младший научный сотрудник Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Автор более 30 научных трудов, в том числе монографий *Египетская смута XXI века* (М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012; в соавторстве с Л. М. Исаевым), *Сирия и Йемен: неоконченные революции* (М.: ЛИБРОКОМ, 2012; в соавторстве с Л. М. Исаевым), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны* (М.: ЛЕНАНД, 2013; ред., совместно с А. В. Коротаевым и Л. М. Исаевым), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Центральная Азия: новые вызовы* (М.: ЛИБРОКОМ/URSS, 2013; ред., совместно с Б. А. Акаевой, А. В. Коротаевым и Л. М. Исаевым). Область научных интересов: права человека, демократический транзит, политические процессы в современном мире, социокультурное развитие. E-mail: alisa.shishkina@gmail.com.

Требования к оформлению материалов

К рассмотрению принимаются тексты в электронном виде (в формате *.doc) с учетом следующих требований: кегль 14, интервал 1,5. К тексту должны прилагаться: а) аннотация (резюме) размером 1000–1500 знаков, включая пробелы (или 150–250 слов); б) ключевые слова статьи.

Допустимые предельные объемы статей – 100 000 знаков, включая пробелы.

Допустимые предельные объемы рецензий и материалов конференций – 15 000 знаков, включая пробелы.

Ссылки на библиографические источники в тексте даются в скобках, включая фамилию одного (первого) или двух авторов, при отсутствии таковых следует указать первое слово названия книги и год издания: (Селигман и др. 2009; Домострой... 2008). При наличии прямой («закавыченной») цитаты следует указать также страницу (Ганнушкин 1964: 28).

Таблицы, графики, диаграммы и карты желательно предоставлять в черно-белом варианте. Если используются цветные графики, диаграммы или карты, следует проверить их качество путем распечатки на черно-белом принтере.

Список использованной библиографии приводится в конце статьи в алфавитном порядке и без нумерации в соответствии со следующими образцами:

Бжезинский З. 1999. *Великая шахматная доска.* М.: Международные отношения.

Кудрин А. 2009. Мировой финансовый кризис и его влияние на Россию. *Вопросы экономики* 1: 3–10.

Осипов Ю. М., Шургалина И. Н. (ред.). 1994. *Переходы и катастрофы: опыт социально-экономического развития.* М.: Изд-во МГУ.

Сказкин С. Д. 1940. Общая характеристика дипломатии и дипломатических органов в XVI–XVIII веках. *История дипломатии* / Ред. В. П. Потемкин и др. М.: ОГИЗ; Соцэкгиз. Т. 1. С. 171–185.

U.S. Bureau of the Census. 2017. World Population Information. URL: <http://www.census.gov/ipc/www/world.html> (дата обращения: 22.11.2017).

Ссылки на **интернет-публикации** рекомендуется приводить лишь в тех случаях, если источник не существует либо недоступен на бумажных носителях.

К рукописи прилагаются:

Ф. И. О. (полностью), ученая степень и звание, место работы; данные для связи с автором: почтовый и электронный адреса, а также авторская справка по следующему образцу:

Розов Николай Сергеевич, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск), профессор философского факультета Новосибирского государственного университета, профессор кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета. Научный редактор и составитель альманаха *Время мира*, серии коллективных монографий *Теоретическая история и макросоциология*. Автор более 250 научных работ по социальной философии, философии истории, теории ценностей, философии образования, макросоциологии, в том числе 7 монографий, таких как *Структура цивилизации и тенденции мирового развития* (1992), *Философия гуманитарного образования* (1993), *Ценности в проблемном мире* (1998), *Философия и теория истории* (2002), *Историческая макросоциология: методология и методы* (2009), *Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке* (2011). E-mail: prozov@nsu.ru. Интернет-сайт: <http://www.nsu.ru/filf/rozov/>.

Статьи и другие материалы для ежегодника просим присылать приложением на следующие адреса электронной почты: leonid.grinin@gmail.com, akorotayev@gmail.com